

Евгений
Елена
Ирина

КРАСНИЦКИЙ
КУЗНЕЦОВА
ГРАД

СОТНИК

Позиционные игры

Annotation

Возвращаясь из дальнего и очень непростого похода, Мишка Лисовин, конечно, понимал, что дома долго отдыхать не придется – княжья милость не подарок, а ярмо, которое повесили на него и всю сотню, но хоть на какой-то отдых он вправе был надеяться. Не срослось: дома его ждали такие подарки судьбы – хоть назад в поход беги.

Позиционная война – столь же кровавая и жестокая, как и любая другая, если не хуже: именно она планирует все будущие жертвы и защищает своих. Холопский бунт, вспыхнувший в Ратном в отсутствие сотни, стоил жизни многим односельчанам, и Корней, вместо торжественной встречи, приготовил внуку «подарочек» – расправу над отроками из Младшей стражи, чьи родители по глупости пошли за бунтовщиками. Отдать мальчишек на казнь – потерять всю Младшую стражу, не отдать – пойти на открытый бунт против воеводы и сотника. Едва-едва удалось, минуя Ратное, прорваться в крепость, а там свои сюрпризы посыпались, от соседа из-за болота.

И разбираться надо со всеми проблемами одновременно – и с дедом, и с теми ратнинцами, что не рады малолетнему выскочке, и с заболотными соседями, да и про княжки дела не забывать. Ни одну партию не отложишь и дополнительное время на раздумья не возьмешь. Вот и пришлось Ратникову вести игру на всех досках одновременно, причем извернуться надо так, чтобы и самому выиграть и чтобы партнёры по игре внакладе не остались.

-
- [Евгений Сергеевич Красницкий, Елена Анатольевна Кузнецова, Ирина Град](#)
 -
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
-

Евгений Сергеевич Красницкий, Елена Анатольевна Кузнецова, Ирина Град Сотник: Позиционные игры

Авторы сердечно благодарят за помощь и советы своих ридеров и консультантов: Дениса Варюшенкова, Юлию Высоцкую, Сергея Гильдермана, Лидию Иванову, Константина Литвиненко, Наталью Немцеву, Геннадия Николайца, Александра Панькова, Юрия Парфентьева, Павла Петрова, а также пользователей сайта <http://www.krasnickij.ru>: Дачник, Имир, иорданец, Лучик, Марья, Ульфхеднар, Andre, aspesivcev, deha29ru, itronixoid и многих, многих других.

© Евгений Красницкий, 2018

© Елена Кузнецова, 2018

© Ирина Град, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Часть первая

Глава 1

Ноябрь 1125 года

Дорога между Туровом и Михайловской крепостью

Как Илья исхитрился, непонятно, но обещание свое исполнил; со стороны глядя, умысел и не заподозришь. Произошло все само собой: телеги, сцепившиеся на самом въезде, пробкой закупорили ворота в Ратное, создавая затор, усугубленный скандалом, немедленно поднятым возчиками. Похоже, с мордобитием. А тут ещё небольшое стадо коров, свиней и прочих баранов, закупленное для семей артельщиков, почуяло близкое жилье, совершенно вышло из берегов и внесло свою лепту в происходящее. И уже не разобрать, по собственной ли инициативе взбесилась скотина или благодаря ловкости обозного старшины, но Илья озабоченно хлопотал в самом эпицентре этого безобразия и старательно имитировал бурную деятельность по наведению порядка в подведомственном ему хозяйстве.

Далее, в полном соответствии с теорией управляемого хаоса, все понеслось само собой по нарастающей под аккомпанемент криков, бабьего визга, ругани, мычания, блеяния и хрюканья. Мишка не на шутку обеспокоился, выдержит ли многострадальный ратнинский тын ещё и этот штурм, вдобавок к тем двум, что выпали на его долю за последние месяцы.

Впрочем, на этот раз селу ничего не угрожало: ну, может, чего там потопчут-поломают, но, надо надеяться, дед порядок быстро наведет, разве что по шее кому-нибудь перепадет стгоряча. Главное, чтобы Корней, когда поймет, что происходит и как его развел любимый внучек со товарищи, не плюнул на все и не рванул верхом через село к другим воротам, которые на мост выходят. Вот тогда уже беды не миновать – публичного неподчинения своему приказу воевода не спустит. А подчиниться этому приказу сотник Младшей стражи никак не сможет. Вот тогда – все. Открытый бунт. Такое только кровью потом смывать.

«Ну, сэр, теперь все исключительно от лорда Корнея зависит. Сможет и, главное, захочет он свой гонор унять или все-таки танком попрет? Одна надежда на Егора. Он, конечно, сотнику не указ, и если тому вождя под хвост залетит, удержать его не сможет, но десятник не хуже вас понимает, чем оно обернется, так что слова, надеюсь, найдет... Даже если сразу выложит деду главное про все наши дела грешные, уже хорошо. Лорд Корней, конечно, у нас жесткий приверженец

авторитарного стиля управления, то есть самодур на всю голову, но все-таки ключевое слово тут – управленец. Должен просчитывать последствия...

Должен-то должен, но пожелает ли?... Ладно, чего гадать, все сейчас и определится... Блин, что ж так медленно-то!! На тот берег перейдём, воевода следом не погонится, а так, как он задумал, уже не выйдет. Придется или разоружать нас, или воевать. Сотню поднимет? Нет, не рискнет...

Ну же! Чуть-чуть осталось... Черт побори твою в бога душу мать, давай же! Пронеси, Господи...»

Мишка с облегчением увидел, что на мост вступили последние двое отроков, и, мысленно перекрестившись, направил своего коня следом за ними. Только на въезде в лес ещё раз обернулся и перевел дух: свалка возле Ратного отсюда почти не просматривалась, да и успокаиваться там стали; деда или, не дай бог, вооруженных воинов тоже не наблюдалось, речные ворота стояли закрытые. Ну, значит, пронесло. Пока пронесло, а там разберемся...

– Илья совсем, что ли, сдурел? – подъехавший к брату Дёмка недовольно поморщился. – Представляю, что дядька Никифор деду выскажет... Всю дорогу ведь присматривался, как с обозом управляемся, а тут... А ты что, сам воеводе и не доложишь?

– Потом все, – мотнул головой Мишка. – Егор доложит. Сейчас нам в крепость надо спешить.

– Опять там нападения ждут? – Дёмка хмуро кивнул. – Ясно...

Мишка не стал разубеждать брата, но и не подтвердил его догадку кивком, оставляя себе хоть какую-то иллюзию, что не соврал – просто всей правды не сказал.

«А сказать придется, если только дед не одумается и не предпочтет сделать вид, что ничего не было. Хотя, сэр, вы на такой подарок судьбы никак рассчитывать не можете – не с вашим счастьем, как говорится. Да и не в самом Корнее дело: он уже так просто от своего слова отступить не сможет, даже если захочет. Алексей и его орлы знают – или их мочить теперь, или на своем настаивать. Но про это не сейчас, дома и в соответствии с ситуацией – после того, как станет ясно, что происходит, и на каком мы свете...»

И так пришлось Егора посвящать. Мишка, конечно, всего и ему не сказал, и сам десятник лишних вопросов не задавал, но что тот все понял, сомневаться не стоило, а вот ближникам придется объяснять подробно. Что

именно – дома решит. Он и сам пока знал только то, что Сенька, поджидавший Младшую стражу на Княжьем Погосте, передал ему на словах от матери.

«А ведь леди Анна про Алексея все понимает... Не может не понимать. Стало быть, она от своей последней и главной в жизни любви отказалась? Пожертвовала своим бабьим счастьем ради сына. Об этом Мишка Лисовин не задумался бы даже, а вы не можете не понимать и не оценить. Мать – она и тут мать. Или уже боярыня ради рода решала? Не важно – важно, что она свой выбор сделала...»

Налегке, без обоза, те десять верст, что оставались до крепости, миновали быстро. Погони не было, однако и испытывать судьбу Мишка не хотел, так что шли на рысях, сам он так и держался сзади, а потому выехал к переправе последний и...

Ратников не сразу понял, что происходит: отроки, хоть и продолжали держать строй и соблюдать привычный порядок, тем не менее сейчас производили впечатление не воинского подразделения на марше, а ошалевшей толпы. Мальчишки замерли в седлах, все как один уставившись куда-то в небо над крепостью. Роська, стянув шлем с головы, истово крестился с просветлевшим лицом святого мученика, внезапно узревшего знамение, и беззвучно шевелил губами, вероятно произнося соответствующую случаю молитву. Прежде чем недоумевающий боярич успел развеять этот морок привычной командой, к нему подлетел обалдевший не менее всех остальных, но несмотря на это не забывший про командира и свои обязанности Дмитрий:

– Минь, видишь?! Вон...

Все ещё ничего не понимающий Мишка проследил за рукой старшины Младшей стражи и сам едва не упал с седла. Правда, его обалдение оказалось немного другого рода, чем у всех остальных отроков, но легче от этого не стало: над крепостью в восходящих потоках воздуха парил самый настоящий воздушный змей! Тот самый, каких Ратников в детстве и сам немеряно запускал, ловя ветер. Ничего особенного в его конструкции не было: ромбовидный, с положенным хвостом из мочала и разноцветных тряпочек. Только что раскрашенный не драконами или самолетами, а с нарисованным на полотнище ликом Иисуса Христа, достаточно примитивным по исполнению, но хорошо различимым на солнце, несмотря на расстояние...

«Об-балдеть – не встать! Явление Христа народу, блин! Это кто ж у нас в Александры Ивановы записался?»

Мишка поймал себя на желании хорошенько треснуться обо что-

нибудь головой, чтобы привести разбегающиеся мысли в порядок. Он, конечно, в отличие от отроков, принявших этот взвившийся в небо лик то ли за божье чудо, то ли за какую чертовщину, в земном и вполне рукотворном происхождении данного явления не усомнился, но дела это не меняло. Кто здесь и сейчас мог запустить в небо змея, кроме его современника? Случайно забредший на огонек китаец?

«М-да, сэр, каждый уважающий себя попаданец должен изобрести самогонный аппарат, построить доменную печь и встретить китайца для обучения тонкому искусству дзюдо, дзю-после, познания дао любви, ну, и секрета изготовления фарфора до кучи. Штоб было.... Как там в анекдоте?.. Уже пятый монах Шаолиня, попадавшийся на пути, к сожалению, ничего не знал ни о кун-фу, ни о производстве фарфора, зато пытался впарить герою партию контрафактных мечей-кладенцов. Оптом со склада производителя...

Но даже если предположить, что этого китайца с какого-то бодуна сюда занесло, пока вы воевали, то лик Иисуса Христа – явно не шаолиньских ручек дело. И позвольте напомнить вам, сэр, что Китай далеко, а вот ваш, так сказать, коллега по цеху, рядом. Месье Журавль проснулся, проникся и политического убежища попросил?

Тьфу, опять какая-то хрень в голову лезет! Отроки сейчас в религиозный экстаз массово впадут, а тут дурью маешься! Вон, Роська уже с седла сползти пытается – не иначе, на колени грохнуться норовит, да и остальных клинит. Получите какую-нибудь секту Свидетелей Второго Вознесения на свою голову – будет вам тогда камасутра... И с вечера тоже».

– Отставить! Себя в порядок привести – рассупонились, как девки на сеновале! Поручик Василий! Приказа спешиться не было! Митька! Куда смотришь?! Я за тебя командовать буду? Видите, как нас встречают? – Мишка кивнул на парящий в небе стяг. – Сие чудо не просто так, оно нарочно для нас сделано. Молодцы! Кто-то рукодельный в крепости постарался, сообразил, как все устроить да запустить! Это полотнище, на тонких рейках натянутое и ветром подхваченное, называется змей воздушный. Во-он бечевка, которой им управляют с земли, видна... – он обвел взглядом отроков, оживающих после его слов. – Господь наш велик и всемогущ, и фокусы дешевые, как скоморох на торжище, не показывает, а потому запомните: считать все непонятное истинным – вот залог подлинной веры^[1]. И в чудесах она не нуждается. Лучшее чудо то, что мы сами создаем. Вот в ЭТОМ воля Господа и чудо Его!

Последнее Мишка сказал специально для Роськи, уж больно

расстроенная у того была физиономия. А для закрепления урока рявкнул:

– Смирррна! Старшина Младшей стражи, командуй!

«М-да, сэр, не романтик вы, ну вот не романтик, и все тут. Обломали весь кайф поручику. Впрочем, хорошо, что сейчас так вышло, а то уж больно легко оказалось развести его на чудо. Нет, он и впрямь только после вашего пояснения увидел и бечевку, и то, что образ рукотворный, на холсте намалеван, а ведь если бы так и осталось загадкой, потом бы искренне и с жаром всем доказывал, что в небе лик светился на облаке или что там ему почудилось-то? ПОВЕРИЛ. Потому что верит искренне и очень хочется ему чуда...»

Ратников ещё по прежней жизни не раз был свидетелем того, как искренняя жажда чуда напрочь лишала далеко не глупых людей способности здраво оценивать происходящее, словно искажала реальность в угоду их страстному желанию и вере, вписывая вещи обыденные и понятные в прокрустово ложе «чудесного». Так всяческие, не в меру расплодившиеся после перестройки, охотники за НЛО и барабашками «видели» их и даже общались с представителями внеземных цивилизаций и потустороннего мира. Страна массово «исцелялась» и «заряжала» воду перед экранами телевизоров, с которых таращились на них с умным видом целители всех мастей, люди за сумасшедшие деньги покупали всевозможные БАДы, иногда откровенно сомнительного качества – хорошо, если безвредные – и исцелялись! Верили, потому как хотели поверить.

Вот и политикам верили точно так же. И что рынок вдруг придет и всех спасет, и что если остановить заводы и разоружить армию, а в правительство посадить представителей чужого, откровенно враждебного государства и следовать их советам, страна с чего-то вдруг станет богатой, а все сразу счастливыми... А потом, когда вдруг выяснилось, что не станет, что иностранные специалисты заботятся прежде всего о благе собственного государства (а с какого бодуна им заботится о чужом, спрашивается?), что любое экономическое чудо есть всегда результат долгой напряженной работы и экономии на всем, так многие от морока очнулись и сами потом только что головой о стенку не колотились с досады – да как же нас так развели-то?

«Ведь вот оно все, невооруженным глазом различимо – и холст, и речки, и бечевка, которой этим «чудом» воздушным управляют, только включай критическое мышление и здравый смысл хотя бы на малые обороты! Пусть даже на долю секунды, а дальше оно, это мышление, своего не упустит. Так что хороший урок ребятам получился. Пусть

привыкают при виде любого непонятного прежде всего задействовать исследовательскую реакцию, а уже потом «Аллилуйя!» кричать. А лучше и вовсе промолчать...»

Впрочем, курс молодого бойца по «ловле птицы обломинго» для ближников Ратникову пришлось провести ещё в дороге. И тоже благодаря Роське...

* * *

– Минь, ты не сердись только... – в участливом взгляде, казалось, отразилось все христианское смирение и сострадание к ближнему, кои он только мог изобразить. – Я спросить хочу...

– Ты чего, Рось? – Мишка воззрился на своего крестника, озадаченный, чем вызваны эти гримасы, тем паче что поручик Василий уже давно поглядывал на него с задумчивой тревогой, ерзал и момент для своего вопроса выбрал такой, когда рядом никого не оказалось. И подозрительно мялся, выказывая при этом ранее несвойственное ему смущение.

– Все же хорошо получилось. Ты теперь княжий сотник и вообще... А ты словно и не рад вовсе...

Роська набрал воздуха, словно перед прыжком и выпалил:

– Из-за Юльки, да? Думаешь, не простит? Ну ведь тебе на ней все равно никак жениться нельзя! Может, это Знамение? Раз сам князь тебе жену нашел. Она тоже поймет, что тут у тебя и выбора не было, раз Бог форсмажор посылает...

– Че-го?!

Мишка едва не поперхнулся от такого пассажа, мучительно вспоминая, когда это его угораздило так непредусмотрительно просветить падкого на филологические новинки крестника в столь специфической терминологии, как юридическое понятие «форс-мажор», и каким таким кандибобером оно у того трансформировалось в Волю Божью.

– Ну, ты ж сам говорил, что бывают такие ...э-э... объективные обстоятельства непреодолимой силы, которые не зависят от нашей воли и из-за которых невозможно исполнять договорные обязательства. А это освобождает тех, кто заключил договор, от ответственности... – торопливо объяснил Роська, по-своему расценивший изумление своего сотника. – То есть Знамение Божье, что ж ещё? Чтобы соблазна не было. Просто тогда

тебе и сомневаться не надо, и перед Иулией вины твоей нет. Всевышний лучше нас разумеет, что нам всем во благо... – крестник вздохнул и сник. – Ну ты же сам говорил, что долг превыше всего почитать надобно... Вот я...

– Напомнить мне решил, что ли?

«Ну вот, сэр, первый пошел... В соответствии со сложившимся за последнее время стереотипом вам следует изобразить гнев и двинуть наглеца в ухо. Но лень – за день так намотался... И выбрал же поручик время! Хотя сами, сэр Майкл, виноваты – так до сих пор толком и не поговорили с ближниками.

Ясное дело: все отроки аж светятся, дай им волю – устроили бы чествования своего сотника и пир закатили. Ну да, как же – сам князь обласкал и возвысил. И не только вас – всю сотню в вашем лице признал не сопляками, кои у взрослых на подхвате, а воями... Вашу сотничью гривну они и своей наградой считают – и совершенно заслуженно, разумеется, считают. И Евдокию, кстати, тоже. Вот только не знают, что к ней в нагрузку прилагается, а вам пока что даже ближникам недосуг объяснить, да и двумя словами тут не отделаешься...»

До отъезда у него так и не нашлось времени собрать совет. И до пира княжьего казалось, что дел уже столько, что до нужника некогда добежать, а после него ещё навалилось. И сборы в дорогу, и необходимость срочно разобраться с пожалованным имением, и хоть как-то его застолбить. Место оказалось далековато от окольного города – все удобные близлежащие давно заняты посадом и огородами, – зато вполне подходило как раз своей обособленностью и выходом к реке, где можно собственную пристань соорудить. Конечно, стройку перед отъездом затевать смысла не имело, а дядюшка клятвенно обещал, что его люди обо всем, как о своем, позаботятся, про лес, надобный для работ, сговорятся, чтоб как раз за зиму привезли, закупят все иное потребное. Но хозяйский пригляд все равно требовался.

Кроме того, пришлось решать, что делать с подаренной князем ладьей: по воде она до Ратного уже не успеет дойти, не на санях же везти. Ее тоже пока что оставили в Турове, под присмотром Никифора, но перед этим сняли из оснастки все, что можно было. Дядюшке, а тем более Ходоку, Мишка таких подарков делать не собирался.

Да ещё выяснилось, что и без того немаленький обоз, который собрал в дорогу Никифор, увеличится чуть ли не втрое за счет семей строительной артели. Причем семьи эти состояли из баб с детьми и стариков со старухами – все мужи в артели. Даже отроки, чуть вошедшие в возраст,

постигали науку с отцами в подмастерьях. Так что за мужей управлялись мальцы чуть старше десяти лет. Пришлось Никифору своих возниц выделять им в помощь.

И купец Григорий – дядька спасенных весной сестер одного из купеческих отроков – с собой аж двое саней чем-то нагрузил. Но это понятно: купцы для своих сыновей гостинцы с ним передали. Да и ехал Григорий не один – с женой теткой Анфисой и родичем. На купчиху Мишка особого внимания пока не обращал – баба и баба, ничем особо к себе внимания не привлекала, но вот родич этот не то чтобы не понравился, но вызвал чувство, схожее с тем, которое испытываешь при внезапной встрече с сильным и опасным зверем в лесу. Вроде как и нападать ни он, ни ты не собираетесь, проще разойтись и друг другу не мешать, но опасность, исходящую от него, всем нутром чувствуешь.

Впрочем, дядька Путята держался в сторонке, не лез никуда, не выспрашивал, не выглядывал и вообще, как сказал Григорий, давно бы уже из Турова по своим делам уехал, да вот детей погибшего побратима за своих родных почитает, потому и не мог не повидаться с ними перед отъездом. Вроде бы по-людски, все понятно, но каждый раз, проезжая мимо него, Мишка чувствовал, как у него на загривке разве что шерсть не топорщилась. И Егоровы бойцы так же реагировали, он специально наблюдал.

Впрочем, гораздо сильнее, чем этот самый Путята, и Мишку, и десяток Егора сейчас занимал отец Меркурий – новый священник, который тоже ехал с обозом. Ибо этот поп, от которого за версту разило не столько благолепием и монастырским смирением, сколько походными кострами и казармой, вызывал у них чувства не менее сильные. И озабоченность уже вполне определенную. Путята-то, кем бы он там ни был, судя по всему, на их пути встретился случайно. И хотя упускать его из внимания не стоило, но скорее на всякий случай – авось и он когда для чего сгодится: задерживаться в крепости и вообще в Турове он как будто не собирался, а вот с отцом Меркурием дело теперь предстоит иметь постоянно. А тут уж к Нинее не ходи – этот кадр далеко не тишайший отец Михаил, который особо лезть в дела сотни воздерживался, да и в крепости не часто появлялся.

Все это и много чего ещё требовалось обдумать и оценить. Особенно на фоне того, как основательно вляпалась Младшая стража и ее сотник, а вместе с ними и вся ратнинская сотня в процесс международных отношений, которые, если верить тому, что Мишка помнил из истории, вот-

вот войдут в очередной переходный период, связанный с формированием нового мироустройства. Этот процесс, как ему и должно, будет сопровождаться цепочкой интенсивных региональных конфликтов и усилением конкуренции во всех сферах. А пресловутый инцидент на порогах, вероятно, есть первая ласточка грядущего передела геополитического пространства.

«Вот именно, сэр! Сами нечаянно вляпались в Большую Игру и сотню за собой потянули, так оцените для начала своё место в ней – весьма скромное, если не сказать больше, и свою линию – насколько она может соответствовать интересам вашим, а не чужого дяди.

...Создаёшь свою команду под решение всех этих тактических и стратегических задач, а сам так занят, так занят, что даже поговорить с пацанами некогда? Так с чего Роське в ухо дать вдруг захотелось?

Вам же нужны не исполнители нерассуждающие, а соратники, из которых вы собираетесь готовить управленцев высшего звена. Вот и извольте учить, потому как последствия феерического представления с князьями, пирами и сватовством к «принцессе» Дуньке им предстоит разгребать вместе с вами, сэр Майкл. Даже пешке интересно, в какое пекло ее сунут, а вам просто пешки не нужны.

А то, что Роська вот так сунулся... Ну так и хорошо, что спрашивает – хуже, если спрашивать перестанут».

– Ну и правильно, что напомнил, – усмехнулся Мишка, заметив растерянную мордашу крестника, уже, похоже, готового дать задний ход. – А вот про форсмажор ты неверно понял. Или я не так объяснил. Форсмажор – это не Воля Божия и не Знамение, а как раз то, что наступает, если этим знамением пренебречь. А потому допустить этого нам никак нельзя... Короче, на ближайшей стоянке собирай наших.

– Совет? – деловито поинтересовался Роська. – Тогда скажу Дмитрию, чтоб передовой разъезд заранее позаботился о кон-фи-де... денце... динци... – поручик было попытался выговорить трудное слово по слогам, сбился под насмешливым Мишкиным взглядом и со вздохом поправился: – Ну, чтоб не мешал никто в общем... Илью Фомича тоже звать?

– Не надо его дергать лишний раз, – покачал головой сотник. – И так у обозного старшины дел не разгрести, а мы с вами просто поговорим. Давно пора.

Лошадь – не человек, ей отдыхать надо. Когда-то, ещё в той жизни, Михаил Ратников, впервые услышав эту фразу, принял ее за шутку. И зря,

между прочим. Самая что ни на есть истинная правда оказалась. Нельзя лошадей гонять без отдыха – падут. Так что хочешь не хочешь, а приходится останавливаться, кормить-поить, давать передых. Потому гужевым транспортом, как ни спеши, а все равно не сильно быстрее, чем пешком, получится, особенно если скотину с собой гнать. Спасибо, снег лег ко времени и сразу мороз встал: санный путь – это все-таки не по грязи тащиться. Но все равно, глядя на то, какую жижу из мочи и навоза оставляют за собой путники, Мишка в очередной раз задумался о правдивости исторических свидетельств о тысячах татаро-монгольских орд, передвигающихся конно по замерзшим рекам. Даже одному человеку просто пописать на снежок – ямка в сугробе до грунта, а что остаётся после табуна лошадей, Мишка сейчас наблюдал собственными глазами.

Впрочем, хрен их знает, может, как-то и шли... Слава богу, ему повторять их подвиг пока что нужды не предвиделось – своего хватало. Во всяком случае, идти по реке ни у кого и мысли не возникло – лед ненадежен.

Зато нападения татей не опасались – это же надо совсем на голову дурными быть, чтобы дергаться на такую ораву, да ещё при сопровождении оружных. Ну, и мерами безопасности не пренебрегали и от обозных требовали соблюдения общей дисциплины. Не обошлось, разумеется, без незаметных посторонним трений: дядюшка сразу же попытался повернуть все дело по-своему. Матерый купчина привык сам распоряжаться своим обозом, вот сейчас ему и в голову не пришло, что может быть как-то иначе: обоз он поведет, а Мишка с Младшей стражей и Егоров десяток при нем охраной. А потому как бы невзначай во время ужина накануне отъезда заговорил с Мишкой как о само собой разумеющемся:

– Значит так, племяш, хоть ты и сотник, да караван я веду. Илье укажу, куда становиться с санями, а ты вот что... Как выйдем, ты один десяток вперед посылай. Пусть они место для первой стоянки присмотрят. Егор со своими сзади пойдет, а мне приставь пяток отроков пошустрее, да посообразительнее, чтоб завсегда рядом держались – мало ли какое поручение отдать потребуется.

Мишка, даже не взглянув на своих, почувствовал, как сразу напряглись сидевшие тут же ближники. Уж что именно мальчишки подумали, неизвестно, но слова купца им не понравились. Присутствовавший при этом боярин Федор даже бровью не повел, от миски не оторвался, но Ратников несколько не усомнился, что тот мимо ушей ничего не пропустил. Егор будто и не слышал разговора – его, мол, дело десятое, а уж его бойцы и подавно о чем-то своем переговаривались. Впрочем, и тут Мишка

отметил – уж больно невозмутимая физиономия у десятника, прям как у отца Феофана давеча на пиру. Илья завозился на своем месте, но тут же сделал вид, что только для того, чтобы плеснуть себе в кружку слабого, словно квас, пива. Пили сегодня умеренно.

«Ловок дядюшка! Но на Федора и Егора оглядывается. Уверен, что его поддержат? Интересно, он нарочно так устроил, чтобы вы сейчас при всех или его воле покорились, или принялись спорить как пацан? А вот хрен ты угадал, анкл Ник – командир должен быть один. И это не ты. Не конвой при обозе, а обоз под конвоем пойдет. Тут уж у нас консенсуса не получится – слишком дорого мне такие поддавки обойдутся».

А кроме этого соображения было и ещё одно: дядюшку следовало медленно, но верно приготовить к тому, что собирался с ним проделать Ратников – приучить к хомуту, чтобы выскользнуть из него он уже не смог. Не он будет Лисовинов для умножения своего состояния использовать, а Лисовины его состояние на достижение своих целей поставят. Не без выгоды для купца, само собой, и выгоды, которой многое окупится, но и так, что назад у дядюшки пути уже не останется.

Пока что Никифор, как любой начинающий олигарх, воображал, что купил сотню и сможет теперь ею вертеть по своему усмотрению. Его капитал для него превыше всего – сразу и цель, и средство и способ, а сотня – инструмент для его умножения и охраны. Потому и Мишкину Младшую стражу рассматривал всего лишь как конвой при караване. О том, что может быть наоборот и, главное, что непременно будет наоборот, он не догадывался.

«Рассуждая в терминах теории управления, точнее, её составной части – теории игр, дядюшка сам себя видит не НА доске, а ЗА ней – игроком, а не фигурой. Что его оценка в корне неверна, мы ему пока объяснять не станем, чтобы сам не догадался, пока до самого сидища крючок не заглотит, так, что вырвать его можно будет только вместе с жизненно важными органами. Пока что он может и назад попятиться, а если ему сейчас это сойдёт с рук, то он и в самом деле в игроки проскользнёт. Так что ваша задача, сэр, – легким пинком вернуть его обратно на доску, с которой он в мечтах уже воспарил, да ещё и поставить его в нужную позицию. Тягловым конем. И заставить ходить в нужном направлении. Нам нужно, а не ему, разумеется».

Первый шаг – заставить эту перемену ролей на уровне обоза и его охраны проглотить и не подавиться, неважно, под каким соусом, главное – готовить его следует постепенно и вдумчиво».

Когда-то, ещё ТАМ, Михаил Ратников то ли слышал, то ли прочитал,

что если лягушку бросить в кастрюлю с кипятком, то она обварится, но из кипятка выскочит живая, а вот если ее посадить в ту кастрюлю и воду под ней подогревать медленно, то она сварится, так и не поняв, что произошло. Вот и с дядюшкой надо было поступать аналогичным образом, чтобы к приезду в Ратное он притерпелся к процессу «подогрева» и выскочить уже не мог. Доваривать и приправлять, в основном солью и перцем, можно уже дома...

Мишка неспешно поднял глаза на родственника и с легким удивлением пожал плечами.

– Зачем же тебе себя в дороге трудить, дядька Никифор? Не могу я такого позволить, уж извини. Ты себе спокойно езжай, не волнуйся за обоз. Он и так идет под защитой Младшей стражи, командовать которой назначен княжий сотник. Справимся. Илья Фомич у нас старшина опытный, он хорошо походный порядок понимает. Ты только своим приказчикам вели его слушаться, чтоб не пришлось их принуждать лишний раз. Мы, конечно, принудим, но зачем? По-родственному-то лучше... – и, ласково улыбнувшись дядюшке, развёл руками. – А что вперед надо разъезд послать, так это ты правильно говоришь. Только у нас это воинским порядком и без того определено, да и не только это, и говорить ничего не придется: каждый десятник знает, чего ему в дороге делать, верно, господин десятник?

– Верно, сотник, – не моргнув глазом, кивнул Егор, будто только и ждал Мишкиного вопроса.

Почудилась при этом мелькнувшая у него в бороде ухмылка или нет, Мишка так и не понял, но вот то, что дядюшку начало слегка перекашивать, несмотря на скудное свечное освещение, заметили, кажется, все. Может, у купчины и был соблазн выругаться и, саданув кулаком по столу, настоять на своем, но неожиданно всю мизансцену поломал боярин Федор. Он с шумным хэком поднялся из-за стола, привлекая к себе всеобщее внимание, оглядел присутствующих, задержав внимательный взгляд на Мишке, покрутил головой и повернулся к Никифору.

– Ну что, дождался светлого дня, Никеша? Подрос помощничек-то. А ты как хотел? Дык воины ж, тудыть их... Ты к ним своих детей послал, а не они к тебе, никто тебя в спину не пихал... Так что отдыхай, пусть боярич караван ведет, раз такое дело. А мы посмотрим... Пошли лучше спать, а то вставать завтра чуть свет.

«Опаньки, вот и герр Теодор к процессу «подогрева лягушки» подключился... Красиво он его по резьбе довернул и в верном направлении.

Со смазкой про «пусть молодежь учится, а мы отдохнем», значит. И боярича припомнил к месту, политик. Свой облом с Катериной он анклу Нику не забудет, а посему этой «кулинарией» занимается с удвоенным удовольствием».

Вот таким образом и произошло перемещение Никифора из привычного для него разряда «Начальник экспедиции» в ранг пассажира VIP-телеги, за неимением мерседеса. Не сказать, что купцу это сильно понравилось, но особо и не насторожило. Утром он демонстративно держался в стороне от всех хлопот, беседуя о чем-то с Федором и подъехавшим к ним Григорием, а своему приказчику, отправлявшемуся в Ратное на замену покойному Спиридону, кивнул на Мишку:

– Сотник распоряжается. Ему под руку идешь, в Ратном Лисовины хозяева, привыкай...

И рывкнул, заметив на лице у того нарождающийся вопрос:

– Чего уставился? Племянника моего слушай, говорю! Он молодой, ему учиться надо, а мне и отдохнуть иной раз не грех... Пошел вон! – а обернувшись к Григорию, усмехнулся. – Я так решил: пусть племяш покажет, чему они там отроков учат, а мы с тобой в дороге присмотрим.

«Ну присмотри, дядюшка, присмотри... А мы мысль, нечаянно тобой высказанную, – что Лисовины главные – твоим обозным доведём. И не только им. Вон как Григорий прищурился – к сведению принял. Впрочем, как раз его такое положение дел должно устроить, ведь если и он захочет от сладкого куска откусить, то ему уже не с тобой договариваться надо, а с нами... А ведь захочет! По глазам вижу – непременно захочет!»

* * *

С удобством расположившись на потнике, брошенном на охапку лапника возле костра, загодя разведенного в стороне от остальной толпы, Мишка окинул взглядом собравшихся в круг своих ближников. Невольно вспомнился совет перед атакой на Пинск. Тогда он отметил, как возмужали и повзрослели его крестники за прошедшие несколько недель со времен их первого боевого похода за болото.

На войне детство кончается после первого боя и возраст считается иначе – не годами, а боями. Победами и поражениями. Вот и теперь Ратников присматривался к своим мальчишкам и сравнивал. Нельзя сказать, что в этот раз перемены в отроках оказались столь же разительны,

скорее сама обстановка изменилась.

Тогда они собрались на военный совет. И держались соответственно – позади у них была война и впереди тоже маячила война. И они сами тогда жили только войной, ибо стали уже неотъемлемой ее частью, потому и места ничему иному не оставалось. Сейчас они возвращались с этой войны победителями, а сами себе наверняка казались почти былинными героями.

Тогда они стояли на тропе войны. Теперь участие в войне закинуло их на доску Большой Игры, а победа закрепила на ней, и сойти с этой доски они уже не могут, разве что битой фигурой. Вот это они пока что не понимают, и их сотнику ещё предстоит вдолбить в них это понимание, как и то, что даже на пешку в Большой Игре мы пока никак не тянем, разве что на фишку.

«Если уж довелось победить, то есть выжить на первых же ходах, то и плодами этой победы надо распорядиться правильно. В начале партии о победе речи вообще быть не может: не получили детский мат, и слава богу. Теперь главная задача – поставить фишку на доске так, чтоб не сожрали те, кто пожелает попробовать вас на зуб следующим ходом. Вот над вашей позицией, сэр, и надо подумать, потому что зубы заинтересованных лиц уже клацнули.

Теперь назвать нас сопляками, пожалуй, мало у кого язык повернется. Добыча и слава достались такие, что и взрослым воинам могут показаться немыслимой удачей. Ключевое слово здесь «показаться»... И для всех остальных так оно и должно остаться.

А вот ближникам своим вы сейчас это счастье поломаете, хотя о чем-то они уже догадываются. Судя по физиономиям, все они о цели предстоящего разговора прекрасно осведомлены, наверняка сами же и послали Роську с расспросами.

Ничего удивительного – дураков среди них нет. Мальчишки, конечно, но мальчишки, которых жизнь уже по своим жерновам старательно и со вкусом потаскала, да и вы сами с лордом Корнеем постарались из них тщательно вытряхнуть наивняк, который ТАМ у иных сохраняется чуть ли не до седых волос. Не могли они не задаться теми же вопросами, что и поручик Василий. И, следовательно, между собой что-то уже обсуждали; то-то эйфории на лицах не наблюдается – скорее невысказанные и глубоко запрятанные страхи.

Вот и надо их заставить эти страхи проговорить вслух, конкретизировать и локализовать, показать, что это не страшилка, не препятствие даже, а вполне решаемые трудности, закономерно возникающие при любом развитии событий в процессе управления чем-то,

отличным от телеги с навозом. Да и у телеги на дороге время от времени падаются колдобины да ухабы.

...Эх, жаль, шахмат с собой нет, с ними нагляднее получилось бы...»

– С шахматами вы все, господа Совет, более-менее знакомы.

– Ага! – хором, как в былые времена ответили Кузька с Дёмкой, Дмитрий им поддакнул, а остальные только кивнули.

«Спасибо покойному отцу Михаилу – и сам любил эту игру, и охотно учил всех, кто проявлял хоть малейшую заинтересованность. Не у всех получалось, но азы он всем вложил прочно... Вот и воспользуемся».

– Все вы не раз играли, и что такое доска и фигуры, вам объяснять не надо. А попробуйте представить себе игровую доску размером с Ратное или Погорынье.

– Или княжество... – пробормотал себе под нос Дёмка.

– Или княжество, – согласился Мишка. – Только вот на такой доске люди не в игрушки играют, а Играют. Всерьёз. Насмерть. Мы с вами только-только из одной игры вышли, но тут же вляпались в другую.

– Ты про что, Минь? – негромко спросил Дмитрий. – Про наш поход?

– И про него тоже, Мить. Война ведь тоже игра, но на ней хотя бы всё понятно. Вот тут свои, светлые фигуры, там – враги, чёрные. Слон топчет пешек, конь атакует слона, а ладья убивает ферзя...

– Ну, наша ладья князя как раз вывезла...

– Ладья-то вывезла, но получилось, что пешка поставила шах королю, а он в ответ *вынужден* был сделать свой ход. Если пешка встанет на правильную клетку, то король сделает именно тот ход, который нужен. Сам сделает. А если пешка встала глупо, то король сделает тот ход, который выгоден ему самому. И тогда может случиться, что пешка не встала, а подставилась. Умный король пользуется не только своими, но и чужими фигурами. При этом никто никого не убивает и даже, может быть, не угрожает. Но игра продолжается, а война *уже идет*. Позиционная война. Она всегда начинается перед большой кровью, но не всегда ею заканчивается. Все зависит от позиции, которую удастся занять.

– Отец Михаил говорил, иногда, чтобы выиграть позицию, жертвуют пешкой... – задумчиво вставил Дёмка.

– И планы той пешки при этом не волнуют никого, – мрачно отозвался Мотька.

– Ага. Что бы какая фигура про себя при этом ни думала. Взять хотя бы моего дядюшку, купца Никифора, – хмыкнул Мишка.

– А он-то тут при чём? – удивился Кузька.

– Ну как же! Он-то считает, что сорвал огромный куш, бросившись за нами вдогон и договорившись с князем Всеволодом: дескать, ладья догнала ферзя и стрясла с него добра доверху. А что ладья эта, хоть и тяжело грузённая, находится в позиции слабей пешки этого он пока ещё не понял.

– А почему слабей пешки, Минь?

– А ты вспомни ужин накануне выезда из Турова – что дядюшка нам вещал и с чем остался. Если переложить тот разговор на язык шахмат, то получалось, что он занял свободную линию и только было разбежался, как с одной стороны его путь перекрыл сильно резвый конь, а с другой грузно плюхнулась нехилая ладья. Ну и чего у него теперь с позицией? – риторически спросил Мишка своих ближников. – И это мы ещё до Ратного не добрались, а там его аж целая сотня борзых коней поджидает, во главе с нехилым слоном-воеводой. Спрашивается, куда и насколько свободно из такой позиции Никифор ходить сможет?

– А мы кто? Кони? – поинтересовался Роська.

– Смотря для кого, Рось. Для воеводы Погорынского мы, пожалуй, пешки, а вот для князей пока и на мелкие фигуры не тянем. Так, фишки разменные... Пешек из нас только собрались делать, и пока непонятно, проходных или жертвенных.

– Что, все так плохо? И дорого княжья милость нам обойдется? – откинув в сторону непослушную прядь волос, Демьян хмуро посмотрел на брата, но в голосе его, несмотря на привычную угрюмость, отчетливо слышалось сочувствие, смешанное с надеждой, что Мишка сейчас развеет хотя бы самые худшие его опасения.

Ответить Мишка не успел, его опередил Митька.

– С кем воюем, Минь? – голос крестника звучал спокойно и деловито.

Похоже, Дмитрий уже все для себя решил, и ему не хватало только приказа, чтобы козырнуть, щелкнуть каблуками и отправиться выполнять распоряжение – готовиться к следующему походу. Да и остальные, как отметил про себя Мишка, при этих словах выдохнули: воевать им было привычно и понятно. Не с глупым щенячьим задором встрепелулись в ожидании драки – выветрился из них задор за этот поход окончательно и необратимо, но с уверенностью молодых воинов, которые иной судьбы себе уже не желали. И, прекрасно все понимая, ее не страшились, а напротив, считали единственно для себя возможной.

Один только Мотька хмуро и безучастно рассматривал что-то перед собой.

– Навоюемся, Мить, – Мишка, оторвав взгляд от Мотьки, серьезно посмотрел на Дмитрия. – Это не задержится.

– Так с кем воевать собираешься? – Мотька, похоже, только и ждал, когда сотник отвернется от него, чтобы наконец заговорить. То, что прозвучало в его голосе, Мишке не понравилось. Впрочем, и у остальных слова лекаря понимания не нашли. И опять первым вскинулся Дёмка:

– А ты? – Кого другого Демьян придавил бы одним взглядом, но у Матвея самого из глаз разве что искры не сыпались. – Ты что, не собираешься? Лекарь... – последнее слово Дёмка почти выплюнул, как оскорбление, но Матюха среагировал на него совершенно неожиданно:

– Если бы... Говна пекарь! Какого я, осла иерихонского, лекарь! Так, недоучка... А у нас калеченных только под Пинском сколько? Не считали? И я не считал, потому как не знаю, сколько их живыми до дома довезут! И сколько там ещё... – он хмуро оглядел всех и снова перевел взгляд на Дёмку. – А кто их выхаживать будет? Кто вам задницы драные штопать станет? Дунька эта малахольная? Юлька уйдет...

– Ах ты, сука!...

Демьян, с лицом, перекошенным как от внезапно дернувшего больного зуба, рванулся к Матвею, но на него с двух сторон навалились Митька с Кузькой.

«А ведь Дёмка-то из-за Юльки вскинулся! На вас, сэр, он и помыслить не может, а на Мотьку сорвался. За то, что тот его боль и страх сейчас вслух выговорил и тем самым сделал необратимыми».

– Отставить!

Успевший вскочить с места и готовый к драке Матюха замер на месте. Дёмка замычал что-то невнятное, но тоже перестал дергаться. Привычка к дисциплине сделала свое дело, и более суровых воспитательных мер не потребовалось. Мишка холодно посмотрел на Матвея.

– Сядь. И этого отпустите, – кивнул он мальчишкам. – Нашли время...

Дождавшись, пока Матвей опустился на место, а Демьян проплевался от попавшей в рот шерсти тулупчика, в который его со всего маха ткнули лицом, Мишка потянулся к кувшину с квасом, заботливо поставленному верным Антохой вместе с иной снедью на расстеленном вместо стола потнике.

– Налейте ему, – Мишка передал кувшин Кузьке, – а то завтра с утра войлок из задницы выковыривать придется...

Кузька, принимая посудину, только кивнул, даже не усмехнувшись шутке, да и все остальные смотрели серьезно: подчеркнутое спокойствие сотника, похоже, подействовало на отроков сильнее, чем любой крик и ругань.

– Кто лечить будет, говоришь? – Мишка обращался к Мотьке, но

смотрел на Демьяна. – Ты и будешь. Если Юлька уйдет – значит, судьба. Или не судьба... Молчать! – Дёмка, порывавшийся что-то сказать, поспешно захлопнул рот. – Я сказал – уйдет, значит, так тому и быть. У нас свой долг – у нее свой, лекарский. И она ему не менее нашего предана. Так что ей и решать, чего от нее ее стезя потребует, и не нам про это судить. Настена тебя и дальше учить будет – она баба разумная, капризам воли не даст и больных не бросит. А нет, так в Туров к отцу Ананию поедешь. Эти проблемы решать будем по мере их поступления – в рабочем порядке. И да... Чтобы про Дуньку я не слышал больше – она боярышня Евдокия, – Мишка усмехнулся уголком рта. – Будущая боярыня Лисовинова.

– Князь-то точно не откажется? – прищурился Кузька. – Мало ли что там говорено, а пока сватовства не было... Или уже все решено?

Он задумчиво закусил соломинку и вдруг протянул:

– Ну да... надо же князю Всеволоду чем-то свой сговор с ляхами прикрыть, а так оно красиво получается: мы, выходит, не в полон его взяли, а тебе невесту добыли. Мономашичи сотничьей гривной нам окончательно рты заткнули...

Кузька невесело усмехнулся и констатировал:

– Получается, Всеволоду, чтоб от других князей прикрыться, срочно пешка понадобилась. Вот он и сварганил ее по-быстрому, из попавшейся под руку шустрой фишки. Выходит, теперь ему прямой резон ту пешку при первой же okazji под бой подставить.

«Опаньки, сэр, приехали... Признайтесь, не ожидали вы такого пассажира от Кузьмы Лавровича? Скорее уж от Дёмки. Ну-ну, выросли ребятки. И то, что Кузька думать начинает – уже хорошо. Хотя и не совсем правильный вывод сделал, но, тем не менее, самостоятельный.

Вот только где это он такого нигилизма успел нахвататься? Надо думать, сказывается близкое знакомство с княжским семейством на ладье. В том, что князья сделаны из того же теста, что и все прочие, и ничто человеческое им не чуждо, они своими глазами убедились, отсюда и некоторое разочарование. Они-то их считали выше обычных смертных – уж больно князья далеки и выглядят неприступными, когда за ними с галерки наблюдаешь. Этакie небожители... А оказалось, что и они тоже какают... и далеко не бабочками.

А у Кузьки сейчас ещё и переходный возраст, со всеми его прелестями, о себе знать дает. Цинизм у братца должен символизировать богатый жизненный опыт, надо полагать? У Дёмки-то с его вечным брюзжанием то же самое, в сущности, просто раньше проявилось. Да и остальные не слишком шокированы откровениями Кузьмы. Что ж, добро пожаловать в

реальный мир, господа.

Главное теперь – не дать им в другую крайность удариться, а то сочтут, что князя можно мерить по тем же меркам, что и соседского дядьку, тем более – судить о его словах и поступках. Чревато. Ещё чреватей – судить о мотивах князя по его собственным словам и поступкам».

– Ну, кто что скажет? – Мишка оглядел ближников. – Ведь думали уже об этом, верно?

– Не мог князь Вячеслав так решить! – упрямо мотнул головой Дмитрий, правда, в его глазах таилась не уверенность в своих словах, а скорее надежда, что Мишка разрешит его сомнения. – Не мог... слишком уж это... Да и князь Городненский тоже. И если решили Ду... боярышню Евдокию за Миньку отдать, так всяко не из-за того, чтоб откупиться! И гривна сотничья – не цацка бабья, чтоб ей вот так... – разгорячился Дмитрий. – Значит, обдумали все. Да и кто мы такие, чтоб князя перед нами распинались – просто бы велели сотнику своим щенкам рот заткнуть и все. Не верю!

«Ловите момент, сэр. Концепции они вам уже выдают, ваше дело – правильно их соотнести с реальностью Игры».

– Нет, Мить, не стали бы князя от нас откупаться. Евдокия, если приложить к правилам игры, – это та клетка, которая делает фишку фигурой. Пока лишь пешкой. Это дядька Никифор может создать пешку и тут же ее угробить, за копеечную по сути прибыль. Разумный князь так не поступит, ибо это разрушение правил собственной игры. Фигуру создают для того, чтобы ее использовать. Это дорого – создать фигуру. Создать, прикрыть, дать сделать первый ход, расчистить клетку, поставить на нее, проследить за первыми ходами... Даже если он ее сдаст, то жертва должна окупиться...

– Дядька Никифор возле князя на ладье все время вертелся, наверняка про сватовство ему и нашептал... – Артемий задумчиво пожал плечами. – То-то боярин Федор не шибко этому радовался. Он и посейчас злой.

– Боярин понятно почему злой, – буркнул Дёмка. – Он свою Катерину за Миньку хотел выдать, давно все сговорено, а теперь поперек князя дед разве пойдет?

– И священника нам в Ратное вместо отца Михаила вон как быстро нашли, – неожиданно выдал Мотька. Неожиданно, потому как Мишка ожидал, что про отца Меркурия первым вспомнит Роська.

Впрочем, поручик Василий тут же согласно закивал:

– Ага, мы в монастыре слышали разговоры, там многие этому удивлялись... Ну, не хватает же священников, а тут сразу решилось. Стало быть, наш приход в епархии числится не последним – то есть клетка наша важная? И не абы кого к нам посылают: отец Меркурий сюда из самого Царьграда прибыл, с отцом Илларионом давно знаком. Говорят, тот сам его вызвал себе в помощь. Греков ученых и в самом Турове не много, думали, он там и останется при епархии, а его к нам, в глушь отправили.

– А с чего ты взял, что он ученый? – опять влез Кузька. – Дядька Савелий сказал – ратник он, только что в рясе. И правда, на воина больше похож, чем на монаха.

– Ну так ноги у него нет, может, после ранения и пошел в монахи, – Мотька рассудительно пожал плечами. – Он с нами в монастыре разговаривал... Точно, ученый. Хотя на отца Михаила покойного вовсе не похож.

«Блин, вот только ещё одной тёмной лошадки нам сейчас не хватало! Ладно, не о нём сейчас речь, это успеется».

– Так где же тебе такого второго взять? – Роська со вздохом перекрестился. – Таких, как отец Михаил, Царствие ему небесное, и во всем свете нету больше, наверное! И в монастыре про него то же говорили: истинно был святой человек. Такие в сотню лет один нарождаются, небось... Не иначе, он за нас и попросил Там Спасителя... – Роська снова перекрестился, теперь истово. – Вот нам удача и пошла в этом походе – ведь чудом же только... И князя пленили, и княгиню вызволили, и князь потому нам благоволил! С нами Бог, истинно! Да, Минь?

– Истинно, Рось, – кивнул Мишка. – Только с Божьей помощью и выкарабкались. На этот раз.

– Так, значит, Кузька прав? – Митька хмуро взглянул на своего сотника, словно ждал приговора. – Князя нас, как детей малых...

– Нет, Мить, не прав, – Мишка неспешно налил себе кваса. – Не стали бы князя от нас откупаться. И ты верно сказал: гривна – не разменная монета на торгу. И не награда это, а признание, что мы, Младшая стража, можем оказаться полезными князю в их княжеских играх. Но не думайте, что одной только доблестью мы себе такое признание добыли. То, что мы князя пленили и княгиню выручили, одно дело. Но всяко могло обернуться, если бы нас сочли опасными. Или неуправляемыми.

– Опасными? – Дёмка недоверчиво повертел головой. – И чем же это мы можем быть князю опасны? – он зло усмехнулся. – При нужде раздавит и не заметит...

– Не силой, конечно, опасными, а клеткой, на которую можем встать.

– В том-то и дело! – Дмитрий досадливо поморщился. – Против взрослых воев в бою мы не сила. И погибло у нас много, прав Матвей. Хорошо, в Турове отроков у Свояты забрали, – он коротко улыбнулся. – Я на днях говорил с ними – они от радости, что так повезло, не знают, каким святым молитвы возносить. Стараются... Но ведь их мало, да и учить их ещё и учить.

– Будет нам пополнение, – Мишка кивнул Дмитрию. – Отец Феофан обещал сирот собирать и нам присылать. Ляхи много весей разорили, бродяжки зимой в Туров потянутся непременно, монастыри всех накормить и приютить не в состоянии. А учить... Учить всех придется, и нам самим учиться тоже. Опыт в этом походе мы получили немалый, и если из него верные выводы сделаем, то в следующих потеряем уже меньше. Недаром говорят, что наука воевать кровью пишется.

Теперь князь... Он прекрасно понимает, что мы ещё в полную силу не вошли, но мы ему показали, что польза с нас уже сейчас есть. И это пока что наше главное достижение. Нас же в Турове проверяли все, кому не лень, со всех сторон рассматривали. Прикидывали, что за фигура объявилась и нужна ли она им на этом месте, кем и для чего поставлена.

– Тоже мне, купцы на торгу! – скривился Дёмка.

– Именно, Дём! А мы все – товар! Вы что же думаете, от нечего делать перед выходом в город дядька Арсений у отроков даже уши проверял – чистые ли? А друг его, Бояша, от встречи расчувствовался да по доброте душевной повел всю ораву в корчму, кормить-поить? Неет, на нас смотрели и оценивали. Разные люди – и на торгу, и в корчме, да везде, где появлялся хоть один из нас! И все это потом на весы легло и свое дело сделало. Так что мы свои головы сохранили и гривну заработали не только и не столько доблестью в бою, а если совсем честно, так и вовсе не доблестью.

Бой – что, прошел и все. Услуга, которую уже оказали, ничего не стоит, ценна только та, которую с нас можно получить в будущем. Так что для нас ничего не окончилось – все только начинается. Нас поставили держать позицию, и мы её удержали. Потому и домой сейчас едем, а не в порубе гниём. А гривна моя, и Дунь... боярышня Евдокия – не награда, а поводок, на котором собак водят. Ну так и поводок для пса – награда: дурных и непригодных к службе забивают...

– Значит, как ни воюй, а все одно у князя почета не сыскать! – зло сплюнул Дёмка. – Голову бы сберечь – уже за счастье.

– Возле князей – возле смерти. Или не знал? Не нами придумано.

– И чего от нас хотят? – криво усмехнулся Кузька.

– А вот это, господа совет, и есть главный вопрос... – Мишка обвел

взглядом своих посерьезневших ближников, – и ответ на него нам теперь постоянно придется искать. Чего от нас хотят – на самом деле, а не то, о чем говорят вслух? Как нам извернуться, чтобы и князя не разочаровать, и свою голову на плечах сохранить? Да ещё и позицию получше занять, со всем, что к ней причитается. Кто до чего додумался?

– Да какая там позиция, голову бы удержать! – сплюнул Мотька.

– Нет, воюют не за голову, даже за свою собственную. Воюют либо за ресурс, либо за позицию. Пешку на правильной позиции без ущерба для себя не всякий ферзь скovyрнуть сумеет. Если ты силён, то ходи и бей. Но если слаб, то ищи позицию.

Артемий будто только и ждал вопроса:

– Я так прикинул, Минь, князю именно то и глянулось, что мы не как все воюем. Латная конница, конечно, сила, но латная дружина у него и своя есть. А вот, как мы, дружинники не сумеют. И самострелов наших не знают. А то, как мы княгиню освобождали, даже дядька Егор оценил – сказал, никогда подобного не видел... Князю же это наверняка доложили. Вот я и думаю – теперь именно такие дела нам князь поручать и будет. Раз никто, кроме нас, не умеет. Так?

Мишка изобразил взглядом заинтересованность, поощряя Артемия к дальнейшим рассуждениям.

– А потому нам надо и дальше такому же учиться, чтобы лицом в грязь не ударить и доверие оправдать. И ещё можно всякое... Хотя бы побродяжками прикинуться: кто не знает, и не подумает на отроков, что вои. Или вон скоморохами. А самострелы в поклаже припрятать, мол, это у нас инструменты, а как рассядутся слушать, так...

«Вот они, вечные ценности, в смысле, банальные штампы, в полный рост. Эх, жаль, Голливуда нет, тебя бы туда сценаристом – с руками бы оторвали...»

Судя по выражению лиц ближников, остальные фантазий Артюхиной артистической натуры не разделяли. Первым не выдержал Дёмка, как самый прагматичный.

– Чего мелешь-то? Как ты самострелы спрячешь? Под гусли, что ли, раскрасишь? Найдут в поклаже – порубят, и выхватить не успеешь. И вообще, невместно воинам в скоморохов переодеваться – воевода не позволит. И прочие ратники таких ни во что ставить не будут. А князь и подавно... – скривился он. – Да и зачем это ему понадобится? Опять княгиню освобождать, что ли?

«ТЬфу-тьфу-тьфу... И первый-то раз лишним был».

– Почему обязательно княгиню? – Артемий, похоже, никак не хотел

отказываться от своей «гениальной» идеи – стать отрядом специального назначения с переодевашками при княжеской ставке, даром, что понятия такого не знает. – Ещё много чего случиться может... Непредвиденного.

– Чего, например? – поддержал Дёмку Димка.

– Да мало ли чего! – Артемий почесал в затылке. – Всякое. Вон, что княгиню похитят, тоже никто не ждал, однако случилось. И если бы не мы, неведомо чем закончилось бы.

– Тогда нам не в скоморохи надо, а всем у дядьки Стерва учиться, как разведчики.

Дёмка хоть и раскритиковал Артюхину фантазию, но сама идея ему, по-видимому, показалась разумной, во всяком случае, он продолжил развивать тему:

– И такие же одёжки лешачьи, как у них, на всех пошить. А самострелы не под гусли, а под такие же пятна зеленые раскрасить и на них махрушки разные налепить. И научиться всякому, как дядька Егор рассказывал, некоторые вои умеют – ночью видеть, под водой с соломинкой сидеть. Если подкрасться незаметно надо – одёжу и оружие в мешки кожаные непромокаемые сложить, и под водой. А в нужный момент выскочить, когда не ждут. А ещё с Прошкой поговорить, может ли он так собак выучить, чтоб они по команде тихо подкрадывались и сзади кидались по приказу...

«Тушите свет, сушите весла... Остапов понесло!»

– Погоди, Артюха, – тормознул полёт фантазии Мишка. – Всё, что ты нам сейчас вывалил – это ходы фигуры. Самостоятельные. А ходы нам пока недоступны, нам бы пока научиться стоять и держаться.

– Будет вам ерунду-то нести, не о том говорите! – отмахнулся от него Роська. – Вот что хотите со мной делайте, но не верю я, что наша доблесть так князя поразила. Он бы тогда при себе нас держал.

– Нет, князь так думать вообще не может! – возмутился Димка.

– Много ты знаешь, как князь думает! – вскинулся в ответ Артюха, но Дмитрия с мысли не сбил.

– Как он думает, я не знаю, – решительно тряхнул головой старшина. – Но вот так – точно не будет. Так думать может Корней Агеич. И то, не боярин Лисовин, а сотник, когда к бою готовится. Он думает, как десятки в бою использовать да кого куда поставить способнее, чтобы они больше пользы принесли, – лучников дядьки Луки, мечников, нас, Младшую стражу. А князь... Не так, и все!

Димка подумал ещё и добавил:

– Ну вон, когда я к Кузьме в кузню иду и прошу его самострел сделать

или там кольчугу починить, я же не говорю ему, кого из помощников горн раздуть поставить, а кого – кольца клепать или ещё что. Мне от него оружие надобно получить. Так и тут...

– Но если мне кто знающий по железу потребуется для чего-то, а его помощника я отметил, как рукодельного, так я его у Кузьмы и уведу, – возразил Дёмка. – Или вон, боярин Корней велит – и заберет в Ратное, в кузню.

– А это мы посмотрим! – взвился Кузька, как будто брат и впрямь покушался на его помощников. – Уведет он! А дед и не станет. Да и зачем ему мои обалдуи сдались? Будто отец себе помощников в Ратном не сыщет при нужде... – он задумчиво почесал за ухом. – Вот и князь... Не вяжется тут что-то. Верно Митька говорит: мы для него сопляки ещё и против взрослых ратников – никто... Что мои бездельники против хоть бы и подмастерья туровского, но хорошо обученного – я там по торгу походил, видел, что они умеют, мне ещё учиться и учиться до того мастерства. Даже батя не все сможет повторить...

– Так я и говорю... – Артюха попытался было опять спорить, но Мишка остановил его движением руки и с интересом поглядел на Кузьку:

– Продолжай.

Тот замялся, прикидывая про себя, как точнее выразить свои мысли, и решительно рубанул воздух рукой:

– Если бы князь решил, что от нас какой-то толк со временем выйдет, или мы при нужде и сейчас в походе на что сгодимся, то он по-другому все сделал бы. Он бы милость свою оказал, конечно, одарил чем-нибудь, но скорее через деда. А так, как тебя, и не всякого бывалого сотника награждают. И гривна, и земля под усадьбу. Так? Значит, именно мы, такие как есть, хоть ещё и не воины, а ему надобны... И вопрос – зачем мы ему такие? И не только князю Вячеславу – князю Городненскому тоже. Хоть мы его и пленили, и людей его побили, а он вон Евдокию за Миньку сватает, да так, что и отказаться никак нельзя. Хоть и не княжна, но ему она, как дочь, значит, и приданое за ней хорошее даст. Ему, выходит, тоже от нас чего-то надобно? Минь, уже известно, что за Евдокией дают?

– Землю, Кузя. И боярство, коли эту землю удержим.

– Коли удержим? – переспросил Дмитрий. – И где же та земля?

– Далеко. На порогах, что за Городно.

От такой новости мальчишки моментально напряглись – смысл сказанного до них дошел сразу.

– У ятвягов?

– Да. У тех татей, что вместе с ляхами пришли...

– Значит, не мог ты отказаться, Минь, – Дмитрий не спрашивал, а отвечал на свои мысли. – Никак не мог. Иначе всем бы тогда головы не сносить.

– И так, похоже, не сносить, – хмуро констатировал Дёмка. – Поляжем мы там. С ятвягами воевать – не татей единожды из схрона выманить... Вот тебе и княжья милость! И ведь сами полезли... Надо было исполнять, что воеводой велено, а мы, дураки, обрадовались – князя пленили! Знали же, что Всеволод Городненский родня князю Вячеславу, вот и пусть бы сами они промеж себя решали по-родственному... – зло сплюнул он.

– Это и есть жертвенная пешка, Минь? – встрял с теорией Кузька.

– Надеюсь, что проходная. Судьба у них по большей части похожа, но у проходной изначально есть и шанс, и цель.

Мишка налил себе ещё кваса и ответил уже Дёмке:

– Да, сами влезли. Только не прав ты, Дём, мы ошиблись не тогда, когда князя пленили, а раньше. Когда коров пасли, думать надо было. Сидели же себе спокойно – чего нам не хватало? Тепло и сытно... Многие и посейчас так сидят, а мы, дурни, циркус затеяли и крепость строить взялись... – он пристально оглядел остальных. – Что, распускаем всех, да по печкам?

– Не выйдет теперь, по печкам, Минь, – усмехнулся Кузька, – вляпались уже... Только что теперь делать-то? Наших сил пока не хватит...

– Как – что делать? Воевать! – у Дмитрия на этот счет не было никаких сомнений. – И Корней Агеич Младшую стражу не бросит. Сотня сто лет в Погорынье среди язычников выстояла – небось, им не легче было.

– То сотня... Что ещё воевода скажет? – насупился Дёмка. – Устроит он нам... встречу.

– Устроит, конечно, – согласился с братом Кузька. – Только против княжьего слова и он не пойдет. Это и есть сильная позиция, да, Минь? Недаром боярин Федор на Погосте задерживаться не собирается – я сам слышал, как он говорил с дядькой Никифором, что тоже с нами в Ратное едет. Да и дед...

Кузька замолчал на полуслове, подергал себя за вихры и протянул:

– Во-он оно что! А я-то голову ломал, зачем мы князю? Выходит, мы ему без надобности, только вот мы не сами по себе – мы при сотне... И земли, что за Евдокией дают, нам самим не занять и не отстоять. Так что из-за сотни князь нас и привечал! Так пешку поставил, что теперь сотне деваться некуда – она может ходить только так, как князем задумано.

– Сотню? – с сомнением пожал плечами Дёмка. – Но сотня и так князю служит, воевода по князьему слову и сотню, и нас, и все дружины

боярские поднимет и пойдет, куда велено...

– Так то по князьему слову! – Кузька отмахнулся от брата. – А то сами. Пойдём и там осядем... Да, Минь? Только зачем?...

– Так, Кузя, – кивнул Мишка. – Верно мыслишь. А зачем... Князю земли нужны. Они пока языческие, для князя это все равно что ничьи, а сядет там его боярин – станут князьими... – Мишка подмигнул внимательно слушающему Дмитрию. – Вот, Мить, и ответ на твой вопрос, чем князь думает... Если сотник думает десятками, воевода – дружинами боярскими, то князь – землями. Погорынье и так уже его.

Сотня свою задачу выполнила, и нужды в воинской силе тут больше нет. Тем более такой – кованой рати. Через поколение Ратное станет просто селением, ну, самое большое – городком, боярин Корней Агеич о своей вотчине позаботится, конечно, но сотня и ему без надобности – ее заменит боярская дружина. Он потому и поддержал нашу Академию, чтобы воинское умение вовсе не выродилось. Только все равно, если меч в ножнах держать, он ржой покроется. И с людьми то же самое. Князья сотней делают ход. Как конем. И сотня должна занять и удержать освободившуюся клетку.

Так что сотне придется или уходить туда, где ее воинская сила и умение в дело пойдут, или она не то что никому тут не нужна – она опасна станет. Конечно, нам бы ещё несколько лет поучиться да возмужать, но тут, как Бог рассудил. Это наша удача, от которой грех отказываться. Конечно, кровью за нее заплатим, и немалой, но по-другому и не бывает. Какая ставка в Игре, все помнят?

– Сотня среди язычников именем Божьим выстояла! – Роська грохнул себя по колену. – Свет Христианства несла в земли языческие, а Господь ее хранил. И нас не оставит! Я так думаю – он нас и ведет на эту стезю.

– Да, Рось, и это тоже, – согласился с крестником Мишка. – Только у нас, кроме веры, ещё и помощь будет немалая. Сотня сюда когда-то шла сама по себе, а у нас за спиной очень крепкие фигуры стоят: и Никифор с казной, и другие купцы – им интересно путь по Неману обезопасить, опять же князь Городненский не просто так Евдокию замуж отдает – он и о ее будущем печется. Значит, поддержит нас.

И святая церковь тоже – отец Меркурий неспроста нашелся. И ещё пришлют священников, когда на пороги двинемся. Не только мы своими мечами и самострелами свет истинной веры понесем – вера сама по себе оружие. Мы выполняем волю церкви, а она поддерживает нас. Сотня в Погорынье крепко встала, когда утвердила здесь христианство, а нам предстоит то же самое сделать на порогах – чтобы не оборону среди

язычников держать, а своими их сделать... Но про это мы не раз поговорим – дома уже, а может, и в дороге ещё соберемся.

«Хватит для начала, сэр. Считайте, что вы сейчас провели вводное занятие к практическому курсу «Управление административной единицей Великое княжество в условиях зарождающегося феодализма» для командного состава будущей государственной элиты. Пусть это переварят».

Затянувшуюся было паузу прервал Артемий – он первый пришел в себя от свалившихся мальчишкам на голову перспектив и в силу характера почувствовал необходимость разрядить общее напряжение.

– Значит, за Городно идти... – дурашливо почесал он в затылке и скорчил разочарованную физиономию. – А я-то думал, мы в Туров теперь насовсем переберемся... Минька в чести у князя, боярином станет, там вон какая усадьба! Если построиться – можно всю Младшую стражу разместить.

– А тебе непременно в Туров надо? – хмыкнул Кузька. – Или боишься, девки там осиротеют? Глашка-то утром провожать прибежала. Или это Клавдюха из-за овина выглядывала и тебе знаки какие-то делала? Я в утренних сумерках и не разобрал... – под дружный смех остальных добавил он.

– А тебе завидно? – Артемий и не думал смущаться. – Да и не было ничего такого – я ей песню пообещал на бересту списать. Уж очень девкам понравилось, что мы накануне вечером пели. Про калину...

– Ага, ты бы ей ещё про дружинushку списал, – недовольно буркнул Роська. – Охальник. Греха не боишься!

«А вот это я пропустил... Артюха-то не терялся, оказывается. И он ли один? Вот ещё наказание! С сыном ТАМ об этом не думал, а тут... Не приведи Господи – девка какая после нашего гостевания в подоле принесет да на нас покажет? Женить пора засранцев, ей-богу. Причем женить с пользой для рода, а не как получится. Вот ещё заботу матери принесу...

Но с другой стороны, хорошо, что мальчишки разговор на баб свернули: самое то, чтобы им сейчас напряжение снять... Жаль, тут футбола нет! Научить, что ли? Кожаными мячами в Турове мальчишки на улице играли...»

– Какой же грех может быть от радости? – удивился меж тем Артюха. – А песня – она завсегда радость. А кроме песен и не было ничего. Или я вовсе без ума?

Он смерил Роську насмешливым взглядом и ехидно ухмыльнулся:

– Это у тебя против бабьего племени никакой защиты нет. Вот попомни мое слово – уведет тебя какая-нибудь девка, как телка на веревочке, и даже замычать не успеешь!

У поручика Василия от возмущения аж уши вспыхнули. Он смерил Артюху полным сожаления взглядом и провозгласил наставительно:

– Это тебя, как телка, блудницы на веревочке к греху тянут. Ибо ты на них с вожделением смотришь, а значит – уже согрешил. А блудники и прелюбодеи Царства Божия не наследуют. На жен взирать бесстрастно надобно – тогда они власти над нами иметь небудут...

«Ох, как тут все запущено, спасибо покойному отцу Михаилу, прости Господи... В их-то годы, да чтоб на девок бесстрастно смотреть? Этак и до импотенции недалеко. Нет, точно, как в том анекдоте – замуж, дура! Срочно замуж! В смысле – женить... И жену подобрать горячую, чтоб мозги на место встали».

На остальных отроков Роськина проповедь впечатления не произвела, и хотя спорить с ним о Святом Писании никто не решился, однако и поддержки его слова не встретили. Артюха только отмахнулся:

– Кто о чем, а ты о вожделении. Говорю тебе – наши песни девкам понравились. Да и сами они голосистые оказались. Кабы подольше там побыли, я бы такой хор затеял – не хуже, чем в крепости на посиделках! Вон дочери плотников едут – уж на что им нынче не до песен, а я вчера вечером слышал – две тихонько напевали что-то. Узнать бы чьи, голоса чистые, будто ангельские. Может, и ещё есть.

– Девки? – заржал Кузька. – Есть, как же... Даже и ничего очень. Какие у них голоса, не знаю, а вот это самое, – он изобразил руками в воздухе нечто волнообразное, должное обозначать очертания девичьих прелестей, и закончил под общие смешки, – все на своих местах!

* * *

Нет, не напрасно Ратников в своей прошлой жизни не любил всякие непредвиденные сюрпризы, внезапно сваливающиеся на голову поперек хорошо продуманным планам. Вот как-то не сложились у него с ними отношения – и все тут. Даже и приятные сами по себе вещи, функционируя в пожарном режиме, могут создать массу неприятностей, а уж неожиданные неприятности – и подавно... В последние годы жизни ТАМ так получалось, что «везло» именно не на нежданные праздники и подарки, а на катастрофы, включая вдовство, арест и следствие, когда жизнь резко и

стремительно ломала свое течение, обрушиваясь, как река на порогах – и только щепки во все стороны.

Да, собственно, и здешний его опыт это только подтверждал – тот же князь на переправе, свалившийся у них на дороге, будь он неладен. Поэтому, когда на Княжьем Погосте навстречу передовому отряду из ворот выехали трое отроков с самострелами, Мишка напрягся в нехорошем предчувствии: его северный тезка – в просторечии большой пушистый песец – в очередной раз норовил подкрасться с тыла и вцепиться в загривок. Причем чувство это только усилилось, когда в самом мелком из всадников он узнал младшего брата.

Сенька пыжился изо всех сил, стараясь выглядеть как можно солиднее. Казалось, он и задумал этот выезд из ворот Княжьего Погоста навстречу возвращавшемуся из похода воинству, чтобы произвести впечатление на старшего брата. Затея, надо сказать, удалась, хотя и не совсем так, как рассчитывал самый младший Лисовин: уж очень потешно выглядела Сенькина мордаха в попытке соответствовать торжественности момента. И даже тревога, с которой молодой сотник встретил неожиданное появление братца, не умалила его стараний.

Мишка, скрыв улыбку, оценил и выправку, и лихой доклад по всей форме, но, отвечая на приветствие, совсем забыл про свою сотничью гривну, что не вовремя сверкнула из-под распахнувшегося тулупа. Она-то все и испортила. Сенькины глаза распахнулись, увеличившись чуть ли не вдвое, резко поменяли фокус, словно приклеившись к шее брата, а строго официальное выражение сползло с ребячьей физиономии и сменилось настолько восторженным обалдением, что стало понятно: весь остальной мир для Сеньки с этого мгновения перестал существовать. Он ничего не слышал и не видел, кроме золотой сотничьей гривны. Точно такой же, как у деда.

– Минь... – наконец, сглотнув, растерянно выдал мальчишка, окончательно разбивая вдребезги всю им же задуманную торжественность обстановки, и захлопал глазищами. – Это... это что?.. Гривна?.. Сотничья? Настоящая?.. А как?..

Лица его старших спутников – Ленки с Гринькой – выражали не меньшее обалдение, но парни сумели удержать себя в руках и промолчали, не поддавшись порыву, простительному младшему. То, что сопровождали Сеньку именно они, Мишка сразу отметил про себя, как дополнительный звоночек, подтвердивший его опасения: появление отроков в полутора переходах от Ратного, да ещё в таком составе, ничего хорошего не сулило,

что не отменяло искренней радости при виде живых и здоровых купчат. Хотя и слышал он, что курсанты коммерческого отделения Академии благополучно добрались до крепости, но одно дело знать и совсем другое – убедиться в этом собственными глазами. Правда, слегка подпортило эту радость не к месту всплывшее воспоминание о том, что Ленька с Гринькой – родичи той самой вдовицы Арины, о судьбе которой отчего-то так неожиданно и подозрительно беспокоились самые разные люди в Турове – от дядюшки Никеши до мутного типа, приставшего к Мишке на пиру.

Благодаря тому, что Арина, кстати сказать, весьма привлекательная молодая женщина, неожиданно свалившись им всем на голову, умудрилась совершенно непонятным образом с ходу, можно сказать, изгоном взять такую неприступную крепость, как сердце Немого, и, с дедова благословения, была признана членом семьи, делало и этих мальчишек почти родичами. Во всяком случае, не чужими. Мишка ничего против такого родства не имел, тем более что где-то в обозе маячил отнюдь не бедный купчина Григорий, отец Леньки и дядька Гриньки. На глаза сотнику и бояричу он особо не лез, но, тем не менее, выдал пару весьма прозрачных намеков, позволявших строить некие, пока ещё смутные планы о создании противовеса ушлому дядюшке.

То, что Сенька прибыл на Княжий Погост в сопровождении исключительно лисовиновской родни, заставляло думать, что сделано это не просто так. Особенно если учесть, что дед и вся сотня должны уже находиться на месте, в Ратном.

Мишкины наихудшие ожидания оправдались, когда после приветствий Сенька, переварив новости про гривну и княжью милость, вспомнил, наконец, о своих обязанностях гонца и принялся докладывать о том, что произошло дома в их отсутствие. Новости оказались такими, что доклад пришлось прервать, и продолжил его Сенька уже в горнице боярина Федора, где собрались ближники, включая Илью, Егоров десяток и самого боярина. Герр Теодор желал знать подробности последних событий во вверенном ему территориальном округе.

А рассказывать было что! В Ратном случился самый настоящий холопский бунт, да такой, что едва-едва отбились. Корней чуть-чуть не успел – парой бы дней раньше, и сотня как раз подгадала бы к самому побоищу. Но и так не сплеховали: с Божьей помощью, бунтовщиков побили, а немногих сумевших уйти от расправы сотня до сих пор упорно и аккуратно вылавливала по лесу. Правда, и среди ратнинцев потерь хватало.

Холопы убили Беяну, жену Аристарха, а его самого тяжело ранили

воины из-за болота, торопившиеся на подмогу бунтовщикам. Староста каким-то образом загодя узнал об их подходе и с теми ратнинцами, которые хоть как-то могли держать в руках оружие, включая немногочисленных новиков и даже воинских учеников, из засады перебил чужаков, но при этом попал под удар сам, да так, что Настена за его жизнь не ручалась.

Сеньку же в сопровождении старших отроков послала в погостную церковь боярыня Анна, заказать молебен о возвращении Михайлы и Младшей стражи. Вполне понятный порыв обеспокоенной матери, после всех событий переживавшей за судьбу старшего сына.

Боярин Федор не на шутку встревожился, как бы его дружок не закусил удила и от ярости не наломал дров вместе с головами. Егор тоже рвался домой: его жена, хоть телесно и не пострадала, но после всего случившегося слегла в горячке. Посему единогласно решили дневку не устраивать, а переночевать и с раннего утра трогаться в путь.

Но на этом сюрпризы судьбы не закончились. Поздно вечером Сенька, уже без свидетелей, тайно передал старшему брату послание от матери, предназначенное только для него. Оно-то и заставило Мишку сразу выкинуть из головы все предыдущие неприятности.

Глава 2

Ноябрь 1125 года Михайловская крепость и окрестности

Жадность фраера сгубила. В верности этого изречения Ратников не раз убеждался в ТОЙ жизни и сейчас лишний раз удостоверился, что судьба непременно найдет средство укоротить губы любителям их раскатывать, а за неожиданное везение всегда так или иначе приходится платить. Как правило, в прямой пропорции.

Обрадовавшись невиданной удаче, которая буквально сваливалась на них несколько раз за неполные полгода, ратнинцы нахапали себе холопов сверх всякой меры и несколько расслабились. Кое-кто и вовсе решил, что уж коли даже строптивых обитателей Куньева городища удалось прижать к ногтю, то жизнь удалась окончательно и бесповоротно. Вот только у многих новоявленных холопов на этот счет имелось свое мнение, которое естественным образом нашло отклик в умах полоняников из-за болота, пригнанных в конце лета.

Что в ту толпу некоторое время спустя затесался не один «засланный казачок», Мишка не сомневался: обалдевшим от такого столпотворения хозяевам своих бы холопов в лицо запомнить – где уж там чужих перебирать. Понятно, что все равно противнику приходилось проявлять осторожность «в тылу врага», и для «подрывной работы» им понадобилось какое-то время, но длительное отсутствие сотни эту работу значительно облегчило. Полыхнуть должно было непременно – и полыхнуло!

С какого перепугу в бунт ввязались семьи мальчишек из Младшей стражи, никто так и не понял – возможно, они и сами не смогли бы это объяснить. Скорее всего, вечное «все побежали, и я побежал», но судьбы бунтовщиков это ни в коей мере не облегчало. И, что гораздо хуже, Мишкиных отроков – тоже.

Корней от случившегося в буквальном смысле озверел, а поскольку сдерживать его некому – Аристарх лежал чуть не при смерти – воевода обильно залил кровью берега Пивени. Сенька сказал, что снег и лед до сих пор юшкой мечены, а дед щадить никого не намерен. В том числе и мальчишек.

Но даже если бы боярина удалось убедить, то помиловать бунтовщиков не позволила бы сотня. Равно как не намеревалась – не имела права! – оставлять в живых мстителей за казнь родных. Будущие кровники никому не нужны – этот подзабытый было урок ратники вспомнили

мгновенно, затвердили намертво и повторять прошлые ошибки не собирались.

Какими соображениями руководствовался сотник, неизвестно. То ли хотел на глазах у всего села схватить ни о чем не подозревавших родичей осужденных бунтовщиков и попутно продемонстрировать Ратному свою верность заветам предков, а заодно и лишний раз напомнить остальным холопам, что «поднявший руку на хозяина повинен смерти», да не один, а со всей семьей. То ли, зная строптивость своего старшего внука, не желал давать тому ни малейшего шанса защитить своих людей, устраивая ещё один бунт, теперь уже Младшей стражи против власти сотника и воеводы... То ли вообще не думал о таких деталях, ибо привык к тому, что его приказы выполняются беспрекословно.

При всей убежденности ратнинцев в своей правоте и в своем праве, давать им это сомнительное поручение воевода не стал, а сговорился с Алексеем, который привел из похода собственную дружину. Вот его-то воям, чужакам в Ратном, и поручили сразу же, чтоб никто глазом не успел моргнуть, выхватить из строя указанных отроков, разоружить их и отдать на суд. Если же по каким-то причинам это не удастся, тогда просто пристрелить их из луков, чтобы не устраивать долгие разборки, чреватые ещё одной замятней.

Как Анна узнала про эти планы свекра – неведомо, но узнала, потому и отправила Сеньку навстречу Младшей страже, придумав вполне годный предлог с молебном и доверив младшему сыну передать Мишке на словах, какая встреча ожидает их в селе.

Именно эти новости и стали причиной того бардака, что устроил на въезде в ворота Ильи, и поспешного, без заезда в Ратное, форсирования отроками Пивени. Никак нельзя было допускать, чтобы дед отдал приказ Младшей страже – неважно какой, ибо прилюдное неподчинение молодого сотника воеводе приравнялось бы к бунту, и тогда назад пути уже не осталось бы – только через кровь, и кровь немалую. А вот то, что отроки, не заходя в Ратное, самовольно ушли в крепость, давало шанс потом договориться почти без потери лица и этой крови избежать. Небольшой шанс, но, тем не менее, пренебрегать им не следовало. К тому же Мишка сильно надеялся, что новости, привезенные боярином Федором и Никифором из Турова, немного охладят голову и деду, и прочим горячим парням.

К счастью, мост оказался не разобранным, так как по льду на рысях идти было ещё опасно, а долго возиться с переправой на виду у всего

Ратного не хотелось. В общем, после всего произошедшего Мишке для полного счастья не хватало как раз этого самого змея, в лучших креативных традициях приветствовавшего усталое войско при возвращении домой. Хотя, надо признать, что православная тематика изображения вполне соответствовала моменту.

Впрочем, в отличие от отроков, Ратников не мог себе позволить впасть в ступор, а посему оглянулся на младшего братца и нарочито весело поинтересовался, демонстрируя подчиненным свою невозмутимость:

– Сенька! Не знаешь, кто это у нас в крепости такой рукодельный нашелся? Додумались, тоже мне...

– Так это Кузнечик! – Сенька, как Мишка и ожидал, удивления не выказал, а глядя на эффект, произведенный на старших, лыбился, словно он сам этого чертового змея сделал и запустил. Впрочем, как тут же выяснилось, это предположение недалеко ушло от истины:

– Мы все ему делать помогали! Даже девки полотнище шили... Переживали только, чтоб когда вы приедете, ветер был, какой надо, а то бы не вышло так. А я сразу и сказал, что коли это книжная наука, так ты про нее знать должен. А они ещё спорили! А Кузнечик, он такой, он умеет...

Наличие в крепости какого-то Кузнечика, который «умеет», Мишке мало что прояснило, но разбираться с этим прямо сейчас было некогда – впереди ждала ещё одна переправа. Паром, в силу конструктивных недоработок не снабженный функцией ледокола, через реку уже не курсировал, а лед, недавно сковавший Пивень, был опасен, поэтому переход по нему на тот берег полусотни всадников оказался не самым простым занятием: пришлось спешиться, вести коней в поводу, да ещё и слегки перед собой накидывать. Едва управились до темноты. То, что из Ратного вслед за ними никто так и не пожаловал, конечно, утешало и вселяло надежду, что его расчет оказался верным, но окончательно Мишка успокоился, когда все отроки оказались в крепости, а ворота заперты.

Что бы там ни случилось, а мать от ритуала, заведенного при прошлом возвращении, из-за болота, отказываться не собиралась и приготовилась, как положено. Все атрибуты этого действия, включая построенных в торжественном карауле отроков и девок в лучших нарядах, а также остальных обитателей крепости, присутствовали в полном объеме. После обязательного доклада и прочих официальных мероприятий Мишка ненадолго уединился с матерью, чтобы узнать от нее детали замысла деда.

Только войдя в горницу, Мишка понял, насколько он соскучился по

Анне. Лисовин в нем не забыл, что она – самый родной человек, а Ратникова резануло сочувствие при виде новых жестких складок возле губ и на лбу, и темных кругов под глазами. Новый статус боярыни и хозяйки в крепости давался ей явно не просто, но она держалась: вернувшееся из похода войско встречала Боярыня. Здесь же, с глазу на глаз, его ждала Мать.

– Ну, здрав будь... сотник? – Только глухой не расслышал бы в этом вопросе гордости за сына.

– Сотник, матушка!

– И... – полушепотом, – княжий зять?

– Откуда ты?... – за вырвавшийся идиотский вопрос Мишка чуть себе язык не откусил.

«Ну конечно, ей уже обо всем доложили, и наверняка не один раз. Для всей Младшей стражи поголовно, что гривна, что Дунька – одинаково. Княжья награда».

– Оттуда! Птички на хвостах принесли!

Соглашаясь с невысказанными мыслями сына, Анна фыркнула самым неподобающим для боярыни образом и, не удержавшись, повторила вопрос:

– Так все-таки, сынок, правду они мне начирикали, а?

– Правду, матушка, – тяжело вздохнул Мишка.

– Что такое? – моментально встревожилась она. – С невестой что-то не так?

– Да не с ней, – отмахнулся Мишка. – Ты же сама говорила мне, что возле князей – возле смерти. Помнишь, тогда весной? Слишком быстро и слишком высоко взлетаю, матушка. Сама понимаешь, такую дичь подстрелить много охотников найдется, как раз на взлёте ведь и стреляют...

– Конечно, найдутся. Вот только дичь разная встречается. Ты же у меня не утка, а сокол! – и опять в словах Анны звучала откровенная гордость матери за сына, а рука сама собой потянулась вверх – потрепать, как в детстве, голову, пригладить непослушные вихры. – Вот и вырос ты у меня, сынок, скоро и не дотянусь. Нагибаться тебе придется.

Анна приподнялась на цыпочки и дотронулась губами до лба Мишки. И опять Лисовин с Ратниковым, действуя вроде бы одинаково, на самом деле разделились: четырнадцатилетний Лисовин, обхватив мать руками, прижался к ней в поисках утешения, а Ратников обнял женщину вдвое моложе себя, чтобы защитить и поддержать. Анна же, не подозревая об этом раздвоении, купалась в сыновней любви.

– Что с дедом делать собираешься, Мишаня? – Анна освободилась наконец из объятий сына и взглянула ему в глаза. – Сам знаешь, если он удила закусил, просто так его не остановишь.

– Ну, сколько-то времени я сегодня выиграл. Вот только боюсь, матушка, не сам он удила закусил, а его как следует взнуздали, да ещё и следят, чтобы он из хомута не вывернулся.

«Ну что, леди Анна, запускаем мыслительный процесс? Сама додумается или придётся объяснять? Эх, побережь бы ее от этого знания – не бабье дело. Но и она – не просто баба, и не я первый начал....»

– Догадался, Мишаня? – мать улыбнулась, но тут же снова озабоченно нахмурилась. – Ясное дело – не сам, оттого еще больше ярится: не терпит Корней, когда им крутить пытаются, а тут... – Мать даже кулаком слегка по столу пристукнула. – Я пыталась узнать, кто именно, да только больно сейчас в Ратном неспокойно. Слишком много крови пролилось, Мишаня, а кровь отмщения требует.

Анна закаменела лицом. Теперь на Ратникова смотрела не мать, а боярыня. И смотрела не на сына, а на взрослого мужа, с которым сейчас держала совет:

– И ратнинцам плевать, что твои мальчишки ни в чем не виноваты – они из бунтовавших семей. Ты в селе не был, а я там много чего услышала.

– Боюсь, матушка, тут ещё хуже: этой породе все равно, из бунтовавших они семей или нет. И тем более – мальчишки или нет... Мальчишки даже и лучше: можно сильнее на жалость давить и больше выдавить... Скажи, матушка, а кто громче всего крови требует? Те, у кого родичей убили, или?..

«Ну, давай, вспоминай! Женщины такие вещи замечают, не отдавая себе в этом отчета».

Анна прикрыла глаза и замерла, опершись спиной о стену. Руки ее поначалу спокойно лежали на коленях, но в какой-то момент пальцы начали шевелиться, раз за разом сжимаясь в кулаки. Мишка поразился мгновенной смене выражений на лице матери: по мере того, как она что-то вспоминала, оно становилось то недоуменным, то расслабленным, то сосредоточенным, то хищным до кровожадности.

«Вот вам, сэр, наглядный пример процессора в действии. Никакого монитора не надо».

– По-разному было, Мишаня, – боярыня наконец открыла глаза. – Пятеро баб, из тех, у кого родню порезали, совсем обезумели. Их и оплеухами старались в разум привести, и водой отливали – только воют. Но

с ними понятно – тут только время поможет. А вот насчет других... Пока ты не сказал, я об этом и не задумывалась, а ведь и в самом деле громче всех казни наших отроков требовали те, у кого только царапины, но...

– ...Но есть причины не любить Лисовинов, так? – подхватил Мишка.

– Пожалуй что так... Всего я не знаю, да и в Ратном не была уже несколько дней, воеводе за это время много чего могли в уши надудеть, чтобы он не остыл, а Листвяне в такие дела вступать пока не с руки...

«Ага, без ключницы тут не обошлось, я так и знал! И, похоже, дамы таки нашли общий язык».

– Ну, любым человеком у власти кто-нибудь да пытается управлять, – усмехнулся Мишка. – Дурные на этом голову теряют, умные – себе на пользу поворачивают. Не думаю я, что дед совсем уж голову потерял – не вчера он сотником стал и не впервой ему с этим кублом разбираться. Что ты сама-то думаешь, матушка?

Анна закусил губу и покачала головой.

– Никому не говорила и не скажу, но мысли у меня нехорошие... Страшно, сынок... Не то страшно, что Корней ярится – страшно, что, выходит, кому-то этот бунт холопский так нужен был, что?.. Даже думать боюсь! Неужто холопов свои подбили? Вы, мужи, все норовите через кровь сделать, но так?..

«Нам вам, здравствуйте! Ни хрена себе вывод! Верно говорят – баба в мужском деле порой жестче и безжалостней любого мужика может оказаться. Тормоза, что ли, отказывают, когда гендерные различия самой приходится в себе убивать? Мать до такого еще не дошла, да и вряд ли дойдет – пока только предположила. Допустила то, что никому бы из мужиков и в голову не пришло бы. Хм... лучше все же не проверять – сможет или нет она сама ТАК решить, если край придет».

– Ну это ты зря! – поморщился Мишка. – Насчет крови ты права, но не с той стороны. Конечно, такая дурь никому из ратнинцев в голову прийти не могла, а вот уже пролитую кровь использовать – это запросто. «Поднявший руку на хозяина повинен смерти» – не на пустом месте появилось, дед этого закона не нарушит. Не может, не дадут ему. И права ты, что те, кто открыто шипит, не так страшны, как те, кто в лицо улыбается и молчит. Только поименно всех их искать смысла нет. С этими... дударями мы еще разберемся, но они говорят не сами за себя, матушка. Они – голос той части Ратного, которой не нравятся перемены в жизни сотни и села, точнее, то, в какую сторону эти перемены разворачивают все Погорынье и с какой скоростью. А еще больше им не нравится то, что во главе Ратного в такое время стоят не они, а мы. Значит,

и все сливки с этих перемен достанутся нам, а не им, – Мишка коснулся гривны. – Уже достаются!

А тут удобный случай подворачивается: сотника загнать в ловушку, потому что, с какой стороны ни подойди, любое его решение оборачивается немалой кровью. Если он не согласится казнить моих ребят, отговорится тем, что они из своих семей вышли, то можно обвинить его в нарушении вековых устоев, в том, что пренебрегает безопасностью всего села, из-за чего уже погибло немало ратнинцев. И потом взять виру за их кровь, то есть разорить Лисовинов так, чтобы ни крошки, ни гвоздя ржавого не осталось. А в придачу к этому ещё и божьего суда потребовать... У нас в роду взрослых мужчин не так уж и много осталось, быстро управятся.

Если же воевода согласится, то тут два выхода, и оба для наших противников опять выгодные. Выдам я отроков – не останется у Лисовинов больше Младшей стражи, ибо кто нам после такого поверит? Не выдам, послушаюсь приказа – это прямой бунт против княжеского воеводы и раскол в роду. Со всеми вытекающими.

– С чем, с чем? – не поняла Анна.

– Со всем, что за такое послушание положено, матушка. В общем, как ни кинь – везде клин. Так что не дурит дед, а злится, оттого что загнали его в безвыходное положение. Если бы твое предупреждение вовремя не подоспело, большой кровью все умылись бы, зато сейчас не только дед голову ломает. Те, кто его под руку толкал, тоже влипли, с полной уверенностью, что против них всего-навсего слишком резвый внук воеводы... – Мишка зло дернул щекой. – Но им в Ратном как раз сегодня растолковали, что на самом деле они замахнулись на сотника князя Туровского и на зятя князя Городненского. А это уже совсем другой расклад. И тут мы можем играть свою игру.

«Тпруу, сэр Майкл. Не вздумайте ненароком брякнуть про козыри с джокерами – и без того у леди Анны вид задумчивый до томности. Не перегрузить бы...»

– А вот теперь давай, матушка, прикинем, кто может уговорить ратнинских дударей.

– Не знаю, Мишаня... – Анна задумалась. – Кто над ними власть имеет, я не знаю. Но, – она вскинула голову и презрительно скривила губы, – в Ратном быстро посчитают цену горшков, которые они хотят побить... об свои головы... Дураков там, конечно, хватает, но и осторожных – тоже: за Пименом-то не так уж и много народу пошло, хотя Лисовинов многие не любят.

– Значит, договариваться сюда приедет человек осмотнительный, у

которого хватило ума не ввязываться в бунт. То ли Пимену со товарищи не слишком доверял, то ли не надеялся, что они верх возьмут – нам-то какая сейчас разница? Важно то, что слово его в Ратном имеет вес, и немалый – пустобреху такое дело не доверят.

– Да, пожалуй, ты прав... Вот только кто это у нас в Ратном такой?.. – Анна замялась, подбирая точное слово.

– Вот и посмотрим, кто договариваться приедет. Можно было бы предположить, что воевода приедет, но если я прав, он им такого подарка не сделает. Они бы, может, и рады, чтобы сотник сам свои терки с внуком решал, но ляп их, и Корней погонит их самих разгребать. Да ещё и открыть кой-кого из своих людей. Так что днями ждём гостей.

«Ну вот, сэр, и определились с ближайшей перспективой. Перебирать сейчас персоналии бесполезно, все равно не угадаем».

– Встретим как положено, Мишаня, не сомневайся. Мне уже сказали, что к плотникам семьи приехали; ратнинцы, небось, их сегодня на руках носят. Пусть, людям хоть немного радости не помешает, а то уж больно много смертей...

– Да, давно в Ратном столько народу за раз не хоронили... – Мишка помолчал, потом заговорил, уставившись на стиснутые кулаки. – Дед не один раз повторял, что самое страшное – смотреть в глаза семье того, кто погиб в походе. А тут не воины – бабы и дети... Старики... И после этого добавлять ещё крови? Не дождутся!

– Потому я тебя и предупредила, сынок, – Анна бережно накрыла тёплой ладонью Мишкины кулаки. – Уж не знаю, как там Листвяна сумела исхитриться и узнать – не выпрашивала, не до того нам тогда было... Вот тебе и недавняя холопка – какую беду отвела! Конечно, не потому, что о нас с тобой печётся. Умна баба, понимает, что ребенка лучше в сильном роду растить. Потому ей верить можно. Пока. А эта... родня... – последнее слово она чуть ли не выплюнула, – большуха, тоже мне!

– Ты про кого это? – безразлично спросил Мишка.

– Про Дарену, конечно! В ратнинской усадьбе у нее ничего не вышло, так она на высылках душу отводила... – вспомнив, с чего начался холопский бунт, Анна опять закипела. – Извела всех своими придирками – как с цепи сорвалась. Первой и получила. Да не одна, ещё несколько молодых, ее же племянницы, живьем сгорели. А все оттого, что дурная баба дорвалась до власти и забыла, что власть – это ей не только право холопов пороть. За род отвечать надо!

– Не она первая, матушка. А Славомир?

Разгорячившаяся Анна замолкла на полуслове, недоуменно

уставившись на сына, открыла было рот, да так и застыла. Посидела, закусив губу, – Мишка опять засмотрелся на быструю смену выражений на ее лице – задумчиво покивала, пробормотала себе под нос что-то похожее на «проклятый род» и, наконец, со вздохом встала с лавки.

– Засиделись мы с тобой, Мишаня. И то – сколько не виделись! Но мне идти надо... – и ещё раз потрепала сына по голове.

«Тяжела ты, шапка боярская – даже с сыном о делах пришлось говорить.

Дурак ты, братец – именно так, а не «сэр Майкл»! Ведь не только не попрекнула, но даже и не напомнила, что она ради тебя – хотя на этот раз, будем справедливы, ради всего рода – отказалась от своего последнего шанса на женское счастье. Рудного-то она сдала с потрохами, хотя понимала, конечно, что если бы его дружиннички моих ребят тронули, ни о каком «семейном согласии» и речи быть не могло...

Кхе, так что облом вам вышел, герр Рудный гауптман. Облом и отставка – или я совсем ничего не понимаю в женщинах. И правильно – нечего детей обижать.

А подходящего кабальеро леди Анне мы ещё найдём!»

* * *

В общем, боярыня знала ненамного больше того, что уже сказал Сенька, и оставалось только ждать, что в сложившейся патовой ситуации предпримет дед. Чтобы не тратить время попусту и прикинуть как можно больше вариантов дальнейшего развития событий, Мишка собрал совет ближников вместе с Филимоном, исполнявшим в отсутствие Алексея обязанности старшего наставника. Тем более что после ухода Младшей стражи на ляхов покалеченный ратник, по поручению боярыни Анны, занял должность воеводы, да так на ней и оставался, потому что Рудный задерживался в Ратном.

Мизерный шанс на примирение с Корнеем всё-таки имелся, если дед сделает вид, что сегодняшний инцидент – мелкое недоразумение и ничего особенного не произошло, поэтому Мишка решил пока не посвящать отроков во все нюансы. Бунт и сохранявшаяся опасность нападения из-за болота сыграли ему на руку: никого не удивило усиление мер безопасности и ужесточение пропускного режима, включая приказ не пропускать в крепость без предварительного доклада бояричу никого, хоть даже и хорошо знакомых, ныне отсутствующих наставников и самого Илью

Фомича. Порядка ради.

– Минь, а если боярин приедет и велит пустить?.. – почесал в затылке обескураженный такими строгостями Роська.

– А хоть и сам князь! – стукнул ладонью по столу Мишка и подмигнул ближникам. – Только зауважает нас за то, что воинский порядок блюдем, как положено, и службу понимаем правильно. Ясно? Выполнять!

Боярыня и воевода с распоряжением боярича согласились, на этом совет и закончился.

А после него навалилось то, о чем Мишка старался не думать все это время, но забыть так и не смог. Юлька...

Мишка ещё в Турове все решил и не переменял бы своего решения, если вдруг получилось бы этот кусок жизни отмотать назад, как пленку. Но решить – одно, а глядеть в ее глаза и знать, что уже не твои они, глаза эти – совсем другое.

И ещё: что-то такое случилось после поездки в монастырь, где три княгини плюс великая волхва выворачивали его мехом внутрь... То ли Ниня его там заворожила, ведьма старая – с нее станется! – то ли монастырский ладан, черт бы его побрал, подействовал и перекрыл канал связи. С чем? А хрен его знает, как назвать! Ратников всегда был атеистом и материалистом и отказываться от своих убеждений не собирался, но после всего, что с ним произошло, не мог отрицать, что есть что-то такое... Непознанное... Не Бог, конечно, сидящий на облаке, а нечто большее, чего пока не мог постигнуть человеческий разум в силу своей природы, как мужчина не может почувствовать и понять женское начало изнутри, ибо иной и по-иному устроен.

Астрал или космос, да хоть карма – называй, как хочешь, главное, оно действует – непостижимо и непредсказуемо, не всегда отчетливо, но действует. Иногда это ощущение так пробивает, что буквально печенкой начинаешь воспринимать прикосновение к твоей душе чего-то незримого. И вот эти невидимые нити оборваны, словно водопад, внезапно застывший в пространстве, как при замершем кадре на мониторе компьютера.

Юлька, ничего ещё не зная об этой катастрофе, с сияющими глазами стояла, как и в прошлый раз, недалеко от матери, и так и тянулась к нему навстречу. Почувствовала она что-то? Или показалось? Но в какой-то момент, когда Мишка встретился с ней глазами, между ними словно рухнуло что-то, и встала глухая стеклянная стена, через которую не докричаться и не достучаться. Или он себе это придумал, потому что уже знал про эту стену заранее, а она так и будет биться об нее, не видя и не

замечая, пока тоже не узнает.

Юльку долго искать не пришлось: где же быть лекарке, как не в лазарете? Полноценный медосмотр прибывших она, конечно, провести в этот же день не успевала, но осмотреть раненых и устроить Мотьке выволочку за какую-то найденную оплошность ей времени хватило. Более чем достаточно на первый день – и так уже стемнело, а она все ещё хлопотала, привычно переругиваясь с кем-то.

Мишка задержался возле двери, непроизвольно оттягивая тот момент, когда надо будет войти, а потом остаться с ней наедине. И что-то говорить, отвечать на вопросы, самому спрашивать, а думать только о том единственном, что надо сказать. Пока она не услышала случайно. Если уже не услышала.

Толкнул дверь, сердясь на себя за то, что мнетя на пороге, как пацан, вошел в ярко освещённую свечами горницу – их для лазарета не жалели – и наткнулся на ее потухший взгляд. Знает!

– Ну, здравствуй, сотник... – Юлькин голос звучал ровно и отстраненно. Всего он ожидал – криков, оскорблений, слез... Хотя, пожалуй нет, от Юльки вряд ли, скорее, гордого молчания – не тот характер, но вот это спокойное «сотник» с хорошо знакомыми Настениными интонациями было уже слишком. Делать ему тут больше нечего, разве что повернуться и уйти. Может, так правильнее, но он не мог сбежать, будто струсил.

– Здравствуй, Юленька...

– Опять под железо дуром подставился? Чего у тебя там? – и снова голос спокойный и деловой, самую малость насмешливый.

– Да нет, обошлось на этот раз.

– Тогда чего не спишь? Отбой уже сыграли... – Юлька пожала плечами и отвернулась, зарывшись в свои торбочки.

Девчонки, Юлькины помощницы, испуганными мышками забились в угол, хмурый Мотька и несколько отроков – постояльцы лазарета – замерли, кто где был, усиленно изображая из себя живые скульптуры и пытаясь слиться с обстановкой, но Мишку сейчас они мало занимали. Чувствуя себя полным дураком, он все-таки попытался... Чего? А и сам не знал, чего.

– Поговорить надо, Юль...

– Не о чем, сотник. Да и некогда мне, – Юлька спокойно и устало взглянула на него и кивнула себе за спину. – Видишь же, дел нынче много. У тебя срочное что? А нет, так иди, отдыхай...

Больше ему тут делать было нечего. Мишка повернулся на каблуках и вышел, осторожно прикрыв за собой дверь. Все.

* * *

Про змея и его создателя – неведомого рукодельного Кузнечика, который в его отсутствие завелся в крепости, Мишка вспомнил, уже засыпая. Подумал, что завтра непременно надо увидаться с мальчишкой и, наконец, поговорить. Между прочими делами он успел выяснить, что Кузнечик – это тот самый приبلудившийся мальчонка, о котором ему докладывали накануне похода.

Тогда разведчики Стерва ночью привели из леса беглеца из-за болота. Христиане – дед с внуком – бежали к единоверцам, но поблизости от крепости напоролись на кабана. Дед погиб, а мальчика успели спасти. Мишка, занятый делами по самую маковку, так и не успел с ним поговорить, хотя и собирался, но дело показалось не срочным – куда бы он делся? Да и чего малолетний подмастерье мог знать такого особенного? Выходит, мог все-таки.

Мальчишку на следующий день отвезли к Аристарху, тот его расспросил для порядка и вернул назад, мол, сами с ним возитесь, да и мать сказала, что хочет оставить сироту при крепости – куда его ещё? В холопы – не по-божески, он христианин и сам пришел; выгнать – пропадет, а у них дело всем найдется.

Мишка ничего против не имел, но буквально на следующий день примчался гонец из Ратного с известием о ляхах – тогда и вовсе не до мальчика стало. О пареньке он, естественно, за всеми навалившимися после этого событиями благополучно забыл и, если бы не этот самый змей, так бы и не вспомнил, наверное, пока не доложили бы или сам не наткнулся на него в крепости. Но теперь уже точно не забудет – даже с учетом всех нынешних событий, прижившийся за их отсутствие мальчишка требовал к себе пристального внимания.

«Прежде всего, извольте себе заметить, сэр, что никто, кроме самого Журавля, научить ребятишек мастерить этих самых змеев никак не мог. Это всем остальным вы можете сказки про книжную науку и свою невозможную гениальность втирать, но тот факт, что даже самый-распресамый талантище в этом времени ПРИДУМАТЬ такое не способен, вы под лавку ногой не запихнете, чтобы оно жить не мешало.

Не пытаетесь? Вот и правильно. Ни придумать, ни просто

повторить виденное издали этот Кузнечик не сумел бы – только перенять у кого-то. Значит, дражайший Сан Саныч не только по пьяни песни поет и про «духов» своим соратникам рассказывает, но ещё и учит детишек змеев делать? От скуки, что ли?

Ни хрена себе поворот, не находите? Не вписывается это в уже сложившийся у вас образ «соседа». Ведь никто из приведенных до сих пор из-за болота ничего такого не то что не умел, но даже не рассказывал ни о чем подобном! Полевед – понятно, его для дела учили, животновод тоже, а змей зачем ему сдался? Да ещё христиане... Он же их там на колы сажает! А кстати, что с полеведом-то? Неужто и он в бунте замешан? Хоть бы дед его сгоряча не пришиб... Ладно, завтра... Все завтра. Гадание на кофейной гуще – не ваш профиль».

* * *

Следующее утро оказалось пасмурным и хмурым, темная, предвещающая снегопад туча до половины закрыла небо, усугубив и без того по-зимнему поздний рассвет, наступивший гораздо позже подъема. Потому караульные на башнях у крепостных ворот не сразу разглядели непонятный темный мохнатый «сугроб» на противоположном берегу, что каким-то чудом образовался за ночь возле самой переправы. А когда разглядели, то срочно послали за Мишкой и дежурным наставником. Пока те поднялись на башню, утренние сумерки ещё немного рассеялись, и наблюдателям окончательно стало понятно, что таинственное явление есть не что иное, как шкура или шуба, накинутая на кучу лапника, под которой к тому же наблюдается некая форма жизни: время от времени она шевелилась и, кажется, даже делала попытки выбраться наружу.

Как раз к тому моменту, когда Мишка с Макаром поднялись на смотровую площадку, эти попытки увенчались успехом: из-под шубы вначале появилась одна нога в сапоге, потом другая – без сапога, в размотавшейся серой портянке, а потом, пятясь задом, на белый свет выполз и сам обитатель этого лежбища – тип взлохмаченный и расхристанный, но обряженный в добротный тулупчик, правда, без шапки и пояса.

– Зюзя!^[2] – ахнул один из караульных.

– Нее... – неуверенно возразил второй, – глянь, у него один сапог есть.

– А шапка где?

Впрочем, головной убор после некоторых поисков мужичок вытащил

из недр своего «спальника», заботливо расправил и торжественно водрузил на макушку, предварительно горделиво тряхнув головой, после чего попытался подняться на ноги. Караульные расслабились, но не до конца: отсутствие второго сапога их все-таки смущало.

Попытка встать у предполагаемого Зюзи успехом не увенчалась, зато в результате сложных акробатических экзерсисов ему удалось перевернуться лицом к зрителям, с интересом наблюдавшим с крепостной стены за развивающимся представлением, и усесться на задницу. Оставив первоначальное намерение, пришелец решил удовлетвориться этим результатом своей активности, поерзал, устраиваясь поудобнее на месте, и принялся рассматривать открывшийся ему вид на крепость – даже руку козырьком картинно приставил ко лбу.

При отсутствии даже самых примитивных оптических приборов рассмотреть его лицо со стены во всех подробностях возможности не представлялось, определенно можно было сказать только, что это чужак, ибо такие смуглолицые, чернявые с проседью ни среди ратнинцев, ни среди обитателей крепости не встречались. Мишке пришел на ум лишь отец Меркурий, который остался с обозом в селе, но этот «подкидыш» на него даже издали совершенно не походил – хотя бы потому, что имел в наличии обе ноги. Да и одежда, и общий облик неведомого странника никак не соответствовали воинственному священнику.

Между тем пришелец разглядел на стене наблюдавших за ним отроков и Макара, приосанился, вскинул вверх растрепанную бороденку и открыл рот, намереваясь сообщить им наверняка что-то важное, но с первого раза издать достаточно сильный звук, чтобы его расслышали на противоположном берегу, у гостя не получилось. Он замолк, сообразив, что надо включить громкость, прокашлялся, напомнив Мишке докладчика на заседании парткома перед важным выступлением, и, наконец, сподобился:

– Чего вылупились, ироды?! – в голосе звучало искреннее возмущение высокородного пана, которого холопы не спешат вытаскивать из случайно встретившейся ему на дороге канавы, а легкий нездешний акцент указывал, что язык, на котором он сейчас изволит общаться, хоть ему и хорошо знаком, но не родной. – Не видите – христианину плохо?! И побыстрее там, будьте любезны!

– Эт-то ещё что за осел иерихонский на нашу голову? – несмотря на то, что налицо имелась явно нестандартная ситуация, а учитывая все предшествующие события и недавний бунт, относиться к подобному легкомысленно было бы глупо и непредусмотрительно, Мишка с трудом сдерживался, чтобы не расхохотаться, да и Макар прятал ухмылку в усы.

– Пьяный! – подал голос кто-то из караульных. – Или не проспался... – И добавил со смешком: – Точь-в-точь, как Сучок, когда с рыбалки...

– А вдруг он того... Зюзя все-таки?.. Побережся бы... – снова занудил бдительный отрок.

– Сам ты Зюзя! – возмутился его напарник. – Он же сам сказал, что христианин.

– Христианин? Ну-ка, посмотрим, что это за христианин, – посерьезнел Макар. – Пьян, говорите? Придется его сюда забирать. Сам, похоже, не добредет или в полынью провалится. Опохмелить не обещаю, а мозги прочистим, – он обернулся к сотнику. – Михайла, я сейчас десяток разведчиков за ним вышлю да стрелков на стене поставлю – прикроют.

Операция по водворению в крепость новонайденного христианина прошла без приключений. Разведчики попытались поискать следы на берегу, но дело это было безнадежное изначально: прошедшая накануне конница плотно утоптала снег, а ночью его прихватило ледяной коркой. Отправлять же их на поиски в глубь леса Макар не стал до допроса неизвестного.

Отроки доставили эту неожиданную «находку» в крепость со всем бережением, буквально пронесли до ворот, подхватив под руки, а он и не сопротивлялся, наоборот, сам же просил поспешать. Одет пришелец был очень недешево, хотя все вещи носили заметные следы продолжительной оргии. И тулуп, крытый поверху дорогим синим сукном, и шапка, отороченная куньим мехом, и шерстяные порты в полоску отнюдь не из ряднины – все это наводило на мысли о немалом достатке. Подобное мог позволить себе если не боярин, то богатый купец. К тому же захваченные разведчиками с места «лежки» пожитки тоже тряпьем не выглядели: две искусно выделанные медвежьи шкуры, шелковый красный кушак с кистями и объемная дорожная сума тоже из хорошо выделанной кожи.

Перед воротами этот то ли пленник, то ли гость – делать выводы на этот счет Мишка пока воздержался – остановился, решительно стряхнул поддерживающие его руки отроков, гордо поправил свой тулуп (второй сапог на него натянули ещё на том берегу перед «эвакуацией») и, пошатываясь, но изо всех сил стараясь изобразить достоинство герцога, прибывшего в свой родовой замок после долгого отсутствия, дальше прошествовал самостоятельно.

Из всех стоящих у ворот пришелец в качестве единственного достойного себя собеседника выбрал наставника Макара, что, в общем, было логично: отроки на роль начальства по всем понятиям этого времени никак претендовать не могли. Для того чтобы миновать ворота и оказаться

перед наставником, требовалось пройти всего с десяток шагов, но та сложная траектория, по которой двигался гость, позволила ему сделать этот путь минимум раза в два длиннее. Мишка с веселым изумлением наблюдал за теми замысловатыми коленцами, которые выписывали ноги их нежданного гостя в процессе преодоления этого расстояния.

«Ну, какой он там Зюзя, не знаю, но назюсюкался дядя знатно».

Продолжительная прогулка несколько утомила путника, но он мужественно продолжал держаться на ногах, когда, остановившись перед Макаром и окатив его и Мишку хорошо выдержанным перегаром, спросил светским тоном:

– Я гляжу, неплохую крепость отгрохали... Когда успели? И кто же сей зодчий, позвольте поинтересоваться?

Правда, широкий круговой жест рукой в сторону крепостных стен, которым сей ценитель плотницких талантов Сучка сопровождал свою похвалу, делать ему не следовало, так как это резкое движение едва не привело к катастрофе – пришелец пошатнулся и только чудом сохранил вертикальное положение. Утвердившись на ногах, иностранный гость – при ближайшем рассмотрении у Мишки почти не осталось сомнений, что перед ними грек, – перешел к вопросу, который волновал его сейчас более всего:

– Я полагаю, постройку обмыть надо? – И вдруг облегченно выдохнул и даже легонько стукнул себя ладонью по лбу с видом человека, который нашел, наконец, решение сложной головоломки. – А-а-а, так это у вас сегодня наливают? То-то Медведь ещё говорил... А, кстати, где Медведь? Спит? Будите! Я пришел!

«Классика, блин! “Сова, отворяй! Медведь пришел!”» – машинально прокомментировал про себя Мишка набирающий обороты балаган, кусая губы, чтобы сохранить хотя бы видимость серьезности.

Вокруг уже собралась умеренная толпа зрителей. Разведчики, доставившие это сокровище, выглядели как рыбаки, которые добыли редкий экземпляр говорящей рыбы и теперь демонстрировали его восхищенным ценителям; Макар же рассматривал пришельца, как кот, с которым пойманная мышь мало того что внезапно начала разговаривать человеческим голосом, так ещё и потребовала адвоката. Впрочем, при последних словах он резко посерьезнел и решительно прервал представление, обернувшись к разведчикам.

– Тащите-ка его... – Макар задумался, соображая, где лучше всего допросить пленника, и посмотрел на Мишку. – Михайла, не обессудь, но я в твоей светлице в тереме с ним побеседую, – не спросил, а скорее сообщил

он. – Там удобнее всего...

И, не дожидаясь Мишкиного разрешения, кивнул отрокам:

– Вон, в ка... в кабинет к бояричу его. Нечего тут...

«Твою ж мать! Это что тут происходит, позвольте вас спросить, господин сотник? Макара никогда не лез выше головы, а тут он незатейливо норовит вас из вашего же кабинета плечом выставить? С чего бы? Отвык, пока вас не было, что ли? И ведь спорить сейчас не станешь при всех... Ну, положим, фиг он угадал, но придется и тут свое право доказывать и все по местам расставлять, тудыть его! Как же надоели все эти танцы с бубнами... Ну да ладно, Макара – не Егор, и даже не дядюшка, разберемся...»

Впрочем, додумать свою мысль Мишка не успел, да и разведчики выполнить указания наставника – тоже. Всю мизансцену им поломал радостный мальчишеский вопль:

– Фифан! Дядька Макара, не надо его в темницу, это ж Фифан!

По крепостному двору вприпрыжку мчался какой-то незнакомый Мишке темноволосый мальчонка без шапки и в наспех накинутом на плечи тулупчике, с виду ровесник Сеньки. Проскочив мимо зрителей, он подлетел к прищельцу и радостно повторил:

– Фифан! Ты тоже к нам, да? У-у-у-у, ну и правильно, только тут строго – заарестовать могут... Хорошо, я тебя увидел! – и он опять обернулся к Макару. – Это же Фифан! – причем сказано это было с таким выражением, словно иных пояснений и не требовалось.

– Тимка, не лезь! – Мальчонку сзади за тулуп ухватила Верка Говоруха, которая материализовалась в толпе зевая одной из первых и уже несколько минут всю наслаждалась происходящим, а теперь пыталась отправить невесту откуда взявшегося мальчонку себе за спину, но тот упрямо мотнул головой.

– Мам Вер! Ну это ж Фифан!

«Это ещё что за явление, прости Господи? Тимка... Ах да, это тот самый змеевед и змедел Тимка-Кузнечик, надо полагать... Стоп! А Верка тут при чем? Какая мама, мать их так?! Да что тут происходит?! Или я уже повторяюсь?»

На этом феерия не закончилась. Макара сурово зыркнул на мальчишку и, кажется, собрался его шугануть, но тут взял слово Тимкин подзащитный.

– Не Фифан, а Феофан, юноша! – с достоинством проговорил он, гордо оглядел присутствующих пока ещё мутным взглядом и сообщил: – Фе-о-фан, попрошу запомнить!

– Феофан Грек? – брякнул Мишка прежде, чем успел остановиться.

– Да что вы все заладили – грек да грек! Кстати, откуда вы знаете про грека? Хотя ясно, Журавль отметил. Тоже мне, зубоскал.

«Это что же я пропустил-то? И кто у нас следующий? Эль-Греко или Айвазовский, с передвижниками на подтанцовке? Не-е, похоже, Босх».

Пытаясь хоть как-то собрать в кучу разбегающиеся тараканами мысли, Мишка потряс головой. Прежде всего требовалось решить ряд вопросов: каким попутным ветром занесло к ним это греческое чудо и откуда? Причем тут медведь и сова? Или нет, сова потом сама пришла... И вообще, не является ли все это коллективной галлюцинацией с особо тяжелыми последствиями в результате диверсионной деятельности обиженной Юльки, добавившей Плаве в котел грибочков, или его персональным сном после потрясения основ мироздания вчерашним полетом змея над крепостью?

Мелькнула даже дурная мысль, а не случился ли какой сбой программы у дражайшего Максима Леонидовича в результате перехода количества в качество его экспериментов с переброской попаданцев во времени и пространстве, вследствие чего какое-нибудь подпространство начало сворачиваться в ужасе от содеянного? Впрочем, эту мысль из головы он выкинул сразу по причине не столько ее бредовости, сколько бесполезности в данной ситуации, а также собственной некомпетентности в теории физики переносов, и, как следствие, отсутствия у него данных для любых предположений в этой области.

Феофан-грек тем временем чуточку церемонно поклонился перед аудиторией и вдруг вытаращился на Тимку, словно только что его заметил.

– Тимофей?! Ты? Нашелся! А Медведь уже знает? Там же... Мирон ищет! Сказал – всех на кол, если боярыча не найдут... Кха-кха... Ой...

Он закашлялся, суматошно повозил руками по застежкам тулупа, не глядя на мальчонку, и вдруг махнул рукой:

– Да чего уж теперь! Все уже знают... Ты где шататься изволил, боярыч?

– Че-го?! – Макар поперхнулся и замер с поднятой рукой, Тимка, приоткрыв рот, захлопал глазами, с искренним недоумением уставившись на своего знакомя, стоявшие вокруг зрители, включая разведчиков и отроков из караула, тоже обалдело пялились на участников сцены.

Мишка вдруг понял, что вспоминает в мельчайших нюансах и подробностях давно, казалось, забытую речь их старшины Барбашова, произнесенную тем в каптерке после того, как свалившаяся снегом на голову комиссия из штаба округа, войдя в казарму, попала на генеральную

репетицию тремя пьяными, за-ради раскрепощения творческого начала, дембелями танца маленьких лебедей. При этом из обмундирования на героях сцены имелись только сапоги и казенные наволочки, изображавшие балетные пачки. Поскольку Ратников, как пристало мальчику из хорошей ленинградской семьи, посещал в детстве балетную студию, то он закономерно оказался в этом трио центральной «лебедью», и речь предназначалась во многом ему.

Тогда, да и вообще по жизни, он наслушался подобных филологических откровений во множестве, но именно старшина запомнился тем, что умудрился, не умолкая в течение получаса, ни разу не повториться и не произнести ни одного цензурного слова, кроме междометий.

Впрочем, тишина долго не продержалась. Верка, которая так и стояла возле Тимки, видимо, интерпретировала услышанное по-своему, а посему решительно задвинула мальчишку себе за спину и поперла грудью на Феофана.

– Ты чего несешь, лягух болотный? Грек он... Видали мы таких греков!

Но ее атака имела несколько неожиданные последствия. Пришелец, обнаружив напротив себя разъяренную бабу, вместо того чтобы испугаться ее напора, восторженно распахнул глаза, оценив по достоинству стати Тимкиной защитницы.

– Ух ты какая! – причмокнул он, с откровенным одобрением окинув взглядом ладную фигуру Макаровой жены, и поинтересовался: – Это ж кто такая? Тимофей, представь!

– Мама Вера это! – гордо сообщил Тимка, выбираясь из-за Веркиной спины, и похвастался: – У меня теперь матушка есть!

– Матушка? Тогда другое дело, раз матушка...

Грек икнул, испуганно закрыл рот рукой и ещё раз, уже совсем иначе, оглядел обалдевшую от такой наглости Верку. В не до конца проясненных мозгах что-то переклинило, и Феофан, поправив сползшую на ухо шапку, вдруг отвесил Верке поясной поклон:

– Прости уж меня... – Подумал и добавил прочувствованно: – Матушка-боярыня. Не знал...

Он выпрямился, вздохнул и печально посетовал:

– Вот оно как, значит...

Верка замерла с открытым ртом – впервые, наверное, за всю жизнь у Говорухи не нашлось что ответить, только глаза выдавали усиленную

работу мысли. Наконец она беспомощно развела руками и обратилась за помощью к мужу.

– Макар? Да что же это делается-то?!

Мишка понял, что пора брать дело в свои руки.

– Так, циркус прекратить! Караульные, почему не на посту? Этого, – кивнул он разведчикам на продолжавшего что-то мучительно соображать грека, до которого только-только стало доходить, что попал он не совсем туда, куда собирался, – этого тащите пока в терем – найдите горницу свободную недалеко от моего кабинета. Там разберемся, – и тут встретился глазами с Андреем.

Немой, незаметно появившийся неведомо откуда – при начале представления его рядом не было – сейчас стоял рядом с Тимкой, хозяйски положив руку мальчишке на плечо. Мишке он кивнул одобрительно и подтвердил его последние слова, обращенные к присутствующим, таким взглядом, что все собравшиеся у ворот зрители явственно обозначили потерю интереса к происходящему и стремительно рассосались по своим делам. Остались на месте только Макар, Верка, Андрей, выглядывающая из-за его плеча Арина и сам герой торжества – Кузнечик. Феофана, безуспешно пытавшегося ещё что-то сказать, вспомнившие свои обязанности конвоиры уже волокли к терему.

Мишка посмотрел на Тимку. Тот в ответ выжидающе уставился на сотника широко распахнутыми темными глазищами с длинными, почти девичьими ресницами и плохо скрытым пацанячьим любопытством. Малец как малец. Разве что слегка смуглявее, чем остальные, да скулы намекали на некоторую примесь восточных кровей. И вихры темные. Не черноволосый, скорее, темный шатен, если Мишка не ошибался в названии масти.

– Ты чего без шапки-то бегаешь?

– Так торопился я... – Тимка смущенно шмыгнул носом. – Меня Сенька там послал... А тут вижу – Фифан.

Неожиданно Немой, привычно замерший памятником самому себе, отмер, полез за пазуху, вытащил оттуда шапку и нахлобучил ее на голову мальчика.

– Спасибо, дядька Андрей! – поблагодарил его Тимка и снова повернулся к Мишке. – Ну так не мог же я мимо, раз Фифан...

– Ага, не мог, – усмехнулся Мишка. – Так что, ты, оказывается, тоже боярич?

– Наверное... – Тимка неуверенно пожал плечами. – Фифан говорит...

– Что значит, Фифан говорит? – от общего идиотизма происходящего

Мишка уже не знал, морочит им голову мальчишка или и вправду не знает.

– Ну, вообще-то мой отец дядьке Журавлю родич, – Тимка почесал нос и вздохнул. – Пока не пропал, за него сколько раз оставался. Но он себя боярином звать не велел, говорил: я – Мастер, это никаким боярством не дается... Вот его и не звали...

Тимка ещё подумал и добавил:

– А бояричем и Юрку никто не зовет.

– Какого Юрку?

– Так сына же дядьки Журавля! – удивился Кузнечик Мишкиной непонятливости. – Но он калеченый, из дома редко выходит.

– А дядьку Журавля ты бы, как и грека, спасти кинулся?

– Так я ж и не... – и замолчал, встретившись с Мишкиным взглядом. Оглянулся на Андрея, потом на Макара, в поисках защиты, но потом решительно вздохнул и признался:

– Ага... Только он бы сюда не прибежал. Мирон его сам боится.

– А грек, значит, боится Мирона?

– Наверное... Мирона все боятся. Кроме Медведя. А грек – он свой! Он хороший и учил нас всему! Ты не гляди, что пьяный – он все-все знает. Даже чего дед не знал...

– А что ж дядька Журавль вас с дедом не защитил, раз вы в побег пошли?

– Так нету его! Как уехал, так, наверное, и не вернулся, раз Фифан сказал, что Мирон нас с дедом ищет... – Тимка снова вздохнул. – Деда говорил, боярин приедет – Мирона точно убьет.

– Значит, Фифан свой, говоришь?

Мальчишка поспешно кивнул.

– Змея он тебя делать научил?

– Не... Папка. Фифан сам удивлялся, когда запустили первый раз, – ухмыльнулся во весь рот Тимка. – Мы с пацанами в слободе часто запускали. Разных. А что образ – это уже тут боярыня Анна велела намалевать. Там волхв изругался бы... И боярыня звать змеем не велела, раз образ христианский, – не пожаловался, а скорее проинформировал он. – А что? Понравилось? Это мы все делали... Для вас...

– Мирон – волхв?

– Да не... – мальчишка скривился. – Мирон с боярином. А волхв – так. Он сам по себе. Да и не боится его никто – он в слободу только по кузнечным делам приходит, когда пускают. Просто кричит много. А грек с ним спорит...

– Грек христианин?

– Ну да... И волхва он как-то раз вообще побил.

– А Мирон?

– Да кто его знает! – задумался Тимка. – Крест нательный ему дед делал, а потом ругался, что он его надевает только когда с боярином куда едет, а сам с волхвом на их праздники в храм ходит, Сварога славить.

– А вы ходили?

– На праздники – нет. Но в храме работали. Дед потом поститься велел и молился.

– А отец Моисей у вас бывал?

– Это священник, что ль? Не-а... Я про него и не знал – тут уже сказали, что есть у нас там такой. Он к нам не ходил, в слободу только своих мастеров пускают или по делу кто. И слободским без охраны не выйти. Мы сами молитвы читали, – пояснил он и, не удержавшись, похвастался. – А зато меня здесь крестили! И теперь дядька Макар и тетка Арина у меня крестные!

Теперь Мишке стал немного понятнее интерес Андрея к отроку, да и с «мамой Верой» прояснилось.

«Усыновили Макар с Веркой, значит, сироту, у них-то одна дочь. Логично... Блин, а ведь придется им теперь боярство давать! И не отвертись... Стоп, сэр! Но это выходит, они теперь и ваши родичи? И Макар с Веркой, и боярич этот новоявленный, который Журавлю родня... М-да-а... По-сравнению со всеми остальными новостями, это уже пустяки между делом.

Ну что ж, сэр, должен признать, увертюра впечатлила. Пошли слушать арию».

Предчувствия Ратникова не обманули: подтверждение этому он получил немедленно в качестве ответа на свой же следующий вопрос:

– Не выйти, говоришь? Так вы же с дедом вышли? И грек.

– Нас дядька Медведь провел. И Фифана он тоже, видать... – Тимка почесал в затылке. – Иначе бы никак...

– А Медведь?

– Что Медведь?

– Он кто?

– А он у лешаков главный. С ним дядька Аристарх говорил...

«Какие ещё лешаки?!»

Мишка посмотрел на Андрея, стоявшего рядом с мальчишкой. Немой утвердительно коротко прикрыл глаза, а потом показал взглядом на Макара. Наставник до этого момента внимательно наблюдал за происходящим, но

не вмешивался, только слушал разговор молодого сотника со своим крестником и, похоже, что-то решал про себя. В ответ на вопросительный взгляд Мишки кивнул утвердительно.

– Все так, Михайла. Только негоже тут разговаривать. Пойдём в терем, – и повернулся к Верке с Ариной. – Чего смотрите? Тимку никто не обидит – идите себе...

Верка было открыла рот, но ее опередила Арина.

– Так и не было нас тут, Макар, – спокойно сообщила она. – Мы с Верой о своих делах говорили, недосуг нам слушать, что и где... – и, подхватив подругу за рукав, потянула ее прочь. Верка, против обыкновения, так и не издав ни звука, пару раз открыла и тут же закрыла рот, кивнула Макару и поспешила за Ариной.

Мишка снова посмотрел на Тимку.

– Выручить своего грека хочешь?

– А чего его выручать... – попробовал было тот непонимающе захлопать глазищами и сделать невинно-наивную физиономию, но Мишка смотрел серьезно – прямо в глаза.

– Так хочешь или нет?

– Хочу... – вздохнул Тимка, признавая свое «поражение» и кивнул уже по-деловому. – Чего делать надо?

– Пока ничего. Пока ты все правильно делаешь. А на будущее – хитрить не надо, сразу говори, если что. А где надо схитрить – я тебе сам скажу. Понял?

То, что Тимка не стал упираться и оправдываться – мол, я и не думал – а просто снова кивнул, Мишка оценил и продолжил:

– Тогда так. Я сейчас с наставниками поговорю, а ты нас подождешь, возле моего кабинета. Потом вместе с твоим Феофаном и побеседуем. Понял?

Мальчишка вытянулся, демонстрируя, что время, проведенное в крепости, он зря не терял, и бодро отрапортовал:

– Так точно, господин сотник! Ждать у кабинета, пока не позовешь с Фифаном говорить!

* * *

– ...Да пойми ты, Михайла! Не могу я тебе всего сказать! – Макар досадливо поморщился, чем-то напомнив Мишке Егора во время их памятного разговора перед освобождением княгини, когда десятник его так

гениально развел, заставив взять на себя ответственность за операцию. Вот только Макар сейчас, похоже, не играл.

– Тимка сразу ко мне попал. Только потому Аристарх меня к этому делу и пристроил, мальчика оберегать и присмотреть за ним. И не знаю я всего, о чем староста с Медведем договаривался – без меня они встречались. Тимка мой крестник, вот за него отвечаю и перед Богом, и перед людьми, ну так от этого и не отказываюсь. Точно тебе скажу – про боярство он не врет. И правда, видать, не знал или не думал, иначе уже проговорился бы...

Макар задумчиво покрутил головой:

– Удивительно, конечно, как о таком можно не знать, но там у них все не по-людски устроено, в слободе этой. Видать, не велено говорить и все. Кто его знает, от кого этих мальцов берегли... Мож, и не говорили ему нарочно. И учили его не на боярича, а на мастера, но тоже как-то наособицу. Сколь живу – нигде такого не видел. Вроде и ремесленник, а не простой. Нам с Аристархом сразу в глаза бросилось, что он не как все: блаженным его не назовешь, однако все равно как не от мира сего. Тебе рассказать тогда так и не успели – мы с ним в тот день поздно в крепость вернулись, а наутро вы в Ратное ушли, а потом на ляхов. Почему Аристарх не сказал, так это ты не у него – у деда спрашивай, с сотником обо всем говорено. Не про Тимку, конечно – про Медведя. Аристарх с ним встретился после того, как вы ляхов побили и к Князьему Погосту пошли, а сотня ещё в селе задержалась...

Мишка слушал и охреневал, хотя до того казалось, что уже и так охренел – дальше некуда. Выяснилось, что очень даже есть куда.

Теперь, наконец, стало понятно, почему дед, прекрасно зная про разворощенное осиное гнездо за болотом, увел в поход и сотню, и Младшую стражу. Похоже, Аристарх от этого самого Медведя привез какие-то гарантии. И что? Гарантии, выходит, не сработали? Бунт-то из-за болота кто-то поддерживал. Или, напротив, сработали? По всему получалось, что староста откуда-то заранее узнал, где встречать подмогу, которая шла к мятежникам из-за болота. Там и устроил засаду. Потому и не дошли вои, посланные на помощь бунтовщикам, – всех положили.

Да и бунт мог обернуться худшими последствиями, если бы староста перед этим не услал холопов от семей из Ратного, на лесозаготовки. Собственно, если бы на выселках не загорелось, могло бы все и обойтись, потому как после возвращения сотни тем более никто бы не решился бунтовать, но не повезло. И тут уже Аристарх неповинен – не мог он

разорваться. Оттягивал, как мог, но чуть-чуть не дождался.

Бабам в Ратном, конечно, и так досталось, но им и поспешившим на выручку отрокам и девкам из крепости пришлось иметь дело только с холопами, вооруженными кто чем придется. Толпа – не войско. А если бы и впрямь подоспели те три десятка воев, которых побили в лесу староста с мужами, что могли держать в руках оружие, да с воинскими учениками – тогда кранты Ратному. Среди бунтующих набралось всего несколько воинов, так и то они едва-едва ворота не высадили – хорошо, Сучок со своими подоспел.

Эпическая, без преуменьшения, история про оборону Ратного плотницкой артелью впечатляла. И, что уж там – вселяла надежду: нет, зря иной раз Мишка грешил на своих нынешних современников, мол, дальше своей задницы не видят. И такое, конечно, случалось, и, скорее всего, до того времени, когда понятия «Родина» и «Отечество» удастся сделать тут такими же значимыми и святыми, какими они были для него самого, он не доживет, а все же... Сучок-то на смерть пошел. Живота не пожалел за други своя – без всяких скидок и дурацких ухмылок.

«Признайте, сэр, что плотники в этом бою проявили не просто отвагу, а настоящий героизм. В бой они кинулись почти гарантированно без единого шанса выжить. Мужики неглупые, битые и то, что происходило там, видели: против них озверевшая толпа, а они с одними плотницкими топорами и без брони, даже самой непутящей. Что из крепости уже идет подмога, они не подозревали и все-таки не отступились. Могли ведь сторонкой-сторонкой и отойти хоть в крепость, хоть в лес и там пересидеть, пока все закончится. В крайнем случае, подались бы до Княжьего Погоста, мол, убежали со страху – их бы и не упрекнул потом никто. Закупы, а защищали село, в которое их сослали за долги. Значит, и они тут своими стали, и Ратное для них больше не чужое. Сучок – скандалист и пакостник, каких поискать, и тем не менее...»

Впрочем, пока что требовалось решить насущные вопросы. По всему выходило, что перед самым походом дед санкционировал переговоры старосты с неведомым Медведем – командиром лешаков, как сказал Тимка. Надо думать – тех самых «пятнистых». Как и почему приближенный Журавля вдруг сам пошел на такой контакт, да ещё и привел в крепость боярича Кузнечика, до чего они с Аристархом договорились, и что вообще произошло в Жури, знал только сам староста, который сейчас лежал без

памяти. А Макар не решался без его благословения выдать Мишке допуск к информации с грифом «Совершенно секретно».

«А ведь герр бургомистр у нас, похоже, ведаёт не только хозяйственными делами общины. Когда сотня уходит в поход, невозможно охранять богатое село, оставаясь с женщинами и пацанами, в окружении недружелюбных соседей, и при этом не стать разведчиком, контрразведчиком и дипломатом в одном флаконе. Иначе на месте Ратного давно бы головешки травой порастали. Этакое КГБ Ратного в одном лице. Тайный приказ, если угодно подыскать более близкую данному времени терминологию.

Похоже сэр, вас снова ткнули носом в новое откровение о структуре сотни. Интересно, как много открытий чудных вам ещё предстоит сделать по мере повышения своего статуса? А вы чего хотели, собственно? Сами могли бы догадаться, что зеленому лейтенанту, каким вы пока что являетесь в глазах деда, несмотря на все его на вас надежды, никто не станет раскрывать всего. Ратное – это гарнизон на осадном положении со всеми отсюда вытекающими, и никто не отменял введенное сто лет назад чрезвычайное положение в варианте двенадцатого века.

Сотня просто не выжила бы эти сто лет, если бы не озаботилась подобной структурой. И, похоже, в эти дела старосты сотник без особой нужды не лезет, а получает только необходимую ему информацию.

...Елки-палки, а такой ли уж неожиданностью на самом деле оказалась Журь для лорда Корнея, не говоря уж про самого Аристарха? И поход этот за болото – такой ли уж экспромт? Ладно, с этим разберемся по мере поступления информации, сейчас надо разбираться с конкретной ситуацией...»

– К сотнику надо! Пусть он и решает.

«Приехали, сэр... Думайте быстро, как выкрутиться! Пока лорд Корней свой ход не сделал, посвящать Макара в тонкости ваших взаимоотношений с дедом уж очень не хочется, да ещё вопрос, как он тогда среагирует... Ладно, попробуем зайти с другой стороны».

– И что ты воеводе собираешься докладывать? Грека-то Медведь именно сюда доставил, а не в Ратное. Медведь знает, что Аристарх тебя к Тимке приставил?

– Знает, – кивнул Макар.

– Значит, ему надо встретиться. И, видимо, срочно. Случилось там что-то, если он грека вот так, неожиданным подарком, к нам притащил. Аристарх сейчас без памяти лежит, наверняка Медведю и это известно. Кто-то ещё в Ратном в эти дела посвящен?

– Кроме сотника разве что Егор, – Макар задумчиво почесал в бороде. – Их десяток прикрывал Аристарха с Тимкой, когда он с Медведем договаривался.

«Кхе, как изволит выражаться лорд Корней, все любопытственнее и любопытственнее, не находите, сэр? Опять Егор и его команда. Чем дальше в лес, тем толще партизаны... Вы же сами мужиков в спецназеры определили, так чему удивляетесь? Макар воин опытный, но общевоинский, если на наши деньги, с делами Тайного приказа раньше, похоже, вот так непосредственно не сталкивался, хотя и в доверии у старосты. А вот Егоров десяток – другое дело. Логично, что они приписаны к соответствующему ведомству и если Аристарху не подчиняются напрямую, то переходят в его распоряжение для подобных операций.»

А не староста ли поручил Егору за вами в походе приглядывать? Ну, помимо того, что дед... Хотя, вероятно, тут мы имеем полное непротивление сторон, так сказать. Тем проще...»

– А ведь Егоров десяток воевода в походе к нам приставил. С ними мы и из Турова вернулись, – прищурился Мишка. – Не Алексея или Глеба, а Егора. Я же не только сотник и боярич, но и Окормля. Вот оно что... – протянул он задумчиво, словно рассуждал сам с собой. – Егор не столько боярича оберегал, сколько Окормлю наставлял...Теперь многое ясно стало.

То, что перед походом Аристарх мне ничего не сказал – понятно, нужды не было, раз уходили; в походе не про то думать надо, а вот сейчас... Сам посуди: Туробой ранен, Егор был с нами в походе и обо всем, что у вас тут в наше отсутствие происходило, тоже понятия не имеет. Кроме того, все, что в крепости случилось или может случиться – мое дело. Я теперь за все отвечаю не только перед воеводой, но перед князем, как его сотник. Так что, дядька Макар, пока, кроме тебя, некому меня дальше учить.

«Вот, теперь у Макара два выхода: или принять на себя ответственность РЕШАТЬ или спрятаться за железобетонную отмазку всех времен и народов – «не велено». В первом случае сделать заявку как бы не на боярство, с учетом статуса его приемыша, а во втором – расписаться в отсутствии претензий на что-либо большее, чем место рядового наставника, руководствующегося старой солдатской премудростью: подальше от начальства – поближе к кухне; тепло, светло, сытно, а от мух и отмахнуться не в лом. Ну, давай, Макар, не подведи! Не дурак же – дурак к Аристарху в доверие не попал бы. Решать надо, причем здесь и сейчас – воеводу ждать некогда, у нас тут перрон

отходит – держи вагон...»

– Тебя, пожалуй, научишь! – Макар, судя по всему, с трудом сдержался, чтобы не выругаться. – Меня самого кто бы раньше научил! Надо с греком вначале поговорить, может, и выясним, с какого перепуга его сюда, как порося в мешке, притащили да нам подбросили. А там и решать будем.

– Грек Тимофею вроде как не чужой, – кивнул Мишка. – Он его когда увидел, в самом деле обрадовался, как родному. Пьяный-пьяный, а тут трезветь начал. Думаю, пусть он поговорит с мальцом, пока не до конца в себя пришел, а мы с тобой послушаем. Медведь же его к нам не просто так прислал...

Грек и правда уже почти протрезвел, но зато теперь маялся жестоким похмельем, судя по бледной физиономии и тому, как зябко он кутался в свой тулупчик, несмотря на жарко натопленную с утра печь.

«Сколько же он пил-то, если не заметил, как его через болото тащили, и вообще не помнит дорогу? Черт, и налить ему сейчас нельзя, а надо бы – как бы его белочка не стеганула – тогда расспрашивать и вовсе некого станет. Интересно, Юлька с таким явлением, как алкогольная абстиненция, справится? Ладно, будем надеяться, продержится с полчаса, а потом и нальем – не звери же...»

К счастью, пока что симптомов помутнения рассудка у Феофана не проявлялось. Напротив, он оглядел присутствующих настороженно и изучающе. Когда разведчики, повинуясь Мишкиному приказу, вышли за дверь, Феофан дернулся то ли поклониться, то ли подойти к столу, где сидел Мишка с наставниками, но передумал, нарвавшись на взгляд Немого, и замер на месте. В его нынешнем состоянии любые резкие движения наверняка причиняли немалые мучения: Ратников пару раз в жизни имел опыт подобного погружения в эту нирвану и хорошо помнил ощущения, когда обстоятельства из нее резко выдергивают. А в данном случае обстоятельства сами по себе любого закоренелого трезвенника-язвенника заставили бы вспомнить о выпивке.

Хотя при взгляде на Андрея Феофана заметно передернуло, присутствие Тимки немного выправило ситуацию – взглянув на него, грек не то чтобы расслабился, но как-то успокоился и взял себя в руки. И, оправдывая Мишкину надежду, что с мальчишкой он станет разговорчивее, обратился к Кузнечнику:

– Так, значит, вот куда вы с дедом подались... А сам-то Гордей где? Небось, в мастерской?

Тимка сник, словно с разбега нарвавшись на неожиданное препятствие, и опустил голову.

– Нету деды... Кабан его в лесу задрал, – шмыгнул он носом. – Меня разведчики спасли...

– Вот оно как... – Феофан тяжело вздохнул, вытер лоб, поклонился присутствующим и машинально пошарил рукой у себя на поясе, потом поднял взгляд на Макара, видимо, выбрав его в качестве главного:

– Благослови вас Господи за Тимофея нашего, что пропасть ему не дали! – Мишка почувствовал, что грек их сейчас благодарит за спасение не боярича, а конкретно вот этого вихрастого пацаненка. – А Гордей... Стало быть, судьба... Помянуть бы? – в голосе грека не слышалось и тени просительного заискивания – скорее просьба уважить погибшего. – У меня при себе сумка была, там фляга. С кальвадосом. Прикажи принести, мил человек, уважь... Гордей того стоил. Мастер был от Бога... – и опять Феофан не лукавил, говорил искренне. Похоже, смерть Тимкиного деда его огорчила настолько, что он на какое-то время забыл опасаться за свою дальнейшую судьбу.

– Эта? – Мишка пододвинул к себе лежавшую на лавке сумку грека, которую вместе с его остальными вещами разведчики принесли в кабинет перед началом разговора. Собственно, кроме фляги да нехитрой закуски в виде луковицы и куска сала с хлебом, завернутых в чистую тряпицу, ничего интересного в вещах Феофана не нашлось, что укрепило Мишкины подозрения – эвакуация проводилась спонтанно и в спешке. Про это он и спросил, доставая кружки, пока грек, приняв из его рук свое сокровище, вытаскивал пробку:

– Гляжу, в дорогу-то наспех собирался? Что так? – и кивнул Тимке. – Пододвинь скамеечку дядьке Феофану – вон у стены стоит.

Мальчишка кинулся выполнять указание, а грек горестно махнул рукой.

– Так разве ж я собирался? К виноделу новому собирался, было дело, с собой десяток кувшинов взял, но мы их, кажется, там и того... – сокрушенно развел он руками.

Подумал ещё и с надеждой поглядел на Макара:

– А может, и не того? Может, послать туда, а? Не должно быть, чтоб мы вдвоем столько... Охране-то из бочонка наливали. Или Медведя попросить, чтоб послал.

– Может, и пошлем, – хмыкнул Мишка и кивнул на расставленные кружки. – Наливай, помянем мастера.

Феофан с некоторым сомнением посмотрел на Мишку, потом

покосился на Макара и осторожно спросил:

– А не рано ли, юноша? Сие питье крепкое зело.

– Знаю. А потому мне чуть плесни, только ради уважения. Да и себе много не наливай – разговор-то мы только начали. А вот Тимофею и впрямь рано. Молитвой деда помянет.

Мишка, все это время не упускавший из внимания мальчонку, с одобрением отметил, что Тимка готов всячески защищать и опекать своего Фифана. Вот и сейчас он только шмыгнул носом и перекрестился, но смолчал и остался стоять за плечом грека.

Выпили молча. Феофану заметно полегчало, во всяком случае, лицо приобрело некоторый румянец, а взгляд – ясность. Зажевав куском сала живительный глоток, он с тоской посмотрел на флягу, но от дальнейшего лечения воздержался.

– Да-а... Строго тут у вас поставлено, – обернувшись к Тимке, он притянул его за плечи к себе поближе. – Я сразу так и понял, когда вы с дедом пропали, что без Медведя не обошлось, и Мирон тоже, похоже, уже догадывается... – вздохнул он. – Правда, обвинять напрямую не решается, но лютует сильно, а дней десять последних и вовсе мечется.

– Из-за этого тебя Медведь сюда привел, да?

Тимка осторожно потерся щекой о плечо грека и убежденно добавил:

– Тут тебя Мирон не достанет! А теперь и подавно! Тут охрана знаешь какая?

– Да уж вижу, что охрана, – серьезно кивнул грек. – Это из-за тебя, что ли?

– Не, – помотал головой Тимка. – Тут вообще так. Это потому что крепость воинская.

– Что крепость, я вижу... Только чего сия крепость охраняет? У нас понятно – слободу, – задумчиво проговорил он, рассуждая сам с собой. – Боярина нашего тоже охраняют. Так он боярин, ему положено. А тут кого?

– Так вот же боярич! – Тимка указал на Мишку. – Сотник наш. Он тут самый главный!

– Главный?

Грек перевел взгляд на молодого сотника, потом поглядел на Макара. Осторожно покосился в сторону Немого, подумал с минуту-другую о чем-то и, наконец, спросил:

– Так это ты, юноша, тут такой... э-э... режимный объект устроил? И кабинет этот – он осторожно обвел рукой вокруг себя, – тоже твой? Кто же тебя научил сему?

«Интересно, откуда он таких словечек нахватался? Вернее, на что

ссылался их боярин, когда вводил им этот новояз? Вы на покойного отца Михаила и его книги киваете, а тут знания не христианские... Впрочем, а кто сказал, что они языческие? Знания – они знания и есть, сиречь наследие от древних. Аристотель тоже не христианин, однако же признается за авторитет. Но ловок, шельма, норовит повернуть разговор так, чтобы не мы ему, а он нам вопросы задавал. Ну уж нет, обобьется. А светскую беседу и мы вести умеем...»

– Было кому учить, – кивнул Мишка и усмехнулся уголком рта. – Впрочем, хороших учителей много не бывает, если желание учиться есть. На том стоим и стоять будем. Только ты сам сказал, охрана положена боярину, а у вас Слободу охраняют. И что в той вашей слободе такого, что ее охранять требуется не хуже боярина?

– Коли учен, то, может быть, и слово такое слышал – «тайна коммерческая»? – прищурился Феофан. – Вот она и есть.

«Тайна-то тайна. Только вот коммерческая ли? У Журавля на лице следы, по описанию похожие на пороховые. За болотом мы на огнестрел, слава тебе Господи, не нарвались, и никто из пленных ни о чем подобном даже не заикался, но такую тайну как раз в слободе и беречь. Тимка говорил, что грек ученый, а эта публика сейчас не может не знаться с алхимией. Чем черт не шутит? Узнать-то надо...»

– Коммерческая, говоришь? То есть торгуете и технологии от конкурентов таите? – быстро спросил Мишка, с удовлетворением констатируя, что слово «технологии» у Феофана недоумения не вызвало. – А порох тоже на продажу делаете или для себя только?

– Да какая продажа! – поморщился грек. – Всего-то и удалось сделать горшочек маленький. Пыхает хорошо, но и что с того? Его ещё надо довести до того места, где им пыхать. А как, если он у тебя в руках полыхнуть пытается. Только и получилось, что дверь в курятнике разнесло. А все от излишней поспешности – боярину хотели угодить, видишь ли! Говорил я – рассчитать надо... Баб напугали, петуха пришибло, куры нестись перестали, да черт бы с ними – порох зря извели! А его делать дорого: сколько трудов да трат даром, теперь все снова...

Он вдруг запнулся на полуслове и застыл с открытым ртом, потрясенно уставившись на Мишку. Подумал немного, икнул и осторожно поинтересовался:

– Про порох тебе кто рассказал? – строго посмотрел на Тимку. – Тимофей, ты? А сам откуда знаешь? Неужели до моей лаборатории добрались? Сколько раз говорил – туда носа не совать! Без головы остаться можно...

– Не, нам тогда подсмотреть не получилось.

Тимка, вероятно, впервые слышал эти подробности и сейчас, несмотря на всю серьезность момента, наслаждался своей причастностью к тайне. И тут же попытался добыть ещё кусочек интересующих его сведений:

– Так это от пороха в тот раз так бумкнуло? Мы только слышали, что ворота над речкой летали и петух на ту сторону плыть собрался, а от чего – не знали. А такой бабах был! – не сдержал мальчишка своего восторга. – И ворота в щепу, они, правда, старые совсем были, а все равно здорово! А его трудно делать?

Мишка краем глаза заметил, как лицо Макара окаменело почти до состояния Андреева, а у Немого потемнели глаза; не приходилось сомневаться, что оба воина прекрасно оценили пассаж про выбитую дверь и «бабах» от маленького заряда, хотя ни один, ни другой о возможностях огнестрела понятия не имели.

«Дай бог, чтоб и не получили. Не хватало сейчас тут бомбы – и так не скучно живем... Но известие, что пороха мало, он дорог и изготовить его быстро не получится, утешает. Спасибо, Фифан, успокоил...Хотя... А какие ещё сюрпризы там заготовлены?»

Поговорить я тебе дал, почувствовать себя в разговоре ведущим позволил, теперь пора инициативу перехватывать – желая ее себе вернуть, ты язык, надеюсь, и развяжешь...»

– А что боярин за оружие хотел сделать? – поинтересовался Мишка, оставив пока без ответа вопрос грека «откуда», но зато сделав себе четкую зарубочку на его словах о лаборатории.

– С оружием плохо. Порох делали, чтоб скалу подорвать, – машинально ответил грек и снова резко осекся, напряженно глядя на Мишку так, словно впервые его заметил. Но вопросов больше не задавал.

«А вот это весьма интересно, досточтимый сэр! И где же это Журавль на наших болотах скалу нашел, и чем она ему мешала, что он порохом озаботился? И смотри, как замолчал сразу, будто лишнего сболтнул. Макар с Андреем вон как уши наострили – мигом сообразили, что если двери от курятника летают, то ведь и ратнинский тын при случае полететь может – не скала, чай... А ну-ка, подкинем ещё вопросик в топочку Феофанового любопытства. Он уже и так на вас вылупился, как на говорящую собаку, может, от удивления ещё о чем интересном проговорится».

– Чтоб в руках не взрывался и горел лучше, его гранулировать надо.

– Экспериментирую пока – с гранулированием плохо получается, да и

мало совсем осталось – два года кобыле под хвост с этим салютом! – машинально посетовал грек и снова замолк, что-то мучительно соображая про себя.

– А компасов у вас много? – демонстративно игнорируя выразительные взгляды Феофана, продолжал расспрашивать Мишка.

– Да пяток сделали, – грек вздохнул с сожалением. – Правда, там без Гордея трудно придется – тонкую работу всю он исполнял. Может, вот Тимофей теперь освоит...

– А как стрелку намагничивали? Магнитным железняком?

Грек смотрел на Мишку со все возрастающим удивлением, словно до него вдруг стало доходить нечто сродни откровению.

– Нет, слабые они – не получается, – после некоторой заминки тем не менее ответил он. – Электрикой...

«Охренеть пять раз и не встать! Надеюсь, они там электрификацию всей страны... Тьфу! Журавлиных земель не затеяли? Хотя сделать на коленке элементарную батарейку любой пацан сообразит...»

– Батарея, значит... А электроды из чего? Медь и железо? Значит, компасов можно много наделать, если понадобится... – последнее Мишка проговорил скорее про себя.

– Ну, как много? – Феофан с сомнением пожал плечами. – Одна катушка есть. Можно, конечно, ещё сделать, только это чистую медь опять надо, а где ее возьмешь? Потом проволоку тянуть тонкую, а потом изолировать опять же....

– Проволоку тоже медную делали?

– Не получается с медной, – ухмыльнулся грек, довольный тем, что тут Мишка не угадал. Несмотря на терзавшие его вопросы, глаза его невольно разгорелись. – Тонкая очень, рвется. Серебряную сделали.

– Электрику для чего применяете? Не ради одних только компасов возились?

– Ещё серебрение и позолоту делают, – грек отмахнулся, – но это не интересно, я вон мастеров научил, они сами. А вот для чего ещё? Боярин говорил, через нее даже говорить можно, хоть за сто верст...

– Можно, – согласился Мишка, – только опять провода нужны, и много. И проводить их... Не получится – только если забавы ради...

– Да где же ты все это постиг, юноша?! – не выдержал, наконец, Феофан. – Боярин наш то же самое говорил...

– Боярин или ученый человек, что у него в клетке сидит? – резко спросил Мишка.

Грек неожиданно икнул, закашлялся, посинел и прохрипел:

– Тимофей! Стукни! По спине...

Пока мальчишка старательно стучал его по хребту, Феофан быстро поднес палец к губам и показал глазами на Тимку. Видимо, обсуждать этот вопрос при бояриче он по какой-то причине не желал.

«Ну и ладно – главное, вовсе не отказывается. И не таится. Одно слово – ученый. Похоже, весь в своей науке. Где же его Журавль откопал? Вон как глаза загорелись, когда начал рассказывать про свои опыты; если бы его не прервали, мигом скатился бы на обсуждение технических деталей. Значит, из этого и будем исходить.»

Надо как-то объяснить свою осведомленность в этих технических деталях, а то у Макара тоже вопросы в глазах светятся, и не надо ему их оставлять. Впрочем, лишние сущности плодить не будем: есть у нас покойный отец Михаил и его «библиотека», про которую вы даже мадам прабабушке успели макаронных изделий на уши навешать – вот ее и далее задействуйте по полной программе. А главное, сам грек тут вам лучшее алиби: о чем именно мы говорим, мужики вряд ли половину поймут, но то, что говорим на одном языке и оперируем одними понятиями, не могут не усечь. И, значит, ничего уникального в них нет, раз они известны уже достаточно широкому кругу людей. От этой печки и будем дальше плясать...»

– Спрашиваешь, откуда мне сие известно? – Мишка уставился на грека. – От учителей. Был у нас тут священник, отец Михаил. Погиб от руки находников. Человек редкого ума, образование получил в Константинополе. Он мне и давал читать списки. Что-то сам переводил с иноземных языков, а что-то уже по-нашему написано. Наука та христианству не противна. Вот только откуда у язычников эти знания? Или ты их им принес? Ты же от Христа не отрекся, а у нас говорят, там за крест на колы сажают...

– За крест? Да кто ж такое врет? – поперхнулся от возмущения грек. – Вон Тимофей христианин, и дед его христианин был, и отец... – тут Феофан снова покосился на Тимку и не очень умело сменил тему. – Вон, у Медведя спроси. Он хоть и язычник, а человек правильный и врать не станет... А кстати, где он? Мне вообще-то домой пора – Мирон и так орал дурным голосом, отпускать не хотел, уж и не знаю, почему вдруг передумал. А задержусь у вас – и вовсе потом ни по какой нужде из слободы не выпустит, даже под охраной...

– Что, Мирон у вас главный? – приподнял бровь Мишка. – Разве ему Медведь не указ?

– У нас боярин всем указ, – отмахнулся грек. – А Мирон с Медведем...

Не знаю я про их дела. Чего они там не поладили – пусть сами разбираются. Главное, чтобы ко мне не лезли!

– Ну, значит, с Медведем и поговорим, – кивнул Мишка. – Ведь он же тебя и прислал, чтоб нам встречу назначить? Что велел передать?

– Да ничего не велел! – грек немного подумал и вздохнул с некоторым раскаянием. – А может и велел, да я ничего не помню... Как у винодела пили – помню, а потом... Медведя и спрашивай!

Он ещё раз огляделся и сказал уже Макару:

– Если Медведь хочет, чтоб его нашли, то найдется, на то он и Медведь. А юношу этого непременно ему представьте. И от меня передайте – с ним пусть говорит. Разумен ваш боярич на диво, даром, что молод...

Глава 3

Ноябрь 1125 года Окрестности Михайловской крепости

– А ведь вертит чего-то грек! – хмыкнул Макар. – Пьяный-пьяный, а так и не сказал напрямую, зачем его Медведь к нам прислал. Хотя наговорил такого, что мне самому впору похмеляться – вроде и по-нашему, а вот спроси – о чем, и половины не повторю... А вот когда про Медведя – так словно затыкает его. Дурнем прикидывается.

– Ну, главное-то он сказал, – пожал плечами Мишка. – А остальное потом выясним, куда он теперь денется? Медведь его, похоже, прислал выяснить, есть ли тут с кем разговаривать. Что Аристарх ранен, они уже наверняка знают, потому и привёл он грека тебе. Дед в Ратном, а тут из Лисовинов только я. Вот тебе грек и сказал сейчас, что говорить будут со мной. Или ты не понял?

– И что у нас их боярич, значит, он не случайно проговорился? Мол, иди – не сомневайся, все по чести будет... – Макар ещё раз покрутил головой, что-то обдумывая, и кивнул. – Ага... Я-то понял. А скоро и другие поймут. Вот тогда – держи порты крепче, сотник... Пошли! Медведь, похоже, замерз уже, нас дожидаясь.

Далеко идти не пришлось. Едва лишь они углубились в лес, как один из сугробов с краю дороги шевельнулся, поднялся вместе с торчащими из него ветками куста и, отряхнувшись, обернулся укутанным в белый балахон с капюшоном крепким невысоким парнем лет двадцати с коротко постриженной курчавой бородкой и светлыми «ледяными» глазами на загорелом темным «зимним» загаром лице.

Мишка чуть не выругался вслух:

«Вот дьявол! Ведь даже не заметил ничего! Да-а, красиво... Стоп! А чего же тогда те, что на меня летом напали, так лоханулись? Или это другие? Ладно, потом разберемся...»

Макар, впрочем, не сильно удивился, как будто того и ждал: кивнул встречающему, которого, судя по всему, знал в лицо.

– Медведь ждет?

Взгляд пришельца лишь на мгновение задержался на молодом бояриче, но ни вопросов, ни какого-либо удивления Мишкино присутствие не вызвало.

– Ждет, – коротко кивнул «лешак» и, предложив следовать за собой,

направился куда-то напрямик через кусты.

Небольшую – шагов пять в диаметре – хорошо утоптанную поляну, на которую привел их провожатый, явно приготовили к переговорам заранее. Там, на поваленном стволе дерева восседал тот, кто, по-видимому, и звался Медведем: коренастый жилистый мужик за сорок, в небрежно накинутом на плечи белом балахоне, таком же, как и у встретившего их «бойца».

Кивнул пришедшим на стоящие тут же пеньки, с которых кто-то загодя заботливо стряхнул снег.

– Здравы будьте, гости дорогие, – чуть глуховатый, низкий голос, и впрямь неуловимо напоминающий беззлобный звериный рык, прозвучал не то чтобы насмешливо, скорее просто приветливо. – Долго же вы собирались. Я чуть было не замерз, ожидая, а костерок раскладывать воздержался, чтоб ваших караульных попусту не волновать.

– Так мы пока не в гостях, – усмехнулся в ответ Макар. – Или ты уже в нашем лесу берлогу себе устроил?

– Лес, он всегда ничей, – пожал Медведь плечами. – На каком пенке присел – там и хозяин, пока не встал. А берлога дело наживное. Грек-то наш там как, очухался? Вы уж его не обижайте – он хоть и дурак дураком, но ума недюжинного. Пользы с него много может получиться, если к нему подойти правильно.

– А как же... – кивнул Макар. – Опохмелили уже. И поговорили... – он, прищурившись, глянул на Медведя. – Или и тебе налить? Феофан говорил, вместе вы вчера что-то праздновали, но по тебе и не скажешь. Хотя с вашим греком и впрямь, только под пиво говорить... Бочонка после третьего... Иначе головой повредиться недолго. Зато с нашим бояричем они друг друга поняли. Феофан велел тебе передать, чтобы и ты с ним беседовал.

Медведь перевел взгляд на Мишку, отчего у того появилось отчетливое ощущение, что его деликатно, но очень тщательно и профессионально ощупывают с пяток до макушки. Но вопроса в стиле «А это кто?» или «Это, что ль, ваш боярич?» не последовало.

– Медведем меня зови, – просто сообщил «лешак», не добавив при этом привычного «дядькой».

Пришлось представляться самому:

– А меня Михаилом.

– Ну, значит, почти тезки, – кивнул Медведь без тени усмешки. – Извиняй, что отдохнуть с дороги толком не дал. Больно дело спешное. Ещё вчера надо было, но не стал вас сразу беспокоить.

«Ага, я сейчас аж расплачусь от умиления, блин! Не стал он вчера нас беспокоить... Куда патрульные смотрят, эти иху?! Расслабились тут, пока нас не было – ходи, кто где хочешь, бери, что хочешь, а они ушами хлопают, как слоны гамбургские! Стерв куда смотрел?! Хотя, он в Ратном сейчас... Нет, вот разберемся с делами, заставлю его всех, включая купеческих, мордой по кустам до кровавого поноса возить, пока следы, даже скрытые, читать не научатся!

Дожили – сотня по всему лесу заболотных гостей ищет, а они тут чуть ли не светские приемы устраивают! И мажордом, в камуфляже вместо ливреи, под сугробом. А волхвы они, похоже, совсем не боятся – как нет ее...

Это он нарочно так дело хочет повернуть, что вроде как мы у него в гостях? Нет уж, это вряд ли. Значит, кто на пенек сел, тот и хозяин? Ну-ну...»

Мишка уселся поудобнее, широко расставил колени и, опершись о них ладонями, слегка наклонился вперед, решительно взял разговор на себя:

– Ну, что у тебя за дело такое спешное, что ты грека аж у Мироновой охраны умыкнул да нас тут на морозе дожидаясь? – оглянулся на замершего на краю поляны «лешака». – А костерок-то и впрямь теперь можно разложить. Замерзли твои орлы, небось, под сугробами сидючи.

– Ничего, они у меня привычные, – Медведь шевельнул бровью в сторону своего подчиненного, и тот беззвучно растворился в лесу. – Да и некогда сейчас нам у костров рассиживаться – такое варево без огня закипает... Не обжечься бы, расхлебывая. Значит, глянулся тебе наш грек?

– Так он не девка, чтоб мне на него любоваться, – хмыкнул Мишка. – Мужей не на погляд оценивают. Учен. Такое знает, что не каждому открыто, а главное, не всякому дозволено, а рот на замке держать не умеет. Заговорит о деле – все забывает. Как он жив-то, с таким-то счастьем?

– А тебе, значит, и дано, и дозволено? – Медведь рассматривал Мишку с откровенным интересом. – И откуда ж ты такой умный тут взялся, что за раз постиг то, что Феофан знает?

– Откуда взялся, там уже нет.

Мишка понимал, что ведет сейчас себя по здешним меркам более чем вызывающе – отроку в его годы полагалось разве что молча стоять за плечом старшего – но совершенно не собирался менять тон. Макар, к счастью, не мешал, только ухмылялся чему-то. Медведь то ли не решил, как на такую наглость мальчишки реагировать, то ли напротив – решил, а потому смотрел на него скорее с веселым интересом, чем с возмущением.

«Рассматривает, как зверушку редкую. Уж лучше бы рывкнул. Ладно,

будет тебе зоопарк с циркусом!» – неизвестно с чего подсадовал про себя Ратников, продолжая дерзить дальше:

– Похоже, нашим наставникам знания из одного кувшина наливали... Но всех знаний не то что за раз – за всю жизнь не постигнешь, да они иногда могут оказаться опаснее воинского железа...

«А много ли ты сам знаешь про то, чем грек с твоим боярином занимается? Про порох, например?»

Стараясь не выдать своего пристального внимания, Мишка следил за выражением лица Медведя, но тот в ответ на его слова только согласно кивнул.

– Потому и привел, что опасно. Он у нас сейчас от ума большого и сгинуть может. Я было его у боярина в крепости спрятать хотел, за нурманами, да ведь он, как дите – не усидит... Вон, к виноделу его с чего-то понесло. С Мироновой охраной. Хорошо, я успел перехватить.

«Та-ак... Опять Мирон».

– А чего Мирон хочет? С Аристархом-то я переговорить не смог, – пояснил свой вопрос Мишка. – Что у вас тут произошло, пока нас не было?

«А не кажется ли вам, сэр, что у вашего соседа наступил закономерный кризис власти в условиях жесткой автократии, то есть, говоря языком площадей, дерибан пошел. Причем вразнос. Близники власть не поделили, пока боярин в отъезде? Причем так не поделили, что этот ведьмин котел забурлил и из берегов вышел, аж до нас брызги долетели? Это уже симптомчик – если подковерные игры, без которых, как ни крути, никакой тиран не обойдется, переходят в такую фазу, то это значит что? Правильно – это значит, что трон этого самого тирана безнадежно потерял остойчивость, как старая плоскодонка в шторм...

Что же там у них стряслось? Всего он, само собой, не скажет, но то, что хотя бы Аристарху известно, должен... Приперло у него там, похоже».

Медведь смерил Мишку взглядом.

– Не вовремя старосту ранили. Свидетесь бы мне с ним, да не уверен, что Мироновы людишки поблизости от Ратного не ошиваются. И к вашему сотнику не пробьешься – лютует. А тайно вызвать Корнея не могу – не знает он о тех знаках, что мы с Аристархом на такой случай условились. А ты, боярич, хоть и молод, а сам уже сотник. Уверен, что говорить можешь? Слово за род дашь, или за дедом посылать? Дело-то не терпит. Не опоздать бы.

«Интересно, сэр, товарищ Медведь и правда спешит так, что лишний день ожидания Корнея для него критичен, или хочет пацана развести на

слабо и заставить дать слово, которое от деда получить не надеется? Впрочем, не так уж это и важно сейчас. Главное, теперь ваш выход. Черт, опять приходится на одной интуиции выезжать!»

– Если бы я не готов был за род говорить, так зачем бы сюда пришел? – пожал плечами Мишка. – Но словами от рода не разбрасываюсь. Все, что я решить смогу – решим. Что нет – услышу и деду передам. Часть уговора мы выполнили, боярича вашего укрыли, и он нам более не чужой – отвечаем за него, как за родича. И ты свое слово сдержал, потому и Ратное стоит. За это поклон тебе низкий от всего нашего рода и сотни.

Но теперь дальше говорить надо. До похода одно было, сейчас – другое. Тогда ты говорил с сотником, а теперь придется с княжеским воеводой и боярином..

Медведь, который внимательно слушал его, слегка подавшись вперед и опершись локтем о колено, при этих словах шевельнулся – в глазах промелькнула то ли усмешка, то ли сомнение. Мишка досадливо качнул головой:

– Не ради пустого бахвальства я тебе про это сейчас рассказываю. И не торгуюсь. Но у князей расклад на сотню поменялся. И тебе, и нам это придется учитывать.

– Разумно говоришь, боярич, – кивнул Медведь. – То, что неладно у нас, ты и сам уже понял. Крутит Мирон хвостом, как лиса. Давно крутит. Задумал что-то. Только я чуял, а за холку его ухватить не мог – так, чтобы не отпереться ему. Но приглядывал. До недавнего времени он осторожен был и берегов не терял, да и у боярина нашего в доверии – умен, умеет полезным быть и вовремя слово нужное сказать, не отнять у него этого. Но, видно, сейчас решил, что его время пришло.

Сразу после отъезда боярина помер Харальд. С чего помер – неведомо. На отраву похоже, но этого никто точно не скажет. И Мирон вроде тут ни при чем, и не он один мог. Меня тоже обвинить можно – я рядом. И почти сразу после этого вы налетели, как знали. И так лихо, что нурманскую дружину как косой срезало. Нурманы не дурнее нашего. Они вообще сами по себе всегда держались, а сейчас и подавно: те, что в живых остались, мало кому верят. Взять под себя власть у них сил не хватит, потому сидят в крепости, вроде как охраняют ее, но выглядит это, будто в осаде они. Возвращения боярина ждут, тогда и решать станут. И голову предателя непременно потребуют.

И в Мастеровой слободе разброд. Давно там разговоры ходили. Всякие. Но раньше Мирон и его ближники там не появлялись, и мастера их не жаловали, а тут Тороп со своими людьми туда чуть не переселился.

Мастера-то у нас балованные, привыкли, что воли им без меры дадено. Боярин им за их умение многое позволял и на многое глаза закрывал. Только что на волю не отпускал – а так, считай, любой каприз их исполнялся. Чего не попросят – получают, даже цены тому не спрашивают. Вот они страха и не имеют. Уверены, что незаменимые, а потому – бессмертные... – Медведь криво усмехнулся. – А того не понимают, что в случае чего их первых резать начнут. Как раз потому, что незаменимые... Только Гордей это понял. Или знал. Его-то боярин бы не тронул, но самого Журавля нет, Мирон за старшего распоряжается. А Торопу или Грыну – тем все равно, кого резать. Вот Гордей и подался к вам. Да тоже... не хуже грека. Умный-умный, а как есть дурак. Не ушел бы он от Торопа, если бы я их с Тимкой перехватить не успел. Гордей мне особо не доверял, но выхода у него не оставалось – потому Тимка сейчас у вас, а не у Мирона под охраной. Или бы сгинул, как дед... Не уследили мы... – поморщился Медведь. – Пока вы не вернулись, сил тут, в крепости, едва-едва хватало на стенах караулить – вот мы и присматривали. А тогда я своим не велел лишний раз здесь шастать: они деда с Тимофеем на ваш разъезд вывели, а сами не пошли дальше болота, от греха. Кто ж знал, что там кабан этот случится?

Юрку-то, сына Журавля, Мирон достать никак не может, тот за нурманами, в крепости сидит и не высовывается. Он молодой, но умный, хоть и увечный. А потому недоверчивый... – Медведь замолк, задумавшись о чем-то. Мишка терпеливо ждал. Вопросы так и вертелись на языке, но он пока решил придержать их при себе и дать Медведю сказать все, что тот сочтет нужным. Однако упоминание сына Журавля мимо ушей не пропустил.

«Значит, Юрка спрятан за нурманами, а дед с Тимкой почему-то решил к нам податься... Почему не туда же? Ближе и безопаснее, чем мальчика тайком через лес к чужим людям тащить. Нурманы не пускали, так как почему-то этот боярич не чета тому, или дед нурманам не верил? И ещё – кто должен «в случае чего» мастеров резать? Мироновы люди или команда Медведя? А ведь, пожалуй, тут как выйдет... Мирон сманить не сможет – он вырежет, сможет – Медведь... Приказ, надо думать, Журавль давно отдал...»

Медведь хмыкнул, словно подслушал мысли молодого сотника:

– Гордей к вам подался, чтобы мастеров спасти. У охранной сотни приказ: при попытке захвата или увода их из слободы живыми не выпускать. Сотником там Грын, он Мирону подчиняется, но только потому, что так боярин велел. Но если поймет, что Мирон поперек боярина пошел –

может и самого Мирона порешить. Одна беда – до той понималки ещё достучаться надобно... – Медведь презрительно скривился. – Он сам думать не будет, да и не умеет. Или не хочет. Я Гордею помог, а когда ясно стало, что он не дошел и, значит, ничего в Ратное не передал, пришлось мне самому с вашим старостой встречаться. Другим посредникам у меня сейчас веры нет. От Аристарха я и узнал, что летом на наши земли вас Мирон навел и потом подсказал, где Гуннара ждать. Нет, прямо-то староста мне этого не сказал, – ответил Медведь на вопросительный взгляд уже Макара, – но мне и намека хватило. Тем более, у меня самого так же получилось по всем прикидкам.

Из дальнейшего рассказа Медведя прояснилось многое, в том числе и истоки кровавых событий в Ратном и вокруг него.

Когда Гордей с Тимкой пропали, Мирон заметался. И совсем ошалел, когда ему донесли, что в Ратном бабы рассматривали у колодца безделушку, какие делали только в слободе, не показывая никому чужому. Продавали же эти украшения куда-то далеко, через иноземных купцов, чтобы никто и концов не сыскал, откуда такое взялось. Кто это мог сделать в Ратном, Мирону долго думать не понадобилось.

Вот после этого и понеслось все, как телега по кочкам. Если бы дед с внуком просто сгинули – для него было бы полбеды, а они оказались в Ратном... Мирон не дурак, понял, что сами бы они туда не дошли. Мимо его кордонов их могли вывести только люди Медведя.

Поначалу Мирон только подозревал и злобился, но молчал – тронуть командира «лешаков» у него руки коротки. Поэтому он зашёл с другой стороны: послал в Ратное Торопа, людей мутить. Бунт ему был нужен, чтобы Гордея с Тимкой увести назад, а если не получится, то под шумок прикончить на месте. Хотя на всякий случай предусмотрел запасной вариант: если бы его посланцы подожгли село, ворвались за тын, но в кровавой суматохе резни на лисовиновской усадьбе ни деда, ни внука не отыскали бы, то двинули бы на крепость. Для этого он и отправил на помощь бунтовщикам не охранную сотню, а людей, верных лично ему – три последних десятка наскрёб.

«Ага, а Аристарх со своей «инвалидской командой» ему этот расчёт поломал».

Но у Медведя везде свои глаза и уши имелись, рядом с Миронем – тем более, и не одна пара, а Мироновых соглядатаев в своём окружении он давным-давно вычислил и использовал их вовсю, сливая своему противнику дезу.

«Интересно, он сам до этого додумался, или Журавль подсказал? А боярин-то в курсе тёрок между своими ближниками? Догадывается, думаю, но не знает, насколько всё запущено».

В общем, хорошо поставленные разведка и контрразведка позволили Медведю предупредить Аристарха, где именно ждать гостей; о том, что гости точно заявятся, староста частично узнал от своих информаторов среди холопов, частично сам додумался. Изворачивался, как мог, но всё равно самую малость до возвращения сотни не дотянул. Хорошо, что заранее услал холопов лес валить, а баб с детишками оставил в Ратном заложниками – оставались бы мужики в селе, вернулась бы сотня к пепелищу.

А так... Упреждённый неожиданным союзником, Аристарх устроил засаду на тех, кого послал Мирон на подмогу Торопу, который мотался между выселками и лесоповалом, изо всех сил разжигая страсти и подбивая народ на бунт. Много ли толпе надо? Тем более, им помощь от Мирона обещали: мол, вы только начните, а свои из-за болота подсобят. Вот и поперли, выпучив глаза, на верную смерть, а вышло, что вышло – и три десятка Мироновых сгинули без следа, и Тороп со своими полег. Только двое его людей обратно через болото вернулись.

– Такого страху нагнали, – ухмыльнулся Медведь. – Перед Мироном за свою неудачу оправдывались тем, что, мол, у вас тут все скаженные, не то что бабы и отроки не хуже воинов бьются – девки с мечами да самострелами в бой кидаются наравне со всеми. И крови не боятся! – он покрутил головой, насмешливо глянул на Мишку. – Ну, девок-то ваших с самострелами на воротах и башнях я и сам видел... Неужто и правда они у вас и с мечами обучены?..

– Врут, – довольный Макар не выдержал и встрял-таки в разговор, подмигнув Медведю. – Зачем им мечи? У нас они прялками любого татя до смерти ухайдокают. Есть у нас одна – Млава, Луки внучка, так она и голыми руками убить может... Буря нашего знаешь? Вот его мордой по снегу на днях возила...

– Как же, слышал! – заржал Медведь. – Эта точно может! Достанется же кому-то сокровище... Мои тут у вас пока за округой присматривают, – отсмеявшись, пояснил он Мишке. – Ты уж не обессудь, но Мирон сейчас неведомо на что решиться может, Тимка ему позарез нужен. Сил на то, чтобы войной идти, у него больше нет, а вот душегубца сыщёт...

«Чем этот пацан так важен? Ну, боярич, ну, шустрый, ну, Журавлю родич – и что?»

Нет, это же уму не растяжимо – отлучиться нельзя, каждый раз не

знаешь, к чему вернешься... Медведи по лесу бродят, крепость стерегут, девки татей и Буреев как детей лупят. Не-ет, назад, на войну хочу! Там разве что на князя какого нарвешься... Или княгиню... Или женья... Тьфу, пропасть, и кто сказал, что в древности люди жили тихо да размеренно, неспешно и благостно? Щазз... Или это мы с милейшим Сан Санычем так разлагающе на местных подействовали? Вирус, что ли, какой занесли?»

А Медведь продолжал, и от смеха в его голосе не осталось и следа.

– Чем все кончится, неведомо. Одно скажу: что бы там Мирон ни задумывал, а по его уже не получается, хоть за ним кто-то и стоит. И этот кто-то не слабее Журавля – Мирон его боится не меньше боярина. Вот он и бесится сейчас. Вернется Журавль – ему не жить, а сбежит сейчас, бросит все и того человека подведет – тем более. И чего тут ему страшней – не знаю. Сам ли Мирон на того человека вышел или наоборот, к нему кто-то пришёл, – тоже не знаю, да и неважно это. Всё равно за болотом мы теперь не отсидимся.

Я уже всяко думал, но выходит, что Мирону надо боярина убивать или самому в проруби топиться. И если у него задуманное получится, всем плохо станет. Да и вам тогда... Силой придется брать то, что пока можно по согласию решить.

«Стоп. А с этого места поподробнее, пожалуйста... Это что же, сэр, вам сейчас Журь на блюдечке предлагают? Так не бывает. А кто? Медведь сам от себя? Или от увечного сына Журавля, которого он мимоходом помянул? Вот это вряд ли. Про сына все говорили, что он то ли припадочный, то ли блаженный, то есть за боярина его не признают, даже те самые нурманы, которые его то ли охраняют, то ли стерегут как ценного заложника.

Медведь слишком умен, чтобы так блефовать. Значит, предлагает от того, кто имеет право предложить, но имени его ни словом пока не упомянул. Журавля нет – а кто остался? Что там грек про Тимкиного отца не досказал? Ведь ушел от разговора при мальчишке, явно ушел, а вы спросить не догадались – вернее, некогда было. Значит, продолжаем качать Медведя дальше. Скажет, ибо другого выхода у него нет.

Что торгуется – понятно. У них там сейчас тоже наступило время, когда все возможно, и самая проигрышная позиция при таком раскладе – стараться сохранить в неизменном виде то, что есть. Но это позиция слабая, из такой его в лучшем случае на роль пешки отодвинут. В худшем – с доски сбросят. А он этим довольствоваться не станет – за ним не только его род стоит, но и его команда, если вы правильно понимаете, сэр Майкл. А поскольку он не дурак, то все козыри сразу на стол не выложит –

торги только-только начались. Ладно, попробуем свои карты приоткрыть, а то так и будет вокруг да около ходить».

– Согласие есть продукт, полученный при полном непротивлении сторон, – с нахальным видом брякнул Мишка и увидел, как взлетели у Медведя брови, а Макар, внимательно слушавший их разговор, чуть не подавился, скривившись то ли от сдерживаемого смеха, то ли от досады. Мишка прогнал ухмылку и уставился на своего собеседника.

– Я от тебя ничего не скрываю, а ты мне не говоришь главного: что именно ты нам предлагаешь и от кого пришел. То, что у вас там закипело, само не рассосется. Со стороны, говорят, виднее, и я, человек со стороны, вижу три исхода, чем все это может кончиться.

Первый – ни нам, ни вам не интересный: князя про вас стороной прознают. Да и наверняка уже прознали: ты же сам говорил, что Мирон с кем-то извне дела ведёт. Опять-таки, на Княжьем Погосте боярин сидит не совсем дурной. Ему, пока мы с находниками разбирались, не до вас было, но совсем-то не забудет. И про мастеров в слободе, и про то, что доход от княжьей казны таете – все это выяснится. Князя любую силу, им не подвластную, или к себе притянут, или уничтожат. Вы болотом от нас отгородились, но от князей это не защита, долго не высидите. И если князь прикажет, то наши с тобой договоры мало чего значить будут – на любую силу всегда большая найдется. Тогда всему конец: вы в полон попадёте – кто жив останется, а мы из доверия выйдем.

Второй путь – то, чего добивается ваш Мирон. Не знаю, какой с того ему резон, но думаю, хочет под шумок урвать самое ценное – мастеров. Сотня поднимется и, так или иначе, вынудит сотника на вас войной идти, особенно теперь: после бунта ратники злые, им все ваши расклады не объяснишь. Боярин Корней ещё и воевода Погорынский – у него под рукой не только сотня, но и боярские дружины. За долю в добыче и они в этом походе не откажутся поучаствовать, так что разорят ваши городки и веси подчистую.

Я не угрожаю – этот исход и Лисовинам нежелателен. Ну, возьмем мы богатую добычу. Кто жив останется. И возьмем один раз, потому что больше разорим, чем приобретем. Ты вот грека прислал, говоришь, умен, и польза с него немалая, а многие его оценить способны? Сядут новые бояре в ваших весях: и все наши десятники не прочь боярством обзавестись, и со стороны найдутся желающие. Мастеров... Ну, кого не убьют, разберут промеж собой в холопы – и чего тогда останется? Если не дети, то внуки уже и не вспомнят, что там было до них.

Медведь молчал и слушал. Ничего иного, кроме напряженного

внимания по его лицу прочесть было нельзя. Но *так* Ратникова здесь ещё никто не слушал. Макар рядом заметно напрягся – Мишка на него не оборачивался, но ощущал, как тот подобрался, словно перед прыжком, видимо, был готов к любому исходу, вплоть до того, что «лешаки» прямо тут их и положат. Мишка криво усмехнулся и продолжил:

– Но есть и третий путь. Все, что сохранить удастся – так и останется. И перейдет под руку Лисовинов как есть, а вас мы не обидим – нам это просто-напросто невыгодно. Признаете над собой княжеского воеводу и власть князя Туровского. Тем, кто служить готов, придется принять христианство, но без этого в любом случае не обойдется. Князю дань платить придется, зато он и не полезет сам разбираться, что и как у вас устроено – главное, чтобы земля приносила доход и торговля шла. Ваш боярин, если этого не поймет и не примет, погубит и себя, и вас. И, разумеется, своей власти лишится.

Ты сам сказал, что это можно сделать только по доброй воле. Но кто, кроме боярина, сможет за всех говорить и принести присягу воеводе Погорынскому?

Уже не пацан-Лисовин, а Ратников, в упор глядя Медведю в глаза, увидел, как напрягся его собеседник. Но не вздрогнул, не переменялся в лице и взгляда не отвел.

«Силен! Даже князя в прошлый раз пробрало, а у этого не дрогнуло ничего, только лицо закаменело, как у Андрюхи.

...Черт, завис он, что ли?»

После Мишкиного подробного анализа – о перспективах развития соседнего боярства в результате слияния капиталов под руководством рода Лисовинов и к взаимной выгоде – над поляной повисла пауза, плавно переходящая в категорию «немая сцена». Наконец Медведь отмер, шевельнул плечами, расцепил сжатые в кулаки руки, застывшее маской лицо вновь приобрело живые черты, и «лешак» неспешно повернулся к Макару. Голос его прозвучал буднично, почти скучно, а от услышанного Мишка чуть с пенька не свалился от неожиданности. Макар, кажется, тоже.

– В прошлый раз мы с тобой разговор так и не закончили. Я твою Любаву за своего Боеслава сватал, ты вроде не возражал. Дети, конечно, пока ещё в возраст не вошли, но решать-то надо заранее. Если будет на то слово твое и Лисовинов, то забирай моего парня прямо сейчас. А я в надежде буду, что если что – вы сына не оставите. Он не примачком тебе в семью идет: справим ему хозяйство, как время приспее, и твоя дочь в возраст войдет, да и сейчас честь по чести, как положено, подарки будущей

родне с собой взял. А если со мной что случится, так мой старший сын за мое слово ответит – ему тогда и в роду, и в группе за главного быть.

«В группе? От Журавля словечко-то. Не удивлюсь, если полностью это группа быстрого реагирования или ещё как-то так звучит. И вообще – охренеть три раза! Нет, три мало – десять. Это он пришел о помолвке договариваться? Хотя... тормозите вы, сэр, чего-то... Сами же решили, что он ролью посредника не удовлетворится – гарантии мужику нужны. Для него и его «группы». Пока не получит – разговора не будет. Он нам и так уже много козырей сдал».

– Значит, Боеслав? – Мишка посмотрел на Макара. Тот коротко прикрыл глаза. Ясное дело – согласен. – Тогда парня крестить надо, – обратился он уже к Медведю. Тот задержался с ответом лишь на мгновение.

– А ты сам христианин?

– А как же?! – удивился такому вопросу Мишка.

Медведь кивнул и спросил совсем уж неожиданно:

– За Лисовинов ты слово уже дал. А за себя дашь? В крепости все под твоей рукой ходят, Аристарх сказал – целая Академия Архангела Михаила у вас там. Отрока моего, раз он при сватах будет, в Академию эту вашу возьмешь? Назови плату – я принесу.

«Вот те на! Такому даже не палец – ноготь покажи, так он руку по самое горло оттяпает... А ведь он сейчас именно на вас, сэр, ставку делает – так что цените. И сына в Академию взять просит – даже свои, ратнинские, никто детей пока не отдает, бояре холопских ребятишек прислали, и то только из уважения к деду. По здешним меркам патриархального общества вы сопляк, с которым и говорить-то взрослому мужу зазорно, а не то что сыновей доверять. Как вы колотились, пока себя слушать заставили? То-то же, а этот – сразу... Так впечатлился анализом или уже знает про ваши туровские подвиги? И такое возможно... Но как бы там ни было, займись в личном активе два десятка «спецов», заботливо выученных дорогим Сан Санычем под себя, любимого, – это вам не жук начхал. Конечно, пока они не ваши, но аванс уже выдан – так что берите предлагаемый ресурс и не сомневайтесь. Обзаводитесь ещё одним перспективным воспитанником, сэр».

– Плату с родичей и наставников мы не берем, раз Макар твоего сына в свою семью принимает, то и в учебу его возьмём. Я за тех, кого под свою руку взял, перед Богом отвечаю, но и спрашиваю с них полной мерой. Если ты сына МНЕ доверяешь, быть по сему... – не спеша, с расстановкой проговорил Мишка и увидел, что командир лешаков понял его правильно. Кивнул утвердительно.

– Быть по сему, боярич. Будете уходить – заберете с собой моего отрока. Он тут недалеко дожидается.

Медведь поворочался на своем бревне, усаживаясь поудобнее, и продолжил, как будто не сворачивал с главной темы:

– Бояр у нас двое, боярич. Второй – Тимкин отец. Гадаешь, небось, почему Тимка так важен оказался? А вот потому и важен, что он – ключ к своему отцу, а его отец – ключ к Мастеровой и ко всем делам Журавля. Да и не только Журавля. Он себя всегда велел называть Мастером Данилой. И он тоже сильно недужен. Потому и сыну уже два года на глаза не показывается, и людей сторонится. Они с Журавлем так договорились. А Тимофею под страхом смерти говорить не велено, что отец рядом – в той же крепости, что и Юрка. Вот за боярином Данилой люди пойдут, тем более, если у него за спиной сила встанет. И Журавль слово его и своего сына сдержит.

То, что у нас кто-то воду мутит, пока Журавля нет, Данила давно понял, но кто за всем этим стоит – не знал. Он и мне поверил только тогда, когда я к нему с известием про Тимофея пришел, хотя и сейчас, наверное, сомневается. Да я бы на его месте и сам сомневался. Но Гордей погиб, и говорить с вами больше все равно некому, а Мастер Данила с себя ответственность за людей не снимает.

– Чем же ваш боярин так занедужил, что сыну показаться не пожелал? – недоверчиво покрутил головой Мишка. – Ну, Гордей, понятно – мастеров спасал, потому собой рискнуть не побоялся. Но внуком... Сыну своему он и приказать мог?

– Не отцом боярину Гордей был – тестем. А чем недужен – это ты у него самого спросишь... Скажу только, что мало кто знает, что тот ученый человек, что у Журавля якобы в заточении, на самом деле Мастер Данила и есть. Считают, что пропал он. Пустили слух, что по делам уехал и сгинул, но может ещё вернуться. А этот, дескать, совсем другой – невесть откуда появился.

– Ученый человек в клетке? – от удивления Мишка аж поперхнулся. – Боярин?!

«Да что там за парижские тайны, прости господи! Сан Саныч совсем умом повредился вместе с этим Данилой Мастером или лавры Дюма покоя не дают? Бред... Постановка адаптированного под Бажова «Человека в железной маске» в поселковом клубе силами местной самодеятельности...»

– Ближние – знают, но боярин сам каждого упредил, что язык вырвет в случае чего, – пожал плечами Медведь. – А узнать... Его сейчас не

узнаешь, он на себя не похож. Я и то с трудом угадал, когда он нурманам меня до себя допустить велел.

– Что, Хозяйка Медной горы к себе зовёт? – не удержался от ехидства Мишка и тут же пожалел о сказанном. Лицо Медведя вновь окаменело, и он впился взглядом в боярича, будто собирался его сейчас этим взглядом в землю вогнать.

– И ЭТО знаешь? – криво усмехнулся он и кивнул. – Зовёт... Говорят, рассердил он ее – едва ноги унес. Вот она и мстит теперь... Но сейчас прежний Мастер и боярин возвращается, и его вспомнят. И послушаются, если он своё слово скажет народу. А что Тимку не захотел в крепость брать... Я бы тоже не хотел, чтоб мои сыновья меня таким видели... Но сдаётся мне, не только в этом дело: нурманам он не шибко доверяет. То ли у него на это причины есть, то ли его недуг тому виной. Себе доверять стал – и то спасибо.

«Ни хрена себе! Сан Саныч, похоже, тот ещё затейник по части «сказку сделать былью» – вы уж поосторожнее, сэр Майкл, а то так дошутитесь... И что значит: Хозяйку обидел? Неужели они до Урала смогли добраться и там нашустрили? Или это Журавль своим подходящую к случаю – и имени – легенду запустил? В принципе, после Феофана Грека вполне стоило чего-то такого ожидать...»

Только ли нурманам доверия у этого Данилы Мастера нет? А Журавлю? И самое главное – Данила – кто он? Ваш с Сан Санычем коллега или местный кадр?.. Дожили – плюнуть некуда стало, чтоб в своего современника не попасть...

Стоп! Рано делать выводы. Нет хотя бы минимально необходимого объема информации, а потому имеющиеся факты строго фильтруем, во внимание принимаем, но и только. Вот когда лично с гражданином Мастером встретимся и все кусочки мозаики на место окончательно приладим, тогда и сможем оценить картину во всей ее полноте и многообразии.

Если хорошо подумать, то за кого бы вы того же Тимку Кузнечика приняли, если бы про него только стороной слышали? Со всеми змеями, чертежами, ювелирными изделиями и прочими радостями, про которые вам успели рассказать, чем он не клиент милейшего доктора Максима Леонидовича? Вот то-то же. И даже если на этот раз вы угадали и на вопрос «третьим будешь?» получите утвердительный ответ, то тем более опасность увеличивается многократно. Никаких сантиментов по поводу встречи с «земляками» ожидать не приходится. Что вы про него знать можете? Вспомните-ка, где доктор себе «подопытных кроликов»

вербовал, включая вас самого, кстати? Вот то-то же. Мало вам Журавля...»

– Всем доверяют только глупцы, никому – безумцы, – пожал плечами Мишка. – Разумные же предпочитают иметь гарантии. Что нам твой боярин предлагает и чего хочет взамен?

– У нас два боярина, – терпеливо напомнил Медведь. – И один без другого решать не станет. Тем более я за них говорить не могу. Ты ведь без деда тоже окончательное слово не скажешь? Он воевода, значит, и договор будет между ним и нашими боярами, когда Журавль вернется. Но Данила вам сына уже доверил. Вы его приняли и своим признали. Остальное сам понять должен, если такой умный. Твои слова я Даниле передам и ответ его тебе принесу.

Только нам до возвращения Журавля надо продержаться. А Журавлю – благополучно вернуться. Мирон сам себя в угол загнал, а потому опасен. По его уже не выходит, но разнести все, что не способен ухватить, он ещё может, потому как для всех, пока боярина нет, он от его имени говорит. Сейчас вот на христиан с чего-то взъярился – тех, которых Моисей пасет. Мироновы вертухаи за ними по лесу рыщут, велено всех, кто с ним в лесу обретаётся, выловить и к Мирону доставить.

– Так вроде и раньше их у вас не жаловали? – удивился Мишка. – Облавы устраивали да взять не могли. С чего вдруг сейчас переловят?

– Э-э-э, боярич! – Медведь скривился. – Зеленый ты ещё! Не пробегали бы они столько по лесам сами по себе, словили бы давно. Я бы и словил. А Моисей по всем весям свободно ходил, проповедовал... Думаешь, христиане, что тайные, что явные старостам неизвестны, и среди них разговорчивых нет? Ну, разве что рыбой и прочим торгуют помимо боярина. Вот за это, да – гоняли, но тоже... – Лешак усмехнулся чему-то и прищурился на Мишку. – Боярин их прозывает занятно: фарца. Говорит, мол, это тараканы в запечье – проще дом спалить, чем их из всех щелей вытравить. Неизбежное зло. Но коли облагуют и на свет полезут – давить без жалости. Вот и давили, но в меру.

С Моисея пользы больше, чем вреда – проще за одним пастухом приглядывать, чем распуганных баранов по лесу собирать, особенно, когда тот пастух их умирят и от дури разной удерживает. Всерьез за них Мирон только недавно взялся. К Моисею в лес вроде бы мастер один подался с дочкой. Не из нашей Слободы – оттуда сбежать разве что Гордей смог, и то с моей помощью.

Есть и ещё слобода, там побольше свободы и надзор не такой, как за оружейниками. Чего тот мастер утек – не скажу. Может, умный просто

оказался, понял, к чему дело движется, вот и решил края не дожидаться, чтоб под нож не попасть. Моисей его укрыл, потому МIRON и разъярился, будто ему осиное гнездо в порты попало. То ли боится, что за побег с него Журавль спросит – это его смотрящий не доглядел. Или знает этот мастер про него что-то лишнее, вот он и кинулся его ловить, пока боярин не вернулся. А после того, как бунт в Ратном не удался, и вовсе всех, кто ещё у него остался, в лес за христианами погнал. Я своим велел Мироновых со следа сбить, а Моисея с его людьми от греха к Ратному увести.

«Значит, слобода у них не одна... Эта, видимо, на особом положении – там боярич, а главное – оружейники и серебряных дел мастера. Потому и берегли, как объект особой важности, а в других что? Ладно, это уже у грека выясним.

Но с христианами тоже не так однозначно получается? Впрочем, сэр, вы и сами могли бы догадаться – повелись, как пацан, на рассказы про отважных подпольщиков, которые за нос всю вражескую контрразведку, как хотят, водят. А в жизни подпольщики потому и не жили долго, и партизанские отряды даже на своей территории и при поддержке местного населения регулярно вынуждены были отбиваться или менять дислокацию – каратели отнюдь не ворон ловили...

М-да, ведь и правда: не усидел бы столько времени отец Моисей в лесах на сравнительно небольшом участке, если бы... Кажется, на сленге спецслужб это называется «гончий кролик»? Интересно, его втемную использовали или?... Нет, вряд ли, а то ведь его удавить придется. А если не сам стучал, то крыса у него – кто-то из самых близких и доверенных. И Медведь наверняка знает – кто... Впрочем, с этим потом разберемся».

Мишка серьезно кивнул:

– За то, что уберег их – спасибо.

– Да это пожалуйста. Только тут такое дело... Мироновы дня два ещё по лесу поплутают, а потом все равно узнают, куда Моисей делся. И кто им помог, тоже не великая тайна. Мои парни – не отец Моисей, – нас в лесу не ухватят, а ухватят – так последних его бойцов там и положим. Но у нас семьи. А мы своих баб с самострелами и луками обращаться не выучили. Теперь думаю, напрасно.

Этого быстро не исправишь, так что из нашей веси мы их увели – МIRON непременно попробует через них нас достать. Есть где их укрыть при нужде, но сколько времени там им сидеть – неведомо. В лесу зимой с детишками тяжело придется, а главное, они нам руки связывают. У меня всего два десятка, так что не разорваться, чтоб ещё и баб охранять, а дел нам предстоит много – сейчас основное веселье только начинается. Скоро

Журавль вернется. Укроешь их на это время? В долгу не останусь.

«Хм, а ведь не столько христиан товарищ Медведь спасает, сколько, пользуясь случаем, своих выводит. Пока мироныши на Моисея отвлеклись, он свои семьи в другом месте выведет и нас вроде как уже не об одолжении просит, а в обмен на спасение единоверцев. С другой стороны – и правильно. Вы бы на его месте тоже такой возможности не упустили, если бы приперло.

Вот именно – приперло его... Не может не понимать, что жизнь свою и своих людей сам нам в руки отдает. В самом деле к большой войне готовится, раз семьи эвакуирует. И только ли из-за Мирона он опасается, и сам ли так решил, или боярин, который Данила, велел? Но оцените, сэр: Моисея со товарищи он в Ратное определил, а свои семьи – к вам в крепость

...Занятный расклад у Журавля нарисовался, похоже, свою позиционную войну он проиграл. Пока он оставался на месте, то как ключ-фигура удерживал всю доску. Но стоило отлучиться...

– Укрою, конечно, место найдём, – кивнул Мишка. – Тем более, вы с Макаром породниться решили, вот его баба со сватьей и познакомится. Когда гостей ждать?

Медведь что-то прикинул про себя.

– Завтра или сегодня вечером христиане в Ратное выйдут, а дня через два – мои бабы к тебе гостевать... Вроде все... – он оперся было о колени, чтобы подняться, но передумал. – Да, вот ещё что... Славко моего прямо сейчас с собой забирайте.

Командир лешаков коротко свистнул себе через плечо и пояснил:

– Своей будущей тёще и невесте подарки от матери и сестер он из рук в руки передаст, а свата я сам должен уважить. От рода нашего.

Совершенно бесшумно из-за дерева, словно там и простоял весь разговор, появился отрок в белом балахоне с капюшоном, накинутом поверх короткого овчинного полушубка, таком же, как у отца. За спиной у него виднелся довольно объемный вещмешок: в отличие от грека, Славко к «переезду» подготовился основательно, но главное, мальчишка нес на плече лыжи, что стало для Мишки очередным сюрпризом. Не те, которые здесь были в ходу, но почти такие, на которых Ратников неоднократно катался ТАМ. Не классические спортивные, конечно: пошире, да и покороче – для леса удобнее. И палки в руках не бамбуковые.

Славко оказался немногим младше самого Мишки и держался достаточно уверенно, хотя и вежество не забывал: прислонил лыжи к

дереву у края поляны и поклонился всем присутствующим. Взглянул на отца и, подчиняясь его беззвучному приказу, подошел ближе и поклонился ещё раз – теперь уже только Мишке с Макаром, достал из-за спины сверток – что-то продолговатое, тщательно упакованное в хорошо выделанный кусок шкуры, и снова вопросительно взглянул на отца.

Медведь расправил плечи и встал рядом с сыном. Макар с Мишкой тоже поднялись на ноги.

– Мы с тобой, Макар, отныне родичи, и мечам нашим друг против друга не подниматься – ибо и они побратимы, – торжественно проговорил Медведь, подталкивая вперед «медвежонка».

Славко сделал шаг вперед и с поклоном протянул на вытянутых руках свой дар. Макар бережно принял подношение и поклонился в ответ:

– Да услышат светлые боги твои слова: отныне нам в Перуновой рати стоять только плечом к плечу и никогда – супротив. Да будет так!

– Да будет так!

«Меч! Да-а, если это такой же, как мы тогда у Яруги взяли – Макар отдариваться замучается... Ничего, поможем. Это родство окупится... А лихо Медведь между Лисовинами и своими боярами вклинился. И Макара подтянул. Точно, придется мужику теперь боярином становиться».

Тем временем Макар принялся бережно разворачивать подарок. Лицо наставника хоть и сохраняло приличествующую моменту спокойную торжественность, но догадаться о его чувствах было нетрудно: хорошее оружие не могло оставить равнодушным опытного воина. Наверняка он видел те клинки, что Младшая стража поднесла в дар сотне, и оценил их по достоинству. Так что Мишка не особо удивился тому, как дрогнули его руки, когда, наконец, клинок тускло сверкнул под холодным лучом зимнего солнца, случайно пробившимся через тучи и стволы деревьев, и тому восторгу, который Макар не смог удержать, завороченно уставившись на меч в своих руках. Все же потрясение наставника показалось ему несколько преувеличенным, и Ратников потянулся, чтобы разглядеть получше предмет, вызвавший столь бурные эмоции у опытного воина, и... Замер сам – хорошо, если не с отвисшей челюстью!

Мишка ошибся, когда предположил, что Медведь подарил будущему родичу такой же меч, как они уже видели. Нет, то, что это именно меч, он как раз угадал. Но разница между ним и теми, что они взяли в бою на переправе, была как между золотым подарочным «Паркером» и обычной шариковой ручкой.

Удлиненный, но легкий, сужающийся книзу клинок с заостренным концом, рассчитанный как на колющий, так и на рубящий удар, что уже

говорило о качествековки и лучшей стали, – он и сам по себе отличался от привычных мечей, принятых на вооружение в сотне. Богато гравированные гарда и небольшое, но массивное яблоко сдержанно отсвечивали золотом на черном фоне, но дело было даже не в этом.

Мишка почувствовал, как мир вокруг начинает терять резкость и устойчивость, на мгновение появилось чувство, которое настигает в стремительно опускающемся лифте, захотелось затрясти головой и попытаться проснуться.

«Мать твою... Златоуст?!»

Казалось, после этого открытия способность удивляться должна была атрофироваться. Ну, хотя бы на некоторое время, но впереди его ждало ещё одно, не менее чудное. Приглядевшись к узору, что украшал верхнюю треть вороненого клинка, Ратников испытал повторное потрясение основ мироздания: растительный орнамент обрамлял нечто вроде герба, расположенного возле самой гарды, и сходил постепенно на нет. Все бы ничего, но вот очертания этого самого «герба» сразу же напомнили нечто до боли родное, так что Мишка почти отказался верить собственным глазам: на темном металле, тщательно выполненные неизвестным художником, явственно просматривались хорошо знакомые любому мальчишке, рожденному и выросшему в СССР, почти родные щит и меч! Спутать этот силуэт с чем-то другим было невозможно, тем более что в центре композиции красовалась характерная звезда с серпом и молотом в качестве «контрольного выстрела» – на добивание... Не хватало только надписи «КГБ СССР» на привычном месте – на ленте, опоясывающей щит под самой звездой.

С трудом оторвавшись от клинка в руках Макара и усилием воли давя в себе желание протянуть руку и потрогать рисунок, чтобы убедиться в его реальности, Мишка поднял глаза и встретился с изучающим взглядом Медведя. Лешак пристально смотрел именно на него, а не на своего вновь обретенного родича, будто ждал чего-то.

«Блин! Этот что, тоже?..»

Мишке вдруг показалось, что сейчас произойдет что-то совсем уж невозможное. Например, Медведь понимающе подмигнет и скажет что-нибудь этакое... Ну, хотя бы поинтересуется, не продается ли здесь славянский шкаф. Или привет передаст Юстасу от Алекса, в конце концов.

Почему-то в голову полезла уж совсем немыслимая чушь.

«Интересно, если археологи в двадцать первом веке ненароком обнаружат это поделие в историческом захоронении, что они с ним сделают? Утопят его от греха в ближайшем болотце, утопятся там

сами или побегут сдаваться в какой-нибудь уютный дурдом?

...Возьмите себя в руки, сэр, хорош дурью страдать! В конце концов, вы столкнулись с «эффектом попадания», который сами уже, дай бог памяти, второй год тут вовсю генерируете. Подумаешь, на этот раз огребли ответку. Представьте, как вас самого тут все это время терпят? Представили? То-то и оно...»

– Видел когда-нибудь такую работу, боярич?

– Видел... Златоуст... – машинально кивнул Мишка, с трудом протолкнув через вдруг пересохшее горло слова для ответа. И тут же поправился, покосившись на Макара, который, кажется, ничего, кроме меча у себя в руках, ни видеть, ни слышать, ни осознавать был пока что просто не в состоянии. – На картинке видел такое и описание читал. Книгу мне мой учитель показывал. Но я думал, этот секрет потерян давно... А рисунок... Щит и меч со звездой боярин Данила нарисовал?

Медведь пригвоздил Мишку оценивающим взглядом.

– Видел, значит, – не спросил, а констатировал он.

Мишка разозлился на себя.

«Прикусите язык, сэр, а то будет вам сейчас Штирлиц... у Мюллера. Как наличие ваших пальчиков на чемодане с рацией будете обосновывать? А ведь он сейчас поверил, что ВИДЕЛ... Интересно, что им их боярин про это все рассказывал?»

– На картинке, – спокойно повторил Мишка.

– Угу, – хмыкнул Медведь, перевел взгляд на Макара и заговорил уже совсем другим тоном:

– Глянулся тебе наш оберег? Не Данила – сам Журавль и нарисовал. Говорил, этот знак любой сглаз и колдовство отведет, если владеть оружием будет достойный его вой. А трусам или предателям только беду принесёт. Макару я со спокойным сердцем его отдаю – он воин достойный.

– Да, сильный оберег. Потому вы и Великую волхву не страшитесь? Что же тем, кто летом у нас тут ходил, не помогло? Да и не видел я такого у них...

– Это не мои ходили, – презрительно скривился Медведь. – Вернее, не все мои. Мирон своих людей захотел «лешачей» науке выучить. Только как лягуху не подкидывай, она все одно соколом не обернется, а только обгадится...

Ладно, пора мне, а то и так засиделся. И людей своих я из леса заберу, у вас теперь сил на охрану хватает, а у меня каждый человек на счету. Бабы придут – Славко узнает, его мать у них за большуху. Когда ответ принесу от боярина – утром на дереве, на этом берегу, супротив ваших ворот бабье

лукошко увидите – тогда на эту полянку и подходите. И хорошо бы с десятником Егором, мне с ним поговорить надобно. А если я до того понадоблюсь, так Макар место знает – там на кусте, под которым он в прошлый раз чуть моего бойца не затоптал, тряпицу белую привяжете – через два дня и меня там ждите.

– Не дело так... – Мишка кивнул в сторону крепости. – Ты теперь нам не чужой – зайди, хотя бы греку скажи....

– Лишнее это, боярич, – покачал головой Медведь. – А греку передашь – мол, велел Медведь при бояриче Тимофее обретаться и из крепости носа не высовывать. Ты ему своих отроков учить поручи – и он при деле будет, и тебе подмога. А чем ещё заняться, он от скуки сам придумает. Только приглядывай, чтоб не увлекался. На, передай ему. Только не все сразу, а то присосется, не оттянешь, – он протянул Макару объемную сумку, в которой угадывались очертания нескольких сосудов. Наверняка не березовым соком наполненных.

«Ну ни хрена себе поворот на крутом вираже! Вот и чешите теперь, сэр, во всех местах, где у вас мыслительные процессы происходят... Что же это за Журавль такой, прости господи? Не лезет его новый облик в привычные рамки типичного уголовника-садиста, перековавшегося из сапога-сержанта с афганским синдромом, поехавшего крышей в результате внутреннего конфликта с носителем? Да, конечно, страсть к штампам и понтам и стремление воплотить их в жизнь просматриваются отчетливо – от Феофана-грека до берега своему элитному подразделению спецов-«леших»...

Хотя последнее и вас неожиданно проняло чуть не до слез, словно из дома аукнулось. И ведь не уголовная какая-нибудь фенечка, а символика, которая для банального уголовника с понтами, мягко говоря, не типична, более того, в тамошнем обществе считается «западло»... Хотя это по «правильным» тюремным законам, которые в последнее время сильно разбавлены хлынувшим в криминалитет «пополнением», в том числе из «скурвившихся» силовиков, но и они обычно пиетета к преданным ими символам отнюдь не испытывают... И все это в сочетании с номерами на руках, сажанием на кол, звериной жестокостью... И школой для детей в закрытом элитном поселке с греком в качестве учителя до кучи!»

Ратников неоднократно видел изделия златоустовских мастеров, читал про них и даже два раза в руках держал, но и под угрозой страшной смерти ничего подобного не то что сам сделать не сумел бы – посоветовать мастерам здешним чего-то путного в этом направлении не смог бы. Да и

нездешним – тоже. А сосед – «сержант с уголовным прошлым» сумел, что говорило о наличии у него весьма специфических знаний и умений. В местах лишения свободы, конечно, попадались уникальные мастера, откуда только талант брался. Наверное, проявлялся по принципу сублимации, когда преступные склонности не находят выхода. Отдельные шедевры впечатляли, хотя откровенного кича в стиле «сентиментального шансона с пьяной воровской слезой» среди «внезапно озаренных» генерировалось на порядок больше. Но в случае с Журавлём просматривалось наличие отнюдь не таланта-самородка, судя по тому разнообразию сугубо специальных знаний, применявшихся – что особенно важно! – с умом. Плюс, недюжинные организаторские способности.

«То-то и оно, что не лезет эта сова на глобус, как ее ни натягивай. Поддались вы эмоциям и жутковатым аналогиям с концлагерем и не сообразили, что бандит – он бандит и есть. Даже самый талантливый из них максимум, что может, это банду организовать и округу грабить, определяя свою крутость только масштабами этих самых грабежей и сложностью организации бандформирования. А вот создать на ровном месте почти госструктуру, запустить производство и наладить торговые связи... Ну не так у них мозги заточены, не под это, не могут они ничего создавать – вот в чем дело. Разве что отдельные уникальные личности, сиречь воры в законе, с коими вы тоже встречались, увы... Вот среди них попадаются очень незаурядные господа, к тому же не чуждые организаторских талантов. Но ведь и у них в конечном итоге не вышло реализоваться в качестве государственных деятелей! Любая самая сложная схема или организация, иногда уникальная и результативная вплоть до гениальности, все равно в конечном итоге заточена у них только на отъем и разрушение, в крайнем случае – перепродажу, и никогда – на созидание. ТАМ они заводику, а то и целые комбинаты и города с уникальными производствами и готовой структурой отжать-то отжали, но смогли только ограбить и разорить; ну, торговую империю создать, а развития, увы, не вышло.

Ладно, не хочет сова на глобус, натянем на ёжика. Как вариант, этот самый Мастер Данила все наладил, запустил производство и прочее, а когда, судя по рассказу Медведя, у него крышу снесло до полной невменяемости, то Журавль, оставшись один, все это удержать не смог, ударился в террор – то есть перешел на знакомые ему методы, и... Что и? А то, что вследствие потери управления система начала рассыпаться, пришлось усиливать репрессии, но регресс, тем не менее, продолжался и сейчас дал о себе знать грызней среди ближников, которой вы и стали

свидетелем... Мирон, видимо, почувствовал это раньше всех или оказался самым ловким в команде и решил сыграть свою игру и перехватить в личную собственность то, что возможно.

Медведь же пытается систему спасти или хотя бы стабилизировать, но сам уже справиться не в состоянии и вынужден выбирать меньшее из зол. В данном случае этим меньшим злом стала сотня, несмотря на лихой рейд по тылам, который санкционировал лорд Корней, надо думать, опираясь на разведданные Аристарха. Значит, Мирон имеет выход на Аристарха или Аристарх на Мирона?

Положим, выйти на старосту каким-то образом он мог, но ни Аристарх, ни дед не поверили бы на слово и очертя голову в авантюру не кинулись – ведь это и ловушкой могло оказаться. Или именно поэтому дед и послал вперед Младшую стражу? На живца... Тоже вариант вообще-то. Но, вероятнее всего, эти данные были получены из такого источника, которому имелось основание доверять. Уж не от Ионы, само собой – Иона, скорее, просто подтвердил то, что они и так уже знали... Похоже, вам того Иону на поиграть отдали – натаскать волчонка на подранке. Или экзамен устроили... Не бабушка ли Ниня тут с самого начала руку приложила? Что ж, возможно. Но пока не важно. Просто учтем на будущее, как факт...

В конечном итоге рейд оказался удачным, если не считать некоторых косяков, добыча богатой, но... Вот именно – но... Лоханулся Аристарх – не он, а Мирон на этой доске партию разыгрывал. Но скорее всего, даже не Мирон, а тот, кто за его спиной. Дед с Аристархом позволили Мирону использовать сотню в его игре, а значит, подставились. Ну, или просто сделали ход к проигрышу всей партии, если рассматривать этот рейд не в отрыве от общей картины, а как первый ход в большой игре, потому что продолжение совершенно неизбежно... И не важно, что в итоге могли никогда и не узнать, ЧТО именно потеряли – ещё бы и радовались, что опасного соседа черти забрали, а Ратному с его разорения обеды перепали. Ну, может, сколько-то ещё скотины, рухляди, да, если бы повезло, серебра к рукам прибрали...

Так что если бы боярин Данила каким-то образом не сумел преодолеть свою «болезнь» и не начал действовать, а товарищ Медведь вовремя не влез в эту партию, то вы бы вскоре поймали под боком весьма проблемную территорию, скорее всего, разоренную и озлобленную.

Медведь производит впечатление честного генерала или, по меньшей мере, полковника, вынужденного заниматься несвойственным ему делом – политикой. Впрочем, это вы погорячились, насчет несвойственного: свою

партию он отыграл красиво. Признайтесь, по большому счету он вас сделал. Но впечатление на него вы таки произвели, раз с сопляком договор начал составлять. Теперь ваш ход. Что ж, сэр, влезайте-ка в шкуру гроссмейстера, который проводит сеанс одновременной игры. Только гроссмейстеры обычно этот сеанс проводят с любителями на несколько уровней ниже собственного класса, а тут мало того что противники попались с квалификацией не слабее, так ещё и манера игры у всех разная, а кое-кто, похоже, и вовсе в нарды играет. Или в вышибалы? Не суть.

Тем более что кое-какие партии ваши дражайшие коллеги норовят выиграть с применением приемов типа «через бедро с захватом» или «ход конём по голове», как лорд Корней давеча, а некоторые и вовсе приходится на ходу перехватывать у выбывших по ранению товарищей и наверстывать вслепую, как вот с Медведем. Аристарх с дедом эту партию начинали и, скажем прямо, чуть было не профукали.

Ну а мы зайдем с другой стороны теории игр, и, пока наши противники будут строить свои позиции, исходя из двух вероятностей – все проиграть или все выиграть – мы можем края нашей доски расширить и привлечь дополнительные ресурсы. Главное, потом другому игроку донести мысль, что в выигрыше могут оказаться все стороны, а значит, и позиции лучше занимать исходя из этого: белым и черным сообща, против игрока серого.

А пока Макара бы не потерять – как бы его Кондратий не приобнял – от счастья-то...»

Мишка покосился на наставника и с облегчением констатировал, что недооценил бывалого ратника: Макар вполне справился с давешним обалдением и за то время, пока они шли к крепости, даже успел наладить контакт со своим внезапно обретенным зятем. Ратников невольно прислушался к их разговору.

– В крепости тебя в десяток определяют, в казарме с отроками будешь жить, – объяснял Макар внимательно слушавшему Медвежонку. – Тимка тоже к десятку приписан, но к младшему, по возрасту. У нас все учатся: даже Любава – и та в девичьем младшем десятке. На посаде-то мы с теткой Верой не каждый день бываем, но теперь там и твой дом, так что в воскресенье на пироги вместе с Тимкой и Любавой прибегайте. Отец тебя чему-то учить уже начал?

– У нас тоже все учатся, – пожал плечами Славко. – С семи лет в школу слободскую определяют, а с восьми начинают воинскому делу обучать – ну, что по силам. Мастерские после общих занятий в школе у себя в слободе своему учатся, а мы – своему. Меня новиком через год

должны были... – Отрок в последний момент мужественно сдержал тоскливый вздох, но скрыть огорчения не сумел.

– Не горюй, за год много чего случится, – утешил его Макар. – Да и не спеши, навоюешься... Вон, наши отроки, хоть и не новики, а наравне со взрослыми воями свое уже отмерили. И не все вернулись... Это я сейчас в рать не годен стал... – Мишка уловил досаду уже в голосе наставника, – но чего сам умею, тому научу. Отец твой воин, конечно, хороший, но и моя наука лишней не будет.

– Отец тоже говорит, лишней никакая наука не бывает, – согласно кивнул медвежонок. – Тем более в воинском деле. Больше знаешь – дольше живешь.

– Умен у меня сват! – усмехнулся Макар. – Это он правильно... Вон, нас уже ждут, – обернулся он к Мишке, кивая на запертые ворота крепости.

И правда, на воротной башне мелькнул платок Анны, которая, видимо, так и простояла там все время, пока их не было, а сейчас спускалась вниз, к воротам.

– Ну, командуй сотник, – Макар хмыкнул и посторонился, пропуская боярича вперед.

Глава 4

Декабрь 1125 года Михайловская крепость

Несмотря на крайнюю степень серьезности сложных и срочных вопросов, которые им предстояло обсудить, оглядывая собравшееся у него в кабинете на экстренный совет общество, Мишка с трудом удержался от усмешки – уж очень неожиданным оказался состав высокого собрания. Неожиданным прежде всего для его близких, но и для него самого тоже.

Только сейчас до Ратникова дошло, насколько он отвык за последнее время от того, что женщины могут быть допущены к вопросам стратегического управления и выработке решений, если дело не касалось исключительно области их ответственности. Допущены наравне с мужчинами. Теперь придется привыкать.

Мать, разумеется, он позвал сам. К тому, что боярыня в крепости тоже является властью, причем властью Лисовинов, понемногу привыкли, а вот появление Андрея Немого в сопровождении Арины стало сюрпризом. Впрочем, только для отроков: ни Филимон, ни Макар даже бровью не повели, только кивнули, приветствуя Немого и его спутницу. Да и сама молодая женщина чувствовала себя на удивление свободно, словно ей не раз уже доводилось сидеть за одним столом с мужчинами. Мишка не смог не восхититься про себя.

«Во, бабы дают! До эмансипации, слава богу, дело дойти не должно – исторические реалии не располагают, но каков прогресс за время вашего отсутствия! Наставники и те, похоже, привыкли, что совещание проходит, так сказать, в смешанном коллективе.

Ну да, давние и устоявшиеся обычаи изменяются, если перестают работать на то, из-за чего возникли, тем более, если начинают мешать. Перед необходимостью глобального выживания общины никакое самое упертое в своем консерватизме общество не устоит. Или будет сметено с дороги истории. Так что не за эфемерное равноправие и возможность наравне с мужиками шпалы укладывать тут бабы борются, а как раз за это самое выживание. Крепость-то на них оставалась, пока сотня воевала, вот и пришлось им впрягаться. Раз мужики их взашей не вышибли – а тут с этим не задержится – значит, справляются и дурь не несут.

Тем более Тимофею Арина крестная, и с этой точки зрения ее слово тоже не лишнее. И Андрюху она понимает. Вот и пусть переводит».

Но философствовать на тему внезапно наметившихся ростков, или, скорее, эмбрионов эмансипации во вверенном ему коллективе было некогда. Тем более, Совет в его отсутствие начался сам по себе. Вернее, началось спонтанное «производственное совещание»: Дёмка, вспомнив о своих обязанностях коменданта, сцепился с Роськой.

– ...Молитвы-то со своими урядниками хорошо затвердил – от зубов отлетают, – язвительно выговаривал он красному от злости Роське. – А службу они у тебя не знают!

– Это как это не знают! Получше некоторых...

– Я этих некоторых не видал, а даже сыновья Ильи Фомича лучше, чем твои тетерева, понимают, что такое воинский порядок! Может, их урядниками в восьмой и девятый десятки определить? Вместо Ионы с Максимом? Сегодня с утра эти соколы на склад заявили, целую связку бересты потребовали – это ж на неделю учебы всей Академии! Ее и так мало осталось – заготовить^[3] надо, да пока придется обходиться тем, что есть: дел неотложных и так полные руки – едва справляемся... Мальцов они хотели застращать, что ли? Ну, так те не заробели и без моего разрешения отказались выдавать. А я уж нашел, чего этим умникам сказать, раз ты не удосужился. Извиняй – не божественное.

– Это ты мастер – богохульствовать. Только сам на чем будешь рапорты писать? – наконец вставил и свое слово в его тираду Роська. – Вон, ещё и от Дмитрия придут. Или забыл про рапорты? Там много получится, за весь поход. Михайла велел в три дня управиться. А испортят сколько, пока хоть что-то путное сформули... – он покосился на Мишку и поправился. – Ну, в смысле, складно напишут пока – грамотеи ещё те.

– Так писать велено, а не бересту переводить! – возмутился Демьян. – На складе взять каждый дурень сумеет. А нету там лишней. А та, что есть – только для занятий. Я-то своим велел родить к сегодняшнему вечеру, на чём и чем писать, а дальше пусть сами догадываются.

Мишка с интересом слушал перепалку своих поручиков, но вмешиваться не спешил. Накануне он в самом деле поставил перед ближниками задачу посадить всех урядников писать рапорта по итогам действий вверенных им десятков во время похода, кои и подать ему в течение трех дней. Тема сочинения – «Где в походе Младшая стража облажалась, а где не очень, и почему». Для чего предварительно следовало опросить личный состав на ту же тему, с особым упором на вопрос «каких умений мне в походе не доставало».

Он прекрасно понимал, что в процессе анализа девяносто пять

процентов написанного окажется бредом и отсеется, но, тем не менее, некоторое количество косяков удастся выявить. После чего можно ознакомить с итоговым документом наставников, дать им время на обдумывание, а потом собирать совещание и устраивать мозговой штурм на тему: «Что требуется изменить в обучении с целью исправления выявленных недоработок и предотвращения косяков в будущем». В итоге можно будет попробовать разработать письменную инструкцию по обучению.

Помимо несомненной пользы от такого действия, это должно было стать первым методическим документом Академии Михаила Архангела. Понятно, что он получится сырым, как использованный подгузник, но лиха беда начало.

То, что при решении этой глобальной задачи из-за дефицита бересты на складе совершенно случайным эффектом станет ещё и развитие у урядников навыков находить выход из безвыходной ситуации и постижение ими великого дзенаготовки щей из топора, только утвердило Мишку в собственной правоте, ибо верное управленческое решение всегда дает выигрыш по нескольким направлениям.

«М-да, классика жанра. Вечные ценности, так сказать. Вспомните, как сами на действительной службе два сарая оставили без железной крыши, когда вам сержант вот так же велел к утру родить двадцать лопат для чистки снега, при том, что в каптерке имелось только пять штук. Надо усилить охрану всего ценного, что можно оторвать и приспособить для письма, а то они и у девок подолы рубах обкорнают до полного неприличия...»

Наставники, не догадывавшиеся о том, что данная проблема в будущем не минует и их, прятали ухмылки и смотрели на перепалку отроков снисходительно.

«А вот фиг вы угадали, господа наставники – и вам осваивать придется... Приказать не могу, ну так сами поймете, никуда не денетесь. И вообще надо развивать как у младшего, так и у старшего командного состава навыки письменного анализа своих действий. Конечно, эксплуатационные свойства бересты не позволят сохранить все смысловые оттенки старой доброй поговорки про «больше бумаг – чище задница», но стремиться к этому будем...»

Впрочем, это всё потом. Сейчас другая поговорка для вас актуальнее: про грудь в крестах или голову в кустах».

На этом, выбросив из головы посторонние мысли, Мишка остановил увлекательный диспут поручиков о тонкостях добывания их бойцами

канцелярских принадлежностей из воздуха и открыл совет.

– Что ж, господа, приступим. Начну с описания того, что мы на данный момент имеем... – будничным, немного скучным голосом проговорил он, опускаясь на свое место за столом и понимая, что сейчас если не огорошит большинство присутствующих, то уж озадачит наверняка.

– Во-первых, в холопском бунте, о котором все, на тот момент отсутствовавшие, уже слышали, оказались замешаны семьи трех наших отроков из четвертого десятка урядника Климента – Константина, Серафима и Феодосия. Воевода Кирилл Агеевич требует их выдачи для суда в Ратном, – Мишка остановил взглядом возмущенно дернувшегося Дмитрия. – Воевода в своем праве. И, хотя свое слово он ещё не сказал, я знаю о его решении достоверно. Но Младшая стража своих не выдает. Что с семьями отроков – пока не известно, надеюсь, живы. На то, что боярин передумает и от своего намерения откажется, надеяться нам не следует, но пока слово его не сказано, у нас есть ещё время что-то предпринять. Потому что когда он его скажет, а мы не подчинимся, это будет бунт против воеводы... – Мишка обвёл глазами построжевших и нахмурившихся при этих словах наставников и, чуть помедлив, продолжил: – Наставникам, а тем паче своим старшим родичам я приказывать никак не могу, а и мог бы, в таком деле не стал бы. Но полагаюсь на их мудрость и жизненный опыт и прошу о посредничестве и совете, чтобы избежать кровопролития в лисовиновском роду. Да и сотня с Младшей стражей в бою породнилась, Ратное для нас – свое, и мы ему не чужие. И негоже нам друг против друга железо поднимать. Не хочу даже думать, что такой грех придется на душу брать. Это наша первая забота, но не единственная.

Во-вторых, на землях за болотом вовсю идет раздор между ближниками тамошнего боярина, который давно уже пребывает в отъезде. У нас в крепости находится их боярич, вы все его уже знаете – Тимофей. Нам он теперь родня, а наставнику Макару – крестник и приёмный сын. По возвращении боярина Журавля мы будем заключать с ним договор о том, чтоб он признал над собой воеводу Корнея и пришёл под руку туровского князя. Ему это выгодно, ибо тогда и боярство его подтвердится, и промеж нас вражды не останется.

Не по закону и не по совести допустить, чтобы власть боярская была свергнута обманом и предательством. Не прав боярин в чём-то, виноват ли перед богом и людьми – про то разбираться надо князьему суду, а не самовольно расправу творить. На *наших* землях того допустить никак невозможно. Так что теперь и это – забота рода лисовиновского и воеводы

Погорынского.

И, наконец, в-третьих. Через два дня к нам из-за болота придут семьи воинов. Тех, которые держат руку своих бояр и намерены не допустить полного разорения земель, а с нами хотят породниться. Их начальный человек с Макаром сговорился о женитьбе детей, прислал к нам своего сына и попросил определить его на учебу в Академию. Так как Макар наставник, то его родича примем без платы, но отрока надо крестить, отец его на это согласие дал. Я уже распорядился приписать его к десятку разведчиков и поселить с ними же, в казарме. Окрестим, как только до нас доберется новый священник, который прибыл в Ратное с обозом.

Мишка посмотрел на мать:

– А вот беженцев встретить надо будет уже тебе, матушка, как положено, разместить и оказать помощь.

Анна молча кивнула.

– Ну, что скажете, господа совет? – Мишка обвел взглядом напряженные лица своих ближников и наставников, отметил, как коротко переглянулись мать с Ариной и неожиданно споткнулся о насмешливую Кузькину физиономию, резко контрастирующую с остальными. Двоюродный братец глядел с таким видом, как будто уже знал ответы на все вопросы и только хотел дожидаться, пока и остальные догадаются.

– Говори, Кузьма, – предложил он. – Вижу, ты ответы на все вопросы знаешь.

– А чего тут говорить, Минь, – Кузька поднялся и тряхнул чубом. – С дедом... С боярином Корнеем нам сейчас воевать не с руки. Но и ему с нами – тоже. Боярин Федор, да и ратники Егора про то, что в Турове было и какова княжья воля, ему уже рассказали, небось. Ты верно решил – я только сейчас понял: не дал возможности Корнею Агеичу отдать нам приказ, потому и Илья в воротах застрял, так? Воевода за нами следом не послал никого. Значит, уже и сам это понял.

Поговорить с ним надо и по-хорошему решить согласием. За троих отроков Младшую стражу положить, тем более, если виноваты их родные и кровь на них есть... Оно того стоит? Потому как у прочих тоже родня – вон, тетка Дарена погибла, и ещё Лисовины. И среди ратнинских есть убитые – из родни наших же отроков. Они тоже им кровники. Если бы вчера да при всех заставили Младшую стражу разоружиться и своих сдать – тогда хоть распускай отроков да коров пасти отправляйся. А так... Отдадим их, остальным разьясим – и по закону это. А тогда и со всем остальным проще разбираться будет.

«Про Игру они сейчас, разумеется, и не вспомнят – эмоции через край

прут. Ничего, пусть выговорятся, потом и теорию подтянем к решению проблемы».

– Обозник! – Дмитрий не сделал даже попытки встать и голоса не повысил, но сказал – словно плюнул.

– Что?! Это ты про кого?! – Кузька было рванулся в сторону старшины, но тяжелая рука Немого, оказавшегося у него за спиной так стремительно, что Мишка не заметил, как он это проделал, припечатала парня к скамье. Глядел при этом Андрей на Дмитрия. Да так, что тот, казалось, вот-вот сам сползет под стол – взгляд у наставника был не менее тяжел, чем рука. Впрочем, убедившись, что порядок восстановлен, Немой не спеша вернулся на свое место и кивнул Мишке, мол, продолжай.

– Кузьма, у тебя все? – подчеркнуто спокойно спросил Мишка.

– Не все! – запальчиво вскинулся братец. – Не на казнь отдать, а на суд... Они головой за родню не отвечают, да и вышли из своих родов. Теперь Младшая стража их семья, ты сам говорил, а значит, и отвечать не за что. А за родню их... Мы поручимся, если надо – виру можно заплатить из добычи, там и их доля есть. Про это с сотником сразу и условиться – Корней Агеич не дурнее нашего, и сам поймет, что нельзя их смерти предавать – остальные потом верить не будут, а нам всем ещё воевать предстоит. Но и оставлять их нельзя... Теперь все. Если кто может что лучше предложить – пусть предлагает... – он покосился на играющего желваками Дмитрия. – Или лучше всю Младшую стражу дуром положить?

– Не по-божески против своих идти. Выступать против воли воеводы всё равно что против княжьей воли, – хмуро проговорил Роська. – А княжеская власть от Бога. И бунтовать нам в таком случае – против Божьей воли и против совести подниматься. Тем более, кровь своих проливать. Нельзя. Но и выдать отроков – не по-божески. И тоже – против совести идти.

– И тут свое заладил, святоша! – скривился Артемий. – И без тебя понятно, что хоть так, хоть эдак – а все одно в дерьме. Ты нам что, предлагаешь, всеобщий молебен тут всей Младшей стражей устроить? Вдруг полегчает или Господь вразумит...

– И не помешало бы! – насупился поручик Василий. – Может, с того и тебе ума прибавилось бы... А главное, отца Меркурия, что с нами из Турова прибыл, для этого сюда вызвать. И просить его быть в этом деле судьей и посредником. Воевода Кирилл его послушает...

– Послушает! Ещё как послушает! А потом велит отроков казнить и Младшую стражу распустить. А нас припишет к десяткам новиками... В лучшем случае! – оскалился Дёмка. – Ладно, поручик Василий у нас давно

на голову уроненный – хлебом не корми, дай помолиться. Но ты-то деда знаешь! – Он смерил Кузьму презрительным взглядом. – А туда же, «условимся с воеводой!» Как же! Дед по-своему сделает и прав будет! Да, прав! – хмуро обвел он совет взглядом. – И я бы на его месте так же... А потому – вначале спрятать надо отроков, а потом уже договариваться. И не тайно, а чтобы при всех воевода свое слово сказал – тогда обратного пути не будет.

Я так думаю, все одно не отсидимся тут, так что придётся нам с Кузьмой завтра домой съездить. Родителей повидать все равно надо, а то не по-людски получается. Матери подарки отвезем, привет передадим от крестников, посмотрим, что и как, и где семьи бунтовщиков содержатся. И что нам ещё там дед скажет, послушаем. Виноватить нас ему не за что: это Михайла велел в крепость идти, не заходя в Ратное, если бы мы приказа своего сотника ослушались, воевода бы первый нас пришиб за такое. А потому и задерживать не станет, а что надо – через нас передаст.

– Куда отроков спрятать-то хочешь? – нахмурился Дмитрий. – Плавце за печку, что ли?

– Да чего за печку? – неожиданно оживился Артемий. – Они у нас не за мамкиными юбками сидят – в походе уже побывали. Вон, Михайла говорит, за болотом беспокойно. Раз к нам семьи отправляют, стало быть, воевать собрались, им там вои лишними не будут, хоть и новики. Отослать туда наших. Мить, как думаешь, не опозорят же?

– Не опозорят, отроки дельные, – кивнул Дмитрий и с надеждой посмотрел на Мишку. – Может, и правда, Минь? Примут их там? Мы поручимся, а если помочь надо, так и ещё кого с ними отправим...

– Сдурели вы, что ли? – возмущенно встрял молчавший до сих пор Мотыка. – Их родню и так обвиняют в том, что они в бунт пошли, а бунт как раз из-за болота и затеяли. Если парни туда подадутся – и вовсе решат, что они там с кем-то повязаны. Ратнинские сейчас долго разбираться не станут, и отец Меркурий тогда может не вступить – за болотом-то язычники, а мы с ними в союз... Нет, спрятать – это правильно, только тут с умом надо...

– Так, может, их торговать отправить? – предложил со своего места Никола. – Товаров на складе хватает, а из-за ляхов мы торговать не ходили, как вернулись. Дядька Осьма и приказчики в Ратном, но мы и сами соберемся. Вон, Гринька говорил, у них дед Семен приказчиком был в молодости, не откажет, небось, советом, а то и с нами подастся. А охрана лишней не будет. Главное – мимо Ратного пройти...

– Так отец же в Ратном сейчас, – напомнил Петька. – К нему надо – он

придумает, как... И потом к себе взять попросим – Михайле он не откажет, да и охрана караванов нам не лишняя, а они выученные уже.

Сыновья Никифора, не сговариваясь, переглянулись и дружно уставились на Мишку с одинаковым выражением на лицах, сделавшим их на мгновение неотличимо схожими, словно близнецов.

«Похоже, братишки спелись, хотя сами этого ещё не поняли. Вот будет сюрприз Никеше, а главное, кузену Павлуше! Но Никола хорошо помнит, что ему придется самому пробиваться, потому и выход придумал – самим торговать отправиться, а Петька себя наследником ощущает, потому решение проблемы склонен взвалить на отца.

Но пацаны-то высказались, а старшие молчат – думают. Ну да, их слово последнее, а потому весомое».

Мишка оглядел ближников и кивнул:

– Стало быть, в том, что выдавать своих нельзя, все согласны. Осталось решить, как убедить в этом воеводу и не довести дело до раздора. Что скажете, господа наставники? – он повернулся к старшим и зацепился взглядом за напряженное лицо матери. – Что думаешь, матушка? Ты же боярыня. Скажи свое слово.

Брови Анны слегка приподнялись, но не от удивления, а скорее от напряженного внимания. Она коротко кивнула ему и пожала плечами:

– А что тут говорить? Коли я для отроков матушка-боярыня, то как мать и судить буду: что хотите делайте, а мальчишек погубить не дам. И воеводе Корнею то же самое скажу, если потребуется. Материнское слово за детей всегда весомое.

Мишка перевел взгляд на Андрея, привычно не ожидая от него ничего, кроме короткого знака, но тот неожиданно показал глазами на сидевшую рядом Арину, с которой, кажется, уже давно обменивался знаками, плохо понятными посторонним. Молодая женщина, не дожидаясь повторного обращения, заговорила со спокойной уверенностью, причем чувствовалось, что такое «толмачество» уже привычно и для наставников, потому как ни Филимон, ни Макар при этом даже бровью не повели.

– Ты, Михайла, уже свое слово сказал, когда вчера решил отроков не выдавать и в Ратное не пошел. Воевода Корней тебя услышал. Но он решал не за себя, и даже не за род – за всю сотню, а потому нельзя его судить за то, что безжалостен: он не по жалости, не по злобе решает – по обычаю. И ни бабьей жалостью, ни угрозами его не переломить – будет надо, так и силой на своем настоит. Сотня по его слову поднимется. Но если сможешь ему доказать, что есть другое решение, и оно обычаю не противоречит и более верное, может и послушать. Но вначале надо, чтобы он вообще

слушать стал.

«Вот это да! Немой бабьим голосом заговорил! Маленький штрих во всеобщем бардаке, так сказать. Интересно, сколько тут от самого Андрея, а сколько – от его «переводчицы»? Вы же не зря ей тогда про их священника распинались – неужто запомнила и усвоила?»

Между тем Макар, внимательно слушавший Арину (или Андрея – тут уж не до того, чтобы разбирать), согласно кивнул:

– Это верно – надо ещё, чтобы сотник слушать стал. Может, Филимон с ним поговорит? Полусотника он выслушает... Но вернее всего – Аристарха. Вроде пора ему уже в память прийти, раз не помер. Встанет не скоро, но говорить сможет.

«Ну час от часу не легче! Вот тебе и «дядька Филимон»! Полусотник?! И никто никогда ни полсловом про это не помянул, а мне подобное и в голову не пришло. То, что остальные наставники к нему всегда относились с уважением, списывал на возраст – он ведь ненамного младше деда – да, видно, не так все просто, недаром Макар именно сейчас это вспомнил. И, похоже, если понадобится, именно Филимон всех тут постройт и именно его послушают, а не Леху... Интересно, мать-то знает?»

– Для начала самому Аристарху надо Михайлу выслушать. Беляну-то его убили, и как бы он сам крови не потребовал... – и опять Арина привычно встряла в мужской разговор, а Макар с Филимоном совершенно спокойно это восприняли. Впрочем, сразу же стало понятно – почему, так как Филимон, согласно кивнув, ответил не ей, а Андрею.

– Как раз Аристарх и послушает! – Мишка смотрел на дядьку Филимона и не узнавал его: сейчас на совете слово держал начальный человек, а не знакомый увечный старик. – Крови-то он потребует, но он всегда понимает, когда остановиться надо – потому и староста. И он лучше всех знает, на ком кровь ратнинцев, а кто ему помог село от беды уберечь. Сколько Аристарх того Медведя, как девку, обхаживал и вываживал? То-то и оно. Да и не одной своей волей он с ним сговаривался – сотник, перед тем, как на ляхов уйти, ему на это свое согласие дал. И село стоит, потому что Медведь свое слово сдержал. И ещё... – Филимон задумчиво пожевал губами, – теперь понятно, какого боярича он в бреду поминал все время – мол, за ним из-за болота шли и ещё придут – беречь надо. И какого боярина убить хотят. Мы все тогда на Михайлу и Корнея подумали, а оно вот что, оказывается... А если сейчас промеж крепостью и Ратным раздор случится, то все договора его порушатся. Не может этого староста допустить.

Макар, внимательно слушавший Филимона, хлопнул ладонью по

столу.

– Он не может, и нам не должно! Ратному выгодно с соседями по-хорошему решить. Потому как если по-плохому, то за болотом полыхнет, а тушить нам. И не дай бог, на нас перекинется – и там, и здесь только пепелище останется.

«Однако, сэр, как наставник Макар заговорил! Не иначе, на мужика статус приемыша подействовал. Видно, потому Аристарх ему доверил и мальчишку, да и все остальные дела тоже. А ведь до сих пор ничем и не выделялся».

– Так-то оно так, – кивнула Арина, быстро обменявшись с Андреем новой порцией только им двоим понятных знаков. – Но не Корней крови потребует – сотня. Староста про свои дела с Медведем никому не говорил, а вот то, что холопам подмога из-за болота шла, все знают. А если ещё бабы про Тимофеево умение вспомнят, и вовсе ратники на сотника насядут. Захотят не только кровь за кровь взять, но и посмотреть, что там за мастера, если малец-подмастерье такое умеет. Всего они не видели, но ведь бабы-то ещё и приврут, как водится...

– Верно говоришь, Андрюха, – озабоченно покивал Макар. – Только дело ещё хуже... ТАК даже моя Верка приврать не сумеет! – он оглядел присутствующих и полез за спину. Достал подарок Медведя и принялся его бережно разворачивать. – Вот что мне мой сват подарил...

То, что чудо-меч никого не оставит равнодушным, Мишка, конечно, предвидел, но одно дело предполагать, а другое при этом присутствовать. Пожалуй, вытащи сейчас Макар из мешка Жар-птицу, и то бы эффекта сильнее не произвел. Ладно, отроки – взрослые воины при виде того, что держал в руках наставник, похоже, забыли про все на свете и замерли в немом потрясении.

«Ну ни фиги ж себе, как их развезло! Страшной силы оружие, однако... Как бы мужики головой не повредились от приобщения к прекрасному. Уж не в целях ли скрытой диверсии и разложения морального духа потенциального противника товарищ Медведь нам это изделие подсунул?»

Выражения лиц наставников, когда они рассматривали клинок, напомнили Мишке пацанов из его далекого детства, когда кто-то из приятелей контрабандой вынес из дома дедов наградной ТГ – похвастаться. С дарственной надписью на пластинке. Демонстрация состоялась в парадном, где жил обладатель сокровища, так как дальше двери квартиры он с этим счастьем отходить не решался и из рук не выпускал. Несколько

особо доверенных приятелей, допущенных к осмотру реликвии, среди которых оказался и Ратников, собрались кружком и восторженно смотрели на самый настоящий – всамделишный «пестик»! – отчаянно завидуя своему приятелю, имеющему доступ к подобному чуду и почти физически ощущая страстное и непреодолимое желание хотя бы дотронуться до него, а лучше – вцепится намертво и ощутить тяжесть холодного металла в руке... Лет им тогда было, дай бог, если по десять, а то и меньше – точно Ратников уже не помнил, но свое тогдашнее ощущение восторга и потрясение в глазах товарищей запомнил прекрасно.

И вот сейчас то же самое, но многократно усиленное выражение он отметил на суровых лицах наставников, ранее в подобном проявлении чувств совершенно не замеченных. Все без исключения попали под это сокрушающее очарование, даже Филимон помолодел и приосанился, когда бережно взял в руки чудесный меч и легким движением крутанул им «восьмерку» не хуже любого молодого бойца. Постоял, словно прислушиваясь к чему-то, вздохнул, с явной неохотой вернул оружие владельцу и усмехнулся.

– Гляди, Макар, кому ни попадя не показывай. За такой клинок не то что Ратное вырезать – все княжество заровнять можно. Я даже боюсь, чего с Корнеем станется, когда увидит – ведь на сосну залезет... – отставной полусотник подумал и покачал головой. – Не, не залезет – запрыгнет. А залезут вслед за ним Лука с десятниками. Потому как такой меч сам по себе уже боярства стоит. И если про то, что такие мечи за болотом делаются, в Ратном раньше времени прознают – беда... Головы, у кого они послабже, снесет запросто, когда поймут, какую добычу упустили. Это тебе не стадо коров из набега пригнать.

– То-то и оно, что не стадо, – кивнул Мишка. – И как в сказке про меч-кладенец – первому встречному не дастся, а если случайно и попадет дураку, так только погубит. Нельзя сотне за болото сейчас идти – если пойдут, то только тому же Мирону и подсобят лапу на это богатство наложить. Не зря Мастерова Слобода у них в такой тайне содержится, и пока мы до нее доберемся, от неё одни головешки останутся, а мастеров порежут. Мы-то, когда за болото ходили, думали, что победителями вернулись, а на самом деле нас там, как деревенских дурачков на торгу под чужую дудку за репку плясать заставили, пока чужой дядя себе карманы золотом набивал. Ну так одного раза и хватит, наверное. Но для нас в нынешнем положении даже не это самое главное, тут с другого бока смотреть надо.

– Уверен, что сейчас тебе ту же репку не подсовывают, только другим

концом? – прищурился Филимон.

– Да не про то я, дядька Филимон, – досадливо отмахнулся Мишка. – Нельзя сейчас ратнинских за болото пускать, и так у многих головушки закружились – столько за прошедший год нахапали. А те, которым меньше досталось, себя обделёнными чувствуют, недовольны – прежде всего сотником. И давят на него, давят! – пристукнул он кулаком по столу. – Боярства всем хочется, а тут ещё Алексей хочет земли Куньева городища под себя подгрести. Дурной пример заразителен, дескать, хочу взять – значит, моё. Вот и заоблизывались многие на земли за болотом, а что там на самом деле происходит – и знать не хотят! А там, судя по тому, что Медведь рассказал, оч-чень непростые люди схлестнулись, и кто именно из князей туда лапу протянул, мы пока не знаем, но лапа наверняка когтистая – у князей иных не бывает.

И вопрос ещё, сами ли ратнинские голову потеряли или им помогли – вон, как холопам с бунтом нашептали. Сотня не одну большую мозоль оттоптала, мало ли кто желает её втравить в резню за болотом и таким образом ослабить – а то и вовсе с доски смахнуть.

– Минь, мы же не про сотню, а про отроков наших говорили, – Дёмка попытался вернуть разговор в прежнее русло.

– А одно с другим очень тесно связано, Дём.

– Это как это? – заинтересовался Роська.

– Кому-то очень надо ослабить сотню, и для этого не гнушаются никакими средствами. Наш с воеводой раздор – оттуда же. Удастся Корнею Агеичу на своём настоять – он лишится по меньшей мере самострелов Малой стражи, да и поддержки части рода. Не удастся – крикуны в Ратном с него запросто могут виру стребовать, да такую, что все мы без портов останемся. Получится выпнуть сотню в поход за болото – ещё лучше: часть ратников перебьют, а остальные там так пройдутся, что не один год после этого князю никакой дани с той земли не собрать. Шептунов за язык не ухватишь да на суд к князю не приведёшь, и получится, что сотня виновата в разорении земель, которые князю могли бы неплохой доход принести. Как ни кинь – везде клин.

Вот и получается, что сейчас наша задача – удержать сотню от опрометчивых шагов, не допустить окончательного разрыва воеводы с Младшей стражей и сотника – с Ратным. Мы свой ход сделали: не дали схватить отроков и пролиться крови. Теперь ход за другой стороной.

– Значит, опять шахматы, Минь? – Дмитрию, как всегда, требовалась конкретика.

– Говоришь, дураками не считает? – неожиданно и вроде бы не к месту

подал голос Филимон. – Умные тем от дурней и отличаются, что только хорошо подумавши за дело берутся. Михайла прав: дело не в одном Корнее, нам со всем Ратным придется договариваться. А с Аристархом и впрямь свидеться для начала не лишнее... Все у тебя, Михайло? – кряхтя и тяжело опираясь на свою палку, Филимон поднялся из-за стола. – Тогда пойду я, а то девятый десяток у меня в мастерской сейчас должен с бронями заниматься, а за ними особый присмотр надобен – того и гляди, чего отчудят...

* * *

Все-таки пришлось девятому десятку в этот день чинить брони без присмотра наставника Филимона. Не успел он дойти до дверей, как в них снаружи постучались: от ворот прибежал посыльный с докладом – из Ратного прибыл обоз. К Мишкиному облегчению, выяснилось, что это не военная экспедиция Корнея, а семьи плотников и с ними Аринина родня.

Обрадованные долгожданной встречей с родными, плотники высыпали из открытых с Мишкиного дозволения ворот и помогали прибывшим накидывать следи на недавно вставший лёд для переправы саней через Пивень. Дёмка с Ильей, гордо светившим роскошным фингалом (сотник все-таки приласкал его сгоряча за давешний бардак, устроенный в воротах Ратного), и дедом Семеном, который в их отсутствие окончательно взял в свои руки хозяйство в посаде и исполнял там обязанности старосты, что-то обсуждали с Нилом и Гаркуном. Лесовики Гаркуна усаживались за возниц в сани с пожитками прибывших и прямо от ворот заворачивали на посад – там уже давно ждали дома для семей артельщиков, холопы гнали туда же немногочисленную скотину, а прибывших баб с детьми боярыня Анна велела отвести в трапезную и накормить с дороги горячим. В общем, дело нашлось всем.

О Тимке-бояриче Мишка вспомнил только к вечеру. С пацаном надо было бы поговорить сразу, но не хотелось делать это наспех. Расспросить мальчишку требовалось основательно, в том числе и о самом Журавле, к которому, несмотря на новые сведения, Ратников не спешил проникаться доверием и симпатией, но проявлять этого в разговоре с мальчишкой не хотел: для него-то «дядька Журавль» строгий, но сильный, добрый и справедливый. Если поймет, что сказанное могут использовать против него, наверняка замкнется, и тогда из него слова не вытянешь.

Тимка, и впрямь оказавшийся умельцем каких поискать, с утра до вечера пропадал в кузне. Точнее, в складе при ней – в самой кузне и так было тесновато. Перед походом со склада выгребли весь запас стрел и полуфабрикатов к ним, так что нашлось место для рабочего стола. Плинфа сложил небольшую печь, плотники увеличили окно и прорезали отдельную дверь на улицу, чтобы ни сам Кузнечик, ни его помощники в кузне лишний раз не мешались.

Наличие у Тимки помощников сотника очень обрадовало, хотя появление их до некоторой степени стало следствием события скорее курьёзного – испытания предшественника того самого змея, который приветствовал возвращение Младшей стражи из похода. Мишка еле сдерживал смех, слушая живописный рассказ матери о переполохе, устроенном в крепости «группой младших товарищей».

Решение педсовета после в буквальном смысле «разбора полёта» оригинальностью, в общем-то, не отличалось: во все времена отцы-командиры до предела загружают молодые организмы, склонные к нестандартной активности. Счастье, что наставники вовсе не разогнали всю команду для пресечения этой самой активности на корню, руководствуясь старым армейским принципом «ибо не фиг». Мишку порадовала неожиданная способность «педагогического состава» к подобной гибкости мышления, хотя причины, побудившие мужиков отступить от векам принятых обычаев и традиций воспитания воев, с первого взгляда не просматривались. Оказалось, от печальной участи Тимку спасли только прямой приказ Аристарха и авторитет Филимона, удержавшего остальных от естественной реакции нормального военного на нарушение порядка во вверенной им крепости, фактически в условиях военного положения.

«Интересно, это вам с педагогическим составом случайно повезло, или лорд Корней целенаправленно выбирал таких в наставники? Нет, это вас куда-то понесло, сэр. Выбирать-то дед, само собой, выбирал, но вряд ли исходя из гуманистических соображений – с его-то представлением о педагогике. Скорее благотворно сказалось влияние леди Анны и Арины. Ладно, спишем пока на это. Или на то, что сама атмосфера в крепости способствует подобному просветлению. Главное – нужный результат».

Мишка и сам голову ломал, что делать с искалеченными отроками: им же нужна была не только физическая реабилитация, но в первую очередь социальная. А тут готовое решение проблемы, хотя бы на первое время.

Кузнечика Мишка обнаружил в его мастерской. Не одного – вместе с

ним там находилось и их сегодняшнее «приобретение» – Медвежонок. Они с Тимкой что-то увлеченно прилаживали к новенькому самострелу, когда сотник вошел в Кузнечикову обитель, ярко освещённую несколькими свечами. Обернувшись на звук открываемой двери, оба мальчишки вскочили по стойке смирно и замерли.

«Это я удачно зашел! Что ж, может, так и лучше – сразу с двумя и познакомлюсь поближе».

– Вольно, продолжайте! – махнул рукой Мишка и взглянул на Славко. – Ты уряднику доложился, когда сюда шел?

– Так точно, господин сотник! – Медвежонок снова вытянулся и отрапортовал четко и, похоже, привычно. Мгновенно успел усвоить здешние порядки или дома был приучен к чему-то подобному? – Урядник Яков сам послал меня в кузню – самострел до ума довести. Почти готово уже, Тимофей сейчас показывает, как прицельную планку приладить.

– Прицельную планку? Ишь ты, слово какое знаешь!

– Папка сказал, – отозвался Тимка. – Они с дедом на луки мостили, только дядька Медведь сказал – баловство это, не для них.

– А почему? Удобно ведь... – удивился Мишка.

– Мне удобно. Тимке тоже, – ответил Медвежонок, который в оружии разбирался лучше приятеля. – А отцу нет. Они уже научены, по-своему, и менять их – только портить. А как по-новому учить, никто не знает. Вот у вас учат совсем по-другому. У вас с прицелом удобнее.

– Занятная приспособа...

Мишка с интересом рассматривал простейшую в общем-то конструкцию, состоящую, условно говоря, из кольца, вырезанного из среза какой-то кости, и набитой сбоку планки с высверленным в ней рядом отверстий, в одном из которых торчала щепка размером со спичку. Несмотря на примитивность конструкции, она таки работала, а главное, до нее ещё надо было додуматься. Мишка вот так и не занялся усовершенствованием самострела – других проблем хватало, да и меткости он добился без подобных приспособлений. Закрепленные полужёстко «девайсы» помогали повысить меткость стрельбы по мишени, но в бою, особенно когда требуется скорее скорострельность, чем меткость, могли помешать.

Ратников в прошлой жизни не особо интересовался современными арбалетами и луками, однако знал, что прицелы и для тех, и для других были изобретены достаточно давно и с успехом использовались как спортсменами, так и охотниками. Значит, и это простейшее устройство, придуманное Кузнечиком и сляпанное, по меркам XX века, чуть ли не на

коленке, вполне можно модернизировать до состояния, пригодного к применению в боевых условиях.

Но здесь и сейчас Мишку занимало не само изобретение, а то, что мальчишка в принципе оказался способен к подобному творчеству, поскольку это яснее ясного свидетельствовало о его знакомстве не просто с четырьмя действиями арифметики, а, как минимум, с начатками физики и механики. Достичь же этого можно было только благодаря продуманной системе обучения.

«Похоже, сэр, у вашего соседа ещё один ресурс нарисовался, и никто, кроме вас, его пока оценить не способен – налаженная система образования и отработанные методики преподавания. Интересно, это обучение индивидуальное или более-менее массовое, хотя бы в рамках отдельно взятой школы? Ценный опыт грех не перенять. А чего гадать, прямо сейчас и выясним: Медвежонок вроде там же учился».

– Сделано толково, – похвалил изобретателя сотник. – А почему именно так, понимаешь?

– Ну... не всё... Когда стрелять начал, дошло, только не всё ясно.

– Зачем кольцо вот тут, на конце самострела?

– Где щепки? Ну... чтоб их удобно крепить, и чтоб не ломались.

– Не только, – качнул головой Мишка. – Это кольцо ещё и взгляд на цели фокусирует. Знаешь, что такое «фокусирует»?

– Ага, – подтвердил Славко. – Фифан линзу шлифовал, огонь добывали.

– Хорошо. Тогда попробуй поиграть с кольцом – так, чтобы глаза на цели собирались. Можно получше сделать, но пока и так сойдет.

– Лучше? – уши у Тимофея встали торчком и, кажется, увеличились в размерах.

«Вот это парусность! Эх, на буер бы его сейчас, с такими-то лопухами!»

– Есть чем нарисовать?

Мишка огляделся, заметил покрытую воском дощечку для письма, пододвинул ее к себе и принялся набрасывать чертёж. Тимка, с горящими глазами, пристроился сбоку, с другой стороны увлечённо сопел Славко.

«Посмотрим, как они чертежи читают. По крайней мере, такой корявый, что у меня получился».

Кузнечик бережно подтянул к себе дощечку с наброском.

– А вот это для чего? – ткнул он пальцем в какую-то линию. – А это как крепить?

– Тонкая подстройка планки. Чтоб щепки не переставлять. И тогда их

можно делать металлическими, а значит – прочными и удобными.

– Ага... Значит, это винт?

– Тим, мы сделали, что ты сказал, – в помещение «конструкторского бюро» протиснулся парень с повязкой на глазу. – Посмотри... – увидев Мишку, он поспешно вытянулся:

– Господин сотник! Дозволь...

– Вольно! – Мишка махнул рукой и про себя порадовался, что вспомнил имя отрока. – Ты к Тимофею, Касьян?

В бывшем складе еле-еле хватало места для Тимки и одного, максимум двух подручных, поэтому остальные его помощники временно ютились в трапезной, каждый раз убирая свои инструменты, когда подчинённые Плаве холопки принимались накрывать на столы. Место для полноценной мастерской златокузнеца и, как сейчас выяснилось, перспективного изобретателя, а также наставника увечных отроков и ещё бог знает кого (мать мимоходом упомянула, что кое-кто из девичьего десятка тоже бегал к Тимке ни много ни мало – на уроки рисования!), пока не подобрали.

«Интересно, что выдаст Сучок, если дать ему задание втиснуть в крепости постройку для ещё одной мастерской? А ведь придётся для них помещение выделять, желательно сразу же постоянное... насколько у нас это сейчас возможно. То, что для покалеченных в боях воинов жизнь не кончается, вся Младшая стража должна твёрдо знать. Именно жизнь, а не жалкое прозябание калеки. Сучок может говорить, что угодно, но мастерскую парням артель поставит. Да и с новоявленной «художественной школой» надо разобраться, мать не стала бы поощрять какую-то ерунду. А значит, опять помещение надо».

– Касьян? – Кузнечик нехотя оторвался от незаконченного чертежа неизвестной ему технической новинки. – Я сейчас... Если закончили, сворачивайтесь.

– Чем заняты? – кивнул Мишка вслед убежавшему отроку.

– Модель камнемёта дорабатывают. Седьмую уже... Ещё узоры на филигрань к нарядам рисуют – боярыня велела. И букварь...

– Что, всё сразу?

– Так там три группы работают. Касьян модель камнемёта доводит, он технику понимает, его сам мастер Сучок хвалил. Девкам узоры для филигрании – там Софья командует. А ещё один с мелкими букварь рисует, раз конкурс проиграл.

– Конкурс? – обалдело переспросил Мишка.

– Да узор тот самый, – охотно пояснил Кузнечик. – Софья его рисунок сразу забраковала, говорит, такой надо не проволокой выкладывать, а из

железа ковать и в окошки ставить. Зашибись получится.

«Однако, сэр, размах организации труда впечатляет. Вот и художественная школа сама собой нарисовалась. Значит, куём железо, не отходя от кассы».

– А модель ладьи сделать сможешь? Там тоже кое с чем покумекать надо.

– Ладьи? А какой?

– О, это уже деловой разговор! – обрадовался Мишка. – Только долгий. Мне надо, чтоб ты понял, чего я хочу – тогда и подсказать что-то сможешь. Ты крыло уже делал, значит, разберешься. Там не сложно, но нужно придумать, как по модели строить кораблики – быстро, просто и много. Делать-то для себя будете.

Он повернулся было, чтобы уйти, но наткнулся взглядом на переминающегося рядом Славко. Тот явно хотел что-то спросить, но то ли не решался, то ли не счёл правильным задавать вопросы начальству.

– Вместе приходите, эту лодку потом тебе испытывать, – улыбнулся Мишка Медвежонку. – Да, кстати, а ты Тимофею кто – друг или родич?

Парень помедлил, взвесил что-то в уме и, наконец, ответил:

– Телохранитель. Командир личного десятка боярича. Так отец сказал, когда сюда отправлял. Только Тимка командовать военными не может, он мыслит иначе. Но задачи ставить умеет. Мы его мастеровую команду не всегда могли обойти. Было дело, они нас здорово обставили...

«Обратите внимание, сэр, на реакцию Славкиного подопечного. Зуб даю, он про эту сторону их отношений ни сном ни духом – вон как глазами хлопает».

– Правильная постановка задачи – гарантия ее решения, – подмигнул Мишка Кузнечики. – Так что боярич у вас, Славко, правильный: ему целым боярством управлять придётся, а не только военными командовать. Хотя без этого умения тоже никуда. Только... – Мишка прогнал с лица улыбку, – воинскому делу у нас есть кому учить, а с грамотой плохо. Боярин Журавль школу давным-давно устроил, а я только начинаю. Тимофей, наверное, уже знает, что грамотных у нас мало, читать-писать еле-еле научились, и то не все. А скоро нам ещё отроков пришлют, они, может, и букв не знают. Мне на всех не разорваться, так что, сами понимаете, наставники нужны, как воздух. Вот вы ими и станете.

Судя по выражениям мальчишеских физиономий, предложение застало друзей врасплох.

– Учи-ить? Нам? – Тимка с Медвежонком переглянулись и снова уставились на Мишку.

– А... самим учиться когда? – протянул Славко с неприкрытым разочарованием в голосе.

– Всегда! Самим учиться придется в первую очередь! – отрезал Мишка. – Учитель всю жизнь учится, иначе какой он учитель, к чертям собачьим – так... недоразумение. Да вы на грека своего посмотрите! Его же хлебом не корми – дай что-нибудь новое узнать.

– Эт да... – почесал Тимка нос. Задумался. Потом полез пятерней в затылок. И снова взглянул на Мишку. – Ну-у, как мастеровых учить, я знаю, а как остальных?

– Так же, как мастеровых. У вас, кроме грека, учителя есть? Или он один на всех?

– Не-е, Фифан у нас главный над всеми наставниками. И экзамены всегда он сам принимает.

«Значит, у них целый штат учителей имеется? И регулярные экзамены? Интересно! Это уже не просто так, а систематический подход к образованию и налаженная подготовка кадров».

– И часто у вас экзамены?

– Два раза в год, – вздохнул Медвежонок. – Были. А как теперь будет, не знаю. Греку-то в Слободу сейчас нельзя возвращаться... Наверное, кто-нибудь из наставников экзаменовать возьмётся. Может, Кадуй – он самый старший после грека. Математику с физикой рассказывает, когда Феофан в другие селища уезжает.

– Значит, старший? И много их у вас? – поинтересовался Мишка.

– Семеро... Их грек самых первых выучил. Теперь они учат. Моего среднего брата Феофан в наставники уговаривал, у него получается хорошо... – похвастался Медвежонок. – Он и нас иногда учит, помогает... Но отец ещё думает. Говорит, в группе смена нужна, а в наставники насовсем – это в Слободу идти жить или куда ещё пошлют. В других-то школах тоже кому-то учить нужно.

– А какие у вас уроки? Чему ещё учат?

– Ну, какие? – отроки переглянулись, и Тимка принялся перечислять, загибая пальцы:

– У совсем мелких только арифметика и чтение с письмом. Ну и рисование с природознайством – это тетка Улыба рассказывает, Кадую жена. Ну, там, почему ветер дует, ночь наступает, да откуда трава растет и все такое... – Тимка пренебрежительно махнул рукой. – Сказки, в общем, больше, но это чтобы потом понятнее была физика с алхимией и астрономией. И это у тех, кто дальше учится. Ещё черчение... Ну, эт я уже говорил... – он вопросительно взглянул на Медвежонка. – Все вроде?

Славко кивнул и солидно добавил:

– У нас ещё картография есть. Но это я только с этой осени стал учить. А может, грек теперь тут учить будет? – с надеждой спросил он. – У вас же тоже школа есть?

«М-дя... Попали вы, сэр... «Тож же школа», как же... А грек и правда к нам удачно зашел – полезный товарищ, оказывается. Срочно приставим его пацанов учить! В смысле, когда протрезвеет...»

– Школа у нас есть, – не стал спорить Мишка, – да только немного не такая, как у вас: мы прежде всего воинскому делу обучаем. В остальном нам у вас поучиться не грех. А читать вы по каким книгам учитесь? Неужто по Писанию?

– Книг мало, – вздохнул Медвежонок. – Больше просто списки. Истории интересные есть – зачитаешься, но мало – их Юрка переписывает, когда у него силы есть. А так больше по тем, что грек дает. А Писание – это что?

– А-а-а, это книги христианские, – пояснил ему Тимка. – Тебе их читать все равно придется – иначе не покрестят. Там, правда, не совсем понятно без привычки – написано языком, каким в церкви говорить надо. Ну, то есть слова вроде знакомые, но складывают их как-то...

Тимка неопределенно покрутил в воздухе рукой, не нашел подходящего сравнения и резюмировал:

– В общем, запоминать надо. И науки там нету совсем, и приключений... почти. Скучно, в общем, но привыкнуть можно. Ничего сложного – заучить просто, чтоб если кто спросит, сразу с любого места сказать мог.

– Запомню, раз надо, – вздохнул Славко и добавил рассудительно: – Память все равно надо на чём-нибудь... таком... развивать, тогда и нужное влет запоминать научишься, а разведчикам много чего требуется в голове удерживать. Отец всегда так говорит.

«Нигилисты, блин, на всю голову... На языке у пацана так и вертелось «на чем-нибудь ненужном». Сдержался в последний момент. Это вам не лесовики с их безусловной верой в Божью силу, когда только и остается доказать, что ваш Бог сильнее. Конечно, и эти не атеисты – такого даже Журавль со всеми его заморочками и нововведениями вряд ли мог добиться, но налицо полное отсутствие трепета перед Священным Писанием у второго (или уже третьего?) поколения обучающихся в школе новой формации. И у Тимки, кстати, тоже, хоть он и числится христианином.

Ладно, новый поп сюда доберётся и пусть сам разбирается с идеологическими заморочками. А Феофана-грека срочно протрезвить – и к

доске! Нам учителя сейчас на вес золота».

* * *

– Ну что, мистер Фокс? Намекаете, что пора бы нам с вами побеседовать? Ага, мало я сегодня язык отбивал на всех этих советах-переговорах, так и вы туда же! Или у вас слов нет – одни эмоции, и те непечатные, вот вы их таким образом и выразить изволили? Завидую. Черной завистью завидую, морда ты бронзовая, мне эмоции и прочие глупости – роскошь сейчас непозволительная.

Мишка устало усмехнулся, поднимая с пола фигурку бронзового Лиса, каким-то образом выпавшую из мешочка, в котором он носил ее на поясе. Как уж он умудрился развязаться – бог весть, но драгоценный мистер Фокс напомнил о себе и потребовал внимания. Не то чтобы Ратников склонен был видеть в подобных мелочах знак свыше, но внезапно понял, что ему самому сейчас, несмотря на усталость, необходим разговор с бронзовым «исповедником». Настолько, что даже сон отступил перед потребностью выговориться. Для того хотя бы, чтобы все сегодняшние разнообразные и многочисленные события, разговоры и решения утрясти в голове и систематизировать.

– Ну что, поехали по порядку, мистер Фокс? Кто у нас там сегодня первым нарисовался? Грек? Ну да, грек... Занятную личность нам Медведь подогнал: на первый взгляд типичный алкаш непросыхающий вульгарис, вот только когда он в таком случае успел своротить гору исследований, причём в самых разных областях, от металлургии до виноделия? А в придачу тянуть на себе всю местную систему образования... Вроде бы болтун, каких поискать, наговорил столько, что мозги дыбом, но в критических местах молчит, как рыба об лёд. Не складывается образ, ты не находишь, скотина хвостатая? Ничего, что я так грубо? Извини, я сегодня нервный.

Грек от нас никуда не денется, так что завязываем этого кренделя на Тимку с Медвежонком, пусть пока просохнет да проветрится – несколько дней они подождут. Не горит.

Заваруху у соседей разгребать – данных маловато, надо для начала с Данилой Мастером встретиться. Медведь, конечно, товарищ осведомлённый, но и он не всё знает. Да и рассказал мне тоже явно не всё. Пока что ясно одно: надо всеми силами удержать сотню от нового набега, если мы хотим попользоваться результатами тамошней индустриализации,

коллективизации и поголовной грамотности. А посему слух о подаренном мече надо давить в зародыше. Макар не дурак, сам всё понимает.

Кстати, мой бронзовый друг, как вам новый статус Макара? До ухода на ляхов он выделялся среди других увечных ратников, которых дед сосватал в крепость, разве что спокойным нравом, немногословностью и добродушием, которое кое-кто из отроков по наивности поначалу принял за мягкость и принялся испытывать на прочность. В чем «естествоиспытатели» незамедлительно и раскаялись, выяснив, что спокойный и незлобивый дядька Макар, не теряя своей невозмутимости и добродушной усмешки, не только прекрасно владеет всеми методами «укрощения строптивых», что и другие наставники, включая Андрея Немого, но применяет их с огоньком и творческой фантазией.

А тут нате вам – крёстный и приёмный отец свалившегося нам на голову боярича, со всеми прилагающимися к нему проблемами. Мало того, через своего крестника он ещё и Лисовинам родичем стал. Нет, я не возражаю, родня достойная, а его жену леди Анна сумеет построить, хотя заставить Говоруху не брякать с разбегу всё, что на ум придёт – задача для титанов. В общем и целом же, использовать Макара для встраивания в общепогорынскую систему земель его приёмыша можно и нужно, но и это решать не сию минуту. Так что и эту проблему пока откладываем.

Вот разборки с Ратным откладывать никак нельзя. Да-да, именно с Ратным, а не с дедом, мистер Фокс, я не оговорился. Дед не с бухты-барахты стал требовать выдачи мальчишек, сами по себе они только повод надавить на него, а в идеале – вообще избавиться от власти Лисовинов. Кто именно в Ратном имеет достаточно соображаловки, чтобы в темпе переварить все те новости, которые разлетаются сейчас по селу, и достаточно веса, чтобы говорить «от общества», мы пока не знаем, тут надо только ждать парламентёров и сформулировать свои условия.

Жаль, довести сегодняшний совет до логического завершения не получилось, пришлось прерваться, но то, что требовалось, всё-таки озвучили. Я-то высказал вслух только два варианта решения – драться или сдаться, а пацаны сами вышли на третий – искать взаимоприемлемый компромисс. Что не может не радовать. Правда, в чём может быть наш выигрыш, они до конца не додумали, зациклились на мире с Ратным и защите мальчишек, но тут им старшие товарищи выводы подсказали.

Филимон так и сказал, дескать, тут настолько всё в тугой узел связано, что мы сейчас не отроков отмазываем, а судьбу всего Погорынья решаем. Сюда же подтянул и беженцев от соседей, и повторил про «не пустить сотню в набег». Когда он успел, спрашиваете? А вот только что – когда всех

приезжих благополучно распихали по местам, собрались ещё раз, чтобы поставить задачи на завтра, назначить ответственных и для прочего в этом роде.

С какой стати Филимон, спрашиваете? Да я и сам поначалу обалдел, мистер Фокс. Полное впечатление, что развели меня, как узбека на Привозе. Ни хрена себе дедушка старенький, седенький! Целый полусотник у нас тут ходил с палочкой и радикулитом и в бороду посмеивался – получите и распишитесь! Нет, а лорд Корней-то каков, хрен старый! «Кого смог, мол, внучок, уговорил, не обессудь – выбирать не приходится». Интересно, он сам Филимона и его команду назначил сюда за нами присматривать или Аристарх постарался? Макара, похоже, тоже, не в дровах нашли, так что наставников нам отбирали, как говорится, «строго по анкете». Интересно, как-то ещё Тит с Прокопом себя проявят? А ты, морда бронзовая, и намекнуть не мог? Что, сам не знал? Ну так и не вякай тогда, харя чеканная.

М-дя... Вот это и есть то незабываемое чувство молодого амбициозного полковника, когда на разборе учений он узнает, что прапорщик Перепердищенко, которого ему в нагрузку, как пенсионера-общественника навязали, на самом деле посредник из штаба округа... Хотя ещё вопрос, кого тут дурили: нас с вами или Леху – меня-то дед учит, как может. Макаренко он не читал, педагогического института не заканчивал, так что тут как умеет, так и справляется с воспитанием наследника, а Рудному-то каково?...

Старший наставник... Ха! А на самом деле, выходит, его сюда под надежный присмотр подальше от Ратного засунули, чтобы под ногами не путался? Не потому ли мистер Алекс со своими орлами залетными и встрял в это скользкое дело? Тесно ему стало в крепости, захотелось личную преданность доказать и стать незаменимыми при сотнике. Ну-ну, за это мы ещё с ним посчитаемся.

...Илья ничего нового не поведал – получил от лорда Корнея в рыло у ворот и, когда в себя пришел после начальственной ласки, стал в крепость собираться. Дед не препятствовал и вообще делал вид, что его все это не касается, с Федором и Никешей о чем-то всю ночь совещался, в смысле, пил. И священник новый вроде с ними тоже. Интересный кадр отец капеллан наш вновь прибывший. Между прочим, Илья упомянул, что, не успев заехать в Ратное, этот святой человек прямо у ворот в качестве первой проповеди морду Бурею начистил. Искренне жалею, что не присутствовал – зрелище, должно быть, эпическое... Не везет чего-то Бурею в последнее время: то Млава его мордой в снег на въезде в крепость

положила, теперь вот монах благословил... Но нам это все, увы, ничем помочь пока не может.

Короче, уважаемый коллега, подводим итоги.

Что мы имеем? А имеем мы с вами ввод ряда новых фигур и качественную переоценку старых, у которых «вдруг» обнаружились новые функции. То есть произошел переход понимания игры на новый качественный уровень. Причем скачкообразно. Во-первых, нам открылась ранее скрытая часть доски, а во-вторых, мы сами из фишки стали пешкой и, приподнявшись над этой доской, имеем счастье оценить открывшуюся картину с нового ракурса.

В прошлой жизни я неоднократно с таким эффектом сталкивался, и тоже при переходе с уровня на уровень. Ранее скрытая информация в силу новой «точки обзора» таковой быть перестает, ибо скрывать ее уже бессмысленно. Причем окружающие скидку на то, что картинка открылась вот только что, делать не собираются и времени на введение в курс дела и адаптацию не дают. Занял свою «клетку» сотника – вперед.

Не справишься – перейдешь в разряд битых фигур и потом о-очень трудно будет вскарабкиваться хотя бы на прежние позиции фишки.

Причем, мистер Фокс, учите громадную разницу между битой ТУТ – и битой ТАМ. Там можно попасться с коробкой денег под мышкой, а потом сделать вид, что все так и надо, и с невозмутимой миной шествовать дальше. А тут такой номер не проходит. Битая фигура в большинстве случаев оказывается убитой, и никому такое решение «кадрового вопроса» диким или неприемлемым не кажется.

Короче, система должна работать без сбоев и никаких «кандидатских сроков» не полагается, а чтобы все нормализовалось и работа перестала носить характер вечного подвига, этот вираж надо пройти. И если пройти правильно, то откроются новые возможности. Это для князя я еще долго буду оставаться пешкой. А вот внутри сотни можно занести ногу на пьедестал фигуры посolidней. И никуда не денешься – придется становиться. Хотя бы, чтобы с доски не смахнули.

...Ну да ладно – завтра Кузька с Дёмкой поедут в Ратное, родителей проведать, ну и разнюхать, что там делается. Не одни, мистер Фокс, не надо так выразительно отсвечивать – с ними вместе десяток Якова отправится. Для страховки и практики. Вернутся с информацией – от неё и будем плясать. В любом случае, хуже не будет.

Вот насчет «хуже не будет» Мишка ошибся, не оценив потенциал всех возможных и невозможных подлостей, которые может подкинуть судьба, если уж задастся целью вставлять палки в колеса.

В Ратное Кузька с Демьяном, в сопровождении десятка разведчиков во главе с Яковом, отправились с утра пораньше, а вернулись слишком рано – сразу же после обеда. Как только они показались из леса, стало понятно: все пошло не по плану – само их быстрое возвращение наводило на тревожные мысли. На взмыленных конях – видно, что гнали их всю дорогу, – Кузьма с Дёмкой злые и взъерошенные, разведчики тоже не в самом лучшем настроении, а Яков ещё и с перевязанной наспех рукой. А главное – их сопровождали Лавр и Фаддей Чума. Впрочем, сами ратники в крепость не поехали – убедились, стоя возле леса, что отроки скрылись в воротах, развернули своих коней и рванули обратно.

Что произошло, Мишка узнал из доклада Демьяна с Кузьмой и рапорта Якова, после того как его перевязала Юлька; к счастью, рана у него оказалась неглубокая, только кожу выше локтя рассадило. А дела там произошли невеселые, перемирием пока что и не пахло – напротив, хуже некуда...

При подъезде к селу Яков принял решение разделиться: трое отроков посообразительнее – рыжий Федька и близнецы Елисей с Елизаром – поехали с бояричами к воротам, чтобы дождаться их возвращения там, а остальные оставили лошадей подальше в лесу под присмотром одного из отроков, накинули белые «маскхалаты», заранее сшитые про запас, и скрытно залегли на опушке, чтобы наблюдать за происходящим возле Ратного.

Поначалу все складывалось очень даже неплохо. Возле ворот возились в снегу воинские ученики, которых Лука набрал для обучения ещё весной. Дёмка с Кузькой всех их прекрасно знали с детства, а те, как выяснилось, бывали в крепости, пока Младшая стража воевала. И хотя разведчиков они тогда не застали, но, в общем и целом, враждебности к ним не проявили. А занимался с мальчишками и вовсе хорошо всем знакомый по походу Фаддей. Так что Дёмка с Кузькой направились домой, а трое разведчиков, ожидая их, расположились на пригорке недалеко от того места, где продолжались занятия у ратнинских отроков.

Братья добрались до лисовиновской усадьбы без приключений, но деда дома не застали, а всем прочим оказалось не до них: возле Листвяны хлопотала Настена и все лисовиновские бабы, перепуганные так, что впору и их лекарке обихаживать. Если к тому, что Татьяне во время беременности постоянно становилось то худо, то маятно, и то и дело требовалась помощь,

все уже как-то привыкли, то Листвяне поплохело внезапно, хотя рожать ещё вроде срок не пришёл. Неудивительно, конечно, что ее сильно приложило после всех событий последнего времени, когда глубоко беременной ключнице пришлось фактически командовать обороной лисовиновского подворья от штурмующей его со стороны села толпы холопов и отражать нападение бунтовщиков снаружи, из-за ратнинского тына, стоя на стене с луком.

Не привыкшая поддаваться слабости, Листвяна крепилась, сколько могла, но в конце концов просто упала на руки подскочившим холопкам. Хорошо, Настену долго искать не пришлось: она как раз навещала Татьяну и, не мешкая, занялась Листвяной. Перепуганные домашние метались, не решаясь послать за дедом – сотник и без того лютовал, мог и пришибить, если бы счёл, что его зря побеспокоили, – но и одновременно боялись его гнева, если не позовут, а он решит, что надо было. Лавр, вызванный ради такого случая из кузни, рассудил, что вначале надо выслушать Настену, а потом уже отвлекать от дел боярина, если что-то серьезное, а пока велел не суетиться и помогать лекарке. Вот тут-то его и застали сыновья.

Приезду мальчишек он обрадовался, но первым делом послал их к матери – та уже извелась, дожидаясь. Кузьма с Демьяном привезли Татьяне подарки, передали поклон от крестников – Артемия с Дмитрием, сообщили, что и те по ней соскучились и непременно явятся, как только смогут отлучиться из крепости. Это все, конечно, было понятно и необходимо, но вот с отцом поговорить толком они так и не успели: едва только приступили после всех предисловий к главному, как в горницу, чуть ли не распахивая холопок, пытавшихся его удержать, буквально ворвался сын Чумы – Веденя.

– Отец послал! – выдохнул от дверей отрок. – Там пришлые на ваших крепостных... оружно...

Как принесло к воротам Алексеевых дружинников, непонятно: то ли сами решили проявить инициативу, то ли Алексей послал проверить, увидев приехавших домой братьев. Выметнувшиеся черт знает откуда пятеро ратников, не давая тройке отроков, успевших все-таки вскочить в седла, возможности развернуть коней, с ходу взяли их в полукольцо. Трое напирали с фронта, отвлекая на себя, а оставшиеся двое, пройдя по целине, вышли на дорогу, отрезая путь к отступлению.

Мальчишки хоть и расслабились на солнышке, но не настолько, чтобы позволить захватить себя безоружными. Они предупреждающе вскинули самострелы, не позволяя ратникам приблизиться и взять коней под уздцы,

но против пятерых вооруженных взрослых воев – трое с мечами и двое с луками – шансы были неравные. Нападавшие посмеивались, поигрывая мечами, лучники подняли свое оружие, демонстрируя готовность стрелять, но приближаться все-таки не спешили, благоразумно рассудив, что даже если двое из них уцелеют после выстрелов мальцов и отомстят за товарищей, то первым троим это будет уже безразлично. Да и не торопились они никуда, уверенные в своем численном превосходстве.

Правда, Алексеевы вои все-таки совершили две фатальные ошибки: они не успели или для разборок с мальчишками легкомысленно не озаботились надеть брони и не учли, что за рекой в засаде ожидает остальной десяток разведчиков. Их урядник решил, что пора вмешиваться, и его болт сшиб шапку со старшего из незнакомцев.

– Следующим башку продырявлю! А ну, осади! – Яков вырос из сугроба на берегу замерзшей Пивени, привлекая к себе внимание и демонстративно перезаряжая свой самострел.

– Ах ты, вошь лобковая! – взревел оставшийся без головного убора воин и махнул рукой лучникам.

От первой стрелы Яшка ушел вбок: сделал два приставных шага в сторону и тут же – один назад, уворачиваясь от второго выстрела, но опытный лучник скорректировал прицел на его движение и все-таки задел стрелой плечо. Два болта, прилетевшие из-за реки в ответ на этот залп, не промазали. Один из выстрелов вообще получился мастерским – болт вошел в переносицу, превратив затылок первого лучника в кровавое месиво. Второму тоже не слишком повезло – удар в корпус завалил всадника на круп коня. Он захрипел и вскоре затих, безвольно свесившись с седла.

Чем бы все кончилось – неизвестно: у троих оставшихся мечников против трех самострелов Федьки и близнецов шансов не осталось, но из ворот им на подмогу уже ломились ещё пятеро Алексеевых воев. Вот у них-то на пути и встал с мечом в руке разъяренный до полной невменяемости Фаддей Чума.

– А ну, стоять, редька едкая! – рывкнул он, оскалась в сторону пришлых, и добавил уже для мальчишек: – Не стрелять, обалдуи! Руки вырву – в жопу вставляю!

– Уйди! – взревел было ближайший к Чуме воин, намереваясь оттолкнуть ратника плечом, и тут же отлетел под ноги своим товарищам, выплевывая на снег зубы с кровью: Фаддей бил с левой ничуть не хуже, чем с правой. Пускать в дело меч он пока повременил, и нападавшие, видимо, поняли, что доводить до этого не следует: одно дело – воевать с Михайловыми отроками, а другое – с ратниками села, в котором они в

меньшинстве и пришлые. А потому остановились, переглядываясь:

– Мы в своем праве! Они... – подал было голос благоразумно замерший под прицелом разведчиков тот самый вой, с которого Яшка сбил шапку.

– Цыть! – не оборачиваясь, прервал его Фаддей, резко, но уже без ярости. – Его черти за уд тащат, а туда же – языком щелкать... – хмыкнул он, разглядывая своих противников.

– Они кровь пролили! – проплевавшись, хмуро заявил тот, которому Чума пересчитал зубы. Он уже поднялся на ноги, но повторять попытку пройти мимо ратника не спешил.

– Я вместе с этими мальцами воевал – они ж вас враз изрешетят, редька едкая! – уже совсем спокойно сообщил ему Фаддей. – Ни один из вас живым не уйдет, если я сейчас в сторону шагну. Только хрен там – я сначала сам вам дерьмо из потрохов выпущу! У нас в Ратном свои порядки!

Он хмыкнул, кивнув в сторону Якова, демонстративно стоявшего с самострелом на изготовку на другом берегу Пивени и мало озабоченного тем, что на его белой накидке расплзлось алое пятно крови.

– Чего пялишься на него, как девка на хрен? Вокруг смотри, остальных ищи: они десятками бьются. Вы что, не знали? Значит, совсем убогие! И не мажут. С этого шапку сняли, а могли голову – свистел бы сейчас ещё одной дыркой. А вы сразу стрелами кидаться... Куда попали, ещё не разобрались? У нас оружие поднял – стало быть, до смерти. И вы первые подняли – не они...

– Какого тут?.. Мать... Едрит тебя... – от ворот к ним уже спешили ратники и Лавр с Кузькой и Дёмкой. – Ну ни хрена себе! Фаддей?! – два окровавленных тела Алексеевых вояк произвели на прибывших впечатление.

– А чего сразу Фаддей? – вернул вопрос Чума, вкладывая меч в ножны. – Они по Михайловым отрокам стрелять начали, – пояснил он, – вот те и отдарились. Пусть теперь сами убирают, чего насрали... И вообще, Лавруха, бери их коней – этим они уже без надобности. Поехали, парней проводим, а здесь и без нас разберутся.

Высыпавшие из ворот ратники рассматривали убитых воев, оглядывались на отроков без особого возмущения, но и выражать свое одобрение не спешили. Оставшиеся в живых Алексеевы дружинники сбились в кучку и мрачно препирались друг с другом, не решаясь переходить к активным действиям. Фаддей и Лавр, подхватив поводья коней убитых лучников, заслонили собой мальчишек и аккуратно вытолкали их в сторону переправы...

Слушавший вместе с Мишкой доклад о подвигах разведчиков Филимон мрачно оглядел отроков, тяжело поднялся и кивнул Мишке.

– Вели запрячь сани, сотник. Сопровождения не надо. Один поеду.

Часть вторая

Глава 1

Декабрь 1125 года Михайловская крепость

На следующее утро из леса по уже хорошо проторенному пути выехали сани в сопровождении двух конных ратников. Опознав прибывших, пока они перебирались по льду, Мишка, вышедший встречать гостей, едва не полез чесать затылок от удивления.

То, что из Ратного кто-то непременно явится на переговоры, он ожидал, и сам факт приезда парламентёров являлся вроде бы хорошим зна́ком. Но вот состав переговорщиков озадачил Ратникова не на шутку. Нет, Егор и ратник его десятка Петр, благополучно оклемавшийся от ранения, а также сидевший в санях новый священник отец Меркурий вписывались в предполагаемую картину просто идеально.

Но вот то, что рядом с монахом обнаружился ещё и Серафим Ипатьевич Бурей собственной персоной, напрягало: слишком памятно было прошлое посещение обозным старшиной крепости, окончившееся публичной казнью. Впрочем, Мишка сам себя и одернул:

«Не суетитесь, сэр. С чего это вам в голову такая дурь лезет? Крайне маловероятно, что лорд Корней прислал к вам палача для исполнения приговора отрокам, не имея гарантии, что его приказ будет исполнен и сам палач, попытавшись приступить к своим обязанностям, не окажется на месте своих клиентов. Или решил именно на это вас сподвигнуть? Ну так проще крепость сразу штурмом брать. Не договариваться же он приехал, в конце концов! Или все-таки..? Но Бурей?!»

А вот Егору молодой сотник обрадовался, как родному: во-первых, его присутствие гарантировало, что сотня все-таки решила договариваться. За время похода Младшая стража приняла десяток Егора как своих старших, и вчера именно его ратник встал на сторону разведчиков и остановил бойцов Рудного (уже не старшего наставника!). Слово Фаддея Чумы станет весомым аргументом в пользу отроков, тем более, что ратнинцы братской любовью к пришлым отнюдь не пылали.

Во-вторых, Егор, будучи в доверии у старосты, не мог после возвращения из похода не навестить Аристарха. Ходить тот ещё не в силах, но говорить-то уже должен, а значит, выдал своему доверенному «офицеру» инструкции насчет наметившегося союза с Медведем и его боярином. Да и сам Медведь поминал десятника.

Не совсем было понятно, зачем Егор прихватил с собой Петра, об умственных способностях которого у Мишки сохранилось яркое, но далеко не самое лучшее впечатление после Пинска, но десятнику виднее, кого при себе иметь. Ведь и Чуму Мишка раньше считал если не полным отморозком, то, во всяком случае, далеко не титаном умственного труда, однако же поход и последние события заставили переоценить Фаддея. Может, и в Петре он чего-то не разглядел? Вообще сам факт, что Егор, так рвавшийся домой, к заболевшей жене, через пару дней снова сел на коня и отправился за десять верст, говорил, что десятник выбрался из села не цветочки в зимнем лесу нюхать.

Бурей, и без того никогда дружелюбием и благодушием не отличавшийся, находился в состоянии крайней степени угрюмости, более чем когда-либо напоминая редкий гибрид гризли с гориллой, обряженный по недоразумению в содранную с прохожего человеческую одежду. На возницу Бурей рычал совершенно звероподобно, что не мешало тому прекрасно понимать хозяина. А вот монах как раз выглядел спокойным и умиротворённым, как перед хорошей дракой, особенно по контрасту со своим спутником. Время от времени он обращался к нему с какими-то вопросами, указывая то на крепостные стены, то куда-то в сторону леса, Бурей при этом что-то буркал в ответ и мрачнел ещё сильнее.

Впрочем, причину такого странного союза палача и монаха Мишке прямо в воротах разъяснил Егор, с усмешкой кивнув в сторону саней, отставших от всадников на льду:

– Принимай гостей, сотник! Церковный староста сам лично нового священника уважить решил, к тебе проводить...

– Гы-ы, как не уважить... обоих! – заржал за спиной у Егора Петр. – А то благословят – не подымешься.

Но Мишке было не до его шуточек.

– Чего? Староста церковный? Кто? Бурей?!

«Они что, издеваются тут все, что ли?!»

– Ну да, – удивился Егор. – Неужто не знал? Э-э-э, христианину такое знать полагается. В Ратном обозный старшина всегда в церковных старостах ходит. Издавна так повелось.

Пришлось встречать дорогих гостей. Впрочем, Егор, едва поздоровавшись с молодым сотником, нашел взглядом Макара и сразу направился к нему, так что Мишка окончательно уверился, что десятник прибыл сюда в основном по поручению Аристарха. И хотя разговор на эту тему требовал и его участия, но вначале надо было уважить прибывшего священника и сопровождающего его церковного старосту. Монаха

выпускать из поля зрения не следовало – уж больно святой отец пристально оглядывал крепость: судя по всему, он прекрасно умел смотреть, а самое поганое – видеть и делать из увиденного выводы, а у них сейчас накопилось немало того, чего чужим пока лучше не показывать. Своим отец Меркурий пока не стал.

Чтобы Тимофей и Медвежонок, а тем паче Феофан Грек на глаза посторонним без нужды не показывались и с территории крепости не выходили, Мишка успел распорядиться. Правда, совсем утаить их присутствие вряд ли получится, а потому надо было проконтролировать сам момент знакомства. Значит, придется самому представлять их, но в нужное время и с необходимыми комментариями. В связи с этим Бурей с отцом Меркурием представляли собой гораздо большую головную боль, чем Егор, которого так и так придется посвящать во все детали их нынешнего положения и из которого придется вытряхивать выданные Аристархом ценные указания.

– А ты меня удивил, сотник, – отец Меркурий с интересом осмотрел убранство часовни, посещением которой Мишка завершил короткую обзорную экскурсию по крепости.

Бурей от чести присутствовать при этом отказался и, как надеялся Мишка, просто завалился спать в отведенную ему горницу в тереме. Благодарственный молебен о возвращении из похода отроков и о прибытии семей плотников монах проводил в трапезной – более вместительного помещения в крепости не нашлось, а часовенка в силу своих габаритов для настолько массового мероприятия не подходила. Впрочем, как тут же выяснилось, его слова относились вовсе не к этому скромному сооружению, а ко всему ранее увиденному.

– Рассказы о твоих делах я слышал, да только рассказчики здорово преуменьшили, как я погляжу, – отец Меркурий едва заметно усмехнулся в бороду. – Надо им сказать, чтобы были прилежнее... Грандиозность замыслов я оценил. Размахнулся ты широко, ничего не скажешь. Только... Сам осилишь? – взгляд монаха резанул сталью, заставив Мишку внутренне собраться, хотя он и так не слишком-то расслаблялся, беседуя с гостем. – Одному такая ноша не по силам.

«М-да, сэр, послал господь подарочек, вон как святой отец заворачивает. Помощником себя видит? Или соратником? Даже про информаторов прямым текстом сказал. Значит, дураком вас не считает и понимает, что вы и самостоятельно про них догадались. Вот и не знаешь, радоваться такому приобретению или присматривать тихое место, где

его и прикопать, если что. Хотя хрен его так просто прикопаешь, это не тишайший отец Михаил, которому одного вашего рыка хватило, чтобы заткнуться и сделать по-вашему, хоть и с обидой. Этого же, пожалуй, и лорд Корней пугать надорвется. Да и про тихое место он, наверное в курсе.

Это ХОД, сэр. Это очень осязаемый ход, который не хочет становиться ничьей пешкой: фигура заняла позицию и склонна беседовать о том, в чью пользу она будет ее удерживать. Интересно, а про королей он расскажет? Может, и расскажет. Похоже, сэр, вы имеете дело с редким по упертости слоном. Или офицером, по-простяцкому.

С другой стороны, вам как раз такой и нужен, но... Вот именно, «но». Вопрос в его истинных целях, а вы о них пока что ничего не знаете, только догадываетесь, и догадки эти вам не нравятся. Положим, видит он себя проходной пешкой, это не грех. Вы и сами себя такой видите. Но кем он намерен стать, дойдя до противоположной стороны доски? Королем короля? Или поводком на вашем ошейнике? То, что Илларион своего соглядатая прислал – это без вариантов, но надо выяснить, кто он сам: слепое орудие или имеет какие-то свои цели и убеждения? Более похоже на второе – не простой мужик и с характером, такого против его воли не нагнешь. Но вот беда: великими инквизиторами становились тоже не простые мужики, а очень даже убежденные в своей правоте.

Помнится, вы сами в свое время пришли к выводу, что отца Михаила поставили не столько за язычниками присматривать, сколько за сотней. Причем поставили с перспективой прибрать сотню к рукам, так как князьям она становилась неинтересна, а возможно, и опасна. Поперек князей церковь не пойдет, но принять участие в чём-нибудь для себя полезном захочет всенепременно. С кем и когда согласовывали назначение отца Меркурия, и как скорректировались эти планы в связи с новыми обстоятельствами, вроде прекрасной недокняжны Дуньки? И какие отношения у Иллариона с теми, кто когда-то посылал сюда отца Михаила?

Пока что гадать бесполезно – расстановки сил ни в епархии, ни в княжестве вы не знаете, но, судя по тому, что говорил отец Феофан в Турове, там тоже далеко не трубку мира с елеем курят... Впрочем, вот уж в чем в чем, но в этом вы и так не сомневались...

В общем, остается вам для исследования только один объект – отец Меркурий. Не так уж и мало, между прочим – если за эту ниточку потянуть, много чего выудить можно. Что ж, вспоминайте, что вы леди Анне про мастеров объясняли: если ты не можешь сделать какую-то силу

своей, то она усилит кого-то другого. И не факт, что не против тебя... Отец Меркурий, несомненно, сила и сам по себе, даже если не учитывать, что он представитель церкви. Так что выбора нет – придется или делать его своей силой, или...

Помощь, значит? Ну-ну, сейчас я тебе круг проблем обрисую, а там посмотрим...»

– Глаза боятся, а руки делают, – Мишка слегка развел рукав. – Задумано многое, и некогда пугаться: сумеем или нет. Взялись и бросать не собираемся, хотя тут дел не на одно поколение. Потому я ни от какой помощи не отказываюсь... У нас несколько строителей из лесовиков решились веру Христову принять, сами о том попросили. Отец Симон их несколько месяцев назад огласил, а завершить обряд некому. Недавно отрока-язычника в Академию приняли – его тоже крестить как можно скорее надо: у нас не христиане не учатся. Ты со всеми отроками в походе беседовал, сам, наверное, уже понял: большинство недавние язычники. Крещение они полгода назад приняли, умирать с верой и за веру уже научились, но это ничто. Им надо учиться по вере жить, а это не у всякого святого с ходу получалось. Умереть бывает проще....

– Как ты сказал? Умирать с верой ещё не все – жить по вере труднее? – священник с интересом глядел на Мишку. – И как ты это понимаешь, сотник?

«Ага, задели вы его, сэр. Теперь осторожнее: главное, не лезьте туда, где вы ни хрена не смыслите, и ненароком в какую-нибудь местную ересь не вляпайтесь. Это вы можете спутать догмат веры с догматом либерализма, а святой отец этого может и не понять. Хотя не похоже, что он на словах вас подлавливает – ему в самом деле интересно, чем вы дышите, да и для работы ему это необходимо знать. Не забывайте – не только он для вас черный ящик, вы для него – тоже. Вы готовы его использовать, а он, похоже, готов вас учить. Ну что ж, как всегда, будем валить на Серого... в смысле, на покойного отца Михаила, а заодно и капеллана нашего тоже... протестируем».

– Как необходимость ежедневного труда над своей душой, отец Меркурий, – глядя прямо в глаза монаху, твердо ответил Мишка и продекламировал, слегка видоизменив стихотворение, пришедшее на ум как нельзя кстати. – Не позволяй душе лениться! Чтоб искушение превозмочь, душа обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь ^[4].

– Сильные слова. Откуда такие вирши?

– Не помню. Слышал как-то, вот и вспоминаю иной раз... Лениться что телом, что душой проще, чем трудить их, – усмехнулся Мишка. –

Любое стоящее дело требует приложения всех сил. А слепо верить и не сомневаться – легко.

– И в чем же ты сомневаешься?

– Не сомневаюсь, отче, – самонадеянности не приемлю. Слепая вера может иной раз обернуться душевной слепотой. Вон, как поручик Василий... – Мишка на минуту задумался, подыскивая слова. – Верит он искренне, даже истово, но... Сомнений не ведает. Для воина этого достаточно, а для того, кто отвечает не только за веру своих людей, но и за их жизнь, – мало. Потому и тревожит он меня.

– Хм... Говорил я с лохагом Василием, сотник. Ещё в Турове. Когда он и юный травмат Матвей помогали отцу Ананию. И впрямь, отрок к вере Христовой тянется всем сердцем... – Мишке показалось, что монах скрывает в бороде легкую усмешку. – Чрезмерная горячность неопита пройдет со временем. Я с ним ещё не раз побеседую, – отец Меркурий пристально взглянул на Мишку и добавил после паузы: – Тем более, он на разговор охотно идет и сам таких бесед ищет.

«Стучит, значит, Роська помаленьку? Хотя нет, что это вы, сэр? Разумеется, не помаленьку, а как дятел, и не «стучит», а искренне печется о душах своих товарищей и делится с духовником душевной болью. Отец Михаил в своем порыве «как лучше» вовсе расстарался. И ведь оба – и Роська, и отец Михаил, скажи им кто, как я это вижу и понимаю, зашлись бы от искреннего негодования: они же токмо ради попечения о душах паствы... А вот отца Меркурия, судя по всему, это не умилило. Что ж, наши вам бурные аплодисменты, отче. Перейдут ли они в овацию, посмотрим и вставать погодим.

Вот вам ещё одно подтверждение непонятной для многих истины: «хороший человек» вовсе не есть гарантия, что он автоматически встанет на «сторону добра», то есть на вашу. Все зависит от его собственного понимания того, где она, эта самая «сторона добра» расположена, а также где и как вы ей мешаете, так что осторожнее, не спешите безусловно записывать его в сторонники, хоть он вам уже нравится. Для начала хорошо бы понять, насколько наши цели на данном этапе совпадают...»

– Надеюсь, отче, – серьезно кивнул Мишка. – Но не это главная моя забота, а увечные. Сам знаешь, и взрослые ратники не всегда сами могут с увечьем справиться, с тем, что в один миг из воинов превратились в беспомощных калек, а тут мальчишки. Слышал, может быть, в Ратном на излечении сейчас отрок Паисий. Лекарка Настена его выхаживает, а потом мы его сюда заберем – Младшая стража своих не бросает. Не надеялся я,

что его доvezут, когда из-под Пинска сюда отправлял, а он выжил, но обезножел. Ему душу вылечить надо, и тут вся надежда на тебя. А он не один – ещё есть такие, кто уже воином не станет. Дело им сыщется, да и совсем беспомощных прокормим, но они свою судьбу принять должны. Не как проклятие, а как благословение, поверить, что есть им для чего жить. Иной раз это важнее любого достатка.

– Ты прав, сотник. О душах их я позабочусь – это мой долг...

Мишка видел, что монах говорит не просто по обязанности; чувствовалось, что вопрос о раненых отроках его чем-то задел. Впрочем, не удивительно – бывший воин, сам покалеченный в бою, не мог не понимать всю серьезность этой проблемы.

– Но одному мне с этим не справиться – тяжело это, особенно в юности. Так что и тебе зачтется, что своих не бросаешь. И на этом, и на том свете.

– Спасибо, отче, – искренне поблагодарил Мишка. – Рад, что эту тяжесть теперь есть кому со мной разделить. Если тебе в твоих трудах от меня помощь потребуется – только скажи, всё решим. А своих бросать, и правда, грех – и по Божьим законам, и по воинским.

– Верно говоришь, – согласился отец Меркурий. – Потому и рад, что тогда на дороге я благословил тебя на достойное дело. Ты его сделал – своих не бросил. Теперь давай разбираться с недостойным – бунт есть бунт. Надо договариваться, сотник, надо. Базилевс Алексей предпочитал решать дело о мятежах миром, если претензии солдат были обоснованы. Твои именно такие. Назови свои условия, сотник.

«Ага, всего лишь условия узнать? В суть проблемы он ещё не успел въехать, элементарно не хватило для этого времени. Значит, наш капеллан переговорщиком быть не может, нет у него полномочий заключать соглашение, максимум – дед использует его в качестве дымовой завесы».

– Все верно, бунта я избежал. Но это пока. День, максимум – два, не больше. А дальше или мне идти к воеводе, или воеводе идти ко мне. Но то, что ты, отче, здесь, вселяет надежду. А условия... Они просты, но проистекают из того, чего я сделать не могу. Я не могу отдать своих и отступать мне некуда, у меня за спиной мои люди... Отроков никто не трогает – они в бунте не виноваты. Они в походе кровь проливали и головой рисковали наравне со всеми. Это не условие – это их неотъемлемое право. Если их родные повинны, то вот наше первое условие: живота их не лишать. Возможности выкупиться из холопства они себя своим бунтом лишили, а потому требуем передать их в счет добычи в Младшую стражу. Как с ними поступить, мы уже тут решим.

Но и это ещё не все. Второе и главное наше условие такое: тех, кто на своих железо воинское поднимает, мы рядом не потерпим. Пусть уходят, – Мишка криво усмехнулся и дернул искалеченной бровью. – Их привел наш родич... Его судьбу решать воеводе Корнею, но... Здесь бывшему старшему наставнику Алексею отныне места нет.

«Ну да, святой отец, с корабля прямо на бал, и что за па-де-труа здесь в разгаре, ты пока не понимаешь. И какая роль у тебя – тоже. Наверняка настраивался на миротворца-посредника, ведь за тобой авторитет церкви, князя, да и сам ты не лыком шит, но ты не в теме. Совсем.

А кто тогда приехал говорить от имени Ратного? Точнее, тех ратнинцев, кто против деда? У кого есть авторитет, достаточный для предоставления ему ТАКИХ полномочий? Егор или Бурей? Ну, не Пётр же...»

– Условия действительно простые, понятные и не содержат ничего сверх того, чтобы решить проблему. Неужели архонт Корней с ними не согласится?

– Воевода всё прекрасно понимает – гораздо лучше меня – и, будь его воля, он бы на эти условия согласился или, скорее всего, и не довёл бы дело до такого противостояния. Но в том-то и дело, что воля не его, точнее, не только его... Договариваться нам придётся не с сотником, а с сотней.

– Зачем же в таком случае архонт просил меня приехать сюда? – держать себя отец Меркурий умел очень хорошо, но недоумения скрыть всё же не сумел.

– Я думаю, отче, для того, чтобы ты своим присутствием освятил наш договор с тем, кто на самом деле будет говорить от имени Ратного. Я не знаю, кто это – может, десятник Егор, может, церковный староста и обозный старшина Бурей. А может, и оба. Но если договор состоится, то именно твоё присутствие придаст ему силу и сделает его нерушимым. Главное – договориться.

Отец Меркурий задумчиво смотрел на Мишку и, кажется, собирался ещё что-то сказать, но в этот момент в часовню буквально ввалился поручик Василий. Чтобы Роська пренебрег приличиями и благочестием, с коим он всегда входил в храм?! Мишка встревожился, не напал ли кто на крепость, благо, желающих хоть отбавляй. К счастью, катастрофа носила несколько меньшие масштабы, хотя тоже требовала немедленного внимания сотника:

– Минь, скорее! Бурей на грека налетел – сейчас убьёт! – поспешно

сдергивая шапку и крестясь, выпалил с порога запыхавшийся поручик.

– Ах ты, чер... Через поле лесом в рощу! – выскакивая из часовни, Мишка чуть было не чертыхнулся, но вовремя вспомнил про священника и на ходу изобрел более «благочестивое» ругательство.

– Этого медведя без самострела не остановишь! Где они?

– В каморке, где плотники ночевали... – поспешно пояснил Роська, чуть не вприпрыжку поспевая за широко шагающим сотником.

– Не надо самострела... Словом Божьим иной раз способней, – сзади неожиданно раздался спокойный голос отца Меркурия. – А откуда тут грек взялся?

Мишка обернулся и с удивлением увидел, что монах хоть и прихрамывает, но от них не отстает. И ведь даже не запыхался!

– Да на днях приблудился, – с готовностью отрапортовал Роська. – Убежища у нас попросил. Христианин. И ученый шибко. А в самом деле он грек или нет, это ты, отче, лучше нас разберешься. Коли он ещё жив останется...

«Ишь ты! Докладывает как вышестоящему начальству. Непорядок, однако».

Дежурный урядник, выполняя поручение Мишки пристроить грека куда-нибудь с глаз подальше, пока не разберутся с гостями, ещё вчера отвел его в каморку плотников и, велев сидеть и не высовываться, приставил караульного. А чтобы Феофан не сильно скучал, выдал ему бутылку кальвадоса, переданную Медведем. Грек обрадовался бутылки, как родной, и затих. Караульный откровенно скучал, и все бы хорошо, но тут их идиллию нарушил Серафим Ипатьевич.

Сучок, все ещё находившийся на излечении под строгим присмотром Алены, попросил своего «друга сердешного» захватить что-то из его вещей и привезти в Ратное. Бурей не пожелал присоединиться к «экскурсии», устроенной Мишкой отцу Меркурию по крепости, и, предоставленный самому себе, вначале поговорил о чем-то с Юлькой, а потом вспомнил про поручение и поперся в эту самую каморку плотников. Караульного Бурей смел, не заметив, ввалился в помещение и...

А вот что «и», предстояло выяснить, так как из-за двери доносился только звериный рык Бурея, невнятные вскрики грека, предположительно на греческом, и шум падающих предметов обстановки. Оказавшийся поблизости от этого безобразия Роська сообразил, что до крайности натянутые отношения между Ратным и крепостью могут не выдержать дополнительной нагрузки, поэтому отдал дежурному уряднику приказ: оружие применять только в случае крайней необходимости – если жизни

грека или кого-то из отроков будет угрожать непосредственная опасность, а сам рванул за Мишкой.

После такого вступления Мишка ожидал чего угодно, но не того, что увидел: отрок с самострелом корчился у стены, согнувшись в беззвучном смехе, а к приоткрытой в плотницкую «каптерку» двери приник дежурный урядник, в полной мере наслаждаясь открывшимся его взору зрелищем. Изнутри рвался бас Буря, время от времени сопровождаемый неуверенным тенорком Феофана:

– Черный ворон! Что ж ты вьешься-а-а!

«Не знаю, как этот Феофан Грек рисует, но поет фальшиво... Интересно, слова ему кто списал? Журавль, что ли?.. А церковный староста наш ничего так выводит – в ноты попадает».

– Это что тут за циркус?! Как перед сотником стоите, ослы иерихонские! – возмутился между тем Роська, узрев такое небрежение к службе, да ещё от отроков вверенного ему взвода. – Смирна! Урядник Максим, что тут у вас происходит?!

Отроки и сами заметили прибывшее начальство и вытянулись по всей форме, одновременно безуспешно сгоняя с лиц остатки радости.

– Пьют, господин сотник! – коротко отрапортовал урядник, преданно поедая глазами Мишку. Замялся на минуту и, все-таки не сдержавшись, гыгыкнул. – И поют... А так все в порядке!

– А вы что, слова заучиваете, ослы иерихонские? – начал распаляться Роська. – Чего празднуем? Ну так я сейчас всему десятку и праздник, и песни, и плясовую устрою...

– Цыть! Пасть заткни, лягух плющенный!

Дверь с треском распахнулась так, что стоящие возле нее отрок с урядником чуть не кубарем полетели в стороны. Урядник со всего маха вписался в стену, а его подчиненный рухнул Мишке под ноги. Слава богу, выучка не подвела – молодой сотник легко ушел в сторону, поддержал падающее тело, не давая парню расшибиться, и перехватил выпавший из рук того самострел.

В проеме двери горбатилась фигура всклокоченного больше обычного и не на шутку взбешенного Буря.

– Песню попортил, суч-чонок... Удавлю! – рявкнул он, наседая на поручика, оказавшегося как раз на его пути...

«Эх, не вовремя! Всё коту под хвост!»

Блин, он же нарочно оскорблённого играет, чтобы меня потом чувством вины давить!»

– Стой, падла! Размажу! – Мишка вскинул самострел, целясь в

переносицу обозного старшины.

– Стоять! Гамо’то ко’ло су, гамо! То га’мо тис пута’нас! – отец Меркурий рывкнул так, что даже Мишка подпрыгнул от неожиданности, да и из Буряя будто воздух выпустили: он затормозил, пробуксовывая на месте.

– Хррр... пццц... – нечленораздельно промычал церковный староста, хлопая глазами и переводя взгляд с Мишки на монаха, а потом на урядника с самострелом.

– Невместно хозяевам перечить, сын мой. Тебе ли не знать – не всякая песня и не всегда уместна... – голос священника звучал спокойно и лишь самую малость насмешливо.

Каким бы отморозком ни был обозный старшина, но инстинкт самосохранения и у него не атрофировался, а жизнь среди воинов приучила четко улавливать границу между допустимым риском и неминуемой смертью. Серафима Ипатьевича явно не вдохновляла перспектива получить два болта в жизненно важные органы в случае попытки сдвинуться с места, причём получить на глазах священника, который, судя по всему, по возвращению в Ратное склонен был одобрить такую меру защиты.

Бурей замер, соображая, что происходит, икнул и вдруг буркнул, через силу выдавив из себя:

– Извиняй, отче...

«Мама дорогая, царица Небесная! Это что творится-то? А лихо наш новый пастырь по-гречески излагает, и, сдается мне, не из Святого Писания эта молитва. Не будем придирааться – главное, действует хорошо, вон на Буряя какая благодать снизошла... Блин, кабан психованный, натворил дел, разгребать теперь... Спасибо, у поручика самострела нет, а то пристрелил бы его Роська за нарушение дисциплины и не поморщился – вон глаза как горят. И урядник тоже только моей отмашки ждет».

И впрямь, умиротворяющее греческое «увещание» отца Меркурия подействовало на церковного старосту, но не на поручика. Роська, бледный скорее от злости, чем от испуга, сжимал в руке засапожник и, кажется, сам сейчас был готов кинуться на Буряя. Тот, по-прежнему избегая резких движений, тем не менее презрительно скривился, глядя на оружие, которое, в случае нападения, могло бы помочь своему владельцу не больше, чем зубочистка против медведя-шатуна. Однако стоило ему увидеть Роськины глаза, как презрение исчезло, появилась задумчивость, усилившаяся при взгляде на урядника. Тот не только сумел устоять на ногах после удара, но и взвел свой самострел, не обращая внимания на кровь, стекающую струйкой

по подбородку из разбитого носа.

«Ситуация – занятнее не придумаешь, самое время о пророчестве Добродее вспомнить. Нет, убивать Бурея всё равно придётся, но лучше не сейчас. Сначала с ним хоть до чего-то договориться надо».

Судя по всему, отец Меркурий тоже правильно оценил сложившуюся диспозицию. Монах решительно шагнул вперед, вставая между Бурею и Мишкой:

– Вели опустить оружие, сотник. Невместно против своих.

«Да уж, удружил Илларион со святым отцом... Такому дай палец – всю руку оттяпает. По шее. Хотя здесь и сейчас свою шею подставляет он. Вопрос – во имя чего?»

Невместно, значит? Кхе, а ведь это он мне дает возможность свой ход сделать... Что ж, лови подачу, отче...»

Мишка смерил взглядом Роську, уже готового выполнить распоряжение отца Меркурия, – он даже руку поднял, чтобы махнуть уряднику, – но в последний момент опомнился и теперь переводил растерянный взгляд с монаха на своего сотника.

– Верно, говоришь, отче, невместно. Но даже между своими нельзя спускать оскорбление и обиды, тем более, когда они нанесены по несдержанности. Староста Серафим поднял руку на Младшую стражу. Нанес оскорбление поручику Василию и пролил кровь своих, – он указал в сторону отроков.

Монах оценил взглядом нанесенный ущерб и согласно кивнул.

– Да, кир Серафим оскорбил лохага Василия, пролил кровь его людей, хоть и не нарочно. Такие дела между воинами решаются поединком. Запретить им оружно решить промеж собой эту обиду я не могу, а вот отлучить обоих поединщиков вправе! А потому предлагаю принять извинения от кира Серафима.

Монах обернулся к Бурею, который, казалось, молчит только потому, что ему перехватило горло. Или слова подбирает подушевнее.

– Передо мной ты извинился, кир Серафим. Теперь проси прощения у хозяев. Негоже оскорблять тех, кто принял тебя со всем почтением в своем доме и преломил с тобой хлеб.

«Встань ко мне задом, к лесу... точнее, к Бурею передом. Более откровенную демонстрацию доверия сложно придумать...»

Что там вертелось в голове у Бурея, Мишка догадываться не взялся бы и опускать свой самострел не спешил, а урядник тем более не собирался этого делать без приказа. Обозный старшина, судя по всему, боролся сейчас с церковным старостой, и оба с лохматой зверюгой внутри. Кто из них

одержит верх, было непонятно, во всяком случае, делать ставки Мишка при таких раскладах не рискнул бы.

В ошеломлённой тишине, наступившей после последних слов монаха, слегка запинаящийся тенор нового участника представления прозвучал, как удар гонга на ринге после пятнадцатого раунда.

– Серафим! Да извинись ты, что ль, не задерживай пьянку... – и из-за огромной туши Бурей на свет божий вывалился Феофан Грек собственной персоной, с большой оплетенной глиняной бутылкой в одной руке и кружкой в другой. – Ну, хочешь, я за тебя извинюсь?

«Вот ещё на мою шею! Хотя... Взгляд-то у грека вполне трезвый, даром что язык заплетается. Артист разговорного жанра, блин!»

Слегка покачнувшись, Феофан обвел присутствующих мутным взглядом и остановил свой выбор на Мишке:

– Ты уж не сердчай, боярыч, не со зла Серафим. Песня уж больно хороша – про ворона... А за примирение выпить бы... У меня тут ещё бутылка есть, как раз допьём... А потом допоем! – и грек развел руки в стороны в извиняющемся жесте.

«Угу, твоего Ку мне только не хватало! Жаль, у меня штаны не желтые!»

Мишка с трудом удержался, чтобы не матюкнуться вслух или не заржать в голос. И сам не понял, чего больше хочется, а отец Меркурий словно только того и ждал – живо подхватил поданную греком идею:

– Ты прав, добрый человек! Хорошая выпивка лучше доброй драки! Вот тебе и решение, сотник. Извинись, кир Серафим, а ты, лохаг Василий, прими извинения и чару вина с почтением, какое роарию следует оказывать сенатору!

При этих словах Бурей наконец отмер и гыгыкнул, тем не менее предусмотрительно оставаясь на месте и стараясь не делать лишних движений.

– Выпивка, чтоб не убивать, значит? Ладно... Ну ты, лох Василий, или как там... принимаешь мое извинение, что ль? И того... Чару со мной выпьешь?

Роська, который до сего дня к спиртному не прикасался из принципа, сглотнул и растерянно посмотрел на отца Меркурия:

– Так пост ведь? – проблеял он.

«Отмазка не катит, поручик. Стоя на доске, от игры не бегают, тем более, когда ставкой голова, и хорошо, если только своя».

– Без чары не пойдет – отрезал Бурей. – Тогда поединок! ...Да чего ты мнёшься – я ж тебе чару предлагаю, а не девку подкладываю.

– На себя беру, лохаг! – спас побагровевшего поручика монах. – Соглашайся – ради мира и согласия.

– Принимаю! – вышло так от волнения, или поручик невольно скопировал интонации отца Меркурия, но прозвучало это почти как клятва центуриона, ведущего когарту на смертельный бой во славу Цезаря.

Мишка вдруг понял, что Бурей смотрит на него, не отрываясь, и ждет решения. Не отводя взгляда, боярич криво усмехнулся, опустил самострел и махнул рукой уряднику. Тот выдохнул и последовал его примеру, привалившись спиной к стене, и, наконец, вытер рукавом кровь с лица, а Меркурий обратился к своему внезапно обретенному земляку.

– Что ж, проверим, что за дивный напиток в твоём сосуде, миротворец. Веди нас в свою обитель! Придётся и мне присутствовать и грех этот взять на себя, – объяснил он молодому сотнику, разводя руками.

Бурей ещё раз хмуро глянул на Мишку и буркнул:

– Ладно... Перед тобой я потом извинюсь... Завтра, – и скрылся за дверью.

Мишка повернулся к отрокам.

– Вы ещё тут? Оба в лазарет, живо!

* * *

«Да уж – ждали мы посланника от Ратного и дождались. Выходит, теперь именно с ним завтра говорить, со святым отцом уже побеседовали... Хм, надеюсь, они там до утра проспят. Поручик-то сегодня в первый раз в жизни нажрётся, да ещё в какой компании: два грека, один из которых монах, второй на всю голову творческая личность плюс палач ратнинской сотни до кучи – он же церковный староста, дражайший Серафим Ипатьевич... Не поймешь, от чего у парня завтра похмелье больше окажется – от фирменного кальвадоса Феофана-грека или от когнитивного диссонанса».

Всех деталей позиции Бурей как официального представителя ратнинских «несогласных» Ратников знать не мог, но поведение обозного старшины давало достаточно материала для анализа ситуации. Сам Бурей, как оказалось, просчитывал её очень быстро.

Создать конфликт и надавить на сопляка не получилось: сопляк сам подхватил конфликт и начал его обострять, вынудив заработать присутствующее на переговорах окружение. Во-первых, два самострела, уткнувшиеся чуть ли не в брюхо – веский довод проявить

дипломатичность. Во-вторых, за дверью наверняка наготове два ратника, Егор и Пётр – остановить, может, и не остановят, но свидетели крайне неудобные. В-третьих, за Мишкой стоит Туров, в лице отца Меркурия, который запросто может дать отмашку вырезать ратнинскую оппозицию, если с Мишкиной задницы упадёт хотя бы волос.

И получалось, что Мишка фигура слабая, но прикрытая со всех сторон: его нельзя тронуть, иначе в ответ получишь молниеносный ход конем, ладьей, а то и сразу двумя ферзями. Князя и не так мухлюют.

Именно этот расклад ввел Серафима в ступор, а не мордобой, учиненный новым священником на въезде. Иными словами, Бурей только сейчас оценил масштаб игры и понял простую вещь: те ратнинцы, от имени которых он приехал требовать, шансов не имеют, но убивать их никто не хочет, иначе бы с ними не пытались договориться.

* * *

Зато разговор с десятником Егором вышел содержательным, а, главное, деловым и конструктивным. Встретил десятник молодого сотника как равного, кивнул и сразу, без всяких заходов вокруг да около, перешел к делу. Аристарх уже пришел в себя настолько, что смог его проинструктировать и прислать сюда – разбираться. О том, что Медведь будет искать встречи с Макаром, раз уж к нему самому пробиться не получается, староста догадался, как и о том, что Мишка это мимо себя не пропустит, а потому решил, что дешевле выложить все карты. Картина получалась любопытная и ничему из сделанных Ратниковым ранее выводов не противоречила.

Переговорив с Тимкой, которого за день до прибытия беженцев с Княжьего Погоста привез в Ратное Макар, и услышав от него о «дядьке Медведе», чьи люди их с дедом провели по Журавлевым землям и переправили через болото, староста закономерно счел это приглашением к разговору с этим самым Медведем и не ошибся. Их встреча оказалась как нельзя кстати: нападение ляхов на княжество требовало ухода сотни в поход, но решился бы дед на такой глубокий рейд или нет, если бы не получил гарантий от Медведя – большой вопрос.

Мишка про себя отметил: и хорошо, что сотня отвлеклась на ляхов, так как уже был запланирован второй поход за болото, и тогда Мирон, что бы он ни задумывал, своего бы добился. Заставил бы разговор с Медведем Корнея, а главное, Федора и его людей, пересмотреть свои планы, бабка

надвое сказала: уж очень заманчивой казалась им перспектива снова привезти из-за болота полные возы добычи. Этого, по-видимому, опасались и Медведь со своим боярином, поэтому им уход сотни тоже показался подарком судьбы, и гарантии ненападения были даны достаточные. В том числе – Тимка.

Правда, то, что странный пацанчик аж целый боярич, Медведь открыл Аристарху не сразу, вначале просто сказал, что малец – наследник секретов старого мастера, и секреты эти стоят иного княжества, а боярин Журавль его особо выделяет и бережет, как сына. Только когда Мирон спровоцировал бунт, чтобы добраться до Тимки, староста узнал про заковыристые родственные связи парнишки. Мирону нужен был мальчишка любой ценой, чтобы надавить на второго боярина. Медведь потому и раскрыл Тимкин статус, чтобы Аристарх принял все меры к его защите.

Медведь же предупредил и о том, где ждать три десятка, идущих на помощь холопам, да и сам со своими людьми неплохо подстраховал ратнинцев: за болото не вернулся ни один из людей Мирона. В засаде с этой стороны болота сидели мальчишки без особого опыта да калеченые ветераны, вот в какой-то момент и пошло все не так, как задумывали – пришлось Аристарху выручать новиков...

Егор подтвердил и Мишкину догадку насчет Бурея.

– Хочешь не хочешь, а он сейчас за все Ратное приехал торговаться. То, что твои парни вчера пришлых побили, может, и к лучшему. В Ратном за них никто не встанет – чужаки. То, что их сопляки, как кур, постреляли, многим по сердцу пришлось – Лука светится, словно дорогой подарок получил. Ну и слово Фаддея дорогого стоит, а он все видел и твердо сказал: первыми оружие подняли пришлые. Алексей черный ходит, злой, как росомаха в бане: и не выбраться незаметно, и сидеть дальше терпелу нет – подпаливает. В Ратном считают, твои мальцы двоих воев шутя положили, а могли бы и всех там оставить, если бы Чума между ними не встал. А он за чужих вступаться бы не стал. Смекаешь? В общем, если заломает Буря – считай, больше чем полдела сделано.

Некогда нам сейчас меж собой собачиться, быстрее мириться надо: похоже, у Медведя за болотом скоро совсем горячо станет, раз он сына сюда привел и свои семьи выводит. Я думал тут его подождать, но придется мне завтра в Ратное вернуться, и отца Меркурия тоже с собой заберу. Вчера семьи христиан из-за болота пришли. Пока они с дороги очухиваются, но кто их знает, чего они там расскажут, когда оглядятся. Их поп чуть не от ворот голосить начал про гонителей веры христианской. Едва-едва его

уняли, – Егор хмыкнул. – На какое-то время ему затычки хватит, но по глазам вижу – повторять придется. С одного раза не усвоит. А у ратников и так на заболотных во всех местах горит – особенно, у кого родня пострадала. Некому им головы пока остудить, так что отец Меркурий лишним там не будет. Он монах, ему того полупопа унять проще всего.

– Аристарх совсем плох? – поинтересовался Мишка.

– Плох... – нахмурился Егор. – И не в ранах дело, Настена говорит, он, как про свою Беляну узнал, так душа у него будто остыла. Если с этим справится, то будет жить, а нет... Самим нам дальше придется. Ты – Окормля, вот и думай.

«Вот так, сэр! Ваше право решать и вас в качестве заместителя старосты Егор принял безоговорочно и, следовательно, то, что сам он со своим десятком в случае чего переходит уже в ваше распоряжение, у него сомнений и протестов не вызывает. Так что теперь у вас ещё и свой десяток для особых поручений появился. Уже хлеб. Интересно, а как остальные на это посмотрят? Придётся соответствовать».

* * *

На следующий день после завтрака Мишка наконец добрался до своего кабинета, чтобы поработать с «бумагами», точнее, с берестой: пересмотреть свои старые записи и внести исправления в планы, а заодно прикинуть хотя бы наметками, что необходимо делать дальше. Не то чтобы это было так уж срочно, но он решил не запускать «канцелярскую работу» и уделять ей хотя бы по полчаса ежедневно, чтобы потом не пришлось в авральном порядке разгребать накопившееся. Знал, что эта рутина моментально выходит из-под контроля, как только ей предоставить на это хоть малейший шанс. Но едва он принялся за работу, как его прервал стук в дверь.

– Господин сотник! Обозный старшина Серафим Ипатьевич! – голосом хорошо вышколенного мажордома провозгласил «адъютант» Антоха, стоявший на карауле у кабинета.

«Темза, сэр!»

Мишка поднял глаза от стола и обнаружил, что, как и во всплывшем к месту анекдоте, «Темза» не стала дожидаться разрешения и уже ломилась в дверь. Впрочем, сегодня Серафим Ипатьевич, хоть и напоминал слегка одичавшего тролля, дверь приоткрыл не в пример вчерашнему своему выходу: не рывком, а почти осторожно, чтобы не задеть стоящего у порога

«докладчика». Косолапо ввалившись в горницу, он огляделся по сторонам и хмуро буркнул:

– Никого тут не зашиб? А то хлипкие они у тебя больно... Вон вчера твоего лоха – или лохага? – и на одну кружку не хватило! Гы... Да у тебя и кальвадосу столько нет, чтобы я перед каждым, кого зашиб, извинялся! – то ли ухмыльнулся, то ли оскалился Бурей и принялся разглядывать Мишку, словно примериваясь, с какой части начнет от него откусывать.

Вероятно, такое вступление все-таки следовало считать чем-то вроде объявления временного перемирия. Мишка неспешно отложил лист бересты в сторону, поднялся, кивком отпустил отрока и только тогда поприветствовал гостя.

– Здрав будь, Серафим Ипатьич. Проходи, присаживайся, – с Буреём Мишка не собирался разводить политесов: договариваться придется, а вот любви и дружбы ни он ратнинскому палачу обещать не намеревался, ни тот в них особо не нуждался.

– Княжий сотник, значит? – буркнул Бурей, усаживаясь на крякнувшую под его весом лавку. – Сам себе хозяин теперь?

– Это как посмотреть, – Мишка опять устроился за своим столом, оперся подбородком на левую руку, а правую опустил на колено. – Своей судьбе я хозяин. А ты?

– Думаешь, успеешь свою стрелялку выхватить, если я решу тебе башку свернуть? – презрительно скривился обозный старшина, воспринявший его движение как желание держать правую руку возле прислоненного к стене самострела.

– Успею, – сообщил ему Мишка. – Только ты не решишь.

– Уверен? – Бурей с искренним интересом уставился на него.

Мишка с удивлением отметил, что обозный старшина выбивался из привычного образа, прямо-таки вываливался из него. В самом начале Ратников то ли не заметил этой перемены, так как звероподобная внешность Бурея никуда не делась и деться не могла, то ли сам его гость не сразу сумел и захотел совладать со своими инстинктами, но сейчас за столом напротив молодого сотника сидел хоть и по-прежнему страхолюдный горбун, но ассоциации со зверем уже не возникали. В маленьких глазках появилось нечто, не позволявшее видеть в обозном старшине примитивную жертву атавизма, чья животная хитрость хищника густо замешана на инстинктах и жажде убийства. Перед Мишкой сидел умный, расчетливый и очень непростой мужик. Хотя симпатии он все равно не вызывал, тем не менее прежнего, хорошо знакомого Мишке монстра в нем опознать было трудно.

«Ни хрена себе! И это Бурей? Часом, сейчас это Чудище Заморское в Финиста Ясна Сокола не оборотится? Прямо тут, на лавке? Впрочем, чему вы, сэр, удивляетесь? Или думали, ратнинцы зверя в переговорщики выберут? Привычка оперировать категориями XX века вас уже не раз подводила, а Серафим Ипатьевич не так прост, не примитивен – уж точно.

Но шкурка чуда-юда у него не просто маскарад «на выход», а приросла намертво. Если он сейчас счел необходимым отодрать ее краешек и вам, засранцу, себя показать, значит, нужда в этом ого-го какая имеется. Хм... Третий – после войскового и поселкового – староста, церковный... Ещё одно лицо ратнинской власти, далеко не всем очевидное.

Что вам лорд Корней во время бунта сказал, помните? Обоз всегда в стороне и всегда идет за победителем, так что Серафим наш Ипатьевич, получается, кто-то вроде лидера официальной оппозиции. Всегда независим и всегда нейтрален. И те, кто старосте не доверяют и с сотником на ножах, к кому пойдут? Правильно, к старшине обоза. Тем более родословие у него соответствует. Бурею, значит, доверяют? А почему бы и нет? В походе он за общую добычу отвечает – любить его для этого не обязательно, а вот в честности не сомневаются... Он может быть и зверем, и палачом, но почти каждого из них раненым выхаживал, и они ему не единожды жизнью обязаны.

Вот потому он и церковный староста. Лисовин природный про это знал, но раньше повода не было вопросом задаваться – почему именно он. А ведь все на виду лежит... В обязанности церковного старосты, к вашему сведению, помимо сугубо хозяйственных входит ещё и примирение конфликтующих сторон. Особенно при том священнике, который в Ратном был – так уж всё исторически сложилось. Ну, не тянул отец Михаил в глазах ратников на роль третейского судьи в делах чуть значимее, чем семейные дразги и бабьи склоки, а предыдущий поп так и вовсе, когда в разборки встрял, только резню спровоцировал. Хотел, как лучше, называется...

Словом, не Финист Ясный Сокол, конечно, Серафим Ипатьич, это вы загнули, но увидеть Бурея в роли народного трибуна тоже вставляет... Ну-ка, сэр, где бы вы ещё... кхм... Тиберия Гракха живьем за рога потрогали? Хотя тут больше Сансон де Лонваль в тему – палач, верно служивший ещё Людовику XV, а потом именем Революции гильотинировавший Людовика XVI и Робеспьера. Кхе, прямо-таки пятьдесят лет в строю.

Обоз всегда с победителем? Так кто сейчас прибыл от Ратного к вам

на переговоры – народный трибун или палач? А пауза-то затянулась, хотя Бурей это никак не задевает. Вон как насмешливо глазенками буравит – дойдет до сопляка или нет, какое ему доверие оказано? Что ж, удивил ты меня, спорить не стану. Но и у меня для тебя открытий чудных припасено».

Мишка вернул Бурею пристальный взгляд:

– Уверен. Ты жить хочешь. А если меня порешишь, так из крепости не выйдешь. А выйдешь – тебе же хуже. Отроки просто болтами изрешетят, а дед убивать будет долго и вдумчиво. Он не хуже тебя это умеет. Да и сотня после этого вряд ли выживет. А ты ведь за сотню говорить пришел, а, Серафим Ипатьич?

– Хрр... Как повернул, сученьш... Значит, говоришь, твоя голова всего Ратного стоит? Не дорого ли оценил? Или на княжью гривну надеешься? Смотри, тяжела, как бы она тебе хребет не переломила...

– Не легка, ясное дело. Только хребет-то не мне одному в случае чего переломит – всей сотне. Или ты не знаешь, что эта княжья милость о двух концах – с одной стороны князь за нее дергает, а на другом – Ратное. Князь не на меня удавку накинуд – на всех. Но именно потому, что накинуд – дал надежду на будущее. Никому сила неуправляемая не нужна, а уж князю и подавно.

– А ты уже и за сотню решать взялся?

Бурей бухнул оба локтя на стол и навалился со своей стороны на столешницу всей тушей, от чего его горб стал выделяться ещё явственнее. На Мишку пахло хорошо выдержанным перегаром и чесноком. Он поморщился, помахал ладонью перед носом:

– Ты уж на меня не дыши, Серафим Ипатьич, а то боюсь захмелеть от одного запаха. Вон, поручик Василий с утра на дыру в нужнике рычит – водяного пугает, да углы сшибает – башка в ворота не пролезает...

Решать, говоришь? А выбор у меня был? Вот ты чего с цепным кобелем сделаешь, если он не только на чужих кидается, а и тебя не слушает? Зачем князю сотня, которая поперек его воли становится? Так что сам думай, чего моя башка теперь стоит...

– Гы-ы, уморил!.. – неожиданно Бурей искренне заржал, откинувшись назад так, что чуть не свалился со скамьи. – Водяного рыком пугает, говоришь? Сам придумал?

– Нет, водяной с утра нажаловался! – проворчал Мишка. – Зачем надо было отрока до такого доводить? Молод – успеет ещё свою меру выпить...

– Да кто ж его доводил? – искренне возмущился обозный старшина. – Всего-то и налили кружку неполную. Ему хватило. Сильна у грека

яблоневка! С той, что мы давеча из-за болота добыли, и рядом не стояла...

– То-то и оно, что не стояла, – кивнул Мишка. – И не только яблоневка. Не с того крыльца мы давеча к ним в гости зашли, вот и проплыло настоящее богатство мимо рта. Не возьмёшь с набега того, что сами принесут. А попробуешь отнять, так и следа от того источника не отыщешь.

– Сами, говоришь, принесут? – Бурей посерьезнел, подобрался и оперся двумя кулаками о стол. – Тебе, что ли?

– Так уже принесли! Сам же вчера распробовал.

Бурей задумчиво похмыкал и фыркнул, прищурившись:

– Что ж, выходит, мне теперь у тебя прощения просить?

– За вчерашнее-то? – Мишка равнодушно пожал плечами. – Так вроде вчера всё и решили. Или ещё за что есть? Тогда валяй – проси...

– А простишь? – маленькие звериные глазки в упор смотрели в лицо молодого сотника и, казалось, сейчас прожгут в нем две дырки до самого затылка. – Всех простишь? И меня, и тех, кто против Лисовинов умышлял?

«Вот это да! Вот о чем разговор! Прекращение войны твердых христиан против тех, кто втихаря Перуну поклоняется! Мои отроки в таком случае прицепом пойдут».

Мишка тоже уперся взглядом в Бурю:

– Значит, ты за миром пришел. А Ратное семьи моих отроков простит? Или ты уже их под лед спустил?

– Живы... У Корнея они. С ним договаривайся... – неохотно буркнул Бурей. – Если уж ты Лисовиновским кровникам отпустишь, то и сход на их казни не станет настаивать. Лисовиновские холопы по дури ввязались, значит, казнить их или миловать – ваше дело...

– Что ж, в Писании сказано: не судите и не судимы будете. Не мне против святого слова идти, – раздельно проговорил Мишка, не отпуская взгляда своего звероватого собеседника. – Да и какие счета со своими? Тем более, то, что до сих пор случилось – было в жизни старой, а сейчас у нас новая начинается. Значит, и счет от нового идти должен.

– Новая, значит? – Бурей злобно оскалился и подобрался, как перед прыжком. – А старую переламявать жопа от натуги не треснет?

– Не треснула – ты же жив. Если переламявать, так непременно треснет, да и не только жопа, – усмехнулся Мишка. – Жизнь переменить только в Божьей власти, поперек Него встать – сломанным быть, как Пимен. А все остальное – наш выбор... – и, не уступая пристальному взгляду обозного старшины, которым тот продолжал его буравить, то ли пытаясь пригвоздить к стенке за спиной, то ли в надежде докопаться до ответа на какой-то мучивший его вопрос, сказал уже без усмешки, устало и

совсем не по-мальчишечьи:

– А вообще-то, если ты, Серафим Ипатьевич, за Ратное просить приезжал, то зря... За прошлое все счета сведены. Да и с тобой тоже. Что было, то травой поросло. СВОИМ я не враг. Если против Лисовинов снова не пойдете, то и крови больше не будет. А кто пойдет, извиняй – сметем.

– Господин сотник! Десятник Егор! – бодрый голос караульного прервал разговор.

– О! И Серафим тут, – бодро пророкотал Егор, вваливаясь в кабинет следом за отроком. – Ну и хорошо, а то я тебя искал – мы с отцом Меркурием в Ратное возвращаемся. Ты с нами едешь или ему сани с возницей у Михайлы просить?

– Еду, – буркнул Бурей, поднимаясь с места. – Поговорили... – неведомо кому сообщил он и, косоля, направился к выходу, но у самой двери неожиданно обернулся к Мишке. – Божья воля, значит? Ну-ну...

Глава 2

Декабрь 1125 года Михайловская крепость

За свалившимися на него после возвращения делами Мишка не сразу обратил внимание, что в крепости не видно Красавы, и вспомнил о ней, только когда обнаружил Саввушку в компании Тимки Кузнечика и сыновей Ильи. Не то чтобы сын Алексея радостно общался с остальными мальчишками, но и не дичился, как раньше, и, судя по всему, чувствовал себя с ними достаточно спокойно. Мишка удивился этому настолько, что специально отыскал мать и поинтересовался у неё, что случилось. Анна заулыбалась:

– Да, оттаял Саввушка, Божьей милостью. Спасибо Красаве, помогла, он теперь от других детей хотя бы не шарахается. Да и Тимофей как-то умудрился с ним поладить... – она помолчала и с некоторым удивлением в голосе добавила: – И с Красавой – тоже. И как ему это удалось? Может, потому, что боярич?

Нет, не так: не просто боярич, а им родился, и его на боярича с рождения учат. Не то что вас.

«Ну да, у кого что болит... Мало того, что леди Анне приходится наизнанку выворачиваться, чтобы соответствовать свалившемуся на неё статусу, так ещё и детей учить надо. А чему учить, она и сама толком не знает...»

Вопреки обыкновению в этот раз долго сокрушаться мать не стала, с горящими глазами свернув на любимую тему:

– Боярич – ладно, вы у меня тоже выучитесь. Но ты бы видел, какое мне из-за болота полотно в дар передали! Да что ж там такое делается, а, Мишаня?! Сам Тимофей такое умеет, что его изделия даже не княгине впору, а самой царице! Ты видел, что он Арине сделал? Непременно погляди! А ведь он только учится... А что же тогда его учителя делают? Мне теперь даже представить боязно. А платки, что Вере и Любаве новые родичи подарили! Я такой красоты никогда в жизни не видела, а уж я у батюшки всякого перевидала... Яркие, словно цветы весной на лугу, и все узорами расписаны. Да за такое туровские бабы весь торг разнесут, как сотня – ляхов! Не хуже, чем за наши кружева. А полотно! Широкое, по три локтя! Интересно, на каком таком стане его соткали?..

В голосе Анны слышалась плохо скрытая зависть пополам с восторгом истинной женщины, внезапно оказавшейся перед витриной магазина с

последней коллекцией французской моды и без гроша в кармане.

«Ну, ясное дело, леди Анна до новых тряпочек дорвалась... Для баб это посильнее любого приворотного зелья. То-то на женской половине такой гомон стоял, и глаза у матери в пол-лица были, да и у остальных баб не меньше. Верка вообще сияет – ослепнуть можно.

Хотя тут бабы в своем праве. Вон, мужиков от златоустовского клинка вставило посильнее, чем девок с новых платьев. Надо потом при случае глянуть на эти подарки, что там за узоры такие невиданные? Неужто павловопосадские платки освоили?

М-да... разносторонний товарищ у нас в соседях. Но краски – это тема интересная. Для матрешек и расписной посуды, что мы на торг делаем, как раз пригодится. Если у Журавля их производство освоили, то можно не ограничиваться одной хохломой... Эх, жаль, жостовские подносы из жести делали, да и роспись там, кажется, с какой-то хитростью... Ну и что? Подумаешь, Жостово – нас и здесь неплохо кормят. И деревянное распишем, было бы чем!»

– Разберемся, матушка, – подмигнул Анне Мишка. – Ты, главное, скажи нашим бабам, чтоб они про такие чудеса языками не трепали... Опасно.

– Это я уже поняла, – построжела мать. – И бабы тоже знают, Аристарх озаботился...

– Ну и хорошо. А полотно я потом непременно посмотрю, сейчас мне некогда.

Не то, чтобы Мишка не поверил восторгам матери: после златоустовского клинка он уже мало чему удивлялся, но вначале надо было разобраться с насущными делами, а полотно не убежит.

Красава вскоре заявила сама. Прямо в кабинет, чего раньше никогда не делала. После того, как Мишка велел ее пустить, она вошла и встала у двери, пряча глаза.

– Что ты, Красавушка? – улыбнулся ей Мишка. – По делу какому или просто так меня видеть захотела? Проходи, садись.

– Я-то пришла, а ты вон когда вернулся, а ни ко мне, ни к бабуле не пришел! А она даже и не княжна! И все равно я ей тебя не отдам! – с вызовом выпалила гостя, топнула ногой и уставилась на него исподлобья.

– Это тебе бабуля сказала?

Мишка вдруг понял, что детская непосредственность Красавы перестала его забавлять: слух неприятно резанули скандально-истеричные нотки дурной ревнивой бабы. Девчушка за время его отсутствия

изменилась: подросла не очень сильно, но бесследно ушло детское очарование невинного ангелочка с огромными глазами, уступив место неизбежной в этом возрасте угловатости. Сама она этой перемены в себе не заметила и продолжала вести себя, как избалованный ребенок, привыкший, что ей всё прощают и потакают любым капризам. Однако надутые губы, насупленные брови и сморщенный носик больше не умиляли, а сложились в перекошенную злобой физиономию, напоминающую мордочку оскаленного хорька.

– Да чего бабуля в этом понимает! – возмущенно выпалила она, но потом сообразила, что сморозила глупость, шмыгнула носом и буркнула:

– Бабуля велела передать, что тебя зовет. Завтра с утра чтоб непременно приехал. Сказала – дело неотложное.

Но самое интересное она выпалила в конце:

– А я все равно своего добьюсь! Не будешь ты с этой жить. Не будешь! Юлька отступилась, а я не отступлюсь!

«И как прикажете это понимать? Вариации на старую тему «Вырасту и на нём женюсь» или что-то более серьёзное?»

– Скажи боярыне Гредиславе: занят был сотник, потому никак не мог к ней раньше прибыть. Но завтра с утра приеду, – спокойно проговорил Мишка, внимательно рассматривая новую Красаву. – Все у тебя?

– Все! – девчонка продолжала стоять, ожидая продолжения разговора и наверняка надеясь услышать если не извинения, то объяснения, но чего-чего, а оправдывать ее ожидания Мишка не собирался.

– Тогда иди. Сани тебе запрячь? По лесу-то зимой не боишься ходить?

– Обойдусь! – Красава вылетела, как укушенная, и не хлопнула дверью только потому, что силенок не хватило – двери в тереме стараниями Сучка стояли тяжелые.

На следующий день Мишка готовился к визиту к волхве со всем старанием: оделся во все праздничное, меч в ножнах, сапоги аж сияли. И про подарки не забыл, ещё в походе озаботился, не только о матери и сестрах подумал, но и о Нинее: попалась ему в добыче соболя накидка – самое то поднести боярыне древнего рода от ее воеводы, вернувшегося из похода. Мать подарок одобрила.

Он и впрямь совершенно неприлично затянул с поездкой к Нинее – бабушку следовало навестить сразу же после возвращения, но откладывал разговор с волхвой Мишка сознательно. В основном потому, что не хотел являться к ней, не разобравшись с дедом. В том, что боярыня Гредислава уже в курсе всего происходящего, он не сомневался (с неё стало бы и

готовое решение проблемы иметь, а то и не одно), но просить у нее помощи в посредничестве или принимать, если сама предложит, не собирався. Но отказаться от прямого приглашения не мог – в конце концов, он оставался ее воеводой.

Вышел из терема, вскочил на оседланного и подведенного Антоном к самому крыльцу Зверя и... От ворот до него донесся какой-то гомон – судя по интонациям, переходящий в панику, – и голос Тита, отдающего команды. Мишка пришпорил коня и тут же был вынужден осадить его.

– Господин сотник!

Посыльный кинулся ему навстречу, чуть ли не под копыта Зверю, начал докладывать ещё на ходу и, резко затормозив, выпалил:

– Свадьба! Господин воевода с Нинеей...

– Что-о?! – Мишка чуть не свалился с коня, а стоящий возле крыльца Антоха, намеревавшийся как раз в этот момент шагнуть в сторону, громко икнул и застыл с поднятой ногой.

– Господин воевода прибыл! С гостями! Сани как для свадьбы украшены. Боярыня Гредислава с ними. В своем возке... – до посыльного дошло, что брякнул что-то не то, и он попытался прояснить ситуацию. – Наставник Тит велел всех впустить и за тобой послал...

Антон снова икнул, споткнулся, но на ногах удержался, а Мишка перевел дух. Он ещё ничего не понимал, но дымка маразма на общей картине слегка рассеялась.

– Дударика, быстро! Общее построение! – скомандовал он, пришпорил Зверя и рванул к воротам в надежде прояснить там остальное. В то, что Корней задумал штурмовать крепость силами свадебного выезда, не верилось, а почетный караул, встречающий дорогих гостей, в любом случае изобразить не помешает.

По направлению к крепости по недавно вставшему пивенскому льду и впрямь двигался свадебный кортеж: лошади, разряженные в цветастые попоны, с лентами в гривах, волокли украшенные лентами же сани.

«Только куклы на капоте не хватает. Хотя дедовы сани за свадебный «Линкольн» не прокатят, максимум за «мерина». Или не будем оскорблять деда и согласимся на «бумера»?

...Маразм – болезнь заразная, хорош дурью маяться».

Лишь один возок, в котором восседала празднично приодетая Ниней, остался без «художественного оформления». Боярыня Гредислава оказалась единственной женщиной из гостей – в остальных санях наблюдались исключительно мужики. Причем, насколько Мишка мог судить с высоты

седла, мужики отчаянно пьяные, включая правящего головными санями деда, довольного, как мальчишка, получивший к празднику кулёк пряников, помолодевшего лет на десять, в лихо заломленной на затылок шапке и распаханном тулупе.

Остальные лица тоже все оказались знакомы: Лавр, Никифор, боярин Федор, Филимон, несколько дней назад уехавший в Ратное, Глеб, Осьма, десятники, включая Егора, и Бурей с пьяным до полной потери чувствительности Сучком, свесившимся из саней и пытавшимся на ходу то ли произнести речь, то ли распевать что-то невнятное. Роль вишенки на свадебном торте исполнял новый священник – отец Меркурий, тоже, мягко говоря, не совсем трезвый.

Во всей этой ораве Мишка не увидел только Алексея и Аристарха. Староста, скорее всего, ещё недостаточно выздоровел, чтобы наносить визиты, а вот старшего наставника, похоже, дома оставили принципиально.

Дед, лихо правя санями, с разгона влетел в распаханутые ворота, кинул вожжи Лавру, легко, будто и не на протезе, первый выбрался из саней, встал, широко расставив ноги, и оглядел встречающих. Уткнулся взглядом в соскочившего перед ним с коня Мишку, хмыкнул в бороду и рывкнул:

– Чего стоишь, сотник?! На стол вели накрывать – воевода женится! Сын у меня родился! Сын!

И вдруг, схватив Мишку за грудки, притянул его к себе,дохнул в лицо хмельным, а потом, резко перейдя с почти крика на полушёпот, выдавил из себя:

– Михайла! Крёстным моему сыну будешь?

Оценив мизансцену, Мишка кхекнул. Корней при этом насупился и встряхнул внука: такой же негромкий ответ «Буду, деда!» не сразу дошёл до него. Мишка тем временем кинул поводья Зверя подскочившему Антону, осторожно отцепил от полушубка враз ослабшие дедовы руки, подался чуть назад, чтобы создать себе хоть какой-то оперативный простор, отвесил поясной поклон застывшему перед ним Корнею и, выпрямившись, провозгласил:

– Благодарю за честь, господин воевода! Буду! А пока прими мои поздравления и не побрезгуй угощением...

Обернувшись к ближникам и урядникам, обалдело застывшим за его спиной, подобно участникам старой дворовой игры «море волнуется», гаркнул не хуже деда:

– Чего стоим? Кого ждём? Слышали? Пир у нас нынче!

– Минь, а у нас на пир продовольственных ресурсов хватит? – стоявший ближе всех Роська сглотнул и испуганно округлил глаза, от

волнения пустив «петуха».

– Чего? – Мишка не сразу сообразил, о чем заволновался его крестник.

– Так это... Пост же... – торопливо пояснил тот. – Это ж не обычные кашу да щи рыбные надо – не опозориться бы...

– Па-аручик Василий! – из-за «своевременного» вмешательства заботливого крестника Мишка разве что гадюкой не шипел. – Бегом к Плаве и обеспечить ей... Хотя сам рожай... продовольственные ресурсы.

– А как же пост? – страдальчески простонал господин поручик.

– Вот и рожай постное! И Плаву предупреди: пусть проследит, чтоб холопки ничего скромного на стол не поставили.

– Чего? – охнул Роська. – Я им поставлю! Это ж неадекватно ситуации.

– Пшёл к Плаве, филолух!

«Дятел на телеграфном столбе! Заладил – пост, пост! Господу делать нечего, кроме как следить, что там Плава в свои горшки засунет!»

Не понимает ни хрена, что сейчас дед испытывает, – какой там ему пост! В его годы на руки взять новорожденного сына – от такого у кого хочешь крышу сорвет. Он же ко мне приехал сейчас. Ко мне! Не воевода с сотником мириться, а поделиться своей радостью и попросить защиту для сына. Он не вечный... Я бы на его месте сейчас...

Стоп, отставить истерику! Гасите эмоции, сэр, нечего на крестнике зло срывать за собственную оплошность: сам лопухнулся от неожиданности.

Дед-то не только на радостях приехал, а потому что прекрасно понимает все расклады, в том числе и для сына. Ну, и будущее Ратного тоже учитывает. То есть мириться ему со мной надо хоть тресни – и деду с внуком, и воеводе с сотником. И лицо при этом не потерять.

Так что разгул разгулом, но это больше картинка для местных СМИ «У колодца» – такой порыв все поймут и слабостью не сочтут. И у нас сейчас ещё не разговор, а всего лишь первые приветствия дорогих гостей, так сказать, «на камеры». Основной разговор за закрытыми дверями ещё впереди.

Но высокое собрание надо чем-нибудь занять, пока мы разговариваем, а Плава хоть в первом приближении холодные закуски организует, чтоб чаши за здоровье заедать не мороженой репкой...

Кхе, пост, говорите? Будет вам и пир, и пост. Ну, и молитва, разумеется, куда ж мы без официальной части. Отец Меркурий с неё и начнет, надо думать, не зря же он в такую даль тащился.

О здравии некрещёного младенца молебен проводить не положено, так что придётся гостям дорогим молиться за мать с младенцем. Уй, м-

мать! Боярин и десятник Лука, возносящий молитвы во здравие недавней холопки Листвяны – это сильно! И ведь никуда они не денутся, для них это в полном смысле слова святое дело!»

Отправив дотошного Роську на заклание к старшей поварихе, Мишка с дедом развернулись к священнику, который ехал во вторых, после дедовых, санях. Тот только-только выпутался из-под шкур, не без помощи подскочившего отрока встал на ноги и, еле заметно покачиваясь, оглядывал оружных отроков, спешно заканчивающих построение в два ряда от ворот, и Дмитрия, споро раздающего команды.

«Укачало его в дороге, не отошёл после вчерашнего или по снегу на протезе никак не привыкнет?»

– Поздорову ли добрался, отец Меркурий? – подошел под благословение Мишка.

– Здравствуй, юный сотник! – черные глаза священника, бог знает каким образом, глядели одновременно и весело, и настороженно. – Не откажи, отдай приказ свободным от службы собраться на молебен.

– Сделаю, отче! – Мишка в знак согласия наклонил голову.

– Поскольку дядюшка твой ещё не крещён, объяви, что молебен будет о здравии воеводы Кирилла и невесты его, рабы божьей Асклепидоты, – священник явно выделил голосом слова «дядюшка» и «невесты». – Да и родителям новорожденного прежде стоит обвенчаться... – и он обернулся к Корнею.

– Да хоть завтра! – воевода показал в улыбке все зубы.

– Завтра не выйдет. После Рождества, – новый поп ответно улыбнулся Корнею. – Потерпи, архонт.

– Тьфу на тебя, законник! – плюнул Корней.

«Интересно, чего это лорд Корней и новый капеллан ваньку валяют?»

– Господин сотник! Младшая сотня полка погорынского для встречи воеводы Погорынского боярина Кирилла Лисовина и десятников ратнинской сотни построена! – рявкнул, подлетая к ним и вытягиваясь в струнку Дмитрий.

– Кхе... – дед оглядел старшину Младшей стражи и ровный строй отроков с самострелами. – Видал? – обратился он к священнику. – Во как...

– Да, архонт, отроки службу знают, – серьезно кивнул тот в ответ. – Никому я не советовал бы пытаться штурмовать эту крепость... Ну, так принимай смотр, устроенный в честь тебя внуком, а мне позволю заняться подготовкой молебна.

Дед самодовольно хмыкнул, оглянулся на десятников, уже

выбравшихся из саней и оглядывающих почетный караул.

– Здорово, орлы! – гаркнул он на всю округу хорошо поставленным командирским голосом.

– Здрав будь, господин воевода! – ответно рявкнул строй, распугивая окрестных ворон.

– Во как! – сообщил Корней уже десятникам и насмешливо глянул на хмурого Фому, стоящего позади всех. – Учитесь, как службу понимать надо!

Особый маразм (или пикантность, с Мишкиной точки зрения) происходящему придало то, что женщин, отправившихся на молебен вслед за десятниками, возглавила боярыня Гредислава Всеславна, она же Великая волхва. Какие соображения заставили бабку присоединиться к сугубо христианскому действу – неведомо, но, опережая совершенно растерявшуюся от такого выверта Анну, она величественно направилась вслед за священником с таким видом, словно приехала в крепость исключительно помолиться в тамошней часовне во главе своей свиты. Особенно Мишке понравилось, как были исполнены крестное знамение и поклон на пороге часовни – бабка проделала это воистину царственно. Анне пришлось следовать ЗА ней, и, судя по кислому виду, урок она усвоила. Лука, глядя на волхву, впервые с момента приезда перестал крутить ус и издал какой-то звук.

В следующие несколько часов крепость напоминала... Хрен знает что она напоминала. То ли гусарский партизанский отряд, пирующий во взятом приступом поместье какого-нибудь французского маркиза, то ли встречу проверяющих из Москвы председателем колхоза-миллионера в самый разгар полевых работ.

«Смесь французского с нижегородским, блин... Или британского с погорыньским? А-а, один чёрт! Дурдом – он и в двенадцатом веке дурдом!»

Все холопки, которых можно было оторвать от их обычных обязанностей и бросить на помощь Плаве, метались, как ошпаренные кошки, от кухни на посад и обратно, волоча ведра с квашеной капустой, солеными грибами, огурцами и ещё чем-то, не поддающимся опознанию. Отроки тащили копчёных осетров и мороженую рыбу, холопы долбали лед недалеко от переправы, чтобы поймать свежей рыбки на уху.

Плава руководила всем этим действием с интонациями и величием адмирала, ведущего свою эскадру в бой против превосходящих сил противника и готового умереть, но не сдаться. При этом и лексикон у нее

обнаружился вполне военно-морской, хоть и с заметным строительно-плотницким акцентом.

Нет, конечно, молодой сотник и сам был виноват: поминать в разговоре с Плавой стерлядей в малине, карасей на меду и раков, начинённых репой, явно не стоило. Забывать о политесе тоже. Повариха благожелательно покивала головой на несколько эмоциональную речь боярича и после его финального аккорда «После хоть уд серебряный с золотой насечкой для своего Нила проси, но сейчас обеспечить богато и постно!» ответствовала:

– Уд серебряный себе пристрой, боярич, покуда свой не отрастил! Где вы, витязи хреновы, шкряби вас скобелем, раньше были? Из говна, что ли, пироги рожать? Мороженое же всё! Я тебе что, рыбка золотая, про которую ты сказывал, чтоб за один пук пир собрать? И без мяса все можно – рыбы достанет, но время ж надо! От девяти непраздных девок за месяц дитя не получить! Ладно, что смогу сделаю, голодным никто не уйдет! Но я повариха, а не колдунья – коли чего на зубах завязнет, не обессудь!

В кухне девки вместе с холопками и куньевскими бабами, присланными в крепость ещё перед отбытием сотни в поход, трудились над постным тестом. Роська, сунувшийся было проследить за должным соблюдением поста, с видом невинно пострадавшего за святое дело еле спасся бегством от разъярённых женщин, заработав-таки синяки от нескольких скалок сразу.

– Не лезь! Поставили меня старшей поварихой, вот и не суйтесь теперь! – летело из кухни ему вслед.

* * *

– Ты чего натворил, сученьш?! – дед втолкнул Мишку в кабинет и еле удержался, чтобы не отвесить ещё и затрещину.

– Я?! – Мишка хоть и пролетел пару шагов от двери до стола, но на ногах устоял и с невозмутимой физиономией обернулся к Корнею.

– Нет, я! – рявкнул воевода. – Тебе кто приказывал на князей облавную охоту устраивать?! – и попер на Мишку тараном, грозя припечатать внука всем своим весом к краю стола.

«Вот разобрало его! Этак он сейчас меня тут пришибет».

– И не думал! – Мишка прыжком обогнул стол, так что между ним и напирающим воеводой оказалась тяжелая столешница, на совесть сработанная Сучком. – Он сам на дороге...

– Сам?! – возмутился Корней. – Князья на дорогах не валяются!
– Вот и я так подумал – чего ему там валяться? Помер бы ещё...
– Да и хрен бы с ним! Зачем княгиню полез отбивать? А если бы кого из княжичей или ее саму задело?

– Тогда бы валить пришлось, – Мишка оперся руками о стол и встретил яростный взгляд деда, навалившегося с другой стороны своим, холодным и подчеркнуто спокойным. – Всех.

– Что-о?! – дед аж задохнулся. – Соображаешь, ЧТО говоришь?

– Соображаю. Только я знал, что не промахнемся. Да и выбора не было после того, как князя пленил...

– Дурак! – усмехнулся дед, и Мишка понял, что не так уж Корней и пьян, как хочет казаться. – Не пленили – выручили... Тебя ж за это князь и наградил... Соотник... Гривна шею не давит?

– Давит, деда... – Ратников устало опустил на стул и оперся подбородком на руки. – Но снять ее теперь только с головой можно. Когда тебе в Туров ехать велено?

– Уже там быть надо, ядрена Матрена! Если б ты не выдрючивался... Стой! А откуда знаешь, что ВЕЛЕНО?!

– А чего тут знать-то? И так понятно. Чего ещё князь решить мог? Федор, небось, приказ привез? – Мишка кивнул сам себе. – Ну да, Федор, не дядюшка же... А ты говоришь – выдрючиваюсь. Вот если б я не выдрючивался, как бы ты князю объяснил, что нет у тебя больше Младшей стражи? – Мишка откинулся на спинку стула и смерил деда взглядом.

– Да на хрена князю твоя Младшая стража сдалась? Ему сотня нужна! – припечатал Корней кулаком по столу.

– Так она не князю, она тебе нужна, – усмехнулся Мишка. – Торговаться с князем за сотню ты нами станешь. Или сразу всю сотню на кон выложишь?

– Чего? – дед оскалился. – Торговаться? Ты хоть представляешь, что такое за сотню с князьями торговаться?! Ты с Никешей устроил торг, дурак жопоголовый! Думал купца обжулить? Вот он тебя за триста гривен и развел!

– Развел, говоришь? – прищурился Мишка. – Не, деда, это он сам так думает. Пока. А на самом деле я ему за эти триста гривен золотое ярмо продал. Оно, конечно, золотое, но ярмо. Если ты ему это до сих пор не объяснил, то пора дать понять дядюшке, что Ниня с ее волхвованием ещё не самое страшное, что в погорынских лесах водится, и на этот раз одними обмоченными портами он не отделается. Да и не в нем дело – ты мне сам выбора не оставил.

– Что?! Это когда же я?.. – вот сейчас Корней удивился всерьез.

– А вот когда прошлой зимой за гривной в Туров поехал, – Мишка потянулся за стоявшим в углу на сундуке кувшином и кружками. Плеснул в них и пододвинул одну деду. – Квас, – пояснил он. – Будешь?

– Давай! – Корней презрительно покосился на кружку и потянул к себе весь кувшин. Хлебнул прямо из него – так, что квас потек по усам и бороде, вытерся и хмуро взглянул на внука:

– Ну и что ты там ещё надумал?

– Да чего там думать-то! Торговать ты бы, вон, Лавра отправил. Ну, может, Андрея и нас с братьями ему в помощь. И не в Туров – в Давид-Городок всяко ближе, а цену за товар ту же дали бы. Тебе к князю надо было позарез, так? Промедлил бы – отдали бы сотню Пимену во владение...

Корней пристально смотрел на внука, опершись руками о стол и нависнув над ним, словно собирался встать. Когда пауза непомерно затянулась, он вдруг расслабленно откинулся назад, что-то решив для себя.

– Так, значит... – непонятно протянул он и кивнул Мишке, – дай, что ли, ещё квасу хлебнуть. В горле пересохло тут с тобой языком молоть...

Принял у внука кувшин и надолго припал к нему, жадно глотая, словно путник после долгого перехода по пустыне, а когда поставил кувшин на место, Мишка едва головой не затряс. Старый сотник смотрел на внука почти весело. Ну, разве что не подмигнул.

– Да не только Пимену, – хмыкнул он. – Он просто дурнее всех оказался и вперед полез...

– Ясно, не одному ему. Потому тебе сейчас в спину и шипят, ждут, что оступишься. И бунт им этот, как дураку подарок к празднику: поставили тебя в такое положение, что куда ни наступи – все в дерьмо вляпаешься. Отроков бы казнил – Младшей стражи не стало бы, потому что нас бы тогда всех положить пришлось. И меня с братьями тоже. Отказался бы – за то, что твои холопы кровь пролили, вирами бы разорили. В шахматной игре это называется цугцванг...

Корней нахмурился, и Мишка поспешил поправиться:

– По-нашему это вилы – куда бы ты ни кинулся, а на зуб все равно напорешься. Только когда Федор и Егор новости из Турова привезли, те, кто это затеяли, поняли, что ручка от их вил им же в жопу метит. Не может больше сотня свернуть шею наглому мальчишке. Нету его! Не-ту! И даже против княжьего сотника выступить не получится. Теперь может быть бунт только против князя! И самим им те вилы уже не убрать: как ни изворачивайся, а чувствительные места непременно повредишь. Вот и

заметались в Ратном. Или я не правильно понял, зачем Бурей приезжал?

– А ты и рад – позволил им те вилы убрать! – пробурчал дед. – Иначе Серафим не приехал бы от тебя довольный, как обожравшийся упырь.

– Я, деда, меньшие на большие разменял. Нам князя посерьезнее вилы поставили, и от них уже не уйдешь. Чего теперь по мелочам-то дергаться?

Воевода в третий раз потянулся за кувшином.

– Ну и горазд ты, Михайла, языком чесать... Протрезвел из-за тебя, ядрена-Матрена! Только молод ты ещё, а потому дурак! – припечатал Корней кулаком по столу. – Думаешь, не знал я, что ты отроков не можешь отдать? Хотел на себя все взять, а теперь... Ты хоть сам понял, чего натворил? Не захотел малой крови – в дерьме искупаешься, а крови так и так не минувешь.

Не я твоих отроков осудил и не сотня – обычай. А обычай, он не на пустом месте рождается. Кровью за него плачено – и немалой. Ты за троих всех положить готов, а не подумал, что у тебя не только эти трое за спиной. Десяток из куньевской родни – забыл? Там сыновья и племянники сгоревших на выселках баб – сколько их, посчитал? Вон, спроси у этой... Арины Андрюхиной, как она дочь Дарены за косу от полоненных холопов оттаскивала. Девка, а ведь порвала бы за мать, если бы ее допустили...

Но у баб все слезами выйдет и успокоится. Не сразу, но успокоится. А мужи не забудут. И они у тебя уже крови распробовали. Резню среди своих не хочешь? Не троих – десяток положишь, а то и больше. Тех, кого сами порежут, и тех, кого тебе же потом казнить придется. Бурей не нравится? Так сам тогда берись. Или вон, Андрюху пристраивай. И много тогда с тобой останется?

– Обычай, говоришь? – теперь Мишка потянул к себе кувшин с квасом. – Обычай, деда, до тех пор живет, пока он соответствует тому, для чего был изначально предназначен. Потому как сотник – ты прав. Но сотник той сотни, что *раньше* была. Когда в княжьи игры играть и за все Погорынье решать не приходилось. Обычай? Обычаи новые создадутся. А мы пока вот новые ритуалы введём... Адекватные ситуации, как давеча господин поручик изволил выразиться, – хмыкнул он.

– А справишься? Или тебя потом, как Иисуса, надо будет? – прищурился дед. – Помнишь, что я говорил? Если уж взялся, то делай. И делай лучше, чем было. А то на Голгофу нам вместе, если что...

– Так я же, деда, не мир переделываю – я за изменяющимся миром поспеть хочу, – серьезно ответил Мишка. – Потому что те, кто не успевает, остаются на обочине гнить. А Иисус... – Мишка пожал плечами. – Я так

думаю, что не наказывал его так Отец, а учил. Как ты меня... И на Голгофу он попал оттого, что кадровая политика у него была плохо поставлена!

– Чего? – дед поперхнулся и закашлялся, а продышавшись, опять саданул кулаком по столу. – Ты чего несешь? Ты книжными словами мне тут голову не морочь! И не богохульствуй...

– И в мыслях не держал! Только раз уж ты сам про это заговорил, то отчего Иисуса распяли? Оттого, что люди его не поддержали. И Иуда предал. Так?

– Так, – кивнул Корней.

– То есть убедить он никого, кроме горстки апостолов и учеников, не смог, хоть и чудеса творил, и исцелял по своему слову, и вера его истинная была... Но все сам. А своих апостолов за собой водил просто так. И дела им стоящего не давал. Вернее, никакого не давал. Организации у него не было. И после его смерти они так же по свету разошлись. Проповедовать. И слово Его несли, и на муки шли. Но пока им не подсказали, что надо Церковь создать – ничего не получалось. И только когда не просто одиночные проповедники пошли, а СИСТЕМА заработала, стало христианство побеждать во всем мире.

«Ага, подсказали... Апостол Павел, между прочим, подсказал: как римский гражданин, силу СИСТЕМЫ он понимал очень хорошо. Мало того, он же был не просто римским гражданином, но фарисеем – иудейским законником и богословом. Такое сочетание только укрепляет понимание силы системы. Ну, и то, что он, единственный из всех апостолов, Иисуса в живых не застал, наверняка даром не прошло: глядя со стороны, суть проблемы видишь лучше. В общем, классика управления: в существующую, весьма тесную, корпорацию пришёл со стороны кризис-менеджер, реорганизовал её до неузнаваемости, и она заработала. На две тысячи лет того пинка вполне хватило. Вот это, я понимаю, гений!»

– Церковь, деда, это же не только проповедники, которые несут людям слово Божье – это организация. И люди, которые там работают, – кадры. А их готовить надо. Чтобы делали порученное им дело наилучшим образом. И каждого надо с толком применять, на его собственном месте.

Ты вот своих десятников всех знаешь? И кто на что способен, и у кого десятки чему обучены? И если ты Луку вместо Егора с его десятком в разведку пошлешь, а Егоров десяток, к примеру, с луками поставишь сотню прикрывать – толку с того много выйдет? А ещё хуже, если сам за всю сотню воевать кинешься, а они будут в сторонке толпиться и на тебя смотреть... Вот тогда точно на Голгофу попадешь!

Разошедшийся Мишка тоже хрястнул кулаком по столу:

– Только я тебя туда не отпущу, деда! Потому и не дал тебе взять на себя ответственность за отроков. Ты за меня мою жертву не принесешь! А Господь христианский не божок языческий, которому просто кровь нужна, всё равно чья. Ему наше разумение требуется, чтобы мы откинули то, что нам в нашем предназначении мешает. Себя переделывать иной раз такой мукой оборачивается – легче всю кровь из себя выцедить. Вот это и есть наша жертва на Его алтарь. Это тебе не баран вместо сына...

Мишка замолчал, и в кабинете повисла пауза. Дед о чем-то думал, словно какую-то задачу решал. Потом кивнул сам себе, поднял глаза на Мишку:

– Значит, говоришь, мир меняется, и ты за ним поспеть хочешь? Ну-ну... Не обгони только, а то раздавит.

– Да какой обгонять... Немцы создают свою империю. Франки и англы – свою. Хуже того, папа римский норовит себя над всеми империями поставить, император константинопольский, даром что не успевает отмахиваться и от магометан, и от католиков, туда же... Это те, кто хотят и могут, а остальные не могут, но хотят. Тут не обгонять – тут успеть бы, – Мишка пожал плечами. – Да ты и сам это лучше меня знаешь. Потому мы с тобой сейчас не коров пасем, а княжки гривны делим. И за здоровье твое, твоего новорожденного сына и его матери вседесятники молятся. И Великая волхва на христианскую молитву ради такого случая и из уважения к тебе пошла. А это дорогого стоит.

– Да уж, не дешево... – довольно хохотнул дед. – А казной-то у нас Никифор заведует. Ну-ка, как ты собираешься ему про ярмо золотое объяснять? А то уж больно у него рожа довольная. Как приехал – так и хочется врезать чем-нибудь...

– Врежешь, деда, непременно врежешь, – усмехнулся Мишка. – Вот только Андрея женить надо вначале.

– А он тут при чем? – досадливо поморщился Корней. – Михайла, ты опять шуточки шутить вздумал? Нашел время!

– Какие там шуточки! А Никифор узнает – и подавно не до смеха станет. Ты с купцом Григорием, дядькой Арины, не разговаривал? Нет? А я вот поговорил...

* * *

Григорий с семейством и побратимом своего покойного брата в крепости не задержался – остановились они на посадке, в доме Немого. И в

первый же день туровский купец обстоятельно побеседовал и с племянницей, и, с ее же помощью, с Андреем, а главное – с дедом Семеном, чутью и советам которого доверял ещё со времен своей молодости, в бытность того доверенным приказчиком отца. Когда все домашние уgomонились, а Андрей с Ариной, Лёнька с Гринькой, которых отпустили помогать родным на новом месте, и девчонки, рвущиеся в свой «младший девичий десяток», ушли в крепость, оставив дом в полное распоряжение гостей, Григорий с бывшим закупом расположились в небольшой горнице.

– ...Ты уж прости, Гриша, что не уберег я Игната... – тяжело вздохнул дед Семен и перекрестился. – Царствие ему небесное... Вот уж не думал, что переживу кого-то из вас. Сам помирать собирался, думал, дети хозяйские устроены, дело сами дальше поведут, а мне, дураку старому, и на покой пора подаваться, домовину себе готовить – к деду да отцу вашему поближе... А оно вот как обернулось.

И ведь чуял я неладное, чуял! Ещё когда к Игнату посланцы от Пасюка зачастили. Предупреждал его, чтоб он с ним поосторожнее говорил, но сам знаешь, разве ж он кого боялся? Последнего-то с крыльца взашей спустил... Но и я не думал, что они на такое злодейство решатся – скорее ждал, что разорить попробуют или оговорить.

– Да пробовали! – досадливо махнул рукой Григорий. – Все они перепробовали – не получилось. Вначале Путята нам подсобил от наветов отбиться, а потом и вовсе слух пошел, что их боярин в немилость у князя попал. Вот и понадеялись, что отступятся... Так что твоей вины тут нет. Я же тоже не думал, что так обернется, иначе не ушел бы с товаром, пропади он пропадом! Сам бы у вас со своими людьми сидел безвылазно – отбились бы. Но знать бы, где соломки подстелить... Спасибо, что детей уберег.

– Не я уберег, я тогда с пробитой головой без памяти валялся. Это Аринка не растерялась – малых увела. Она же и с убийцей Игната стрелой поквиталась. А потом Михайла со своими появился. Когда они решили девчонок забрать, то и я с ними сюда перебрался. А тут куда уж помирать – за детьми присмотреть требовалось, да и в Дубравном мне никак нельзя было оставаться. Караулить там на пепелище нечего, а вот те, кто дело ваше перенять хотели, до меня рано или поздно добрались бы. Постоялый двор – дело выгодное, но это ж не все... От Ипата они много не узнают, – хмыкнул Семен. – Он, конечно, таиться не станет, но Игнат *такие* дела сам вел. И всего никому не сказывал. Это мне доверял по старой памяти, советовался, да и сам я вас учил... Помнишь, небось?

– Такое не забудешь, – благодарно улыбнулся Григорий. – С твоей

науки и живу до сих пор... И сейчас с тобой посоветоваться хочу... То, что укрыли тут девчонок – спасибо. Я уже и Корнею, и Андрею поклонился. Но дальше-то что? Аринку замуж выдавать или мне её с собой забрать?

– И не пробуй – не получится. Не силком ее тащат, – хмыкнул дед. – Сама из шкурки выпрыгнуть готова. Баба, чего ты хочешь... Но с родней она не прогадала, да и Андрюха её стоит. Сердце-то у нее зрячее – на пустое не ведется. Это ещё покойная бабка сказывала, а она знала, что говорила. Потому роднись с Лисовинами и не сомневайся. И не таись от них – помогут, они за родню держатся крепко. А главное, сами вверх рвутся и тех, кто рядом, за собой тянут. И так, что хрен их кто остановит – сомнут. Я уж тут посмотрелся...

– Значит, правильно я решил... – кивнул Григорий. – Завтра с Андреем обсудим, а на днях в Ратное поеду, с Корнеем говорить.

– А вот это неправильно. Дал бы я тебе, как в детстве, по шее, да неуместно, не отрок же. Я чему вас с Игнатом учил? Прежде всего, говори с тем, кто решает, а уж потом с тем, кто разрешает!

– И кто ж тут решает, если не боярин?

– Михайла Лисовин. И никто более. Не смотри, что сопляк – иные седобородые перед ним дети. И дела тебе с ним вести – что он скажет, тому тут и быть. И детям потом за него держаться, если дурнями не окажутся. Вот попомни мои слова – далеко пойдет. Так далеко, что я того горизонта отсюда и не вижу.

И уже на следующий день Мишка наткнулся на купца Григория и Путятю в сопровождении Андрея Немого на стрельбище, где как раз проходили занятия у купеческого десятка. Там же присутствовал и наставник Тит, что-то самозабвенно обсуждавший с Путятой, а вокруг них сгрудились отроки. Даже Андрей принимал участие в разговоре, во всяком случае, что-то время от времени пояснял жестами. Купец довольно хмыкал, но сам больше оглядывался по сторонам и что-то спрашивал у мальчишек. Он первый и заметил приближающегося к ним Мишку.

– О, Михайла! – прогудел Григорий и решительно попер из толпы навстречу молодому сотнику – похоже, ему, в отличие от наставников и отроков, порядком надоела тема их увлекательной беседы, и он обрадовался Мишкиному появлению, как поводу поговорить о чем-нибудь более интересном.

– Десяток! Смирно! – бодро рявкнул Петька, вспоминая о своих обязанностях урядника и, когда отроки построились, попытался отрапортовать по всей форме:

– Господин сотник! Десяток...

– Вольно, урядник. Гости у вас, я гляжу?

– Да не то чтоб гости, – Тит, переглянувшись с Андреем, шагнул вперед. – Тут такое дело, Михайла... Отроков стрельбе из лука учить надо, ты сам говорил. Я-то только объяснить им сейчас могу. Пока ещё ты кого из ратнинских сговоришь, а тут вон Путята вроде согласен отроков поучить, пока у нас гостит. Лучник от Бога – я б так не смог, когда рука целая была. И лук у него знатный. Лука увидит – на говно изойдет от зависти, – ухмыльнулся Тит, вертя в здоровой руке стрелу с нанизанной на неё еловой шишкой. – С тридцати шагов влёт, – пояснил наставник.

Мишка пригляделся и оценил.

«Чего там о Вильгельме Телле говорили? А вот так ему точно слабо!»

Сам же Путята держал в руках тот самый знатный лук, который, видимо, и рассматривали перед приходом сотника наставники и отроки. Мишка встретился с его оценивающим взглядом, и гость слегка усмехнулся:

– Что ж, если ты... господин сотник, дозволишь, так и поучу мальцов, чему успею. Не привык я без дела бока отлеживать, да и самому руку набить не помешает. Стрельба, она как баба – постоянного внимания к себе требует. Долго-то мы тут не задержимся, но сколько получится...

– Не позволяю, а прошу, дядька Путята! – со всем уважением поклонился Мишка. – Нам ничья помощь не лишняя.

– Ну и добре, – Путята обернулся к Титу. – Тогда пошли, посмотрим, что у вас тут за луки имеются, да что с ними сделать можно. А ты, Григорий, не обессудь – без меня возвращайся – я вечером сам приду...

– Дорвался! – добродушно отозвался Григорий, махнув рукой. – Пустили козла в огород... Ну дык и без тебя не заплутаю. Я вот с Михайлой поговорю лучше.

Мишка, и без того занятый сверх меры, совершенно не собирался работать экскурсоводом и уже стал прикидывать, как бы свести этот разговор к неизбежному обязательному минимуму, а потом быстренько, соблюдая вежество, сплавить любознательного купца дежурному уряднику или ещё кому, когда вдруг перехватил взгляд Андрея. Немой коротко показал глазами на Григория, а потом дотронулся рукой до губ, совершенно определенно советуя сотнику не пренебрегать беседой со своим будущим родичем. Мишка решил последовать этому совету и кивнул купцу:

– Что ж, дядька Григорий, пусть тогда наставники занимаются, а я тебе крепость покажу да на вопросы отвечу. Надо же, чтобы отцы знали, чему и как мы здесь отроков учим.

Пришлось снова водить по крепости гостя, показывать и рассказывать. Понимая, что особенно интересно купцу именно та часть учебы, которая непосредственно касается специализации коммерческого десятка, большую часть экскурсии он посвятил складам и тому, как там налажено дело.

Григорий слушал внимательно, вопросы задавал дельные и, судя по всему, оценил введенные Мишкой новшества в организации службы логистики, и даже новый счет, которому обучались отроки, одобрил, правда, несколько своеобразно:

– Хитер ты, Михайла. Ну так и правильно. Теперь по твоему счету завсегда своих узнать можно. Отроки вырастут и подручных обучаться тоже этому заставят. А сторонний человек и не поймет ничего. То есть, если какие дела купцы между собой обсуждать станут, то никакой подсыл им уже не страшен, подслушает – так все равно без пользы... Иной раз, глядишь, и жизнь так спасают. Дело купеческое всяко оборачивается. Вон, брат мой покойный, Царствие ему небесное, не уберется... – Григорий перекрестился. – Боярину Корнею в Ратном да Андрею здесь я уже поклонился за то, что сирот в беде не оставили. Теперь тебе кланяюсь.

Купец остановился и с достоинством отвесил поясной поклон молодому сотнику. Выпрямился, разгладил бороду и вздохнул:

– Хорошо, вас вовремя Бог послал – иначе не знаю, чем бы кончилось. Отец Геронтий девчонок бы не уберег, а я не поспел, да меня и в Турове тогда не случилось. И, думаю, те, кто находников подослали, как раз подгадали к моему отъезду, чтобы успеть дело Игната перехватить...

Мишка насторожился: купец недаром заговорил об этом, когда они оказались вдвоем в кабинете и, стало быть, вокруг не могло быть чужих ушей. Ещё в Турове он понял, что история с нападением на постоялый двор купца Игната не так проста и не зря многие, в том числе и любезный дядюшка, интересуются ею и судьбой оставшихся в живых детей. Мелькало тогда в мыслях, что надо бы выяснить, что к чему, но в Турове, а потом и в дороге не до того было, а тут сам брат погибшего Игната первым начал разговор.

– Не могли никак мы их бросить, дядька Григорий. Ясно же, что опасно молодую женщину и девчонок оставлять на пепелище, тем более, что отроки Григорий и Леонид тоже не чужие нам.

– А теперь и вовсе свои станут, – хитро прищурился купец. – Андрей Аринку не отпустит – я ж видел, какими глазами он смотрел, когда она на шее у Путяты повисла, аж испугался за него: пришибет... Хотя она к нему, как к отцу, относится – Путята, почитай, родич нам. С Игнатом они ещё в молодости побратимами стали, он за его детей, как за своих, переживал.

Когда узнал, что случилось, хотел сам ехать, разбираться, да я к тому времени уже с отцом Геронтием переговорить успел и убедил его, что прежде к вам сюда надо наведаться, удостовериться, что с девчонками все в порядке, да забрать их... Теперь-то уже не заберешь, но так, может, даже и лучше... – задумчиво, будто разговаривая сам с собой, протянул Григорий. – Теперь и с убийцами брата разбираться с легким сердцем можно.

– С татями мы разобрались, – Мишка внимательно глядел на купца. – А с прочими... Ты знаешь, с кого спрашивать? Потому как теперь это не только ваше дело – Андрей на себя опеку принял. Неужто ты думаешь, что Лисовины в стороне останутся?

– Что татей вы побили – это дело доброе, – кивнул Григорий. – Только не сами они туда наведались. Кто послал – знаю. Догадался сразу, да и Путята ещё в Турове успел кое-что выяснить. Так что сомнений у нас никаких.

Купец у нас один есть, Абрамка Пасюк. Ну, Пасюком его за глаза кличут, но прозвище прилипло – не отдерешь. Под себя все гребет. Много нагреб уже, разного. И дела ведет нечестно, многие из-за него сильно в убытках, а кое-кого и вовсе разорил. И с татями давно якшается. Другой бы давно у князя на правеже стоял, но его руку один боярин держит, да и хитер, собака; скользкий, как сопля – не ухватишь. Все чужими руками норовит... Дело Ариногого мужа и свекра он прибрал через подставных, когда те сгинули. Повезло ему, что в руки само упало, или он и тех татей подослал, не знаю, и утверждать не берусь. Арину мы с Игнатом едва сумели у них отбить и домой вернуть. И ее, и то, что за ней в приданое дадено было. Не рухлядь и не бабьи радости, а другое. Долю в общем деле.

А дальше поведал купец Григорий такое, что Мишка чуть было про все остальное не забыл – уж больно занятная картина вырисовывалась. Прежде всего, его догадка о том, что Игнат имел дела с контрабандой, оказалась не совсем правильной, хотя и без нее не обошлось. Ратников рассуждал, исходя из привычных ему реалий будущего, которые здесь пока не наступили: не было ещё столь разветвленной и продуманной системы таможи – платили с прибыли при продаже товара там, где его продавали, на торгу и рассчитывались.

Нет, конечно, в меру сил старались продать не в городе, а по уговору где-то, где не могли их ухватить княжьи мытари, но для этого не надо было идти с товаром тайными тропами куда-то в другое княжество. Вполне можно было привести его на постоянный двор и там передать

перекупщикам, а если люди надежные, и с платой подождать до того, как те его реализуют. Или вернут другим товаром, потребным уже для продажи в Турове.

Но главным тут оказалось другое, о чем Мишка тогда даже и не подумал: кроме как по реке, ходили купеческие караваны и по земле. Не везде есть река, пригодная для судоходства, иной раз посуху путь получается короче... Но через лес или болота не пройдешь напрямик – тропу надо знать или проводников иметь. Вот и связаны все города этими тропами, как артериями. А на тропах за много лет поставлены перевалочные пункты, где можно и переночевать в безопасности, и товар распродать-обменять. И, главное, там завязаны разнообразные связи, которые тянутся цепочкой дальше, так что торговля даже в самые смутные времена не прекращается.

Вот на туровском ответвлении от проходящей чуть южнее «дороги жизни» – тракте, связывающем Киев с одной стороны с Булгаром, а с другой – с Прагой и Регенсбургом – и сидел купец Игнат со своим постоянным двором. Через него шли из Турова караваны к Пересопнице, а далее вливались в общую торговую артерию. Ещё их дед поставил там постоянный двор, и теперь именно в руках у братьев оказалась такая важная транспортная развязка. Выгода от того им получалась немалая, а учитывая, что на Игната же были завязаны многочисленные деловые связи и с теми, кто держал торговлю на этой дороге дальше, и с купцами-перекупщиками, курсирующими между городами, то и подавно долю с этого братья имели хорошую.

Никифор, который в основном возил товары по воде, вошел в компаньоны с Григорием, и своего Петьку учить согласился как раз вождению караванов по суше, именно потому, что тоже весьма интересовался выходом на этот тракт. Да и не один он стремился попасть к братьям в компаньоны. Арину в свое время замуж выдавали конкретно с прицелом на сотрудничество с новой родней и не прогадали тогда. Но когда ее мужа и свекра убили, а их дело ушло в загребушие руки Пасюка, братья приложили все силы к тому, чтобы вернуть обратно и Арину, и её долю в семейном бизнесе – теперь она за ней так и остается приданым, хотя основным наследником является Гринька, как единственный сын Игната. Ну и, само собой, младшие девчонки, когда вырастут, могут рассчитывать на пристальное внимание к себе всех желающих приобщиться к семейному бизнесу, но тогда про их приданное договариваться придется отдельно, а вот Ариного уже определено.

Потому к ней, несмотря на разговоры о бездетности, сватались, не

дожидаясь окончания траура по мужу – мол, сговоримся да подождём. Дядюшка Никеша, как намекнул со смешком купец Григорий, тоже давно подумывал, как бы породниться с Игнатом. Да вот беда – самому ему жениться уже никак не получалось, а сыновья ещё в возраст не вошли. Оставалось ждать, пока младшие девчонки подрастут. Впрочем, Игнат, один раз обжегшись, не спешил связываться с новыми людьми, да и Арина замуж не рвалась – переживала смерть мужа. Но если те, кто напал на Игната, не остановились перед смертоубийством, то уж силой привести под венец молодую вдову они и вовсе не затруднились бы.

Впрочем, продажа постоянного двора, а вместе с ним и семейного дела, устраивала их даже больше. Но пока определенности с этой продажей не было, Григорий предпочел бы держать племянниц под надежной охраной, даже хотел убедить ее вместе с девчонками попросить укрытия в Туровском женском монастыре, пока не решится проблема с наследством. А оказавшись в крепости и выяснив, что поздно пить боржоми – не то что в монастырь, даже просто в Туров Арину от Андрея не заберешь, решил, что в данных обстоятельствах это лучший выход. Андрей, как и все Лисовины, не купец, то есть сам в дела не полезет, удовлетворится долей с прибыли, да и Гринька теперь под надёжной опекой и охраной. Подрастёт, сядет на место отца, будет с братом дела вести, то есть все в семье и останется. К тому же Григорий был совсем не против лишить Никифора монопольного положения главного спонсора уверенно прущих в гору погорыньских бояр, о чем вполне прозрачно Мишке и намекнул.

«Вот это называется «выиграл миллион на трамвайный билет»... Это что ж получается? Андрюха у нас стал держателем контрольного пакета акций местного отделения «шелкового пути»? Интересно, Никешу уже просветили? Вот у кого точно рожу перекосит, когда узнает – прежде всего, что его дорогой компаньон в родню пролез и его без наркоза такой монополии лишает. Как бы не заболел с огорчения. Но зато теперь у вас на дорогого дядюшку ха-ароший намордник имеется, чтобы берега не терял. Ничего, и пряник тоже выпишем.

Григорий подтвердил то, что уже и так стало понятно: анкл Ник собирает вокруг себя купцов – впечатлился вашим же посылом о купеческом товариществе. Но мыслит его как собственную структуру, а Лисовинов решил использовать, как и сотню, сделав карманным ЧОПом при этом товариществе. То есть заявляет себя самостоятельным игроком, а вас с дедом собирается сделать своими фигурами. Но вот появления на доске Григория не учел. Хотя этот джокер и для вас

сюрпризом оказался, но не упускать же такую возможность...

Ну-ка, сэр, в чем кроется предмет возжелений вашего нежданно нарисовавшегося родственничка и каков его потолок? А мы по итогам собеседования предложим ему что-то чуть-чуть выше этого потолка. Чтоб и голову не расшиб с разгона, и с крючка не сорвался...»

– Так, значит, дядька Никифор товарищество купеческое вокруг себя собирает? Интересно... – Мишка задумчиво вертел в руках вовремя подвернувшееся стило.

– Товарищество? Хм... Можно и так сказать, – купец покрутил головой. – Хорошее слово ты подобрал. Никифору предложи.

– Уже предложил, – хмыкнул Ратников. – А как купцы-то на это смотрят? Ты вот, к примеру?

– Значит, он с тобой про это говорил? – Григорий прищурился. – Да как смотрят... Дело вроде хорошее. Да и Никифору люди доверяют, он слово купеческое держит. А теперь за ним не только его капитал стоит, но и сотня, потому его слово решающее. А все прочие – согласно тому взносу, что смогут поднять. Свои-то всё друг про друга знают. Ну, может, и не всё, но оценивая – не ошибутся.

Я бы и рад сейчас больше в это дело вложить, да вот надо с наследством брата разобраться. Тогда моя доля увеличится, да и за племянника, пока он в возраст не вошел и на себя дела не принял, отвечать буду. Тогда и Андрей не прогадает: приданое Ариного ему отойдет, когда женится, да и опеку над Гринькой он принял. А я племянников не обижу: мне на том свете с братом встречаться – ему в глаза глядеть, это посильнее любых целований и печатей. Но чтоб и сомнения не осталось, грамоту на это напишем. Не самому же Андрею дела торговые вести? Воину и невестно, и некогда. Главное, слово его и Лисовинов за мной будет.

«Ну да, ожидаемо: «крышу» тебе надо, дядька Григорий. Ничего с веками не меняется: что тут, что там, выше крыши подняться воображения не хватает. Хотя сейчас и князя крышеванием пробавляются, вопрос только в масштабах этой кровли и широте обзора с нее... А ну-ка, как тебе перспективка с высоты птичьего полета понравится? Рискнешь или так и будешь за потолок держаться?»

– Это точно – и невестно, и некогда, – кивнул Мишка и смерил купца оценивающим взглядом. – Тем более сотнику. Правильно говоришь, дядька Григорий. Я так понимаю, ты мне сейчас предлагаешь, чтобы мы помогли вернуть вам ваше семейное дело, которое у вас пытаются отобрать, и далее вам поддержку оказывать. И за то потом с него свою долю иметь,

правильно?

– Так, – кивнул Григорий. – О твоей доле с этого тоже договоримся, если ты про это...

– Договориться – дело нехитрое, только сам-то ты как себя тут видишь? Рассчитываться с нами за покровительство, да и все? Нет, оно дело правильное и при других обстоятельствах я бы и сам тебе такое предложил. Но сейчас этого уже мало, ты нам теперь родич, и не просто седьмая вода на киселе: Андрей мне дядька и первый учитель в воинском деле. А уж сколько раз я ему жизнью обязан – и не упомяну. С татями-то мы разберемся, – отмахнулся он от пытавшего что-то сказать купца. – Но у меня к тебе встречное предложение есть: возьмешь мой капитал в управление и войдешь в товарищество Никифора уже не только со своим и племянников паями, а и лисовиновским? На это грамоту со мной напишешь?

Все-таки умел Григорий владеть своим лицом, хотя, судя по затянувшейся паузе, ему сейчас на это потребовалась вся его выдержка. Мишка видел, что купца так и тянет почесать затылок или потеревить бороду – рука было дернулась, но остановилась на полпути и снова легла на колено.

– А много ли у тебя капитала, сотник? – наконец, приняв решение, серьезно спросил купец, и голос его почти не выдавал.

– Да хватает, дядька Григорий, – Мишка отложил стило и принялся загибать пальцы. – Прежде всего, то, что Никифор Павлович мне обещал за мои придумки, которые он в дело пустит – если с тобой договоримся, я тебе тогда все подробно распишу – управляющему знать требуется, чем придется управлять, а там немало. Потом товар, что у нас в крепости делается на продажу. Если помнишь, прошлой зимой привозили мы на торг матрешек расписных, мед да свечи? Ну так это только в первый раз, посмотреть, как товар встретят, а за этот год кое-что добавилось. Доски струганные, к примеру. И ещё боярыня Анна холопок посадила вязать кружева. Товар дорогой и редкий – за него бабы косы друг у дружки рвать будут, если с умом. Опять-таки, этим она занимается, с ней и говорить придется, но не самой же ей торговые дела вести? И это не все – есть и такое, что не в Турове продавать, а в Киев, а то и куда дальше отвезти не стыдно. Вот через тебя вся эта торговля и пойдет. Через Никифорово товарищество, само собой, но под твоим управлением, как доверенного от Лисовинов.

– А Никифор согласится? Да и с боярином Корнеем переговорить бы... – после паузы, потребовавшейся, чтобы прожевать и оценить

услышанное, Григорий вопросительно посмотрел на Мишку. – Не скрою, заманчиво... Но ведь и раздор промеж своих – не дело.

– Согласится, – Мишка придавил собеседника тяжелым взглядом. – Есть у меня для него слово заветное. Пусть дядька Никифор общими вопросами занимается – он тоже замахнулся не по-малому, ему на все не разорваться. Так что уговорим... по-семейному. И к деду тогда вместе пойдём.

– Да-а, правду Семен сказал... Ну так он ни разу ещё не ошибался... – непонятно протянул Григорий. – Что ж, боярич, ежели ты ко мне с доверием, то и я не лаптем пришибленный, чтобы не понять, с какой стороны редьку надкусывать. Согласен!

«А Григорий-то мужик правильный и, похоже, не сильно пугливый. Тем лучше, пора нам кадрами обрастать. Свои растить – дело хорошее, но и теми, что на пути попадают, нечего разбрасываться. Управленец вы, в конце концов, или прачка? Вот и будем работать с перспективным персоналом, пришедшим со стороны. Как легче всего выжить маленькой пешке? Правильно, обставиться вокруг тяжелыми фигурами. Да и вырасти так проще. А посему увидели фигуру, определили ей место, убедились, что она это место правильно понимает, и ставим на доску...»

Вот анкл Ник, к примеру. Прежде чем он до вас доберется, ему через Григория придется пройти, а тот свою позицию – управляющего всеми семейными капиталами Лисовинов – теперь насмерть станет оборонять, что есть вполне годная защита вашей, пока что очень тощей в торговых делах, задницы.

И да, теперь аллюром три креста^[5] Андрюху женить, пока не передумал! Хотя, куда он денется – влип мужик: сам не заметил, как увёл бабу из-под носа толпы завидных туровских женихов, даром, что те не за прекрасными глазами его Арины, а за приданым охотились. Оббалдеть, сэр Майкл, через два «б». Куда там этому лоху из «Аленького цветочка»! Вот у нас, я понимаю, – романтика! «Сон в летнюю ночь» плавно перетекал в «Ромео и Джульетту», но на полпути передумал и вляпался в «Венецианского купца». Уильям наш Шекспир нервно курит за овином».

* * *

Дед слушал рассказ внука о разговоре с купцом с интересом, возрастающим по мере повествования, а в конце у Корнея и вовсе глаза загорелись.

– Кхе... Как ты говоришь? Управляющий Лисовинов в товариществе Никифора? – и вдруг заржал. – Для купчины жирный кусок мимо рта... С этой стороны он беды и не ждет! А с другой... – Воевода прищурился, как будто выцеливал, куда стрелу пустить. – Дядька твой за спиной сильного рода не имеет, у отца его братьевсестёр не было. Его род – это мы, так что на нас жаловаться ему вроде некому... Не князю же... Да и про купчат у нас в обучении забывать не следует. Отцы их Никифору, конечно, не родня, но и дразнить их попусту не стоит: вон, в Новгороде купцы и князю от ворот поворот, бывало, давали... Мы, слава богу, от Новгорода далеко, но остеречься не помешает.

– Остережёмся, деда, обязательно. А про Андрея с Ариной дядьке Никифору ещё никто не сказал?

– А кто скажет? – пожал дед плечами. – Бабы при нём нет, чтобы сплетни и пересуды собирать, а нам только и забот – языки чесать, к кому там Андрюха на сеновал повадился.

– Да какой сеновал – они уже одним домом живут.

– Тем более! Кхе... – Корней тяжело поднялся. – Как ты говоришь? Кадры? Ну так, пока наши с тобой кадры в часовне инеем не покрылись, пойдём и мы. Помолимся...

Сотник покосился на внука и осенил себя крестом:

– Во славу отца, и сына, и святого вну... Тьфу, духа! Аминь! Помилуй мя, Господи.

Глава 3

Декабрь 1125 года Михайловская крепость и окрестности

Прежде чем отправиться на разговор с дедом, Мишка успел проинструктировать дежурного урядника, как для задуманного мероприятия должна выглядеть трапезная. И тот его не подвел – расстановка столов почти в точности повторяла то, что Мишка видел на княжеском пиру. Соорудили даже нечто вроде помоста из бревен, «на живую» скреплённых досками, принесенными с лесопилки и накрытыми для пущего эффекта какими-то шкурами. И как только успели? Вот на этом помосте и стоял стол для Лисовинов и их ближников.

А ещё Мишка не без некоторого злорадства представил физиономию Луки Говоруна, когда тот обнаружит отдельно стоящие столы для баб. Против обычая, заведенного при княжеском дворе, даже рыжий полусотник, известный непрошибаемым мужским шовинизмом, не пошёл бы, тем более, сейчас. Вакнешь, не подумав, что-нибудь против, а ну Великая волхва, она же боярыня Гредислава Всеславна, за обиду примет? И будешь потом сто лет в болоте рыжей жабой квакать. Шовинизм шовинизмом, а бережёного Бог бережёт.

Какими путями и с привлечением каких средств убеждения были добыты белёные и крашеные куски полотна, которыми украсили стены там, где не хватало расшитых рушников, Мишка благоразумно интересоваться не стал. Отметил только, что отроки по прихоти случая угадали последовательность цветов, развесив на торцевой стене, аккуратно за подиумом, отрезки в соответствии с тем, что в будущем станет национальным флагом: белое – синее – красное полотнища одно под другим невольно бросились ему в глаза.

«Хорошо хоть нет портретов членов Политбюро или президента, за полным отсутствием оригиналов.

Пусть висят, синее полотнище, хоть и в единственном числе, неплохое свидетельство благополучия, ибо краситель привозной и весьма недёшев, гости такой намёк оценят. Обрадуются или нет – второй вопрос».

На свободных местах между кусками ткани «декораторы» прибили крест-накрест еловые ветки из ближайшего леса. Насыпанные на хвою кем-то раскрашенные стружки придали декору нарядность новогодней елки, о которой тут, впрочем, никто ещё не подозревал, как и об обычае

праздновать Новый год среди зимы, сразу вслед за Рождеством.

В своих инструкциях одним только интерьером Мишка не ограничился, и на входе в трапезную отроки Елизар и Елисей, одетые в наилучшее, что сумел в спешке найти в своих запасах Илья, сияли белозубыми улыбками навстречу гостям. От волнения они, правда, слегка перестарались и Елисей (или Елизар?) чуть не оглушил своим воплем Корнея:

– Воевода Погорынский, боярин Корней Агеевич Лисовин!

Сотник дёрнулся было отвесить отроку затрещину, но его остановил ввалившийся следом боярин Федор:

– Уймись, боярин, тебе честь ока...

Закончить фразу он не успел, так как в это время второй близнец спохватился и в свою очередь заголосил, стараясь превзойти брата:

– ...И погостный боярин Федор!

Мишка, на правах хозяина, ожидал гостей во главе стола и с чашей пива, за неимением вина или чего покрепче, двинулся навстречу вошедшим, чтобы с поклоном поднести чару воеводе.

Глашатаи, непривычные к длительным голосовым нагрузкам, время от времени пускали петуха, что было простительно в их возрасте, а ближе к концу длинной череды гостей умудрились пару раз перепутать и в качестве отчества выдать прозвище именуемого, но несмотря на накладки, неизбежные в данных обстоятельствах, мероприятие под кодовым названием «пир горой» можно было считать начатым вполне успешно.

Народу в трапезной собралось немало: приглашенные плотники и их жены, со всем уважением посаженные за «женский» стол, удачно дополнили компанию. Правда, поначалу недавно прибывшие в крепость бабы выглядели ошалевшими и слегка пришибленными от такого поворота судьбы, но понемногу оттаяли и освоились, особенно после Мишкиной благодарственной речи, адресованной артельщикам.

Затягивать официальную часть боярич не стал: прежде всего повеличал деда и, усадив его на почетное место, лично приветствовал всех входящих, поднося каждому чашу из своих рук и сдавая их потом на руки Роське с Артемием, которым поручил деликатное дело рассаживания гостей в соответствии со статусом. Вынужденные с поклоном принять из его рук величальную чашу и выпить ее за здоровье молодого сотника и всего рода Лисовинов, десятники сидели за столами, мягко выражаясь, томные, хотя и не скрывали своего облегчения при виде того, как мирно беседуют дед с внуком. Тем не менее, некоторое обалдение незримо витало над ними, как малахольная нимфа в поисках загулявшего фавна. Видимо,

поэтому десятники не сразу обратили внимание на странную закономерность: наставники Макар, Филимон и десятник Егор оказались за столом рядом с лисовиновскими родичами, далее сидели остальные наставники, а уж только потом – остальные десятники.

Лука молча крутил ус и отчего-то сегодня не блистал своим широко известным красноречием, временами косясь на Егора, который, пожалуй, единственный из десятников пребывал в прекрасном настроении и похихатывал, тихо беседуя о чем-то с Макаром и Филимоном. Да ещё Игнат, самый молодой из десятников, выглядел вполне беззаботным и, кажется, искренне радовался за сотника.

Остальные гости этой беззаботности не разделяли. Леха Рябой встревоженно переводил взгляд с Луки на Корнея и имел вид человека, который силится понять, стоит ли ему напиться сразу же или надо погодить до начала традиционного мордобоя. Фома просто пил, как не в себя, словно намереваясь утопить в хмельном тоску о чем-то несбывшемся. Хмурый Данила пил меньше, но Мишка готов был поклясться, что он сильно желает закусить своим локтем: «вечный второй» сейчас мысленно оценивал все упущенные ништяки и прощался с последними надеждами. Глеб смотрел Корнею в рот, усиленно жевал, всячески нахваливая стол и хозяев, и старательно делал вид, что ему весело.

Не дожидаясь, пока гости опомнятся и начнут задумываться о том, что же, собственно, тут происходит и, не дай бог, затеют спор, как гости на княжеском пиру в Турове, почему их посадили так, а не этак, молодой сотник дал отмашку музыкантам и уже готовым разносить угощение по столам холопам. Те шустро потащили на столы разнокалиберные блюда, музыканты Артемия, давно ожидавшие за дверями, заняли свои места возле стены и затянули приличествующие случаю мелодии, благо, репертуар у них был широкий. Пьянка, она же – пир, плавно ускоряясь, двинулась вперёд, но в процесс вмешался явно выжидавший этого момента Корней.

– Погодь, Михайла! – рыкнул воевода, внезапно поднимаясь из-за стола и взмахом руки обрывая музыкантов. – Дело у нас есть... Андрюха! Иди сюда!

Мишка, прекрасно понимая, что сейчас произойдет, тихо опустил на свое место и покосился на дядюшку, продолжавшего что-то беззаботно рассказывать сидящему рядом с ним купцу Григорию. Выступление Корнея Никифор проигнорировал, видимо, полагая, что ничего для себя интересного не услышит – десятники, вон, во всех местах зачесались, но это совершенно не его проблемы. А вот Григорий и Путята с интересом воззрились на воеводу. За женским столом прошелестел и тут же стих

легкий шепоток. Сидевшая подле Анны Арина замерла и насторожилась.

Андрей оторвался от процесса поглощения пищи и вопросительно воззрился на деда: идти ему было никуда не надо, сидел он, как и все Лисовины, тут же – рядом с дедом.

– Чего смотришь? Вставай, говорю! – пророкотал Корней. – Долго ты ещё будешь яй... Кхе! – Корней покосился в сторону бабьего стола и поправился, – в затылке чесать? Женись! Я и то уже... После Рождества венчаюсь, а ты что?

Десятники при этих словах заметно расслабились, поняв, что выступление сотника им никаких неприятных сюрпризов не сулит, и одобрительно загудели. Григорий и Путята переглянулись, Аринина тетушка, сидевшая рядом с ней, расцвела, толкнула племянницу, что-то прошептав ей на ухо, а та вспыхнула, как девчонка. Никеша же, которого Мишка не выпускал из внимания, коротко хохотнул, не замечая, что соседи по столу покосились на него с легким недоумением, и на правах родича махнул рукой:

– Да хватит тебе, Корней! Который год одно и то же... Не смешно уже. Чего ты к парню пристал? Найду ему какую-нибудь...

– «Какую-нибудь» Пашке своему ищи, ядрена-матрена! – возмущенно рявкнул воевода. – Лисовинам абы какое не надобно! Придержи язык, а то не посмотрю, что ты родич – укорочу прямо тут...

Никифор попытался что-то сказать, но вдруг скривился, словно ему дернуло больной зуб, и скрючился за столом, ошалело глядя на невозмутимо сидящего рядом Путяту. А Корней снова повернулся к шевельнувшемуся было в сторону Никеши Андрею.

– Погодь, Андрюха, башку ему ты потом оторвешь. А пока с тобой решим. Негоже невенчанному. И перед родней новой неудобно. Тут все свои собрались, вот и того – как положено, давай... Арина! – рыкнул Корней, поднимая глаза на бабский стол. – Иди сюда!

Что там творилось на душе у молодой женщины – неведомо, но поднялась из-за стола она так, как будто всё заранее отрепетировала с воеводой. Спокойно, с чувством собственного достоинства и не опуская глаз прошла к столу и встала напротив возвышающихся надо всеми Корнеем и Андреем.

– Звал, Кирилл Агеевич?

Мишка невольно восхитился – владела собой Арина великолепно! Наверняка эмоции переполняли ее через край, но даже голосом молодая женщина их не выдала.

Никифор вдруг отчетливо икнул, но на него уже никто не смотрел.

– Андрюху ты и без слов понимаешь. Но для всех я за него спрашиваю, – провозгласил Корней, – согласна ли ты стать женой Андрея Кирилловича Лисовина и венчаться с ним в церкви?

Вот тут она не выдержала – коротко взглянула на Андрея, замершего по правую руку от Корнея, что-то прочитала в его глазах, вспыхнула, кивнула, но тут же опомнилась и, отвесив ещё один поясной поклон, спокойно и уверенно проговорила:

– Согласна, Кирилл Агеевич. С радостью.

Никифор выдохнул и, кажется, забыл вдохнуть – так и сидел, налившись краской и выпучив глаза, пока Григорий, не меняя благостного выражения лица, с которым взирал на свою племянницу, не пхнул его локтем в бок.

– Значит, надо благословения родителей просить, – сообщил очевидное довольный Корней. Подмигнул обалдевшему Андрею и пророкотал:

– Вот... А то бы ты ещё сколько телился? Бери дев... бабу свою за руку и иди к ее дядьям – вот они тут сидят. А скажу все за тебя я. Вместе благословения у них просить будем!

И первый полез из-за стола, решительно вытаскивая за собой Немого.

Надо отдать должное Никифору: он все-таки справился с собой и радушно поздравил и приятеля, и Корнея с Андреем, после того как Григорий и Путята, благословив молодых, выпили за их здоровье и новую родню и обменялись с Корнеем взаимными заверениями, что отныне купец и его род навечно породнились с Лисовинами. Обнял Никеша «нового родича» и своего старого компаньона с явным желанием слегка его придушить в объятиях, но купец Григорий на слабосильного задохлика не походил и ответил не менее «страстно», так что обошлось без жертв. О чем после этого говорили компаньоны, Мишка не расслышал, так как сразу после давно ожидаемого сватовства начался следующий номер программы: к Корнею обратился Макар.

– Дозволь и мне тебя просить, сотник! – наставник вышел из-за стола, встал перед Корнеем, не успевшим после всех церемоний вернуться на своё место, и отвесил ему низкий поклон. – Не откажи...

– Проси, Макар! День у меня сегодня радостный выдался – и сына Бог послал, и сам женюсь, и Андрюху просватал! – торжественно провозгласил дед во всеуслышание. – Господь заповедовал делиться радостью.

И после короткой паузы, со значением оглядев присутствующих, веско добавил:

– Тем более, ты нам теперь тоже родня. По крестнику твоему.

Мишка перехватил веселый взгляд Егора и слегка кивнул десятнику. Лука не икнул, как давеча Никифор, но, похоже, эта новость для него стала не менее неожиданной, чем предыдущая для купца. Говорун переглянулся с Рябым и Игнатом и насторожился, а Игнат приосанился. Фома протрезвел от злости и вперился взглядом в спину Макара, будто хотел прожечь на нем дыру, Данила залпом хватанул кружку пива и стиснул зубы, чтобы не застонать вслух. Глеб преданно ел глазами сотника.

Макар покосился на Мишку и бухнул, словно ныряя в омут с головой:

– Раз уж сегодня речь о свадьбах, то и моя просьба того же касается. Любаву мою просватали. Но замуж ей ещё рано – года не вышли, да и зять в отроках пока. Однако сват мой сына мне доверил и разрешил его крестить. Я просил сотника Михаила Лисовина принять его в Академию Архангела Михаила, и он на то дал свое согласие. Крестить же моего будущего зятя хочу в ратнинской церкви. В крёстные ему согласился пойти десятник Егор, а крёстной сговорили жену десятника Игната, Анфису, но требуется и твое согласие, как боярина Погорынского. Не откажи.

– Кхе... – Корней, торжественно выслушавший речь Макара, вероятно, одну из самых продолжительных в жизни наставника, во всяком случае, на Мишкиной памяти, расправил усы и приосанился. – Дело хорошее. В Погорынье у нас нынче чужих быть не должно, и родниться с соседями лучше, чем воевать... – он повернулся в сторону невозмутимого, как изваяние, отца Меркурия. – Что скажешь, отче? Ты с отроком уже беседовал?

– Да, архонт. Я говорил с отроком. Он прилежно изучает основы веры и во благовремение будет готов принять святое крещение, – спокойно кивнул священник.

– Тогда так тому и быть! – довольный Корней разгладил усы. – Передай свату: боярин свое согласие дает. А если до свадьбы твоей Любавы доживу, так посаженным отцом ей стану. Или Михайла за меня... Ну, – обернулся воевода к присутствующим, – все свадьбы сговорены или ещё кого женить требуется?

– Требуется! – внезапно пророкотал Бурей так, что многочисленные свечи, зажженные в трапезной, заколыхались и едва не погасли.

– Тебя, что ль? – удивился дед, глядя на обозного старшину, медведем выбирающегося из-за стола. – Валяй! Кого присмотрел?

– Не, не меня. Его вот!

Бурей выволок следом за собой блаженно улыбающегося Сучка. Встряхнул своего друга за шиворот, добиваясь его внимания, и спросил:

– Кондраша, слышь?

– Слышу, едрит...

– Жениться на Алене хочешь?

– Ага, – кивнул Сучок и умиленно пробормотал, – рыбонька моя...

– Успеешь нажраться, не уплывёт твоя осетрина! – рявкнул Бурей, совершенно не романтично отнеся последние слова Сучка на счет закуски, и подтащил плотницкого старшину к воеводе. – Проси сотника Алёну за тебя сватать.

– Сосватаем, куда она денется? – хохотнул Корней, глядя на живописную парочку. – Завтра и пойдём сговаривать, слышь, Кондратий? Будет Алёна твоя...

На этом со свадьбами покончили, и пьянка, плавно ускоряясь, покатила по веками хорошо накатанным рельсам.

* * *

– ...Уф, успел! – облегченно выдохнул Арсений, вылетевший верхом навстречу лошади, неспешно влекущей сани с Корнеем и Никифором. – В крепость послали, за тобой... – пояснил он встревоженно вскинувшемуся воеводе и Мишке с Андреем, которые верхами провожали дорогих гостей. – Шатун у тебя на пасеке побаловал. Одного задрал. Молчун с Фаддеем его на рогашины взяли...

Накануне, когда десятники после пира собрались в Ратное, дед решил остаться, заночевать в крепости, а наутро на свежую голову обсудить с внуком дела, благо, было что. Никифора в последний момент решили тоже оставить: он не то что ногами самостоятельно перебирать – головы поднять не мог. Мишка подозревал, что купец отдегустировал тот животворный напиток, что привез с собой в крепость грек. Как его добыли Бурей с Сучком и почему облагодетельствовали именно Никешу, он не интересовался, но отправлять дядюшку в таком виде побоялся: помрет ещё в дороге или вывалится, тем более, попутчики не сказать чтоб трезвые – где им за багажом следить! Сами бы добрались без приключений.

Сотник тронулся в путь уже ближе к обеду, отказавшись от предложения внука дать возницу или самому сесть за него.

– Сюда доехал и отсюда сам вернусь! – хмыкнул Корней. – Не настолько я одряхлел, чтоб ты лошастью вместо меня правил.

– Как скажешь, господин воевода! – Мишка картинно вытянулся перед дедом. – Правь в свое удовольствие! Только позволь нам с Андреем тебя проводить. Негоже воеводе без почетного караула.

– Ну, если почетного... Тогда валяй – провожай! – милостиво разрешил Корней.

Никеша не сказал ничего: он страдал жестоким похмельем, вид имел серо-зеленый и томный и тихо постанывал в санях, зябко кутаясь в тулуп.

Незадолго до поворота на дедову пасеку их и перехватил «заместитель» Егора.

– Что там, Сюха? – Корней хлестанул лошадь, направляя ее следом за конем Арсения. – Шатун?! Кого задрал? Неужто Никанора-пасечника? Ульи разорил?

– Да не... Чужого занесло... – коротко мотнул головой ратник. – Пасеку сам смотри. Нам не до нее было... Прости, сотник, пойду я – Чума с Молчуном одни там. Догоняй... – и галопом рванул в сторону пасеки.

Дед, приподнявшись в санях, нахлестывал кобылу, а Андрей выдвинулся вперед, оттерев Мишку в арьергард. Так они и вылетели к пасеке. Там, прямо у крыльца сторожки, где Мишка не бывал с того самого времени, когда они пересиживали мор, обнаружился весь десяток Егора во главе с ним самим. Ратники столпились вокруг окровавленной медвежьей туши, которую споро свеживали Чума с Молчуном. Оседланные кони и чьи-то сани стояли в стороне.

– Твою ж мать!.. – Корней вылез из саней и, растолкав ратников, уставился на исходящую паром тушу.

– Здоров зверь... – прохрипел Никифор. Несмотря на свое состояние, купец выбрался следом за сотником, чтобы посмотреть на добычу. – Шкуру не попортите.

– А кого он задрал? – Корней оглядел поляну. – Из лесовиков, что ль, кого?

– Не, редька едкая, – с широким ножом-медвежатником, которым разделявал тушу, Фаддей поднялся перед сотником. – Купца туровского... Вот его... – и, не оборачиваясь, коротко врезал локтем в морду Никифору, ошалело разинувшему рот. Тот отшатнулся, но попал в заботливые объятия Арсения.

Ратник сбил купца на колени, резко заломил ему руку назад и, смахнув мимоходом шапку в снег, захватил гриву волос другой рукой, заставив выгнуться дугой, так что борода задралась в небо. Из разбитого носа обильно закапала кровь...

– Чего?!.. – Корней схватился за меч, Мишка рванул с седла самострел, у Андрея в руках развернулся кнут, но со стороны сторожки прозвучал хорошо знакомый голос:

– Ну-ну, Кирюха! Не дури! Андрюха, Михайла, не балуйте!

Поговорить надо, едрён дрищ...

– Репейка, ты?! – Корней замер, так и не вынув меч, Мишка с Андреем тоже остановились. Ходить Аристарх не мог – стоял в проеме дверей, опершись на заботливо приобнявшего его Петра.

– Я, кто ж ещё... Видишь, сил нет, а сюда пришлось тащиться, – хмуро буркнул староста. – Десятники тоже все тут. Здоров ты гостевать, заждались уж... Ты за железо-то не хватайся, выслушай сначала, а потом сам решишь судьбу своего родича, как то сотнику пристало. По обычаю... – он покосился на Мишку с Немым. – Удачно ты Михайлу с Андреем прихватил, а то пока за ними пошлешь... Михайле свое слово сказать придётся, вдобавок к Егорову. Давайте, в дом заходите, мне стоять тяжело. И этого сюда волоките, – кивнул он на Никифора.

«Ну, сэр, соображайте побыстрее! Герр бургомистр сюда чуть живой тащился не шутки шутить, да и десятники в лес не за фитонцидами выбрались. Угробят бароны дядюшку – им-то все равно, а мне он ещё пригодится...»

Похоже, эта «встреча на Эльбе» оказалась сюрпризом только для вас с Никешей: лорд Корней за меч без энтузиазма хватался, да и Андрюха своим кнутом давно бы хребет кому-нибудь перешиб, однако ж не спешил...»

– ...К тебе и Михайле у сотни вопросов нет...

Аристарх полулежал на лавке у стены и смотрел на хмурого Корнея, сидящего за столом в окружении серьезных до мрачности десятников – только у Фомы во взгляде в первый момент мелькнуло что-то, похожее на злорадство, но он опустил глаза и больше не поднимал их от стиснутых на столе собственных кулаков.

Мишка с Андреем устроились рядом, а Никифора, заломив ему руки и изгваздав в кровище дорогой полушубок, Молчун с Чумой держали возле дверей. Купец попытался было рывнуться, когда они принимали его у Арсения, но засапожник Молчуна, скользнув под бороду, оказался убедительным аргументом: Никифор замолчал и только пучил глаза и ловил ртом воздух. Кровь из носа продолжала сочиться по бороде и усам.

– Ты княжью волю не можешь не исполнять. И сотня свой долг понимает, потому и пойдет умирать – не впервой. Но по княжьему слову. А своей кровью набивать мощну твоему родичу сотне не с руки. Он же нас всех под убой подставил! – Аристарх коротко глянул на Никешу, потом сочувственно – на Корнея. – И тебя с Михайлой тоже на убой... Егор слышал его разговор с князем.

– И чего он наболтал?!

– Да ты что, Корней? – взвыл купец, дернувшись было, но тут же от пинка по ребрам едва не уткнулся головой в пол. – Да разве ж я... – прохрипел он.

Корней придавил Никешу тяжелым взглядом, потом хмуро глянул на Егора.

– Говори...

– Все так, сотник, – кивнул Егор, рассматривая корчившегося у дверей Никифора. – С твоим родичем князь Всеволод давно ладит. А как узнал, что Михайла приходится ему племянником, повел разговор, чтобы перебраться на Никифоровы ладьи и уже с ним идти в Туров, а самого Михайлу с отроками отослать в Ратное. Ну, и сотню где-нибудь перехватить и с тобой договориться. Никифор и сам бы рад, да жалился, что племянник строптив и его не слушает, а силой его, паршивца этакого, никак не принудишь. Зато предложил Всеволоду выход, как можно сотню на пороги послать, нашими руками тамошнюю затычку выбить и посчитаться с находниками за семью.

И не только сотню, но и Младшую стражу. Мол, если за спасение княгини пообещать выдать за Михайлу боярышню, да в приданое ей посулить земли по ту сторону порогов, чтоб сам их захватил и там укрепился, то Корней за такой сладкий кус для внука всю сотню поднимет и поведет хоть к черту на рога. А боярышню сейчас можно только сговорить, все равно возраст ещё ни у нее, ни у Михайлы не подошёл. И вообще, ей с ним на пороги не идти.

«То, что дядюшка хотел сотню использовать, это понятно. И ведь не подонок анкл Ник, просто мозги у него так повернуты – по-купчески. И с князем как купец торговался. Но для господ баронов это не оправдание. Они своим и за меньшее головы рубили. А тут чужак...»

– Что же ты наделал, Никеша? – Корней тяжело поднялся, подошел и встал напротив Никифора, разглядывая его, будто впервые увидел. – Говорил я с Федором, он мне много чего нарасказывал... И про тебя тоже. Значит, мало тебе прибытка от моей семьи – решил сотней расторговаться? Мне же теперь за тебя ответ держать... – и отвернувшись от Никифора, поинтересовался у Егора. – У вас все готово?

– У-уммм... – откликнулся Заика и вышел вперед, поигрывая коротким широким ножом и с деловитым спокойствием разглядывая подопечного.

– Тогда тащите его из избы – нечего тут порог поганить! – распорядился Корней.

Непроизвольно глянув в сторону Заики и оценив приготовления, Никифор, который ещё как-то держался, окончательно сорвался с нарезки:

– Корней! – отчаянно заголосил он, забившись в руках ратников, собравшихся волоочь его на улицу. – Я же для вас!.. Я же тебя про Пимена упредил!.. Разве бы я сестру бросил?!

Никеша, отчаянно цепляясь за жизнь, все-таки извернулся, уперся в дверях, захрипел, вырываясь из объятий Чумы и Молчуна, и торопливо выкрикнул:

– И так ведь, что мог, делал! Сколько серебра вбухал... Сейчас сотня князьям нужна стала, а так бы ещё год назад... Михайла! Ты же мне родич кровный... Да скажи ты им!

«Пимен? Вот это уже интересно... Стало быть, это Никеша тогда упредил деда, что к князю кто-то приезжал за сотню торговаться. Потому дед и сорвался в Туров прошлой зимой. Откуда Никеша знал? А, не важно... И не бросил нас – помогал, чем мог, хотя наверняка считал, что Корней стар и не потянет род поднять – тогда все так думали.

А тут мы с циркусом в Туров заявили, и Корней, вместо того, чтоб думать о покое на пасеке, к князю полез... Вот дядюшка и увидел шанс... Нет, на сотню ему, конечно, наплевать, но сотня под руководством Корнея – это шанс для рода. Он же, и правда, о роде пекся, по-своему, по-купчески. Значит, торг вокруг сотни целый год шел, и Никеша активно участвовал в аукционе... Потому и в Ратное вкладываться стал, и лавку открыл – место застолбить. А тут прибыль пошла, и аппетит разгулялся... Не мог он такой шанс упустить. А что это значит сотню и Малую стражу отправить на верную смерть, он и в уме не держал. Самостоятельно правильно оценить соотношение сил и разницу между службой наёмников, охраняющих купеческий караван, и походом на земли ятвягов, он в принципе не способен. Дескать, раз воюем и войной живем, то какая нам разница? Короче, со всей детской непосредственностью прожжённого купца начал торговаться с князем за подразделение, которое для него, любимого, станет охранять неманский путь...

Ладно, пора, сэр, вмешиваться в этот праздник жизни, пока дядюшку и правда в расход не пустили. Или сам от расстройств не помер...

Так за сколько процентов прибыли капиталист родную мать продаст? Сейчас и выясним... Главное, баронов убедить».

– Да, деда, и впрямь, дядюшка мне родич кровный, – не глядя на Никешу, проговорил Мишка. – Только думает он, как купец, а не как боярин. Потому князь нам его и отдал: поглядеть, что и как мы решим, и можно ли с нами дело иметь. Или в самом деле послать на убой – сколько-то на порогах продержимся, а потом и не жалко. Или все-таки удастся мне

дожить до свадьбы с боярышней, а сотне возродить свою былую силу и сделать дело.

– Ты чего задумал, Михайла? – Корней через плечо обернулся на родича. – Никеша, жив ещё? – и махнул рукой ратникам. – Ну-ка, давайте его сюда! – и, дождавшись, пока Никифора подтащили на середину избы и, как куль с мукой, водрузили на заботливо пододвинутую Арсением скамью, устался в упор на внука:

– Ну, говори...

– Ведь дядюшка как лучше хотел, – криво усмехнулся Мишка. – Ну, как он это сам понимал, – покосился он на Никешу и, не дождавшись ответа, пожал плечами. – Он купец и думал за род, но как купцу думать положено. Не умеет он иначе. А то, что для нас это смотрится предательством, только тут, похоже, понял. Ведь понял, дядюшка?

Никифор, получив отсрочку от неминуемой смерти, которую уже ощутил и даже пощупал, никак не мог собрать мысли в кучку и только кивнул.

– Это с него вины не снимает, – дернул искалеченной бровью Мишка, – но как купец он все равно хорош и полезен. Вот пусть отныне и занимается своим купеческим делом. Когда ещё его сыновья в возраст войдут, а нам от него уже сейчас многое потребуется: поход – затея недешёвая. А про... «медвежью охоту» ни мы ему теперь забыть не позволим, ни князь.

Мишка насмешливо посмотрел на обалдело вытаращившегося на него Никифора. В каком бы шоке он перед этим не пребывал, но слова племянника оказали на него действие того самого клина, которым выбивают другой клин.

– Да, князь! Ведь именно князь тебя и сдал. Так я говорю, деда? Слову десятника Егора и без того бы поверили, но ведь боярин Федор это слово подтвердил? Так?

– Так, Михайла, – задумчиво отозвался вместо Корнея Аристарх. – Передал ему князь разговор с Никифором...

– Ага. Я так и подумал, – опять кивнул Мишка и снова насмешливо воззрился на дядюшку. – Потому и сдал, что прекрасно понял: полезный ему купец мыслить, как князь или хотя бы как боярин, не способен. Но с чего-то вдруг пытается. А главное, вообразил этот купец себя зачинателем своего собственного рода – Никифоровых. Князь в общем-то не против, да только зачем ему *такой* купец? Вот он сотне его и передал: или справимся и к делу пристроим, или прибьем. Отвечать-то нам за результат, а не за то, кого медведь в лесу задрал... Так что ошибся ты, дядюшка, в оценке своей

нужности и в том, что в таких делах ты можешь решать наравне с князем. И жаловаться теперь бесполезно: во-первых, у князей и свои медведи в лесах не перевелись, а во-вторых, им это дело *нужно*. А потому теперь судьба туровского купца Никифора с сотней накрепко повязана. И с судьбой рода Лисовинов...

Мишка в упор уставился на Никешу и повторил ещё раз:

– Не Никифоровых, а Лисовинов. Дядюшка у меня не глупый, он же больше не перепутает, да?

Никеша сглотнул и затравленно огляделся: десятники серьёзно переглядывались друг с другом и с Аристархом. Егор ухмыльнулся, подмигнул Никеше, а дед кивнул:

– Не спутает теперь. Мы ему шкуру медвежью для памяти подарим, – и, в свою очередь, осмотрел десятников. – Слышали все? Князю сотня *нужна*! И сотня, и поход... И пойдём уже не так, как сто лет назад – табором с бабами и детьми. Чтобы успешно *такое* дело повернуть, нам нужно за спиной что-то иметь. Вот за спиной Ратное с Погорыньем и останется. И тут кому-то тоже придется на хозяйстве сесть. Кто там ворчал, что лучше синица в руках, чем журавль в жопе? Ты, Фома? Ну, так получишь ты свою синицу... Пимена тут недаром помянули. Он чего хотел? Торговлишкой и ремеслами заниматься? Ну вот, кто останется, тот и займется. Боярами станут все, кто хочет и может. Но кто рискнет и пойдет – получит МНОГО. А Никифор... – Корней покосился на родича. – Егор, будь другом, своди его в баню да к лекарке. У тебя, я слышал, баня знатная? Видишь, перепил вчера мой родственник на радостях за меня и племянника, и сейчас его ноги не держат – оглоблей в рожу получил. А нечего зевать... Очухается – мы с ним ещё поговорим.

* * *

– Скучаешь по своему учителю, Мишаня? Страстный человек был отец Михаил – по-своему страстный. Хоть христиане страсти грехом и почитают, но он всю свою страстность в веру обратил. Не ладили мы с ним, но через тебя и между нами связь тонкой ниточкой пролегла... Я ее всегда чувала. А теперь словно оборвалось что-то. Вот бы он за тебя порадовался. Сам он смысл жизни видел в том, чтобы свою веру в мир нести, а теперь ты, любимый его ученик, в земли языческие отправишься для этого же... Это дорогого стоит – знать, что твое дело есть кому продолжить.

Мишка от такого пассажа едва не поперхнулся: от кого-кого, но от

Великой волхвы не ожидал. Даже с учетом того номера, что она отмочила в прошлый свой приезд в крепость.

Сегодня Ниня встречала Мишку не как боярыня своего воеводу, а как добрая бабушка, соскучившаяся по любимому внуку. Подарок, что он ей поднес, приняла с истинно женским восхищением, прильнула щекой к мягкому меху, накинула на плечи, потом бережно сложила на коленях и так и держала при себе до конца разговора, словно не в силах с такой красотой расстаться. И начала разговор с того, что отца Михаила помянула добрым словом.

«Во мадам Петуховская дает! Неужто ее «бабушка Варвара» все-таки обломала? Ха, так, глядишь, и в монастырь подастся... Впрочем, хватит ерничать, сэр. Забыли, с кем дело имеет? Помните, что Егор сказал?»

В прошлый раз в крепости волхва долго не задержалась. Когда пир окончательно перешел в неофициальную часть, она тихонько выбралась из-за стола, остановила намеревавшихся было подняться вслед за ней женщин и, поймав Мишкин взгляд, поманила его к себе.

– Не обижайся сотник, но стара я стала для таких увеселений. Вы празднуйте, дело молодое, а я поеду. Вели найти моего возницу, он возле кухни ждет, пусть сани подает к крыльцу. А ты уж проводи старуху – тут и без тебя пока обойдутся.

– Непременно, боярыня, – поклонился Мишка. – Уж прости, что не получилось мне по твоему приказу явиться сегодня...

– Пустое, Мишаня, – ласково улыбнулась бабка. – Радость у воеводы – его надо было уважить, а мы с тобой ещё наговоримся. Ты ко мне послезавтра подъезжай, раз уж сегодня не сложилось.

Мишка под локоток довел бабку до саней, потом дошел до ворот и только там понял, отчего испытал облегчение, когда возок Великой волхвы скрылся за деревьями: от Ниней исходила волна тревоги. Впервые за время их знакомства.

«Чем же так приложило баронессу Пивенскую? Неужели посещение часовни и молитва так подействовали, что от нее зашкаливает, как от силового трансформатора? Интересно, во что оно там преобразуется и на что направлено? Хотя к христианским обрядам у нее иммунитет должен был ещё в Турове выработаться, иначе тамошний монастырь давным-давно разнесло бы...»

– Михайла! Вот ты где! – прервал его мысли оклик десятника Егора. – А я гляжу, ушел ведьму провожать и пропал.

– Боялся, что ли, что вороной обернется и унесет меня? – усмехнулся Мишка, направляясь за Егором к трапезной, где звучала музыка и шумела подвыпившая компания.

– И боялся, – серьезно ответил Егор. – Великая волхва на молитве стояла... Ты хоть понимаешь, что это такое?

– Понимаю, – кивнул Мишка, вспомнив свой разговор с дедом. – Мир меняется. И волхва от него отстать не хочет – потому хоть на молитву, хоть в монастырь готова.

– Может, и меняется, – Егор зябко передернул плечами. – Только вначале ломается. Под обломки бы не попасть...

А когда отпировали, проводили десятников, пристроили на ночлег так и не пришедшего в себя Никифора да уgomонился дед, случился у Мишки ещё и с матерью разговор.

– Тревожно мне что-то, Мишаня, – озабоченно проговорила Анна, оставшись наедине с сыном. – Ниней в часовню пошла. Она! С чего бы вдруг? После того, что с отцом Михаилом у них случилось... И с отцом Меркурием сегодня говорила как ни в чем не бывало. Хотя он, может, и не знает...

– Вот это вряд ли, матушка, – усмехнулся Мишка. – Может быть, отец Меркурий знает как раз больше, чем отец Михаил. Потому и говорил не с Великой волхвой, а с боярыней Гредиславой. Которую, между прочим, у себя мать Варвара, игуменья Туровского женского монастыря, принимать не гнушается.

– Что?! – боярыня Анна разве что не подпрыгнула и рот не открыла, как Анька. – Да что ты такое говоришь?!..

– То самое, матушка, – подмигнул ей Мишка. – Только я тебе про это не говорил. И не скажу. Но вспомни, о чём мы с тобой как-то летом говорили. Вполне может статься, что намерения Великой волхвы в какой-то момент совпадут и с желаниями епископа, и с выгодами туровского купечества, ну и с нашими надеждами, если повезет. Великие дела только тогда и свершаются, когда множество разных людей в них свою выгоду или удовольствие видят. Вот, похоже, сейчас как раз такой случай.

Боярыня озабоченно замолчала, обдумывая что-то про себя, потом кивнула своим мыслям и нехотя согласилась:

– Что ж... Значит, так тому и быть, Мишаня. Придется нам по острию теперь ходить... А Ниней... То-то я удивлялась, что она ни Арину, ни Тимофея даже не пыталась разговорить своими чарами. Ну, ладно, Арину ещё – там что-то с бабкой ее связано, Настена что-то такое говорила.

А Тимофея почему? Расспросила и все. Про то, что он боярич, она бы у него выпросила, даже если он сам не знал. А тут – ни полслова. И Красаву забрала. Ну, ее, должно быть, чтоб та священнику новому не попалась – девчонка сболтнет чего лишнего.

– Это когда она с бояричем говорила? – нахмурился Мишка.

– Да когда вернулась. И почти сразу его видеть пожелала. Одного его мы, конечно, не отпустили, Арина с ним ходила, разговор при ней был. Я тебе не говорила, но там и говорить-то не о чем. Не стала она его расспрашивать. Посмотрела только, спросила о чем-то пустяшном, ну и все. А он её не испугался... – удивлённо покачала головой Анна. – Вежество проявил – и все. Словно и не волхва перед ним, а старуха обычная. А ведь знал, кто она такая... И тот отрок, которого вы с Макаром из лесу привели – тоже такой же. Те, что сейчас пришли – не знаю, посмотрим ещё.

– Славко тоже с Нинеей успел побеседовать? Когда? – изумился Мишка.

– Так сегодня, – пожала плечами мать. – Не выстояла она весь молебен. Я сама ее проводить хотела, да она не пожелала меня от молитвы отвлекать, с ней Арина вышла. Хочешь, позову, она тебе расскажет...

– Да поздно уже, матушка, – отмахнулся Мишка. – Не горит. Ты мне лучше скажи, Ниней по крепости ходила?

– Да нет – устала ведь и замерзла. В ее возрасте отдых чаще нужен. Арина ее в горницу в тереме отвела, велела подать ей закусочку да отвар травяной. Ну и развлекала старуху, пока пир не начался.

Арина на следующий день рассказ матери подтвердила, но ничего нового не добавила:

– Да, беседовала Великая волхва с отроком. Спросила его, нравится ли ему в крепости, и поинтересовалась, как он к крещению готовится, – молодая женщина улыбнулась воспоминанию. – Славко вежество соблюдал, отвечал, как научили.

– Это как же?

– Да как наставникам отроки перед строем отвечают, – уже откровенно усмехнулась Арина. – «Да, боярыня» и «Так точно, боярыня!»... Ну и ещё – «Слушаюсь, госпожа наставница!» Вот и весь разговор.

– Больше Ниней нигде в крепости не была? Точно? – поинтересовался Мишка.

– Нет. Точно не была нигде, – уже серьезно кивнула Арина. – Я от нее не отходила, пока на пир не позвали. Да и ей отдых требовался после молитвы. Мы с ней о своём говорили, о разном. В основном о своем, о

женском. Тебе вряд ли интересно, но если надо, могу и пересказать.

– Боже сохрани! – улыбнулся Мишка. – Тут уж меньше знаешь – крепче спишь...

– Это точно, боярич, – согласилась молодая женщина и поспешила по своим делам.

И вот теперь Ниней начала разговор с того, что помянула отца Михаила – христианского священника, с которым вступила в смертельную схватку и едва его не угробила. Впрочем, если быть честным, он сам на неё напал, считая, что защищает его, Мишку, и в полной уверенности, что идет на смертельный риск ради воспитанника. Бабка же ответила, не соразмеряя силу удара, потому его и приложило.

«Сколько этих «подвигов» совершенно никому не нужных, никого не спасающих и ничего не доказывающих. А на хрена? Зачем «шли на подвиг» диссиденты, спасая погрязших в тоталитаризме сограждан. Спасли. А когда вдруг выяснилось, что сограждане – и, кстати, совершенно оправданно, – их подвиг не оценили, то все эти «герои сопротивления режиму» с той же страстностью принялись сокрушаться, что «народ не тот», не желает жить в предложенном ему демократическом раю и ползти на коленях в столь милую «спасителям» Европу – каяться. За все подряд – даже за то, что спасли эту самую Европу от фашизма... Ну, и спрашивается, стоит ли их «подвиг» того, чтобы им умиляться?»

Вот и отец Михаил спасал, горел, любил искренне... И проклял перед смертью, когда выяснил правду... Зря я ему сказал. Нет, и обманывать перед смертью не хотелось, но ведь тоже – ЗАЧЕМ? Она ему нужна была – эта правда?»

– Что, Мишаня, думаешь, с чего это бабка вдруг к церкви отношение изменила?

– А ты и впрямь изменила? – поинтересовался Мишка. – Или всего лишь перемирие заключила?

– Не изменила. Мира между нами нет и не может быть, только перемирие. Я от своего не отступлюсь, за мной люди мои стоят. И я за них отвечаю, так же как и ты за своих отроков. Вот ради них и ради того, чтобы мир не кончился и жизнь не пресеклась, то перемирие и приняла.

Отец Михаил во мне зло видел – и меж моими людьми и Ратным тоже зло стояло. А новый священник другой. Умнее он, Михайла. Ты уж прости, что так я про отца Михаила, но... Он в своей страстности не видел, что не всегда иное – враг. Может, и не друг, но союзником быть может, хотя бы в

чем-то. Так что в этом попы правы: страстность – грех. Грех, потому что глаза застит. Вот и я свои страсти обуздала. Всё равно без веры не жить, хоть христианской, хоть славянской. Одного ваши попы не понимают, – неожиданно хмыкнула волхва, – церковь сильна, но она их усиливает, а не Бога. Бога они сами ослабляют и отдают на поругание людям. Как Христа своего! Знаешь, почему боги друг с другом руками людей бьются? Ведь в древности, пока людей на земле не было – случалось... А потом как отрезало? – неожиданно спросила она.

«Кхе, занятный вопрос, однако. Впрочем, теория управления, она и на Олимпе – теория управления».

– Невместно им, – спокойно кивнул Мишка. – Это как игроки за доской в шахматы. Пока Бог двигает людей, как свои фигуры, – он игрок. А если сам на доску встал, то уже не важно – выиграет он или проиграет в этой партии – он уже фигура. Значит, не игрок – фигуры можно запросто с доски убрать.

– Вот ты как повернул? – Ниней удивленно вскинула брови. – Фигура, значит... Но, в общем, верно сказал. Теряют свою силу боги, когда становятся на одну доску с людьми... Потому вера – их сила, а церковь – слабость, ибо вера – от богов, а церковь – от людей. Люди, создавая церковь, берут себе часть силы бога и тем сильны становятся, как войско, во главе которого бог идет. Но сам бог при этом становится слабее – он вынужден считаться с тем, как и куда идут люди.

На славянских землях вера наша, от пращуров пришедшая, всегда крепка была, хотя церкви никогда не было. А христиане захотели себе заёмной силы. И, да – сильнее они стали через это, потому и верх берут сейчас. Но они присвоили силу бога и тем поставили и его жизнь в зависимость от жизни своей церкви: она не есть сам бог, и на нее управа найтись может, а потому, как только ее победят, и у бога сил не останется... Но про это мы после ещё поговорим как-нибудь, а сейчас нам надо вместе худшему злу противостоять.

– Ты о чем? – Мишка с интересом взглянул на старуху: только что перед ним сидела добрая бабушка, а теперь – властительница. Даже не боярыня – Повелительница.

«Эх, опоздала бабка родиться! Да и стартовые условия оказались не те. Или не на ту лошадь в молодости поставила... Ну нет у язычества будущего! А то ведь и княгиню Ольгу за пояс заткнула бы, доведись ей до настоящей ВЛАСТИ дорваться. Может, потому и ненавидит ее так люто, что самой на ее место хочется? Интересно, только ли за ведовство ее на костер собирались отправить, или там и борьба за власть?»

Наверняка не обошлось без этого...

Впрочем, неважно, тут своё бы разгрести. А костров нам не надо. Ну-ка, на какую такую священную войну она нас отправить намылилась? Да такую, что ради этого и сама креститься готова...»

– Худшее зло, сотник, это не вера чужая, а безверие! Темное, как болота незамерзаемые. Дна там нет. И души нет. А главное – всех, кто рядом оказывается, туда затягивает. Вот это страшно. Я однажды заглянула в такие глаза. Догадался, о ком я? – Ниней, прищурившись, не сводила с Мишки взгляда – ни дать ни взять, прицеливалась.

– Догадался... О боярине Журавле.

– О нем, Мишаня... Про второго их боярина ты уже знаешь?

– Знаю, боярыня, – Мишка выдержал взгляд Ниней и дернул бровью. – А ты про него отчего раньше не говорила?

– Думала, не жилец уже, – она вздохнула. – Он от Журавля отличается, но слишком долго и слишком близко к той бездне ходил, вот и задело его... Хотела я его спасти, да не получилось – не послушал он меня, а Журавлю верил. Что ты с ними собираешься делать?

– Теперь тамошние бояре и мне родичи, – нахмурился Мишка. – А как с родичами разбираться – Лисовинов дело.

– Так я в ваши семейные дела и не встречаю, – спокойно кивнула бабка. – Но предупредить должна. Какие бы договоры с Журавлем не заключили – не уживетесь вы. Он сила неуправляемая. И сила страшная, ибо держится на безверии. И если эту силу не остановить, то она всех вокруг себя убивать будет, как боярина Данилу. Не Журавль, а сила, что в нем живет. Волхв тамошний хотел с этой силой в одиночку справиться, чтобы против христиан ее обернуть, но она его подмяла и не заметила. Ему, как и отцу Михаилу, страсть глаза застит – на костер взойдет, а кресту не поклонится.

На отроках, что к тебе из-за болота из слободы тамошней пришли, и на бояриче их уже отпечаток той силы лежит. Пока ещё дело поправить можно, даже второй боярин как-то сопротивляется. На него теперь вся надежда. Самому Журавлю не жить – не ты, так Корней прибьет, ибо два медведя в одной берлоге не уживутся. Но вот силу, что в нём, убить труднее. Я же не зря тебе про войны богов говорила, – усмехнулась старуха. – Сила Журавля не от богов, но не слабее, чем у них. И то, что она в боярина вселилась, может, и хорошо: себя-то он ею усилил, а вот ее ослабил.

Потому я и поклонилась вашему богу. Против ТОЙ силы он справится. А я помогу. Потому что пока не справитесь тут, дальше тебе идти нельзя. А

твоя дорога и предназначение – впереди. Я вижу.

«О как мадам Петуховская задержалась! Безверие ее так испугало, что готова со своим лютым врагом в союз вступить. Что тогда святые отцы запоют, если вдруг во мне эту же бездну разглядят?»

Стоп! Не задержалась бабка – не обольщайтесь. Она вам ультиматум выкатила: если хотите на ее расположение и помощь и в дальнейшем рассчитывать, то должны пресечь распространение своего и соседского безверия и вознать его в рамки веры. Причем не важно какой, хоть и христианской. Иначе – война.

Хм, а не потому ли она с Журавлем рассорилась, что поняла: он не просто сам не верит, он это неверие, как эпидемию, на своих ближников распространяет... Эффект попаданца? А почему бы нет. У Журавля уже второе – или третье? – поколение подрастает. Тимка, «медвежонок» не такие, как остальные отроки. Даже те, что уже от вас успели набраться. И не важно, что один христианин, а второй пока что язычник, менталитет у них совершенно иной. И там таких целая слобода – есть из-за чего бабушке икру метать.

Тем более, что созданная Журавлём система образования сама по себе эффект попаданца усиливает: критическое восприятие реальности всегда против веры работало. И вот тут вам, сэр Майкл, придется голову сильно поломать, как сохранить эту систему и учить ваш кадровый резерв критическому мышлению, но не позволить ему уйти в полное безверие. Ибо давно уже ясно, что без веры жить нельзя!

Над верующим – хоть язычником, хоть христианином – у нее власть есть. И то, что ее ведьмой почитают и боятся до обмоченных штанов, ей только на руку. Страх дает ей Власть. Иногда сильнее, чем любовь. А вот безверие... Безверие этот страх убивает. «НЕ ВЕРЮ!» и все тут. Даже в то, что бояться надо, не верю!

Но в одном бабка права – совсем без веры не обойтись. Хоть в Христа, хоть в победу коммунизма. Про победу коммунизма сейчас объяснять ближникам затруднительно, так что остановимся, сэр Майкл, на христианстве. Великой волхве на радость».

– Все в руках Божьих. И моя судьба тоже, – спокойно кивнул Мишка, пристально рассматривая Нинею. – И удача моя – от Него. Потому и сила, поперек Него вставшая, не устоит.

– Вот тогда и об остальном поговорим, – Ниня снова обернулась доброй бабушкой. – Мне есть чего тебе рассказать... Игроки и фигуры, стало быть? А ну-ка, захвати в следующий раз с собой сюда ту доску с

фигурами. Покажешь мне, как играть, глядишь, и понравится.

«Не с той стороны вы на Тимку с Медвежонком смотрели, потому и не заметили ничего. Ну, и ещё потому, что сами не верите.

Кхе, а что делает управленец, если сталкивается с вопросом, в котором сам недостаточно компетентен? Правильно: ищет компетентного консультанта. У вас такой имеется – Роська. И уже к фигурантам приставлен, вернее, к одному фигуранту – к «медвежонку» Славко. По поручению отца Меркурия помогает отроку готовится к крещению. Вот его и следует для начала расспросить, что он о своем подопечном думает. И, между прочим, не только из-за Нинеи. Давно пора вам, сэр, этим озаботиться».

Когда Мишка заговорил со своим крестником про Медвежонка, Роська озабоченно нахмурился, почесал в затылке и со вздохом признался:

– Да не могу я ему ничего втолочь! Хоть кол на голове теши... Я уж в Ратное ехать хотел, к отцу Меркурию за советом... Когда он ещё к нам приедет теперь, а дело-то важное.

«Вовремя вас, сэр, бабка пнула, а то бы помчался дорогой крестник со своими сомнениями к святому отцу, а вам потом последствия разгребать».

– А чего сразу к отцу Меркурию, Рось? – усмехнулся Мишка. – Или ты с одним отроком справиться не в силах, если он прилежания не проявляет? К десятнику его или вон к наставнику Макару тогда обратись...

– Да в том-то и дело, что проявляет! – страдальчески поморщился Роська. – Ещё какое! И своих отроков, тех, что из-за болота пришли, сам привел и посадил слушать. Он у них вроде урядника. Дисциплина у них – нашим впору поучиться. И запоминают они все влет, один раз скажи – на следующий день оттараторят, как по-писаному, даже мелкие совсем. И писать-считать лучше нашего умеют... – с отчетливой ноткой зависти протянул он.

– Тогда чего же тебе не так? – нахмурился Мишка. – Вспомни, как мы своих отучали на молитве блять и мычать. А тут сами тянутся.

– Да лучше бы они бляли, чем так-то! – чуть не простонал крестник. – Наши бляли, но как начинаешь им рассказывать – слушают, спрашивают. А этим будто все равно! Понимаешь? Им скучно просто. Они сидят и запоминают, потому что надо и дисциплина у них. И на меня смотрят... Ну, как на пенек, что ли! Заучивают, как рапорт дежурному, и жития святых их никак не трогают... Не спорят, не спрашивают ничего. Или спрашивают

совсем не то.

– Как это «не то»? – заинтересовался Мишка.

– Ну-у... Я им про то, как Иисус по воде ходил, рассказывал. Они оживились, стали перешептываться. Я говорю – спрашивайте. Ну так этот самый Славко и спросил! «А что за приспособа у Иисуса была на ногах, чтобы по воде?»

Это же ЧУДО! Я ему говорю, что в том-то и дело, что не может по воде никто, хоть с приспособой, хоть без неё, а он ходил... А он говорит – если ходил, значит, может. Ладя же не тонет – вода, мол, держит. И водомерка. Только рассчитать надо. И... это... от силы тяжести зависит, площади соприкосновения и скорости передвижения объекта, вот... – тяжело вздохнул поручик. – Он ведь не издевался. Они там вычислять начали, с какой скоростью Иисус должен был двигаться, если знать площадь подошв его сандалий... – совсем сник Роська. – Только тут я и вовсе ничего не понял – вроде по-нашему, и сами друг друга разумеют, а я стою дурак дураком...

– И рассчитали? – Мишка с трудом скрыл улыбку.

– Не, запутались. Не поняли, как считать надо, сказали – не проходили еще это. Хотят у грека спросить – он, мол, точно подсчитает. Минь... Ну ведь это... Это я даже не знаю, как им объяснить! – Роська с надеждой посмотрел на крестного. – Ну понимаешь... Они ЧУДО Господне просчитать хотят! – в глазах поручика светился почти священный ужас. – Ну как можно подошву сандалии Христовой по старому сапогу наставника Макара мерить?!

– А отец Меркурий что на это сказал? – на всякий случай поинтересовался Мишка.

Роська сдулся.

– Сказал, что водомерку они правильно вспомнили. Но чудо не в том, что это посчитать нельзя, а в том, что Ему с такой скоростью ногами как раз перебирать не надо было. Говорит, вот Пётр в чуде засомневался, ему и пришлось ногами перебирать. А ты, говорит, в Боге не сомневайся.

«Да уж, влип поручик... Классический случай несовместимости разных типов мышления: восторженный лирик, всеми фибрами души ощутивший струны «тонкого мира», проникновенно несущий учение о нематериальном и непознанном, с разбегу вляпался в компанию непробиваемых реалистов-физиков...»

Как-то, ещё в молодости, на заре партийной карьеры, довелось Ратникову утешать юную поэтессу. Девница писала вполне сносные стишата

для стенгазеты и вела какую-то общественную работу, то есть считалась активной комсомолкой. И вдруг совершенно внезапно, в ответ на рядовую просьбу от комсомольского начальства написать «что-нибудь» к очередной дате, отказалась категорически и разразилась рыданиями прямо в комитете комсомола. Женские слезы, да ещё с истерикой, для мужиков, как известно, страшнее любого мордобоя. Тем более, слезы и истерика ничем, с их точки зрения, не мотивируемые. Так как в комитете комсомола в тот момент в наличии оказались только мужики, то ситуация сразу же начала приобретать размах глобальной катастрофы. Редактор стенгазеты убежал в панике, первый комсомольский секретарь, к которому и зашел в этот момент за каким-то делом Ратников, заметался в поисках графина с водой, а второй секретарь попытался на девицу прикрикнуть, но как-то не очень уверенно. Вот и пришлось выручать младших товарищей.

Ратников подошел к делу творчески.

– Что это у тебя тушь по всему лицу растеклась? Да не три руками! Блузку вымажешь, – спокойно сообщил он девице и, взяв ее за плечи, отволол к удачно висевшему в углу зеркалу.

Вид собственной красной, зареванной и перекошенной физиономии с размазанной по лицу косметикой подействовал на поэтессу лучше любого новопассита. Она ойкнула, полезла за платком в сумочку и стала срочно приводить себя в порядок. Ну а после, уже в качестве дополнительной нагрузки, пришлось выслушать объяснение столь бурного выплеска чувств.

Оказывается, молодое дарование, неудовлетворенное славой «писательницы в стенгазету», преодолело сомнения и терзания и отправило в какую-то «взрослую» редакцию свои «лирические стихи». Не те, что писались к праздникам и «по заказу», а те что «кровью сердца» и в тайную тетрадочку «для души». И как раз в тот день пришел ответ. Что уж там были за шедевры и стоили ли они того, чтобы так безжалостно обламывать юное создание – бог весть. От чтения их Ратникову удалось уклониться, но иезуитский ход редакции он вполне оценил: стихи «про любовь» отдали на рецензию довольно известному поэту-деревенщику в почтенном возрасте, славящемуся своими панегириками «Руси колхозной, тракторной». Вот он и оттянулся на «шедеврах» девицы со всей посконно-крестьянской непосредственностью, не слишком заморачиваясь душевной травмой, которую невольно нанес «тонкой творческой натуре», а просьба комсомольского начальства пришлась, что называется, по свежей мозоли...

– Представляете? – скорбно вопрошала девица Ратникова почти в тех же интонациях, что поручик Мишку. – Там написано: «Я заплетаю косы лошадям, что звездною дорогой пронеслись», а он пишет: «Что за звездная

дорога? Млечный путь, что ли? Нельзя выпасать лошадей в открытом космосе!».

С трудом удержавшись, чтобы не заржать в голос, как спасенный от выпаса в «открытом космосе» конь, Ратников попросил себе эту рецензию на память. К его огромному удивлению, именно эти слова там и были написаны.

Но тогда все закончилось благополучно. Во всяком случае, для комитета комсомола – судьбой девицы он больше не интересовался – а вот сейчас...

«М-да... Все это было бы смешно, если бы не было так чертовски опасно... Не удивительно, что бабка на стенку лезет. Не неверие ее ужасает – здравомыслие. И то, что это самое здравомыслие имеет тенденцию к распространению уже во втором поколении. Вашу схожесть с заболотными боярами она отследила и до сих пор никакой паники по поводу «неверия» и его опасности не испытывала. А вот когда поняла, что этому можно научить, испугалась не на шутку...

Фактически она поставила ультиматум: лично в вас этот феномен она терпеть готова, поскольку он, во-первых, феномен, а во-вторых, поставлен ей на службу, а вот в ваших ближниках и, тем более, учениках – нет. Настолько «нет», что при нужде и с церковью на союз пойдет – с нее станется и «бабушке» Варваре глаза раскрыть, и до митрополита довести. Это не тишайший отец Михаил – мадам Петуховская в методах не стесняется. Ну, для начала надо поручика все-таки успокоить. Жаль, зеркала под рукой нет...»

– А чем тебе сапог наставника Макара не нравится? – поинтересовался он у крестника. – Христос ведь по воде при своей земной жизни ходил. И сандалии при этом носил, как и все смертные, и руками смертных же сделанные. Как и сапоги наставника.

– Так... Так все равно же он Христос! – Роська едва не застонал сквозь зубы. – И по воде ходил, потому что чудо!

– Ну да, чудо, – согласился Мишка. – Но как чудо от рукотворной подделки отличить, если не доказать, что никак иначе, чем по воле Божьей, такое невозможно?

– Да сразу же видно!

– А когда ты над крепостью лик парящий узрел, тоже сразу увидел? – насмешливо поинтересовался Мишка.

– Ну так то подделка ребячья...

– Это ты сейчас знаешь. А до того, как увидел, мог подумать, что такое возможно?

– Нет, – честно признался крестник, упрямо закусывая губу. – Ну так то же ИИСУС!

– Иисус, – кивнул Мишка. – Но мысль человеческая, вооруженная знанием, на месте не стоит. И как придумали летающий лик, так могут придумать приспособу, чтобы по воде идти. Ну, или так сделать, чтобы все подумали, что он по воде идет. И станет кто-то головы людям дурить и себя объявит Новым Спасителем?

– Да кто же на такое осмелится?... – охнул Роська и упрямо нахмурился. – Это же... Это же святотатство! Это только по наущению врага рода человеческого возможно! И приспособа такая, значит, тоже его рук дело! И знания эти... Минь! Тем более отца Меркурия звать надо, чтобы он с этими... Заболотными разобрался...

– Тьфу! Да включи ты голову, обалдуй! – не выдержал Мишка. – Они к кому решили пойти, когда сами в расчетах запутались? К греку. А он сам христианин. Он этому *учился* в Царьграде – то есть ничего в этом знании тайного или враждебного нет и быть не может! Но если кто-то по наущению врага рода человеческого и впрямь решится на такое святотатство, то как ты его разоблачишь, если не понимаешь, как оно делается?!

Глава 4

Декабрь 1125 года Ратное и окрестности

Свадебное мероприятие в Ратном и приуроченное к нему празднование Рождества (или наоборот, как кому больше нравится) удалось на редкость массовым и грандиозным. Надо сказать, этому предшествовала хорошая агитационная работа, дружно и слаженно проведенная всеми заинтересованными сторонами: новым священником среди своей паствы, десятниками среди десятков, материнским «бабьим спецназом» у колодца, Настеной среди своих пациентов, а также, как подозревал Мишка, и Буреєм – среди обозников. Что и как там кому говорилось, Ратников не вникал, но результат оценил: гуляли все.

Такое всеобщее празднование в селе Мишка видел впервые. Нет, и раньше случались праздники и семейные торжества, и отмечали их ратнинцы с удовольствием и от души, но на этот раз сотня гуляла, как в атаку шла: основательно и с размахом. Сельчане брали реванш за все неприятности, свалившиеся на них за прошедший год. Даже дома, казалось, стояли радостные, посветлевшие и принаряженные. И ворота во всех дворах нараспашку, словно приглашали в гости любого мимо проходящего, и люди душой распахнулись, как те ворота: шумно-веселы и приветливы, даже холопы.

Праздник выплескивался из дворов вместе с их обитателями и разливался по селу и окрестностям шумной толпой. Пьяных не наблюдалось – скорее просто слегка хмельные, и не поймешь от чего больше: от пива или от не часто выпадавшего им вот такого всеобщего гулянья. На горке, недалеко от сельских ворот было особенно пестро, шумно и многолюдно от оседлавших салазки детей и молодежи.

И день выдался, словно по заказу: снег переливался под солнцем разноцветными искрами, будто горсть толченых самоцветов кто-то рассыпал; деревья покрыты белыми шапками, а на небо и смотреть больно: до того отчаянно-синее, что кажется, если залезть на ель или колокольню, то зачерпнешь этой синевы ведром или горстью – и хоть пей ее.

Пожалуй, единственным человеком, кто не отдыхал, а трудился, как раб на галере, оказался новый священник отец Меркурий – одних свадеб случилось семь штук. А перед ними пришлось ещё и детей крестить, и не только новорожденных, которых за время поста набралось достаточно (в том числе и сына Листи и Корнея), но и новообращенных хватало. Во-

первых, Медвежонка, привезенного накануне Макаром из крепости, вторых, сагитированных плотниками лесовиков из присланных Нинеей на строительство, под предводительством их старшего, в-третьих, пришедших с отцом Моисеем из-за болота христиан.

Крещёнными по всем правилам там оказались только сам Моисей, его жена (Мишка с удивлением выяснил, что предводитель заболотного «сопротивления» не фанатик-одиночка, а отец многочисленного семейства, которое разделяло с ним все опасности жизни на «нелегальном положении»), двое их старших детей да ещё один сподвижник, уже попавший к Журавлю христианином. Остальные раньше и в настоящей-то церкви не бывали.

Вместе с заболотными христианами терся и спасенный в прошлый поход Герасим, который, как успел заметить Мишка, выглядел отнюдь не так восторженно и просветленно, как в первые дни своей жизни среди единоверцев. Тому, впрочем, имелись свои причины: парень побывал в походе вместе с Алексеем, у которого он подвизался в денщиках, и, кажется, вынес из этого совершенно новый и далеко не радостный опыт. Что там произошло – Мишке разбираться было совершенно недосуг, знал только, что Герасима Рудный воевода по возвращении турнул от себя. Возможно, особой причины для этого и не имелось – достаточно и того, что Алексей ныне пребывал в состоянии, близком к озверению, и на общем радостном фоне выделялся своим мрачным видом, как монах в борделе.

Вот *этому* причины были как раз вполне понятны: своей дружины он лишился, из старших наставников в крепости вылетел, и, до кучи, Анна его в упор не замечала. Понять, как это у баб получается – смотреть, как на пустое место, и при этом без ножа тем взглядом кастрировать – Мишка давно даже надежду оставил. Получалось – и все тут. Вот мать сейчас этим умением в полной мере и воспользовалась. И придраться никто бы при всем желании не смог – леди Анна умудрилась все это проделать весьма камерно, совершенно не афишируя окружающим, не нарушая общего торжества и не стирая с лица радостно-праздничного выражения, приличествующего боярыне, но Алексею от того легче не стало. И сорваться – отвести душу, психануть или уйти прочь он никак не мог, дед бы ему такой выходки на собственной свадьбе не простил.

Сам Мишка старательно не замечал несостоявшегося отчима, к общению с бывшим учеником отнюдь не стремившегося, но от язвительных мыслей на его счет не удержался.

«Что, мистер Алекс, приперло? Понимаю, хреново вам. Но ничем помочь не могу – сами виноваты... И матери тоже не позавидуешь –

вляпалась она в самый настоящий служебный роман, а он при таких исходных и через тысячу лет разве что в кино хеппи эндом заканчивался. И то при условии, что она – мымра нецелованная, а он – Новосельцев. А тут – увы... Не срослось.

Зато мистер Алекс добился, чего хотел – стал личным доверенным у лорда Корнея. Правда, не совсем так, как изначально планировал, и дорогой ценой. Что ж, «бойтесь своих желаний – они иногда сбываются». Вот и у Рудного сбылись. Не знаю, как дед с ним решал и какие условия поставил, но то, что фаберже ему крепко на кулан насадил – очевидно, раз тот своих людей моим отрокам отдал и не рыпнулся. Ведь не дурак – отлично понимал, что ни один из них до Княжского Погоста живым не дойдет. И сейчас хоть морду кривит, но молчит в тряпочку. Значит, дед теперь его при себе будет держать для особых поручений, а больше ничьей поддержки в роду у Алекса нет и не предвидится. Впрочем, это природный Лисовин мог бы себе позволить поддаться эмоциям и таким ресурсом разбрасываться, а вы, сэр, нет. Поэтому со временем и вы дорогого Алекса не оставите без внимания: в стойло поставите, взнуздаете и используете. Но ему самому про это пока знать не обязательно – пусть полностью оценит все прелести своего нынешнего подвешенного положения.

Ладно, с этим потом. Сейчас бы со свадьбами разобраться...

И когда это, интересно, леди Анна успела Листвяне платье свадебное пошить и передать? То-то она на мой тонкий намек, может, не стоит на свадьбу ей и девкам в новых нарядах являться, чтобы не обидеть новую родственницу, так снисходительно усмехнулась. Да уж, нашел кого учить щи варить – бабы такие тонкости на уровне подсознания улавливают».

И правда, к алтарю Листвяна шла в новом платье, поражая воображение зрителей богатством, а также преображением, которое произошло с бывшей холопкой благодаря в том числе и портновскому искусству матери: рядом с воеводой выступала уже не ключница – боярыня. Даже походка изменилась. Дед и тот едва не ахнул, когда увидел, кого предстоит вести под венец. Бабы, в полном составе собравшиеся возле церкви, и подавно таращились на это явление, разинув рты. И как водится, бурно обсуждали происшедшее на их глазах превращение.

Кто-то, поджав губы, осуждающе качал головой, а кто-то откровенно завидовал. Что именно говорили, Мишка не расслышал, да и не прислушивался. Занимало его другое: неожиданно оказалось, что мать со своими помощницами успели обшить к свадьбе не только будущую «свекровь», но и других баб, в соответствии с хорошо понятной всему женскому населению «табелью о рангах». Наряжены в эти самые платья

оказались не только она сама, девки и, разумеется, Арина, чья свадьба с Андреем Немым стала для кумушек вторым по значимости событием сегодняшнего дня, а наряд почти не уступал по своему великолепию Листвянину. Приодеты, в строгом соответствии со статусом, оказались все «крепостные» бабы, прибывшие ради такого случая в Ратное, включая жен наставников и даже тетку Ульяну, немного смущенную подобным одеянием, но тоже довольную, как и Илья, важно выступавший рядом с супругой. Правда, ее наряд был выдержан в более темных тонах, а строгий фасон соответствовал возрасту, но от этого смотрелся только ещё более сокрушающе-великолепным.

И жен десятников Анна не забыла. Но не всех. Облагодетельствованы оказались две боярыни и Егорова супруга. Две, так как без наряда осталась жена Луки. Правда, отнюдь не потому, что Анна ей отказала – напротив, одной из первых сама предложила, но Лука закусил удила и категорически воспротивился. Ну вот сейчас и пожинал плоды собственной упертости: мать уговаривать не стала, возможно и с умыслом, и гонористый полусотник со своим мужским шовинизмом с размаху уселся в лужу. А так как дураком отнюдь не был, сам это прекрасно понимал.

Глядя на то, как он хмуро жуёт свой ус, Мишка с некоторым злорадством подумал, что можно ставить любой заклад на то, что платье его баба в самом ближайшем будущем непременно получит. Даже если Говоруну пришлось бы для этого половину своего хозяйства заложить. Впрочем, не придется – рыжий полусотник отнюдь не бедствовал, а кобенился исключительно из принципа, мол, нечего бабе дурью маяться. Надо думать, мать непременно постарается ободрать упрямца, как липку, – просто из вредности и дабы впредь неповадно было.

«Интересно, леди Анна сразу поняла, что она сейчас этими платьями четко разграничила статус Лисовинов и к ним приближенных – и всех прочих? Или вначале сделала на чисто бабьей интуиции, а только сейчас осознала? Хотя, наверное, понимала: не зря же в таком пожарном порядке всех жен наставников и новых боярынь торопились к свадьбам обшить. И момент для демонстрации мать выбрала самый что ни на есть подходящий: все село увидит. И запомнит. И цена этим платьям – не ткани и работа, на них пошедшие, а статус. Абы кто такое уже не наденет – сами же бабы со свету сживут. Глядишь, ещё поговорка какая прицепится – не по куме платье или ещё что-то в том же роде».

На следующее утро после Рождества Младшая стража впервые после похода вошла в полном составе в село, сопровождая украшенный со всем

радением возок, в котором везли Арину. Андрей, по требованию баб, которые непременно желали соблюсти хотя бы видимость обычая, всю предыдущую неделю обитал в лисовиновской усадьбе, и до венчания «молодую» видеть ему не полагалось. На площади перед церковью состоялся доклад сотника воеводе. Собственно, свадьбы, приуроченные ко второму дню Рождества, и сам праздник, устроенный воеводой для всего села, задуманы были как демонстрация официального и окончательного примирения сотника с внуком и всех со всеми. Вишенкой на торте стал торжественный приезд на свадьбу боярина Лисовина волхвы, сиречь боярыни Гредиславы, почетной гостии. В «почётных» оказалась и сестра боярина Федора (с племянницей Катериной), поспешно выписанная ради такого случая из вотчины, а также старые знакомые – Семён Дырка и Треска. С женами.

Боярыню Ирину с племянницей и приезжих новых «боярынь», как и жену Луки, новыми платьями охватить не успели, но тут уж мать ничем помочь не могла – гостии прибыли буквально накануне. То ли из-за этого, то ли по причине сорванной помолвки Катерины с Мишкой, боярыня Ирина выглядела сущей мегерой, хотя и улыбалась благостно. Жены же «новых бояр» судя по всему, просто пребывали в состоянии перманентного обалдения и даже не пытались (или были не в состоянии) это скрыть.

В общем, в Ратном второй день Рождества выдался таким днем Всеобщего Примирения и Согласия, устраняющим все сомнения и недомолвки, если таковые у кого-то ещё оставались. Но это официально. Фактически же за прошедшее время с памятного приезда в крепость воеводы с сопровождающими лицами и последующего пира дед с Мишкой и прочими заинтересованными лицами виделись не единожды и успели многое обсудить и предпринять.

* * *

Ратнинская церковь хоть и считалась по здешним меркам немаленькой, но к тому, чтобы вместить всех венчавшихся с гостями и свидетелями оказалась не готова, так что пришлось соблюдать очередь. Само собой, первыми к алтарю шли Корней с Листвяной, которую ради такого случая даже Корней умудрился почти правильно поименовать крестильным именем, и Арина с Андреем. Они же первые и вышли на крыльцо уже в статусе законных супругов, чтобы освободить место следующим «брачующимся». Корней прищурился на яркое солнце, освещавшее

церковный двор и плотную толпу народа, молодецки расправил плечи и приобняв за похудевшую талию свою новоявленную супругу, довольно хмыкнул:

– Ну, кто там ещё? Заходи! – и оглядел стоящие в ожидании пары.

Сделал шаг вперед, чтобы спуститься с крыльца, и вдруг замер, нахмурившись.

– Эт-то что такое? Сучок... Тьфу, старшина Кондратий где?! Почему не вижу?! – неожиданно рывкнул он, чуть не до обморока испугав стоявшую прямо перед ним совсем юную невесту, живот у которой аж на нос лез. Девка охнула и, наверное, упала бы, если бы ее не подхватили под руки.

– Ты чего орешь, Корней! Не видишь – вот-вот родит. Дай хоть до алтаря довести... – возмутился то ли отец, то ли свекор девчонки.

– Будущему ратнику и в утробе надо к голосу воеводы привыкать! – отмахнулся Корней. – У меня тут жених пропал... Андрюха... – по привычке обернулся он к стоящему рядом Немому, но тут же осекся и поправился. – Мишка! Лавруха! Где Сучок, вашу мать, я спрашиваю?!

– Я за него! Чего надо? – незамедлительно раздался в ответ утробный почти звериный рык. Толпа гостей раздалась в стороны, а в образовавшийся прогал пред светлые очи воеводы вывалился обозный старшина Серафим Ипатьевич Бурей собственной персоной.

«А наш-то народный трибун ещё и с претензиями франта, оказывается... Или олигарха из новых русских? Кхе, Юдашкина с малиновым пиджаком на него нет, но он и без того справился. Вон как вырядился! И меч на поясе, да не простой – ножны как бы не побогаче дедовых. В походы он его не носит, а тут... Хотя имеет право – кольцо серебряное тоже на пальце сверкает, жаль, без брильянта с булыжник – ему бы в самый раз. Ради праздника? Или комплексы свои тешит – богатство демонстрирует? Мол, не хуже Лисовинов. Ну-ну...»

Как всегда косматый и напоминающий лесное чудовище, к тому же отчаянно пьяный по случаю праздника, Бурей тем не менее обрядился сегодня в самое лучшее свое одеяние: синие в красную и зеленую полоску порты, пошитые явно не из холста, сапоги, густо смазанные гусиным жиром, красную шелковую рубаху с богатой вышивкой золотом почти до пупа, опоясанного широким тоже шелковым зеленым кушаком с кистями, и распахнутую шубу на чернобурках. Соболья шапка лихо съехала на одно ухо то ли от того, что новая и ещё не обмялась, то ли от буйного празднования, то ли сшибленная в процессе водружения на плечо почти недвижимого тела дорогого друга – артельного старшины Кондратия Епифаныча.

– И Сучок тут. Соскучился, что ль? – почти миролюбиво буркнул Бурей, легким движением плеча сгружая друга к ногам Корнея. – Чего тебе?

– Мне?! – возмущенно взревел Корней. – Да на кой мне этот дятел певчий, ядрена-матрена! Алена где? Я ему бабу сосватал или нет?!

– Сосватал... – неожиданно умильно, хоть и не слишком внятно, проворковал Сучок и расплылся в блаженной улыбке, не пытаясь, впрочем, подняться на ноги. – Век не забуду... Только дом построю...

– Какой дом, ...мать?!

Корней примерился пнуть Сучка, но тот, не переставая блаженно лыбиться, снова погрузился в нирвану, а перед этим обхватил сапог сотника и попытался устроиться на нем поудобней.

«Что это с нашим зодчим? В запой ушел? С чего это вдруг? Он что, так и не просыхал с самого пира? А как тогда работал? Э-э, а Бурей-то не так уж и пьян, между прочим...»

Мишка с некоторым беспокойством пригляделся к блаженно причмокивавшему Сучку.

«А ведь придуряется, паршивец! Нет, пил, конечно, но полное ощущение, что больше ваньку валяет...»

– Чего?! Я тебя зачем сватал?!.. Свадьба где?! – несмотря на благодушное настроение и состояние новобрачного, дед явственно начинал звереть, и артельный старшина сильно рисковал стать первой жертвой традиционной свадебной драки, но тут Бурей ловко подхватил приятеля, вернул его в исходное состояние – к себе на плечо – и рывкнул разбуженным среди зимы похмельным медведем:

– Чего дерешься?! Алена не согласная...

– Как не согласная? Я же сам ее... – опешил Корней. Шагнул мимо все ещё стоявшего в позе атакующего борца сумо Бурей и коротко распорядился:

– А ну!.. Лавруха! Сани! К вдове Алене поехали! Все... И вы тоже, – бросил он через плечо так и не успевшему среагировать на такой демарш обозному старшине. – Разберемся...

С поездкой к двору Алены от церкви Корней погорячился. Гнать сани по улицам села, да ещё в праздничный день, когда полно гуляющих, дело затруднительное, да и чего там ехать-то? Рядом все. Но с другой стороны – положение обязывало, потому никто с воеводой спорить не стал. Ехать так ехать. Дольше усаживались, трогались да останавливались, так что когда свадебный кортеж – даже два, если считать и Андрея с Ариной, в

сопровождении почетного караула из опричников и саней с высокими гостями остановился перед Аленными воротами, там их уже ждала жаждущая зрелищ толпа любопытных, шустро перебазировавшихся от церкви к предполагаемому месту действия. Опричники, повинувшись Мишкиной команде, вклинились конями и расчистили проход для воеводы, неспешно выбирающегося из саней.

Вдова Алена, судя по всему, гостей не ждала, во всяком случае, таких, хотя вместе с холопками неспешно собирала на стол праздничное угощение и одета была хоть и не в будничное, но по-домашнему. Шум возле своих ворот она то ли не слышала, то ли сочла его не заслуживающим внимания – село с утра гуляло и шумело, на всех не наздравствуешься – так что появление во дворе Корнея с сопровождающими лицами стало для хозяйки сюрпризом. Выскочив во двор на крик холопки, первой увидевшей вошедших в распахнутые, как и у всех, ворота, Алена моментально охватила взглядом прибывших – хмурого сотника, его спутников и пошатывающегося Бурея с Сучком, перекинутым через плечо – охнула, схватилась за грудь и взвыла:

– Кондраша! Настена-а!! Кондратия опять убили-и-и! – и ринулась к опешившему, как и все остальные гости, Бурею, схватила в объятия своего ненаглядного и потащила к себе. Обозный старшина то ли не понял ее порыва, то ли счел, что приличнее, если во время разбирательства его друг останется на прежнем месте и, выйдя из ступора, решительно перехватил почти соскользнувшего с плеча Сучка за шкурку, как кутенка, и попытался вернуть обратно. Из-за того, что сам Бурей при этом был ненамного трезвее приятеля, разве что на ногах держался, пояснениями он себя не утруждал, а просто рванул его к себе. Алена, не успев или не захотев выпустить из своих объятий возлюбленного, вместе с ним так и повисла бы на Бурее, будь она обычной бабой. Но вдова ратника мало уступала своему соседу в габаритах, да и силой ее Бог не обидел, так что на ногах она устояла, уперлась, поднатужилась и, продолжая громко звать к Настене, упрямо потянула тело плотницкого старшины в свою сторону. Чем бы закончилось это перетягивание Сучка, неведомо, но тут наконец обрел голос Корней:

– А ну всем стоять, ядрена-матрена!

Команда сотника произвела свое обычное благотворное действие на присутствующих: Бурей с Аленой замерли и уставились на Корнея. Правда, Алена, не слишком привычная к воинской дисциплине, от неожиданности вначале ойкнула и свою половину Сучка чуть было не выронила, но тут же по-хозяйски снова перехватила покрепче.

– Алена, ты чего воешь? Жив твой хрен лысый. Пока. Только пьян

мертвецки... – хохотнул Корней и махнул рукой Бурею.

– Серафим, брось этого засранца на... на сено вон. А то придушишь.

Тем временем старшина плотников то ли от воздействия на его организм интенсивной встряски, то ли от рыка Корнея, то ли от всего сразу, частично вернулся к жизни, вскинулся и полузадушенно, но воинственно прохрипел из-под руки Бурея:

– Кто засранец? Эт кто тута гавкает?! А ну пусти!.. – и бодро дрыгнул ногой, метко попав каблуком сапога в живот любимой. К счастью, не слишком сильно – и размахнуться не получилось, и конечности не слишком-то слушались хозяина.

– Кондратий?! – голос Алены, не особенно пострадавшей от удара, но сообразившей, наконец, что она поторопилась определить своего ненаглядного в потерпевшие, зазвучал угрожающе ласково, и она с новой силой рванула Сучка к себе из Буреевых объятий. Обозный старшина то ли отвлекся, то ли и так собирался выпустить друга по приказу сотника, но на этот раз не смог удержать добычу и только изумленно вытаращился на свою опустевшую вмиг руку.

– Опять?! Ты ж обещал!.. – Алена перехватила Сучка поудобней и яростно затрясла, явно намереваясь приступить к дальнейшим мероприятиям по его протрезвлению.

Сучок, внезапно обнаруживший перед собой вместо неведомого обидчика, с которым он порывался сражаться, свою даму сердца, на миг обалдело уставился на Алену, пытаясь совместить в мотающейся от тряски голове эти два взаимоисключающих факта, но довольно быстро сориентировался и задержался у нее в руках уже не безвольной куклой, а яростно вращая глазами и пытаясь грозно оглядеться вокруг:

– Кто мою рыбоньку?... Кто лапоньку... Обжает?! Да я... Да за нее... да кого хошь!..

– Кто ж меня обидит-то, дурень лысый! – все ещё сурово, но заметно смягчаясь от искренней готовности встать на ее защиту, Алена вздохнула, перестала трясти своего защитника и прижала к себе, укоризненно покачав головой. – Ты ж сегодня обещал до обеда не пить, горе мое...

– Праздник же, Аленушка... – умильно размяк тот в ее объятиях и неожиданно то ли всхлипнул, то ли пропел. – Черный во-о-оро-о-он!

– Тьфу, позорище! – Алена потрянула своего защитника с новой силой и возмущенно воззрилась на Бурея.

– Дядька Бурей! Я ж тебя просила не наливать...

– А не твое бабье дело, кому я наливаю! – рыкнул Бурей. – Сама Кондратию от ворот поворот дала, так чего теперь-то? Вон все Ратное

женится, а он... Эх, соседка!..

– Какой поворот? – обалдела Алена от такого обвинения. – Разве ж я отказываюсь? Вот построит дом, раскопает огород...

– Кхе, так я вижу, мир и любовь у вас? – спросил Корней, прерывая намечавшуюся идиллию. – Так чего же ты мне тут голову морочишь, Алена? Зря я, что ли, сам сватом к тебе приезжал?

– Да разве ж я отказываюсь, Корней Агеич? – искренне удивилась Алена, непонимающе уставившись на сотника. – За сватовство тебе спасибо, сговорились мы с Кондрашей. Построит он дом в крепости, тогда и свадьбу сыграем. К следующей осени как раз. Все честь по чести...

– Чего? Какой-токой осени? Ты мне, вдовица, зубы-то не заговаривай! – нахмурился воевода, грозно наступая на опешившую женщину. – Уговор был замуж? Был! Свадьбы нынче все играют. Вишь, вон Андрюха и то женился, а вы до осени канитель разводить собрались? Не пойдет! Некогда нам. Давай, быстро собирайся! Пока новый поп всех повенчает – и вы успеете. И нечего мне тут! Сама знаешь, неженатым у нас ни на сход, ни на десятничество. А Сучок твой... Тьфу, Кондрат, – человек начальный, десятник розмыслов. Как ему неженатому быть? Непорядок. Так что ты мне тут не кобенься. Сказано – в замуж, значит – в замуж! Вместе и отгуляем.

– Да как же так?.. – совсем растерявшаяся Алена попыталась всплеснуть руками, едва не выронив сладко причмокивавшего у нее на плече Сучка, утомленного своим бурным выступлением.

– Гыы! А вот так! Свадьба у нас! – неожиданно поддержал Корнея молчавший до сих пор Бурей. – Слышь, Кондрат, женишься ты!

– Ага. Женюсь! – не открывая глаз, подтвердил Сучок. – Аленушка моя... – умильно проворковал он, устроился на плече любимой поудобнее и выпал из беседы.

Алена вздохнула, подумала, обвела взглядом набившихся к ней во двор гостей и с сомнением проговорила:

– Так отец Меркурий нас венчать не возьмется. Уговору с ним не было...

– Я уже договорился! – отрезал Корней. – Не тяни, пока он на месте.

– Ну... ну... коли так... – вдовица вздохнула, размашисто перекрестилась свободной рукой, словно решаясь на что-то, перехватила Сучка поудобнее и уверенной поступью направилась к калитке.

То, что пьяный, казалось бы, до полного беспамятства Сучок слегка повернул голову и почти трезво и совершенно по-мальчишески подмигнул следовавшему за ними Бурею, довольному, как нажравшийся блинов боров,

прошло мимо Алёниного внимания.

– Вот это я понимаю – любовь! – прокомментировал над ухом у Мишки закисающий от беззвучного хохота Лавр. – Учись, Михайла, как баб надо уговаривать!

– Не, дядька Лавр, это правильная кадровая политика, – подмигнул ему Мишка и поспешил следом за невозмутимо двинувшимся к воротам дедом.

«Женюсь! Женюсь! Какие могут быть игрушки? И буду счастлив я вполне... Эх, надо было Артюхе напеть – самое то сейчас Сучку вместо Мендельсона. Хотя тут никаких Иветта, Лизетта, Жанетта... не светит – чревато. Алёна – и никаких гвоздей!»

Ночевать все остались в лисовиновской усадьбе. В связи с большим наплывом гостей заняты оказались все более-менее пригодные для устройства спальных мест светёлки, горницы, подклеты и каморки, и только молодым были выделены персональные горницы, остальным пришлось тесниться. И если особо почтенным гостям, вроде боярина Федора и родни Арины, ещё постарались выделить места получше, да бабы на женской половине устроились более-менее без проблем из-за относительной малочисленности прибывших женщин (волхва, так и вообще, поздравив молодых, уехала ещё засветло – к видимому облегчению всех остальных), то отроки просто притащили себе сена да и расположились вповалку там, где на полу нашлось свободное место. Так что желавшим ночью посетить нужник приходилось пробираться на ощупь, рискуя наступить на чью-нибудь руку или голову. А в связи с тем, что гуляли вдумчиво и с размахом, таких желающих среди ночи нашлось немало.

В общем, уgomонились все только под утро, но долго спать никому не довелось, ибо христианский обряд венчания, проведенный накануне, утром по обычаю переходил в другой, более древний. Молодых из опочивальни следовало встретить толпе ряженных и провести их по селу, угощая всех прохожих, а после усадить в сани и довезти до заранее выдолбленной на реке полыньи и объехать ее трижды по кругу. При этом, чем пестрее, шумнее и многочисленнее толпа ряженных, чем чуднее шутки и коленца они выкидывают, чем сильнее рассмешат и удивят народ, тем лучше.

В этом действе настолько явственно просматривались языческие корни, что Мишка не особо удивился, когда услышал от баб, которые готовились к этому маскараду основательно и со знанием дела, что, мол, надо хорошо постараться – ублажить светлых богов, а особенно матушку Макошь. Ну и домовых, овиинников и прочих хранителей домашних

порадовать – от них тоже много в жизни зависит, а они до развлечений ох как охочи! Ратников и в свое время прекрасно помнил подобный обычай, который частично сохранился, если не в городах, так в деревнях, в провинции – ряженные с частушками и песнями, проходящие по улицам на второй день свадьбы. Но там оно было скорее шуткой, необязательным развлечением для гостей, а тут к вопросу подходили всерьез.

Этому обычаю неукоснительно следовали все, включая искренне верующих христиан, ибо и они не пренебрегали защитой и помощью светлых богов: тут все свои, соседи, можно сказать. В усадьбах – домовые, овинники, ригачные с прочими хранителями людского жилья, в лесу за каждым кустом свои насельники – лешие, водяники, кикиморы... Мужики не отставали от баб – переодевались кто в бабские юбки, заматывая платками бородатые лица, кто в шкуры с выделанными личинами – медвежьими, козыими, волчьими и вообще невесть чьими, слепленными из разных харь. Не остались в стороне и отроки: костюмы и личины для этого действа были заготовлены заранее на всех. Гвоздём программы должен был стать Артюхин оркестр, в полном составе выступавший впереди шествия и обеспечивавший музыкальное сопровождение праздника.

Учитывая, что женились не только Лисовины, процессии ряженных, «выгуливающих» своих молодых на улицах Ратного, в конце концов неизбежно встретились, перемешались и заполнили собой все село. При этом неожиданно многочисленной – чуть ли не более многочисленной, чем у Лисовинов, оказалась процессия, сопровождавшая Сучка и Алену. То, что к ним подались все артельные с семьями, вопросов не вызывало, но и кроме них народу оказалось достаточно. Под масками угадывались и кожемяки, и бондарь с кузнецом, словом, вся зажиточная часть Ратного, причем не приходилось сомневаться, что организатором такого единодушия являлся Бурей, лично возглавлявший процессию. Обряженный в медвежью шкуру с оскаленной мордой, напяленной на голову вместо шапки, он выглядел лишь немного страхолюднее, чем в своем привычном облики, но праздника это никому не испортило.

Артюхины музыканты старались изо всех сил, но на этот раз музыка у них получилась скорее громкой, чем мелодичной: им в такт или не очень подыгрывали все, кто запасся или на ходу обзавелся собственным музыкальным инструментом от бубнов и дудок до ложек и железных котелков с колотушками включительно, да ещё и «подпевали» все кому не лень – с визгами, криками и смехом.

В итоге любая мелодия, которую начинал играть оркестр искренне

страдающего от этого безобразия Артемия, неизбежно звучала, как вступление к постановке «Женитьбы» в театре Колумба, исполненное на бутылках, кружках Эсмарха, саксофонах и больших полковых барабанах. Впрочем, Артюха сносил свои страдания стоически – в конце концов, обычай, ничего не попишешь. Вторым «потерпевшим» оказался Роська. В отличие от Артемия, поручик Василий страдал за веру. И тоже молча – ему хватило ума не высказываться, раз праздничное действо благосклонно встретили и воевода, и поместный боярин, и все ратнинские христиане вместе взятые.

Отец Меркурий хоть и выглядел слегка обалдевшим от происходящего, но вмешиваться с поучениями не спешил. Вероятно, по тем же причинам, что и Роська, но вот страдать явно не собирался и к себе в каморку демонстративно не удалился, как делал в подобных случаях покойный отец Михаил, а смотрел на веселящихся и дурачившихся сельчан с живым интересом. Переговорить с монахом во время свадьбы Мишка не успел – не до того было. Только поздоровался.

– Здравствуй, сотник! – священник ухмыльнулся в ответ на его приветствие. – Глянь на это! Здо́рово, малака^[6]! Мистерия!

– И не говори, отче, таких мистерий тут полно, и эта не из худших! – с трудом удержавшись, чтобы не подмигнуть священнику, откликнулся Мишка, но тут пестрый хоровод из ряженных ворвался между ними и прервал разговор...

За всеми этими развлечениями на небо никто и не смотрел, даже караульные на вышке. Незачем было – не привыкли ещё в этом мире ждать оттуда ни радости, ни беды, разве что метель или буря какая, но сейчас резкого изменения погоды не предвиделось. Потому тот момент, когда над лесом взвились в небо три огромных полотнища, трепеща длинными разноцветными хвостами, как рыба плавниками, и зависли над Ратным, большинство пропустило.

Первыми заметили их девки на горке, о чем моментально и оповестили всю округу пронзительным визгом, подействовавшим похлеще любой сигнализации. Следом за ними вскинулись и остальные: задрали головы, смачно ругаясь и роняя шапки себе под ноги. Кто-то из бывших в охране новиков Луки вскинул лук, но тут же опустил от строгого окрика более опытного и менее впечатлительного воина:

– Охолонь, Севка! – и он кивнул на выехавших на пригорок всадников. – Это ж Петька... Опять чудит!

И впрямь, опомнившиеся от первого шока ратнинцы заметили и

тянувшиеся вниз бечевки, и всадников, державших их в руках. В одном из них сразу же опознали ратника Петра из Егорова десятка, а двое других оказались отроками из крепости. Но сейчас мальчишки мало кого интересовали – все взгляды были прикованы к воздушным змеям, парившим над Ратным.

Ну, строго говоря, уже не змеям, а херувимам, как было решено их поименовать во избежание недоразумения со словом «змей», бывшим тут ругательным, в отличие, кстати, от «гад». То, что таким «нехорошим» словом приходится называть лик Спаса, сразу очень не понравилось матери, и она, саму идею со Спасом одоблив, велела Тимке придумать другое название.

До возвращения Младшей стражи придумать так и не успели: отроки просто старались вслух и при взрослых запретный термин не употреблять, выражаясь при нужде по большей части витиевато и пространно: «Ну, та хреновина, которую Кузнечик летать без крыльев приладил» или «Эта... пузырь с хвостом, который на веревке дергается». Если бы история со змеем закончилась после первой демонстрации, такие эвфемизмы, возможно, и закрепились бы в местном словаре, но Мишка, имевший возможность на примере своих отроков убедиться, какое сильное впечатление на неискушенных подобными фокусами аборигенов может произвести это простое в сущности изделие, решил изобретателя поощрить, а саму придумку использовать в дальнейшем в качестве наглядной агитации. Сугубо христианской, разумеется, тем более, что намечавшиеся рождественско-свадебные гуляния подходили для этого как нельзя лучше.

Потому выдумывать сему явлению новое название, более соответствующее «политике партии», все-таки пришлось. Слово «херувим» предложил Роська, и оно было единогласно принято как официальное: и прилично, и тоже вроде летает, и вполне отвечает своему идеологическому назначению. Но неофициальное «Змей летучий», как выяснилось, уже намертво привязалось к языку у мальчишек, тем более, что и Мишка поначалу обозвал его именно так. В итоге оба наименования имели равное хождение среди отроков, иной раз совершенно в неожиданных комбинациях: от «Летучего херувима» до «Змея шестикрылого».

Соответственно, когда встал вопрос о том, что именно изобразить на новых «херувимах», задуманных и больше, и конструктивно сложнее первого (Мишка не удержался и внес свою лепту, благо сам мальчишкой ТАМ изготавливал и запускал их не единожды, как и любой пацан в его

время), совершенно логично выбор сразу пал именно на херувима. Тем более что тут его изображали достаточно символично и вполне узнаваемо, в виде круглой рожицы в середине и шести крыльев – два по бокам и по два скрещённых вверху и внизу. Вторым рисунком был выбран голубь, как христианский символ Духа святого, а также чистоты, любви и супружества. Тем более, последнее было и местной традицией – на поясе у любой замужней бабы висела фигурка голубки. Сколько тут от язычества, а сколько от христианства, Мишка так и не разобрался, но таких он видел и у баб во вполне христианском Турове.

Изображение и херувима, и голубя – вполне узнаваемого, с чем-то вроде нимба над головой и на фоне христианского креста – нашлось на иконах в ратнинской церкви и в греческой книге, привезенной с собой отцом Меркурием, так что священник тоже приложил руку к созданию «наглядной агитации». В процессе поиска подходящих рисунков он, кстати, не преминул напомнить Мишке о «библиотеке» покойного отца Михаила. Вроде бы между прочим спросил – мол, куда книги-то делись? Мишка только руками развел в ответ:

– Откуда же мне знать, отче? Не до книг было, когда мы из Ратного уходили. Ты бы у тех, кто тут оставался, спросил...

– Спрашивал уже. Никто не знает. С отцом Симоном при случае поговорю, может, он забрал. А разве тебе самому не интересно, куда книги твоего учителя делись?

– Очень интересно, – искренне вздохнул Мишка, честно глядя в глаза монаха. – Не хватает мне их, отче, ох как не хватает... Иной раз все бы отдал, чтобы в них заглянуть, хоть вспоминай да записывай по памяти, что когда-то читал. А более того хочется знать, чего не успел в них прочесть. Да только где их сыскать теперь?

«М-да, это вы отождгли, сэр Майкл, теперь отцу капеллану и эта головная боль достанется – библиотеку отца Михаила искать... Сам он озаботился или «бабушка» Варя через Иллариона настропила? Да я бы и помог, если бы сам их не выдумал. Ладно, пусть ищет – чай, не либерей Ивана Грозного и не Янтарная комната – перекапывать окрестности нужды нет... Пропали и пропали, чего ж теперь».

Самое деятельное и активное участие в изготовлении «херувимов» неожиданно принял тот самый «юморист» из Егорова десятка, Пётр, хотя поначалу его пребывание в крепости в качестве связного от Егора стало для Мишки источником хорошей головной боли и чуть было не закончилось серьезным осложнением с артельщиками.

Резон Егора, поручившего именно Петру остаться в крепости, был понятен: раненный под Пинском, он уже давно находился в Ратном, при семье, в отличие от остальных ратников десятка. Срывать их из дому сразу же после долгого отсутствия десятник пожалел. Правда, ещё имелся новик Леонтий, раненный за болотом и в поход вместе со своим десятком вообще не попавший, но того Егор счёл недостаточно опытным для такого ответственного задания.

К тому же Петр оказался близким родичем жены наставника Прокопа и остановился в его доме на посаде, заодно и помог своей родственнице обосноваться в новой усадьбе. Семьи наставников Прокопа и Тита сорвались в крепость сразу же после бунта, не стали дожидаться весны, как раньше собирались. Возможно, бунт и повлиял на их решение: дома-то им построили, но обживать на новом месте непросто, а уж среди зимы тем более.

Хозяйственные заботы, как выяснилось, не смогли полностью занять кипучую Петькину натуру. Для начала он сцепился с плотниками. Из-за чего у них все началось, Мишка не уследил, тем более, что проходили основные «боевые действия», слава богу, за пределами крепости: в посаде и на лесопилке. Причиной раздора стало как раз то самое небанальное «чувство юмора» ратника и его склонность к дурацким шуткам вроде того, чтобы в морозную ночь облить водой крутой подъем к лесопилке так, что наутро плотникам пришлось буквально вырубать ступени, чтобы попасть на свое «рабочее место».

Может, кто другой Петьку бы и побил, но артельщики, привыкшие сами шутить над всеми подряд, сочли это вызовом. И «приняли бой». Ну и понеслось по кочкам – Егоров «спецназер» Петька против бригады плотников. Дня не проходило, чтобы кто-нибудь из них чего не отчебучивал – посадские даже об заклад стали биться: кто кого. Чем бы всё кончилось – неведомо, но тут Тимка Кузнечик решил испытать аэродинамические свойства новой конструкции «херувима змея». Петька, ставший, как и все обитатели крепости, свидетелем сего увлекательного действия, увидел явление чуда коробчатого змея народу и... Все каверзы, подстроенные и не подстроенные плотникам и плотниками, вылетели у него из головы окончательно и бесповоротно. Мужик пропал.

Мишка, тоже присутствовавший при запуске новенького «херувима», вначале не понял, с чего вдруг от толпы любопытных, собравшихся на окраине посада, отделилась мужская фигура и огромными скачками по сугробам помчалась напрямик к незастроенной части острова, где проходило испытание. Разглядев в бегущем человеке Петьку, он и вовсе не

на шутку встревожился: хрен его знает, что придет в голову этому «юмористу», разбирайся с ним потом. Когда же Петр добрался до «стартовой площадки», стало понятно, что ему не до шуток, как будто не он ржал дурным конем когда-то под Пинском, – нескрываемый искренний восторг, придавший лицу не старого ещё ратника мальчишечье выражение, изменил его так, что и не узнаешь.

– Чего это? – ещё издалека заорал Петр, придерживая на ходу шапку, чтобы не слетела с задранной вверх головы. – Летает?! Дядька Филимон! Как оно полетело-то?! – вопрошал он, оглядывая отроков и наставников. – Вот так? И без крыльев? Само?! Как?!

Ратник остановился, отдышался и ошалело выдохнул:

– Это ж если большое сделать, так и человека можно? В самое небо?!

«Ну что, дождались, сэр? Правда, вы этот вопрос от Кузьмы скорее рассчитывали услышать, а не от Петьки-придурка. Хотя Егор придурка у себя в десятке держать не стал бы... А глаза-то у мужика как горят! Черт возьми, ведь сделай сейчас ему дельтаплан – полетит испытывать. Сам, ни минуты не усомнившись, полетит. Ради одного краткого мига – взмыть птицей над обыденностью и дотянуться рукой до облаков...»

С такими же сумасшедшими глазами, наверное, и летали с каланчи на самодельных крыльях с перьями, прилепленными воском к деревянной основе. И разбивались, и пороты были «за дурь», кого успевали с той каланчи снять до «старта», а все равно – летали. Чтобы через семь веков оторвался от земли первый самолет братьев Райт...

Хм. Ну, положим, ребята, пулемет, тьфу, дельтаплан я вам не дам – нет у нас под рукой тех материалов, из которых можно соорудить достаточно прочную и одновременно легкую конструкцию – а вот коробчатого змея, который способен поднять вверх корзину с наблюдателем, вы мне сами придумаете. Обсчитаете и постройте. Лет через несколько.

А с каланчи вам пока рано. Тем более, её сначала надо ещё построить. На фиг!»

Вот после этого Петька и прикипел к Тимке Кузнечнику так, что клещами не отдерешь. Все свободное время проводил в его мастерской, что-то там конструировал вместе с отроками, спорил, мастерил, бегал добывать необходимое – даже в Ратное к себе домой посылал холопов с заданием что-то привезти. Именно на этой почве он помирился с артельщиками, так как без помощи плотников обойтись у «авиамоделистов» не получилось.

Запускать «херувимов» не просто с земли, а управлять ими с седла тоже придумал Петр, он же сам вначале это опробовал, а потом обучил отроков. Так что презентация воздухоплавания в Ратном удалась, и сами «херувимы» получились такими затейливыми во многом благодаря именно Петру. Хотели им ещё трещотки на планку над крыльями прицепить, тоже, кстати, Петькой усовершенствованные, но потом передумали – надо же и в «заначке» что-то на будущее оставить. Да и не слышали бы их в общем шуме.

Короче, свой час заслуженной славы в роли первого «змееносца» ратник Петр получил с полным правом. Правда, само название «змееносец» звучало бы вполне приемлемо для Мишки, но из-за запрета, наложенного боярыней Анной на употребление «нехорошего слова», да и по идеологическим соображениям использовать не могло. Опять же, пришлось принять предложенное Роськой «херувимосец».

Правда, при попытке с ходу произнести новоизобретённое слово даже у самого поручика первое время выворачивало язык наизнанку, а у отроков оно и вовсе стало совершенно самопроизвольно сокращаться до «хероносцев», что в плане идеологии звучало ну никак не лучше «змея». Но урядники и наставники прекрасно справились с этим массовым дефектом речи, проводя регулярные занятия по карательной логопедии на свежем воздухе.

Демонстрация восхищенным зрителям летающих «херувимов» была задумана Мишкой как кульминация праздника, которая неминуемо привлечет к себе всеобщее внимание, а заодно лишний раз подчеркнет престиж Младшей стражи, декларируемую ею приверженность христианским ценностям и имидж войска Христова. То, что при этом образы Спаса, херувима и Святого Духа органично вписались в откровенно языческий обряд и, воспарив над ним, утвердили свое главенство на этом празднике жизни, пошло уже дополнительным бонусом. И новый священник не мог этого не заметить и не оценить.

Как и рассчитывал Мишка, вскоре все село, и без того возбужденное и разгоряченное праздником, собралось возле взгорка, на котором гарцевали на конях невозможные довольные собой и всеобщим вниманием «херувимосцы», и, окружив их, разглядывали невиданные «летающие образа», с шумным восторгом комментируя столь потрясающее событие. Среди этой ошалевшей толпы Мишка снова увидел отца Меркурия. Монах что-то грыз и при этом, как и все, с нескрываемым интересом разглядывал «херувимов», задрав вверх голову и приложив к глазам руку козырьком,

хотя для него это представление не стало сюрпризом: и картинки он Тимке помогал выбирать, и на одной из «репетиций» запуска в крепости присутствовал, да и вообще начинание одобрил и благословил.

– Хорошо получилось, отче? – окликнул его Мишка, пробравшись в толпе поближе. – И как тебе такая мистерия?

Монах оторвался от созерцания «херувимов» и неожиданно серьезно взглянул на молодого сотника.

– Прими мои поздравления, юный архонт, ты научился бить врага его оружием! – проговорил он, слегка прищурившись от бьющего в глаза зимнего солнца.

«Врага? Кхе, не так уж и благодушен наш капеллан. Обряд языческий его не смутил и никакого недовольства не вызвал – покойный отец Михаил сейчас бы у себя в каморке за души заблудшие молился да за нас, грешных, страдал бы. А этому хоть бы что, и не почесался. И правильно: обряды – они всего лишь обряды. Запрещать и бороться с ними – все равно, что об стенку с разбега головой биться. Ну или огнем и мечом искоренять.

Врагов в людях он не видит, его Враг – язычество, но не обычаи и традиции. И понимает, что благословить, освятить и поставить на службу себе – чтобы не Макошь и светлых богов люди радовали, а Христа и святителей – это куда надежнее.

А ведь рано или поздно так и будет: вспомните-ка, сэр, в ваше время на свадебных «колядках» икону впереди молодых несли, а про Макошь и не вспоминал уже никто, да и вообще, почти все языческие обряды церковь сохранила, заменила объект поклонения и поставила себе на службу.

Если отвлечься от частных деталей и заглянуть в суть явления, то вот прямо сейчас церковь осуществляет первую в мире идеологическую диверсию по переформированию менталитета целых народов и захвату стран под свой контроль изнутри, без внешней агрессии. И, как ни печально осознавать, те же технологии, усовершенствованные, усиленные наличием средств массовой информации, а потому не требующие для своего воплощения веков и поколений, возьмут себе на вооружение через тысячу лет и демократы, развалившие изнутри великую страну, которую никто не мог завоевать силой, но так легко оказалось удушить в объятиях.

...А с отцом Меркурием, есть надежда, мы сработаемся».

Мишка довольно улыбнулся, показывая, что оценил комплимент священника по достоинству, и с умеренной гордостью (а что – имеет право!) кивнул:

– А говорят, нельзя наливать молодое вино в старый мех. Вроде

неплохо получилось...

– Очень неплохо, – согласился монах. – Я, признаться, не сразу оценил по достоинству твою идею запустить «херувимов». Вернее, не сразу понял всех перспектив, которые в ней скрыты. Потому и говорю сейчас – поздравляю, архонт!

– Надеюсь, что и дальше тебя не разочарую, отче, – склонил голову Мишка. – Зачем старым мехам пропадать без дела? Жалко хорошие вещи выкидывать...

– Верно говоришь: негоже, чтобы хорошие вещи пропадали, – не менее серьезно кивнул в ответ монах, внимательно глядя на своего молодого собеседника. – Пусть лучше в них будет доброе вино...

«Будет, отче, будет, не сомневайся. И «мехов» для тебя ещё припасено – мама не горюй. Например, Перуново братство...»

Свадебные выезды уже готовились к почетному троекратному объезду вокруг полыньи. Возможно, потом из этого обычая путем долгой эволюции и родится хорошо знакомый Ратникову традиционный проезд свадебных кортежей через семь мостов, хотя Мишка за это не поручился бы. Сотник Младшей стражи поспешил возглавить почетный караул, сопровождающий выезд лисовиновских саней. Собственно, на этом праздник и заканчивался. Младшая стража со всеми сопровождающими, включая гостей из крепости, разместившихся на нескольких санях, наставников с женами и возка с новобрачными – Андреем и Ариной – не заезжая в Ратное, собиралась прямо от реки отбыть к себе, чтобы засветло добраться до Михайловского городка.

Сани с Корнеем и Листвяной до ворот лисовиновской усадьбы проводил, если не считать домашних, только почетный караул, во главе с молодым сотником. У ворот Мишка спешился, торжественно, на глазах у всех любопытных, пресекая на корню последние недомолвки и сплетни, царапнув шапкой снег у своих ног, отвесил поклон сидящему в санях деду с молодой женой, ещё раз пожелал «боярину и боярыне» счастья и согласия, а также здоровья своему крестнику – молодому бояричу. Дед при этом довольно прищурился и кхекнул, а Листя смотрела так, что стало ясно – вот за этот поклон и пожелания она своему молодому родичу готова простить все. Во всяком случае – в этот момент.

Обоз с отъезжающими в крепость гостями и отроки, не принимавшие участие в сопровождении воеводы, ожидавшие почетный караул в лесу на другом берегу Пивени, представляли собой довольно занятое зрелище. Почти все отъезжающие так и оставались в «маскарадных костюмах», в

которых развлекались весь день, даже наставники и некоторые гости восседали на конях в звериных шкурах и каких-то немыслимых пестрых одеждах, а уж отроки и вовсе напоминали Хэллоуин в цыганском таборе. Мишка с усмешкой оглядел свое воинство и, приподнявшись в стремянах, скомандовал:

– К выступлению в крепость становись! Личины снять и на сани сложить. Урядники, навести порядок в своих десятках! А то не отроки, а ослы иерихонские с оркестром! Всех медведей по дороге распугаем – потом по лесу не пройдешь!

– Так точно, господин сотник! – раздалось дружно в ответ.

– Минь, а почему не пройдешь-то? – тихо спросил Роська, наблюдая за тем, как урядники наводили порядок в своих десятках.

– В дерьмо вляпаешься, – вместо Мишки авторитетно объяснил поручику верный Антоха, и тут не отходивший далеко от сотника. – Медведи – они ж тоже люди. А как Артюху в перьях и бабских платках на коне узрят, так кто хошь обосрется... Не от страха, так от хохота.

Мишка хмыкнул и подъехал к телеге, на которой расположились «медвежата», тоже принимавшие участие в празднике. Прихватили их с собой в Ратное по нескольким причинам. Во-первых, крещение Славко, который являлся у них признанным лидером и пользовался уважением и авторитетом ничуть не меньше, чем Мишка среди своих отроков, должно было стать и для них желанным или, по крайней мере, приемлемым событием. То, что в будущем всех этих мальчишек предстоит крестить и брать к себе в Академию, Ратников не сомневался и хотел, чтобы для них крещение и приобщение к христианскому миру стало не скучной обязаловкой, а чем-то торжественным – вроде приема в пионеры. Участие в празднике должно было ребятам понравиться и запомниться.

Ну, и ещё была причина: именно они вместе с десятком разведчиков, с которым сразу же стали неразлучными друзьями-соперниками (а умели «медвежата» много – кое-чему и Мишкиных отроков подучили), должны были проверить дело, ради которого эту самую свадьбу стоило бы выдумать, если бы она так удачно сама не подвернулась под руку.

Славко и урядник десятка разведчиков Яков, гарцующие на своих конях бок о бок, встретили сотника такими откровенно гордыми улыбками, что можно было и не спрашивать о результатах их миссии. Мишка кивнул Якову:

– Докладывай!

– Есть докладывать, господин сотник! – вытянулся тот в седле. –

Никаких происшествий не случилось – сработали чисто! Вот они...

Он кивнул на телегу, где сбились в кучку несколько фигур, так и не снявших личины, и распорядился:

– Да снимайте вы эти морды! А то задохнетесь... Федька, помоги им, вишь, руки у них трясутся.

Отроки стащили личины в виде бараньих и козьих морд с обряженных в шкуры людей, и перед глазами сотника предстали четыре испуганные всклокоченные бабы и несколько детей рядом с ними: две девки двенадцати-тринадцати лет и трое мальцов помладше. Похоже, они и впрямь уже задыхались в этих самых масках, но боялись без разрешения даже приподнять их, чтобы глотнуть свежего воздуха, а сейчас жадно хватали его ртами, как вытащенные из воды рыбы. Первой пришла в себя самая старшая из женщин. Даже не до конца отдышавшись, она выпростала руку из шкур, старательно перекрестилась и, преданно глядя на Мишку, всхлипнула:

– Спаси тебя Христос, боярич!

Потом ткнула в бок свою соседку и скомандовала:

– Чего расселись? Кланяйтесь все бояричу!

Бабы с детьми заохали и закопошились, намереваясь вылезти и, вероятно, пасть в ноги Мишке, так как сидя в санях проделать это было бы затруднительно.

– Цыц, дура!

Мишка дернул бровью, и все причитания разом стихли. Бабы сжались и замерли, в ужасе уставившись на молодого сотника. Даже детишки притихли, как мыши, не смея плакать. Выдержав паузу, которая тяжело повисла в воздухе, и не отводя взгляда от глаз обмершей от ужаса бабы, что первой пыталась поблагодарить его, сотник Младшей стражи холодно бросил:

– Детей своих благодарить будете. И прощения у них просить – тоже. Только ради них вы и живы, а то бы я сам вас порешил. Молчать! – рявкнул он, видя, что одна из баб собирается открыть рот то ли для того, чтобы оправдаться, то ли просто в попытке просить милости. И обернулся к Якову. – Поехали! Маленьких напои, видишь, никак не отдышатся, а эти... – он кивнул в сторону баб, – пусть у сыновей своих просят...

«Не обделались бы с перепугу... Да ладно, в санях и в шкурах не замерзнут. Куры недоенные – из-за их дури не только их сыновья – все могло прахом пойти. И ведь ни хрена не понимают! Думали, в сказку попали? Обрадовались. Насмотрелся. Ещё там насмотрелся на этих мамок солдатских. Тут вам не там – так что не обессудьте, бабоньки, но

уж я постараюсь, чтобы кто-кто, а вы это дерьмо теперь всю жизнь хлебали – за то, что жопа вместо мозгов!»

На самом деле судьба этих семей уже была predetermined, но сообщать им этого Мишка не собирался: пусть ещё помаются неизвестностью – и большего заслужили за свою дурость. Дело решило слово их сыновей. На второй день после возвращения в крепость, когда им сообщили о случившемся, отроки попросили через своего урядника о встрече с сотником. Урядник четвертого десятка Климент и привел Константина, Серафима и Феодосия – фактически весь свой оставшийся в живых десяток – на совет, который ежедневно собирался в то время в расширенном составе. Там при всех, включая наставников, они и объявили, что разделят судьбу своих родных, какой бы она ни была. Если есть кровь на их руках, то и смерть примут. Климент хмуро выслушал свой десяток, помедлил чуть и неожиданно шагнул к ним.

– Ну и меня тогда казни, сотник! – неожиданно бухнул он. – Вместе воевали, я своих не брошу...

– Отставить истерику! – Мишка поднялся из-за стола и оглядел фигурантов. Остановил взгляд на уряднике. – А ты куда? Твоих тоже казнить? Они не бунтовали.

– А моих за что? – вскинулся парень.

– За дурость твою... – поморщился Мишка и кивнул отрокам. – Младшая стража своих не бросает. Крови на вашей родне нет, – добавил он и увидел, как перевели дух парни, с которых он снял самое страшное возможное обвинение. – Только радоваться нечему: отцы ваши в бунте погибли. С оружием в руках шли. Вы присягу Лисовинам приносили, и от нее вас никто не освобождает. Служить будете. В Турове усадьбу строить надо, вот туда и поедете.

Он перевёл взгляд на Климента.

– Урядник у вас и там будет за старшего, раз сам вызвался. А семьи... В Ратном их не оставим. Надо будет – выкуплю у воеводы. Но они пожизненно останутся лисовиновскими холопами: сами себе и детям судьбу переломили.

«Похищение сабинянок» стало своеобразным компромиссом между духом и буквой всех достигнутых договоренностей между крепостью и сотней. Дед не мог открыто отдать Мишке семьи отроков, хотя родных погибших в походе ребят забрать позволил – формально те уже к моменту бунта могли считаться свободными в соответствии с уговором, что их и

спасло, но тех, чьи сыновья выжили, этот уговор не касался. Дело осложнялось тем, что решать пришлось не между собой по-родственному, а в присутствии десятников и Бурея, но карт-бланш на решение вопроса своими средствами Мишке был выдан. Правда, никому не пришло в голову, как именно он его использует...

– ...Я сказал – все! – Корней хлопнул рукой по столу и хмуро уставился на внука. – Договорились уже... А отроки твои пусть сами выбирают, с кем им идти.

– Они уже выбрали. Когда присягу нам давали. И в бою себя не жалели, потому как верили, что их смерть их семьям свободой окупится! И остальные верят.

– Тех, чьи сыновья погибли, я тебе отдал. Не холопы они. Потому и отвечать должны не как холопы, а как вольные. Но отвечать должны!

– Ответят! – Мишка не отвел взгляда и не собирался сдаваться. – Но перед своими сынами и Младшей стражей, которую они подвели. И перед теми, чья родня в бунте погибла! Младшая стража своих не бросает!..

– Гы-ы! Не бросает... Чего вы сделаете-то? – неожиданно оскалился Бурей со своего места. Корней полоснул его яростным взглядом:

– Не лезь, Серафим! Сам со своим внуком разберусь!

– Не то говоришь, Кирюха, – хмуро буркнул Аристарх. – Сам ты с ним дома разбирался, когда порол за упрямство. Мало порол, как вижу. Добавить бы, да уже не дотянешься – с-о-о-отник, ядрен дрищ, князь гривну вручил! Тебе-то только в старости довелось... А сотников, сам знаешь, и князя не порют – голову снести могут, а пороть – нет. Так что теперь это дело общее – спасибо, удружил с внучком! – чего дальше-то будет?

– Сам бы попробовал... – отмахнулся Корней от старого друга и прищурился на Мишку. Уже не яростно, а насмешливо – словно личину сменил. – И правда, а чего сделаешь-то? Войной из-за трех дур на Ратное пойдешь?

– Со своими воевать неуместно, господин воевода. Только на войне свет клином не сошелся. И другие средства придумать можно. Мишка нахально усмехнулся. – А если придумаю, так что?

– Вот и придумывай! – отрезал дед. – А мы разговор закончили – вот тебе мое последнее слово...

– Ну, раз таково твое последнее слово, так тому и быть, – согласился Мишка.

Потому и пришлось Младшей страже прибегнуть к такому неординарному решению, а точнее, просто выкрасть семьи с подворья воеводы. Разведчики под руководством Якова и Медвежонка осуществили операцию блестяще: воспользовавшись всеобщей суетой, они вывели «полонян» из сарая, надели на них личины и шкуры и затесались вместе с ними в веселящуюся толпу. Всеобщий ажиотаж, связанный с запуском «серафимов», этому весьма поспособствовал. Впрочем, им и так никто не собирался препятствовать, и, как подозревал Мишка, заметить кто из домашних, чем заняты отроки, ещё и юбками прикрыли бы от чужих взглядов. Словом, это противостояние закончилось к общему удовлетворению.

А все остальное только начиналось: Медведь ждал возвращения своего боярина и готовился. Корней ждать уже не мог никак – надо было срочно собираться в Туров.

Часть третья

Глава 1

Январь 1126 года Ратное, Михайловская крепость

За время от памятного приезда воеводы в крепость до Рождества, плавно перешедшего в свадебные гуляния, Мишка едва не охрип от разговоров: и с дедом, и с десятниками, и с наставниками, и с ближниками. И с Медведем тоже. Он дал о себе знать через пару дней после «пира», на котором и состоялось примирение Мишки с дедом. Вероятно, как раз после того, как оставленные присматривать за соседями «лешаки» доложили «по инстанциям». В крепость командир «пятнистых» приходит категорически отказавшись, пришлось опять Мишке вместе с Макаром собираться на встречу. За Егором послали в Ратное Петра, но дожидаться десятника не стали – у «спецназеров» свои дела, а Мишке надо было услышать ответ от таинственного второго боярина.

Встретились на той же полянке, в тех же декорациях, но уже почти как свои. Поздоровавшись, Медведь прежде всего поблагодарил за то, что приютили баб с детишками, и сразу перешел к делу.

– Передал я боярину Даниле твои слова, сотник, – сообщил он. – Ответ он велел тебе дословно пересказать.

Бояричу Михаилу Лисовину поклон и слово мое: «Тебе, боярич, верю и под руку твою своих детей готов отпустить. Через сына моего мы ныне породнились, а потому вражде, какая была развязана меж нами и Лисовинами не нашей и не вашей волей, а по злему умыслу предателей, отныне не бывать. Родне воевать меж собой не по-божески и не по-людски. В том я, боярин Данила, даю слово за себя и своего брата Александра Журавлева. Сын его Юрий за это ручается и в случае моей гибели готов своему отцу подтвердить все сказанное. Но за нами не только роды стоят, но и люди, что нам доверились. Потому обо всем прочем договариваться уместно уже боярину Кириллу с боярином Журавлем, когда тот прибудет».

«Ну да – все правильно. Большого он сказать и не мог. Да и это не столько вам, сэр, сказано, сколько для Медведя и тех, кто за Медведем стоит, – бояре их интересы блюсти будут... Медведь свой уже обговорил – сына женить на Любаве, таким образом и самому со своим боярином и нами породниться. Шустер мужик, быстро сориентировался. Ну так на его месте другой не сумел бы удержаться...»

– Скажи боярину – я его услышал. И промеж нас вражды не будет. А что с боярином Журавлем разговаривать придется – это понятно. И

правильно. Потому как он за всех отвечает. – Мишка выдержал короткую паузу. – А сам ты как скажешь: послушает Журавль Данилу Мастера?

– Тебе слова боярина мало? – нахмурился Медведь. – Данила его тебе уже дал. И за себя, и за брата.

– В слове твоего боярина я не сомневаюсь. Иначе бы и разговора у нас тут не было. Я о другом сейчас: не гоже, если ваш боярин с нами договариваться станет только из-за того, что у нас находится ваш младший боярич. И так, конечно, можно, – криво усмехнулся Мишка, – но не надежно. Не против воли должен такой договор заключаться, а с сознанием взаимной выгоды. Тогда и толк будет, и согласие. Да и Тимофей не заложник – мы его в род приняли...

Медведь промедлил с ответом всего ничего, но паузу Ратников заметил. И слова, когда «лешак» наконец заговорил, зазвучали, словно он их проталкивал через горло силком. Или каждое перед тем, как сказать, тщательно взвешивал.

– То, что боярина Журавля колдуном у нас считают, вы уже слышали. Он и впрямь колдун. Но только потому их у нас и двое, что Данила как бы не сильнее будет, даже недужный. *Провидит* он. Не все, но многое. Заговаривается иной раз. И тогда к нему только сам Журавль доступ имеет. А после этого приказы отдает, которые все меняют. Или мастера делают такое, что на голову не налазит. Потому, если Мастер Данила решит – Журавль сделает. Один раз он его не послушал – большая беда случилась. С тех пор сын Журавля увечный, и наследников у них больше нет. А раз Данила сына к вам отправил, значит, сразу решил – надо тут оставаться и с вами договариваться.

«Вот это заход, сэр, не находите? Хорошенькое дело – вам ещё прорицателя до кучи к колдуну подкинули. Колдун, пророк, волхва, жрец и поп-партизан. Полный боекомплект. И чем же тут так намазано, что все, как мухи на мед, на Погорынье слетелись? Ладно, разберемся. Вы, сэр, в конце концов, управленец, а не прачка, так что нечего тут перебирать: будем работать с колдуном и пророком, раз других не завезли...»

Итак, что мы имеем? Это товарищ Медведь может себе позволить не сомневаться, что Журавль такими знаменьями не разбрасывается и непременно Данилу послушает, но вы-то, в отличие от него, знаете, что Сан Саныч материалист на всю голову... Или уже не очень материалист? Или уже не материалист, но ещё не на всю голову? А сами-то вы уже не того? А черт его знает, если честно... Ну да ладно, это сейчас не самое важное – сейчас вам надо принципиальное решение принимать.

А с Журавлем... А с Журавлем видно будет. Если то, что вы про него

раньше слышали, хоть наполовину правда – придется его с дороги убирать. На кол сажать не обязательно, но методы на Костю Сапрыкина у вас найдутся... Стоп! А куда это они переезжать собрались, интересно?»

– Оставаться? – переспросил Мишка. – А что, уезжать собирались?

Ох, как не хотелось, похоже, старому воину про это говорить с чужаком! Не потому, что собирался утаить – не нравилось ему это, и сильно. И обсуждать с посторонними тоже не нравилось, но Медведь принял решение.

– Журавль переезд затеял. Он давно говорил – здесь мы уже не усадим. Выколушают, дело времени. Нашел новое место в болотах на севере. Чем оно ему глянулось, не знаю. Земли везде много – людей нет. Там людей тоже негусто, да и с ними воевать придется, там свой боярин сидит и по слухам – отчаянный. Это не беда, но зачем? Потеряем больше, чем найдём... Кабы там земли богатые или ещё что, а лес с болотами и тут есть. И далеко идти, сил и средств на это уйдет немерено, людей в дороге поморим, детей особенно. Боятся у нас Журавля, сильнее смерти некоторые боятся, но когда против воли скovyрнут с насиженного места, от привычного и сытого, да невесть куда погонят против воли – не все ли равно им будет, где помирать? Без бунта не обойдёмся. Да и там тоже князь не глупее туровского – какая разница, под которого идти? А теперь Данила сказал – если с вами сговоримся, можно будет и не уезжать.

«В болота на север? Под другого князя, значит? Кхе... а вот это интересно...»

– Он что, никак Москву основать решил? – наобум ляпнул Мишка и сразу увидел, что угадал, хотя предположение получалось бредовое. Медведь при этих словах словно напоролся на стену – замер, буравя Мишку взглядом. Помолчал.

– Значит, и правда такое пророчество есть... – проговорил он, скорее отвечая самому себе на вопрос, чем спрашивая. Ещё помолчал и спросил, не отрывая взгляда от Мишкиного лица:

– Правда, что тот, кто в том месте город сможет поставить, всем миром владеть будет?

– Да, есть такое, – не моргнув глазом, соврал Мишка. – Читал я про это, мудрецы давно предсказывали... Только город тот должен князь основать.

– Ну да, – Медведь кивнул. – Вот под него наш боярин и хотел идти.

«Под Долгорукого? Ну ни хрена ж себе поворот на вираже... Хотя он пока не Долгорукий, что отнюдь не отменяет всех остальных его милых

качеств – вон, Осьма на себе испытал. А не находите, сэр, что наш предстоящий поход на Пороги в свете этих откровений становится просто подарком. И вам, и Журавлю. Во всяком случае, там выжить шансов больше.

Уж не князь ли Юрий Владимирович явился катализатором всех этих событий, в результате которых наш дорогой соседка Сан Саныч сейчас сильно рискует возвратиться к пепелищу? Не удивлюсь...»

Дед внимательно выслушал доклад внука о достигнутых договоренностях и констатировал:

– Не знаю, что там у них за боярин Данила – имя вроде, христианское, но Журавля за спиной иметь – всё равно что пристроить волка двор сторожить: чужой никто не сунется, но и хозяин по нужде без топора не выйдет. Будь он хоть трижды родич. Правда, в походе на Неман нам такой союзник пригодится – дружина у него, говорят, немаленькая. Только потом с ним и его людьми расплачиваться придется. До отъезда бы с боярином поговорить, чтобы знать, о чем с князем речь вести. Когда его ждут? Нам уже в Туров пора, дольше тянуть нельзя.

– Со дня на день. Говорят, давно должен быть дома, да из-за ляхов задержался. А платить... Так никто же задаром не пойдет, деда, дажедесятники. И чем больше они тут имеют, тем неохотнее с места сдвинутся. Журавлю же мы сделаем такое предложение, от которого он не сможет отказаться. То, что у него дружина большая, тем более нам на руку – вои без войны засиделись. Вот и пусть повоюют, нам на пользу и себе в удовольствие. Найдём, чем с ними расплатиться.

– Широкий ты, внучек, как я погляжу, – нахмурился дед. – Ну-ка, говори, чем торговаться собираешься?

– А тем же, чем и с дядюшкой, – усмехнулся Мишка и принялся загибать пальцы. – Прежде всего, дорога по Неману. Егор с Медведем поговорил, оказывается, от свеев их боярин идет. Не первый раз к ним ходил, и всё мимо Городно. Но сейчас на обратном пути рисковать не захотел, видно, везет что-то ценное. Потому в дороге и задержался, что пошел в обход – через Новгород, а это крюк не близкий. Да ещё и ляхов пережидал. То есть ему свободный проезд по Неману тоже весьма интересен. А если на нём родичи сядут, тем более.

Самое же главное – от князей прикрытие. Недаром он так таится и товар свой на торг не везет, а на дружину ни сил, ни средств не жалеет. Золотую жилу он ухватил! Бывает такое – золото в земле лежит, как камень. Подходи и бери. Найти такое место трудно, но это даже не полдела. И не

удача – иной раз то золото проще сверху землей присыпать, пока никто тебя не застал возле него, и бежать подальше. Трудно его в своих руках удержать – того и гляди, те руки отрубят. По самую шею. И страшнее всего при такой удаче иной раз не враги, а друзья.

Вот Журавль сейчас на такой жиле и сидит. А потому наше предложение он примет. Не сразу, торговаться попытается, чтобы повыгоднее себе условия отговорить, а деваться-то ему некуда. Примет. И говорить с ним надо о том, чтобы не князю присягу приносил, а под тебя, как воеводу, пошел.

– Даже так? – с сомнением протянул Корней и задумчиво почесал бороду. – В чем же ему тут выгода?

– Да в том, чтобы между ним и князьями как можно больше людей встало. И к нему княжьи тиуны без нужды нос не совали. Подати он и через тебя заплатит. Только так надо ему это подать, чтобы и его гордость не уязвить, и его людей не обидеть.

– Это ты нам предлагаешь вместо его шеи свою подставить? – хмуро буркнул Корней. – Про то, что любое богатство удержать труднее, чем добыть, я не хуже твоего знаю. Но за те клинки, что Макару подарен, можно все Погорынье вырезать. Да и не только его.

– Клинки – это вершки, это то, что мы видели, деда. А что ещё у них имеется, даже не представляем. Я поговорил с греком: только с того, что по его рассказам понял, не то что все Погорынье – княжество хватит прокормить и озолотить. Вот такое удержать сможем? Или откажемся – отдадим все, пусть князья разбираются, а мы только крошками будем довольствоваться, что после них останутся?

– С таких крошек и то можно пупок надорвать... – хмуро буркнул Корней и задумался.

«Ну что, милорд, решайтесь. Отныне игра пойдет по-крупному. Не синица в руки попала, и даже не журавль с неба на плечо сел – жар-птица прилетела. Или мы ее за хвост ухватим, или спалит все на фиг...»

Корней набычился и яростно уперся взглядом в Мишку.

– Княжество, значит, говоришь... Придумал уже что-то?

– Придумал, – согласился Мишка. – Если сами по себе, то не удержим. А если князь, законно сидящий на столе, с этого долю поймее, то может получиться. Потому придется князю часть с того богатства показать, отдать что-то и платить исправно. Но не сразу. И тут предстоящий поход нам на руку: на него немалые средства потребуются, а как мы те средства добудем, уже наше дело.

Вот этим с князем и торгуйся. Главное, ему самому это даром

обойдется. Ну, почти. Податей с Журавлевых земель он всё равно не видел, и, если бы Журавль с места снялся да мастеров увез, или мы бы все там порушили – и не получил бы уже. Значит, ещё сколько-то лет потерпеть ему не в обиду. Потом-то все равно он свое возьмет...

– Ну-ка, Михайла, погоду триндеть, – оборвал Мишку дед. – Что значит, с места снялся? Это ты сейчас для красного словца сболтнул или знаешь? Откуда?

– Медведь сказал, – усмехнулся Мишка. – Похоже, под одного князя он уже сходить попытался, потому сейчас один из ближников поджидает его, чтобы зарезать, а второй исхитряется, чтобы спасти. И его, и всех остальных. Вот Мирон-то и хотел нас с Журавлем лбами столкнуть, чтобы под этим прикрытием свои дела устроить. Ты ведь летом не просто так и не сам решил за болото идти, деда?

– Что значит – не просто так?! Ты говори да не заговаривайся! – рывкнул было Корней, но внезапно задумался и полез в бороду. Помолчал, потом с интересом взглянул на Мишку. – Ну, не сам... С боярином Федором решали...

– Что с боярином – это понятно, – согласился с дедом Мишка. – Но ведь ты бы и не задумался об этом походе, если бы не пришли с той стороны вести, что боярина на месте нет и можно спокойно по его землям погулять? Уж не знаю, кто это передал, но ты знал, правда?

– Знал, – не стал отпираться Корней. – Ну-ка, дальше говори.

– Да ты и сам, думаю, понял – не просто так кто-то сообщил это сотне. И сообщил с ведома Мирона. Вроде бы не обманул: и боярин ушел, и добычу мы взяли. Но если бы Медведь Тимофея с дедом к нам не привел, мы бы сроду не узнали, что упустили, потому как *настоящего* богатства нам тогда даже краешек не показали. Пока мы с его боярином друг с другом бодались бы, Мирон как раз и собирался его к рукам прибрать, чтобы самому к тому князю с мастерами податься. Именно мастера – главная тамошняя ценность. Ты сказал, что за Макаров клинок можно все Погорынье спалить. А что можно устроить, чтобы заполучить мастера, который те клинки делает, а?

Одно утешает: тот князь здесь чужой, не его тут земли. И открыто он на нас не выступит, даже за клинки. Но, думаю, он сильно обидится, что такое богатство мимо рук проплыло, – и на Мирона, что обещал, а не сделал, и на боярина. А потому идти с нами на Неман Журавлю сейчас безопаснее, чем тут оставаться. Да и нам там спокойнее будет.

– Мишка, не темни! – прихлопнул кулаком по столу Корней. – Что за князь? Знаешь?

– Знаю, деда. Юрий Владимирович, Мономахов сын.

– Что?! Уверен?!

– Уверен. Он, – кивнул Мишка.

– С-с-сука! – Корней уже не прихлопнул, а саданул кулаком по столу. – Ах ты, с-с-сука! Ведь за яйца подвешу, кишки выпущу и жрать заставлю, если он это знал...

«Ни хрена себе, разошелся дед! Это он что, Долгорукого собрался за яйца подвешивать?»

– Похоже, пора ещё одну охоту медвежьё затевать, – буркнул Корней, остывая так же внезапно, как и завелся. – С Осьмой поговорить надо. Душевно...

Взглянув на недоумевающего внука, воевода пояснил:

– Говоришь, из-за болота меня под руку толкали? Может, и так. Ниней тоже это подтверждала, но мы с Федькой все равно сомневались. Вот тогда Алексей с Осьмой нас стыдить принялись, про долг христианский напомнили и службу. Осьма прямо соловьем разливался, то-то я удивился тогда... С Лехой все понятно, ему добыча глаза застила и возможность себя показать. А вот Осьма... Он же при Юрии Залесском долго обретался. И слышал многое. Неужто знал, сученыш?..

«Значит, мистер Алекс и Осьма? Ну, про Алексея дед прав – ему добычи хотелось. А вот Осьма – это интересно... И, кстати, не потому ли он к нам сюда из Турова рвался? И правда, надо Егора снова в лес за медведем посылать. Хотя тут росомаха больше в тему».

– Ладно, с Осьмой мы разберемся, не он первый, – Корней снова нахмурился, глядя на внука. – Но ты хоть понимаешь, куда лезешь? У голодного шатуна добычу из пасти вырывать безопаснее, чем у Юрия Залесского из-под носа такой кус увести. У этого князя руки длиннющие...

– Ага, Долгорукий князь, ничего не скажешь, – согласился Мишка. – Только и его рук не хватит, если мы за Гродно уйдём. И не просто клочок отвоюем, а СВОЮ землю обустраивать станем. И мастеров туда же переправим со временем. Поначалу-то нас князья прикроют, а потом... А потом и они не дотянутся. Я же не зря сказал – княжество прокормить можно. И не просто прокормить – обустроить и защитить...

– Что?! – Корней не прокричал – выдохнул. – Ты понимаешь, что сейчас сказал? На что замахнулся?

– Понимаю, деда! – Мишка не отводил своих глаз от бешеных Корнеевых. – А замахиваться... Замахиваться на большое надо – на малое только кулак отшибешь. Иначе и не мыслю.

– Дурак... Тогда к тебе не один Юрий потянется – у киевских князей

руки подлиннее будут.

– Так не сразу же, деда. Против князя Киевского идти не собираюсь. Все, что обещаем, выполним. Но мало только горлышко неманское держать, надо вперед двигаться. Это и князьям не в убыток, напротив, только на пользу. И церковь благословит и поддержит, и купцы своей мощной подсобят – им это выгодно. Рискованно? Да, не спору. Но ведь не просто так Господь нас испытывает – такое богатство в руки посылает. Оно, как и гривна, не награда, а ноша. И уж точно не для того, чтобы мы себе по мечу невиданному взяли и всю жизнь на него тайком ото всех радовались, как дурень на писаную торбу – такое только для свершений дается, тому, кто способен. Это испытание, деда: откажемся мы от своего предназначения или решимся принять его. Второго такого удобного случая не будет, дважды *такое* не предлагают, а непосильных испытаний Он никому не дает – это отец Михаил говорил.

– Княжество, значит? – Дед встал, подошел к дверям сторожки той самой пасеки, на которой они в прошлый раз «беседовали» с Никифором, выглянул на улицу, словно желая убедиться, что их никто не мог услышать. Но Андрей и пятерка разведчиков, прибывшие с Мишкой, надежно охраняли все подступы к дому и сами держались в отдалении. А возможно, старому сотнику просто потребовалось глотнуть свежего воздуха. Он постоял в дверях, вернулся, снова сел за стол напротив внука, и Мишка поразился – на него смотрел молодой Корней. Почти тот же самый, который приехал к нему с известием о рождении сына.

– Ну, етит твою! Рассказывай, что задумал, сотник!

Повод для вдумчивого разговора с Осьмой искать не пришлось: купец напросился сам. Не было ничего удивительного в том, что, оправившись от серьёзной раны, он захотел приехать в крепость, поблагодарить купеческий десяток, фактически спасший ему жизнь. Ну, и склады с товаром посмотреть, с Ильей поговорить, словом, приступить к своим обязанностям приказчика и консультанта «коммерческого факультета», вынужденно оставленным на время болезни. Словом, в одно прекрасное утро он воспользовался оказией, когда из Ратного начали перевозить часть добычи, причитающейся за поход Младшей страже и наставникам.

Мишка принял гостя со всем уважением и на правах хозяина сопровождал его по крепости. Первым делом Осьма пожелал встретиться со своими учениками. Мишка велел Петру собрать свой десяток в трапезной. Когда купец в сопровождении сотника появился в дверях, отроки уже были построены. Петька привычно рявкнул:

– Десяток! Смирна! – и хотел было подойти с докладом, но Осьма благодушно махнул на него рукой:

– Ладно-ладно, вижу уже... – и обернулся к Мишке. – Не обессудь, сотник, позволь уж мне с отроками по-свойски сейчас поговорить. Должник я их, а строю кланяться несподручно. Да и мне пока что лучше хорошо сидеть, чем плохо стоять.

Дождавшись, пока мальчишки рассядутся за столами, Осьма нашел глазами торка Мефодия и кивнул на него Мишке:

– Вот, сотник, принимай караванщика! Ему бы я свой обоз доверил хоть сейчас. Да и остальные не оплошали. Хорошо ты их выучил – будет отцам на кого свое дело оставить! – он благодушно подмигнул купчатам. – Поняли теперь, какое оно, купеческое ремесло? Со вторым крещением вас! Так что впредь, если покупатели станут ныть на торгу или ещё где – дорого, мол, купцы за товар ломают, не по-божески – вы теперь знаете, почему. И цену сбивать не позволяйте – нам, бывает, и дороже обходится. Так говорю, Михайла? – обернулся он к сотнику.

– Так да не так, – Мишка не принял предложенного Осьмой шутливого тона. – Потому и учим, чтобы цена та неподъемной для вас не оказалась. Ее не на торгу сбивать надо, а на дороге. Станут дороги безопасные – и платить кровью не придется. А кто эту цену сбить может, ответите?

– Хм, значит, так повернул? Тоже верно, – не стал спорить с ним купец. – Ну, чего сотнику ответите? – Он снова остановил взгляд на каменном лице Мефодия, который, казалось, и не слышал похвалы, которой его удостоил Осьма, но мимо ушей он ее не пропустил.

Да вообще торк изменился за то время, пока Мишка его не видел. Нет, приветливее не стал, держался по-прежнему независимо и чуть отстраненно, но и чужим среди остальных он уже не выглядел. И отроки его, кажется, приняли. Вот и сейчас, правильно поняв взгляд купца, кто-то из сидевших рядом с Мефодием, слегка пихнул его локтем в бок, а Мефодий, перед тем как ответить, только дернул щекой на «пихальщика», но не зло, а скорее по привычке.

– Удача, – буркнул он. – И воля Божья. А без нее от находников никакая охрана не спасет.

– Да уж, без удачи в нашем деле никуда! – хохотнул Осьма и обернулся к Мишке. – Видал? Что скажешь?

– Мефодий правильно говорит, – согласился Мишка. – Удача и воля Божья. А у кого и то, и другое есть? – он обвел взглядом отроков и сам ответил: – У князя только. Удача у князя, так как власть его от Бога. Потому при сильном князе и купцам достаток. Так я говорю, Осьма? Ты купец

бывалый. И не одно княжество видел, вот и рассуди.

– При сильном князе, говоришь? – Осьма глянул на Мишку уже без благодушия. – Это как же?

– А вот так. Прав Мефодий – от находников никакая охрана не спасет, а княжья дружина может. Без нее ни дорог безопасных, ни торгового хорошего не будет, а это только татям раздолье. Власть и удача только у сильного могут быть, слабого они убьют, если попробует за них ухватиться...

Мишка смотрел не на Осьму, а на Мефодия и говорил сейчас именно для молодого торка:

– Ты свою силу уже почувствовал, и отроки твою власть признали, – он оглядел десяток. – И за тобой пошли сами, так?

Мальчишки переглянулись и молча закивали, хотя и без особого воодушевления.

– Вы сами выбрались и дядьку Осьму вытащили, потому что наставник Мефодий с вами своей удачей поделился, – Мишка выделил голосом слово «наставник», – и тем ее преумножил.

Слушая сотника, торк окаменел на манер Андрея, только глазами сверкал.

– Да, кстати, – уже другим тоном добавил Мишка, – удача воина добычей меряется. Так что свою долю с похода, как наставник, не забудь получить. Хотя... – он повернулся к Осьме. – Мы же как раз к Илье собирались, дядька Осьма? У Мефодия нет отца, сам он пока своей добычей распоряжаться не может... Примешь над ним опекунство, чтобы, пока он учится, его деньги мёртвым грузом попусту не лежали, а преумножались?

По дороге к складам Осьма задумчиво разглядывал Мишку и, наконец, возле самых дверей каморки Ильи выдал:

– Ты, конечно, теперь сотник и думаешь, что удачу за хвост ухватил, но смотри не обожгись... Ты хоть понял, что давеча сказал? Про сильного князя? Значит, слабые князья тоже быть могут? Твои слова и так повернуть можно.

– Можно. Но не советую. Потому как слабый князь, от которого удача отвернулась, страшен. Но вдвое страшнее князь сильный, у которого его удачу из-под носа уводят. Ты это лучше многих знаешь.

Не давая Осьме ответить, Мишка открыл дверь пристройки и отступил в сторону, пропуская его вперед. Осьма хотел было что-то сказать, но ему помешал хорошо знакомый голос:

– Кхе... Чего в дверях топчешься, Осьмуха? Михайла! Сколько вас тут

ждать можно? Заходите...

Как Осьма собой ни владел, а все-таки дернулся. Замер на пороге, бросил короткий, как удар, взгляд на Мишку – на мгновение показалось, что сейчас он оценивает шансы схватить сотника Младшей стражи в охапку и, прикрываясь им, попытаться уйти. Но лишь на мгновение: Осьма не мог не понимать всю бесперспективность такого поступка, поэтому он только кривовато усмехнулся и шагнул в открытую дверь. И когда заговорил, то голос звучал ровно, словно ничего особенного и не произошло. Может быть, самую малость ровнее, чем следовало...

– Э-э-э, Корней Агеич, что ж ты не предупредил, что в крепость собираешься? Мы бы с обозом тебя подождали...

– А я и не собирался, – хмыкнул Корней. – Да вот Егор со своим десятком сманил – говорит, медведей шалых нынче развелось... Шатаются. Видно, не спится им.

– Неужто ещё один? – озабоченно покачал головой Осьма. – Охотиться собрались? Извиняй, я тут вам не помощник. Видал я у Никифора шкуру, хороша, да только и поболее встречаются.

– Это да, деда, – усмехнулся от дверей Мишка, нахально встревая в разговор. – Осьму медведем, пожалуй, уже не испугать. Он к самому василиску в пасть залез и кусок у него сладкий выдрал.

– К василиску, говоришь? – нахмурился дед, но подумав, согласился. – Пожалуй, так и есть. Только это не главная его беда...

Осьма наезд своих работодателей, разумеется, почуял, хотя причину его ещё не понимал, но привычка держать лицо до последнего никуда не делась, и он стоял как ни в чем не бывало и разве что не посмеивался.

– Главная его беда, что он нашими руками к нему в пасть полезть решил... Тебе что, помирать понравилось? – рявкнул воевода. – Одного раза мало – опять судьбу испытываешь? Сотня в своем праве – мы княжьем именем земли под руку Вячеслава приведём, князь Юрий против брата не пойдет. А вот тебе точно не забудет, если узнает, кто сотню по следу пустил. Ведь в последний момент угадал. Или ты так с князем захотел по квитаться за свою обиду, что нами прикрылся?

– Не пойму, о чем ты говоришь, Корней Агеич? – глаза купца метнулись с Корнея на Мишку и обратно. – Князь Юрий тут каким боком?

– Погоди, деда, – вмешался Мишка, сочувственно глядя на Осьму, который в ответ хлестнул его отчаянно-злым взглядом. – Может, он и не знал вовсе. Осьма, ты же не знал, что сосед наш, боярин Журавль, с князем Юрием сговорился и под его руку идти собрался со своими людьми и всем хозяйством? У них уже все готово было; если бы мы летом туда не полезли,

они бы уже с места тронулись. А теперь под Вячеслава Туровского им идти сподручнее. Сильно расстроится Юрий, как ты думаешь?

– Что?! – вот теперь Осьма испугался так, что Мишка даже на пол у его ног покосился – как бы порты не замочил. До этого дело не дошло, но купец побледнел до желтизны, охнул, словно из него воздух выпустили, и, нетвердой походкой подойдя к столу, тяжело опустился на скамейку возле него. – Точно знаете?

– Точнее некуда, – кивнул Корней, с интересом разглядывая купца. – Ты шубу-то сними, вон, аж взопрел, – ласково посоветовал он. – И кваса глотни, что ли. А потом рассказывай нам.

– Да что рассказывать-то?! – вскинулся Осьма.

– А все, что знаешь. И что не знаешь – тоже. Например, с чего это ты меня, не знаячи, на Журавля воевать толкал? Мы с Федором тогда сильно сомневались, а вы с Лехой... особенно ты – аж соловьем рассирался: про долг христианский, про службу княжью. Лехе-то понятно – мечом помахать да добычу взять не терпелось, а ты что? Для ничего не знающего слишком красно пел. Так что не крути, Осьма. Говори, зачем тебе понадобилось, чтобы сотня за болото пошла? Чего выведать через нас хотел?

– Да расскажет, куда ему деваться? – Мишка тоже подсел к столу и поглядел на жадно глотающего квас купца. – Хотел или не хотел, а получилось так. Теперь он с нами повязан надежнее любого родства: как ни крути, а пока Осьмы у нас не было, мы с соседями друг друга не трогали. Они к нам не лезли, мы их не касались. А вот как появился, так и началось... Князь Юрий сроду не поверит, что случайно всё сложилось, так, Осьма? Или поверит? Я бы точно не поверил. Так что получается, на Журавля нас навел ты.

Нам, конечно, тоже придется теперь князя опасаться. Но мы-то, как воевода верно сказал, люди княжьи, нас за то, что мы свой долг исполняли и своему князю земли под руку привели, даже Юрий не сможет упрекнуть, хотя при случае, конечно, припомнит и сметёт – он обид не прощает. Но сейчас, пока мы нужны – сильно нужны! – несколькими князьям, в том числе и Мстиславу Владимировичу, его брат не решится задевать нас открыто. Сотня пойдет на пороги, и пока мы там удачливы, нас и тут не тронут. А значит, и тебя тоже. Потому тебе жить только до тех пор, пока ты нам верен. И все, слышишь, все сделаешь, чтобы поход тот оказался успешен! Но это мы позже обсудим, а пока давай, говори, что про Журавля и его дела с князем знаешь. Все говори.

А чего ещё Осьме оставалось? Рассказал. Как Мишка и предполагал, всего о делах Журавля с Юрием Осьма и впрямь не знал. Иначе, пожалуй,

не то что Корнея убеждать за болото идти – на стременах бы повис, чтобы тот поход остановить, так как склонности к суициду не испытывал. Пару раз видел он людей Журавля у князя, но не придал этому значения: мало ли купцов и бояр там отирается.

А вот о самом Журавле и тех, кто с ним торговые дела ведёт, в первый раз он услышал в Новгороде. Там у Осьмы свой человек из местных имелся, через которого он свои дела делает, ибо чужим в Новгород не сунешься – вот он и рассказал.

Есть там купец, из местных. Говорят, его отец был чуть ли не в первой сотне да разорился, так что его сын едва не в закупы пошел. Однако сумел подняться: долги раздал, свое дело открыл. История достаточно обычная, купеческое дело такое – порой удача никак в руки не идет, хоть расшибись, а иной раз наоборот. Всяко бывает. Но в этом случае удача явилась как раз в лице боярина Журавля: как стал купец с ним и его людьми дела вести, так ему и поперло. И теперь через того купца все товары от боярина идут. И к боярину – тоже. А торгует он много с кем – и к свеям ходят, и к германцам, и на Камень куда-то; говорят, даже вовсе в далекие страны. Но этим Новгород не удивишь, там и не таких видали.

А вот товаров, которые нет-нет да и промелькнут у тех купцов и приказчиков, не видели даже в Новгороде. Для торгового товара везут все больше обычный, как у всех, а вот через руки иной раз проходит то клинок невиданный, то бабья цацка, непонятно какими мастерами сделанная, то платок дивной работы, то юбка или шуба из такой ткани, что люди знающие только руками разводят. На расспросы же отвечают, дескать, все из заморских стран привезено, а там, мол, каких только чудес не сыщется, но это отговорки.

Доверенный Осьмы выяснил: все эти товары и наверняка ещё какие-то, которые и не показывают никому, у боярина Журавля делаются. Где-то в болотах мастера прячутся такие, что более нигде нет. Где боярин сидит, тоже узнать удалось, даже ладью туда снарядили, но она сгинула без следа. А после этого и те люди, у кого до того хоть что-то узнавали, исчезли, и с приказчиком, который все это выспрашивал, несчастье приключилось: по пьяному делу с мостка в канаву кувыркнулся и прямо на кол, неведь как туда попавший, брюхом напоролся так, что кишки вылезли. Его с кола сняли ещё живого, но все равно не спасли. До-олго умирал...

Осьма бы, наверное, на этом не остановился и продолжил бы выяснять, но тут и ему не до того стало – с князем Юрием случилось разногласие по совсем другому вопросу, никак с новгородской историей не связанному, так что пришлось Осьме спастись у Никифора. А когда вдруг

выяснилось, что отсидеться можно не просто в Турове, а у родственника Никеши, да по соседству с местом, где тот таинственный боярин обретается, то купец счел это знаком свыше. Ну как было не воспользоваться таким стечением обстоятельств? А вот о том, что эти обстоятельства приведут его к старому знакомому, и в мыслях не держал.

– Ну, Осьма, нас ты убедил. Почти... – Корней смерил взглядом купца. – А как князя убеждать станем? Мы теперь с тобой крепко повязаны и думать, как свою голову сохранить, тоже вместе надобно.

– Вы-то тут при чем? Сам говорил, вы в своем праве...

– Так-то оно так, да когда у василиска из пасти такой кус выхватывают, плевал он на чьи-то права. Ты хоть представляешь, за что мы тут ухватились? Ты добыче заболотной дивился? Ну так теперь на это глянь...

Корней полез себе за спину, и на стол легли Макаров меч и Арипино ожерелье. Осьма как вздохнул, так и выдохнуть забыл. Даже взгляд остановился. Потом осторожно, словно боясь обжечься, коснулся пальцами ожерелья. К мечу потянулся, но не решился. Поднял глаза на Корнея:

– Там?..

– Там, Осьма, там. *Мастера* там, понимаешь? Ожерелье это мальчонка-подмастерье сделал, играючись. Вот тут, у нас. Представляешь, какие ТАМ делать могут? И не на меч, не на побрякушку эту бабью князь Юрий размахнулся: он тех мастеров взять хотел. И свою руку он ой как далеко за ними протянул, а мы ему ту руку и отдавили со всей дури. И теперь никто князя не убедит, что мы с тобой не сговорились это у него отнять. Даже если мы этих мастеров его брату, князю Вячеславу, на блюдечке принесем, ничего не поможет.

Прошлые твои дела, за которые он на тебя гневается – так... мелкие неприятности. Нас они никак не интересуют. Да и князя, думаю, тоже волновать перестанут – у него к тебе теперь другие счета. Ты уже своей хитростью сам себе на шею беду накачал, вот и хватит темнеть. Попытаешься ещё хоть раз вот так, не сказавшись, сотней крутить – пожалеешь, что к Юрию не попал. Понял?

– Понял, не дурной, – угрюмо кивнул Осьма. – Только, хочешь верь хочешь не верь, не замышлял я против сотни. Куш ухватить, какой раз в жизни бывает – это да. Так и вам с того куша обломилось бы. Мне сила за спиной нужна и место надежное... И мысли не имел, что так обернется – ведь даже семью сюда перевез.

– Вот и хорошо, что перевез, – добродушно согласился Корней, – все равно тебе теперь от нас никуда – везде смерть... Михайла, как ты давеча князя назвал? Юрий Долгорукий? Ну, к нам сюда и ему сейчас трудноато

дотянуться, а потом... Потом посмотрим...

– А чего смотреть? И так понятно, – осторожно развел руками Осьма. – Теперь куда вам – туда и мне.

Он помедлил немного, пожевал губами и вздохнул:

– Но и тут мне долго не усидеть... Людно больно стало у вас. Глаз много...

– Это ты о чем? – нахмурился Корней. – Тут чужих нет!

– Чужих нет, да только своих у вас теперь прибавилось... Вам-то они свои, а мне? – Осьма поерзал на скамейке. – Из Турова к вам гости прибыли, родня ваша новая. Много вы про них знаете?

– При чем тут купец Григорий? Ты, Осьма, не крути – говори, раз начал!

– А что говорить? Путята у вас в крепости уже освоился. Сюда шли – он стоял там в сторонке. Думаю, там и сейчас стоит. Вот у него и спросите...

Дед глянул на Мишку, но тот уже и сам направился к дверям. И правда, когда они с Осьмой шли к каморке, где их ждал Корней, Путята стоял возле одного из складов, вертел в руках стрелы и что-то объяснял отрокам, собравшимся возле него. Удивления у сотника это не вызвало – Мишка сам не так давно просил дядьку Арины, оказавшегося искусным лучником, позаниматься с мальчишками, пока он здесь.

Осьма угадал – Путята все ещё стоял возле складов. Но уже один. И звать его не пришлось. Только увидев молодого сотника, выглядывающего из дверей, воин не спеша, чуть вразвалочку, направился к нему.

– Осьма-то жив? А то где потом ещё такого сыщешь, а он человек нужный.

– Мы нужными людьми не раскидываемся, – Мишка откровенно рассматривал Путяту. – Главное, чтобы НАМ нужным стал.

– Ну раз так, пошли, про вашу нужду поговорим, – кивнул его собеседник. – Приглашай в горницу, сотник, не на пороге же...

Ожерелье и клинок Корней со стола уже убрал – там стоял только изрядно опустевший кувшин с квасом. Купец, взмокший, как мышь под метлой, осушал очередную кружку и, похоже, так и не мог напиться.

– Что, Осьма, пригорело у тебя, раз меня позвать решился? Ну что ты за человек – везде норовишь на угли голым гузном усесться... Все рассказал, или мне самому воеводе представляться?

– Обижаешь, Семен Алексеич, – Осьма оторвался от кружки, вытер обильно выступивший пот со лба и покосился на Корнея. – Да разве бы мне

в голову пришло за тебя прятаться? Где я, а где ты...

– Семен Алексеич? – Корней начал подниматься из-за стола, не сводя с Путяты тяжёлого взгляда. – Ну-ка, мил человек, говори, кто ты есть...

Мишка машинально отступил к двери, чтобы в случае чего иметь оперативный простор для атаки, но Путята словно не заметил этих приготовлений. Хмыкнул, шагнул к столу, уселся, не дожидаясь приглашения, рядом с Осьмой, налил себе квасу. И властно кивнул Корнею.

– Садись, сотник, поговорим... Вижу, Осьма ничего не сказал, только, как всегда, туману напустил. Ну да ладно, я и сам... Для своих – Путята, а для него, – Путята кивнул на Осьму, – боярин Вьянденич, Семен по крещению, – он сделал паузу и веско добавил: – Мечник князя Киевского. Потому таиться от меня вам нет причины, Лисовины мне теперь не чужие. Детей побратима вы уберегли, Арина вон даже замуж собралась, за то спасибо – она мне как дочка. И не думал, когда сюда ехал, что так обернется, но тем лучше...

– Ещё родственничек, стало быть? – Корней смерил взглядом Путяту и опустил на лавку. – Это хорошо, урожай у нас нынче на родственников... Прямо и не знаю, что с таким счастьем делать.

– Радоваться, боярин. Кому же ещё и помогать друг другу, как не родичам? А тебе сейчас никакая помощь не лишняя.

– Радоваться, говоришь? Может, и так... – Корней кивнул Мишке. – Михайла, а ну-ка, проводи Осьму, а то он с обозом не успеет вернуться.

– Осьма и сам дорогу найдёт, не маленький, – вмешался Путята, – а сотнику с нами интересней.

Дед, приподняв бровь, глянул на собеседника, перевёл глаза на внука, потом опять на Путяту и не возразил.

«Вот это мы приплыли, сэр Майкл! Ага, мечник князя Киевского – офицер по особым поручениям, если на наши деньги. Вот же угораздило Андрюху себе бабу отхватить! Долго прицеливался, называется, но уж попал, так попал... Дядька Путята, значит? Нет, пользы нам с него может оказаться много... Да вот хотя бы прямо сейчас он объяснил воеводе, что без его наследника он с Корнеем дел затевать не станет. И не потому что дед плох, а потому, что он стар. А Путяту и тех, кто за ним, интересуют не прошлые заслуги, а будущие перспективы. Такое признание, сэр, как бы не покруче княжеской гривны – и дед это явно оценил.

Интересно, как киевский боярин с туровским купцом умудрился побрататься? И ещё вопрос: как это соотносится с бизнесом Ариного отца? Явно не случайное совпадение. И, подозреваю, «дядька Путята» не случайно объявился у своего старого побратима, когда у того начались

проблемы. Интересно, что про это Осьма знает, а о чем догадывается?»

– Прости, господин воевода, но гостя уважить надо. Я быстро.

Осьма даже не стал дожидаться вопросов – сам заговорил, едва они отошли от склада.

– Ты, Михайла, не серчай на меня, что я сразу вам про Путятю не сказал. Сам посуди: такому человеку дорогу переходить мне не резон. Откуда мне знать, по какому делу он здесь объявился? Сам боярин Вянденич, конечно, из младшей ветви боярского рода происходит, но род-то из тех, кто ещё Аскольда с Диром посылал вдоль речки прогуляться! При всех князьях они в Киеве хозяева.

Что ветвь младшая, так это только заставляет их из шкурки выпрыгивать и дорогу себе пробивать зубами и локтями, потому мечников у князя хватает, но такие, как Путята, – наперечет. Отец его Святополку служил, а сын у Мономашичей в доверии: если посольство собирается и дело предстоит непростое, а то и опасное, так в составе его Путята наверняка окажется. А большего у меня не спрашивай: у тех, кто в те дела лезет, с долголетием туго. Несколько раз я его в деле видел, так что поперек ему никому лезть не посоветую.

– А сам-то чего полез? Тоже «не знал»? Что-то для «не знающего» ты слишком часто в жир ногами попадаешь, – хмыкнул Мишка и пояснил, видя недоумение на лице купца:

– Я про летний торговый поход говорю, Осьма. И не смотри на меня так, я же помню, как ты меня и деда тогда убеждал и как решал, куда идти – как раз после того, как с отроком Григорием переговорил. Ты куда шел-то на самом деле? В Давид-Городок, в который мы в тот раз так и не попали, или всё-таки в Дубравное, с Ариным отцом увидеться? Ведь не для того, чтобы Гришка домой на пироги завернул, ты тогда такой крюк заложил, а?

– Тьфу на тебя, Михайла! – поморщился Осьма. – И тут меня в чем-то подозреваешь? Ну, знал... Ты что, думаешь, такой путь втайне держится? Многие знали... И да, туда я вас вел. А что, мимо надо было пройти? Я же вас не обманывал – выгода и вам была бы немалая, если бы я с Игнатом договорился... А что там так обернется, этого я точно предвидеть не мог! Слышал, что беспокойно стало на дорогах, ну так где сейчас спокойно? Подробнее у своей новой родни спрашивай да у дядьки своего – он больше знает. Андрюха-то ваш теперь тоже в дело войдет.

– Войдет, – кивнул Мишка. – Но и ты в убытке не останешься.

– Да что я... – Осьма с сожалением вздохнул. – Я-то сейчас, считай, не у дел. Мне бы теперь отсидеться...

– А это ты зря. Отсидеться, говоришь? Не получится. Теперь – не

получится. А что ты можешь, я тебе подскажу. Много чего...

Глава 2

Январь 1126 года Леса во владениях боярина Журавля

Зимой в лесу лыжи всяко не хуже коней. Отрокам из лесовиков они оказались привычнее, да и освоить стрельбу на ходу «с лыжни» проще, чем с седла. Так что по возвращению из похода Младшая стража по решению наставников и с Мишкиного полного одобрения плотно встала на лыжи.

В Ратном издавна пользовали лыжи двух типов, если не считать за третий похожие на плетеные корзины снегоступы, пригодные для неспешной ходьбы по глубокому снегу, на которых передвигались в основном бабы. А вот для охоты и бега по лесу предназначались охотничьи либо нурманские. По большому счету, в скорости передвижения по лесу одни другим не уступали, хотя и у тех, и у других имелись свои недостатки и преимущества. Ратники спорили промеж собой иной раз до хрипоты, чьи лыжи шустрее, больше из-за интереса, а не истины ради, так как одним из фанатов нурманских лыж, как и следовало ожидать, был Лука Говорун. А уж он возможности почесать языком никогда не упускал.

Прибывшие в крепость «медвежьи» семьи добавили к этому разнообразию ещё и свои, модифицированные, очевидно, самим Журавлем под привычные Ратникову из его прошлой жизни – с изогнутым носом и пружинящие на бегу. Новшеством сразу же заинтересовался Стерв, а за ним и те наставники, которым здоровье позволяло свободно передвигаться на своих ногах. Опробовали и, как и следовало ожидать, вскоре отроки в мастерских принялись за столярные эксперименты, так что этот этап модернизации обошелся без Мишкиного непосредственного участия. Заодно и девки на лыжи встали – тут уж постарались мать и Арина: в два голоса проели плешь и Мишке, и наставникам, но девкам и себе лыжи вытребовали, и теперь зимнее утро в крепости начиналось с общего лыжного кросса.

Корней убыл в Туров неделю назад. «Посольство» собралось весьма представительное. Не считая купцов – Никифора и Григория, боярина Федора и Путяты, в Туров поехали Сучок с тремя мастерами для оценки необходимых затрат на строительство лисовиновского подворья на подаренной князем земле. С ними отправили «штрафной» десяток с семьями, с урядником во главе. Именно им под присмотром мастеров Плинфы и Струга предстояло заняться этим самым строительством,

нанимать местных мастеров и приглядывать за работами, когда сам Сучок с Гвоздём вернутся из короткой «командировки» – у артельщиков дома дел невпроворот, и этих-то двоих старшина от души оторвал со скандалом: согласился, что без присмотра мастеров, на одних только мальчишек, такую важную стройку оставлять никак нельзя. Впрочем, Никифор и Григорий наперебой обещали всяческое содействие, потому можно было надеяться, что не позднее чем к следующей осени усадьбу поставят.

Помимо этого с сотником ехал Андрей Немой с десятком опричников. Официально – для представительства и сопровождения воеводы. На самом деле – для того, чтобы тихо и душевно побеседовать с теми, кому пришелся не по душе семейный бизнес его покойного тестя. Естественно, при активном участии Путяты, который, как выяснилось, оторвался от расследования этого вопроса как раз для поездки в Ратное. По той же причине «на побывку» в Туров отправились и двоюродные братья – Гринька с Ленькой: отроки уже набрались некоторого опыта, чтобы принимать участие в семейных делах, для начала под руководством старшего родственника: купец Григорий в сторонке отсиживаться не собирался.

Мишка не исключал вмешательства в предстоящие профессиональные разборки дядюшки. Никифор покидал Ратное в сильной задумчивости, в сани садился хмурый, а когда по приказу Корнея ему туда постелили медвежью шкуру – дорогой подарок от Ратного, аж передёрнулся.

– Ты, Никифор, не хмурься, не хмурься. Не сумлевайся – шкуру для тебя постарались выделать, не попортится. Не у каждого боярина такую сыщешь, разве что у князей, – хлопотал вокруг купца обозный старшина Младшей стражи. – Вот, давай подоткну, а то морозно что-то нынче, не приведи Господь, застудишься, а от этого и помереть недолго.

Илья таки не удержался, вздел в любимом жесте указательный палец кверху и завёл одну из своих бесконечных баек.

– Шкуру медвежью добыть дело не простое, но по-всякому бывает – иной из нее и сам выпрыгивает. Медведь, конечно, зверь серьезный, особенно по весне, не говоря уж если шатун – тогда от него никакого спасения нет, если добаться решил. Только биться. Лет пять назад на старой заимке у Лагунов такой вот, – обозный старшина кивнул на шкуру, укрывавшую сани, – целую семью приговорил. Крышу ночью разобрал и всех порешил. Бабу сожрал, одни ноги утром нашли... Говорили – прогневали они Хозяина чем-то.

– Да хватит тебе языком чесать! – поморщился Никифор,

непроизвольно передернув плечами. – Нашел время... Так мы до завтра не тронемся. И вообще – накликаешь.

– И с каких пор ты бабьих сказок пугаешься? – хмыкнул Корней, спускаясь с крыльца и прислушиваясь к разговору. – Ты нынче вон под какой охраной едешь: не ты медведей, а они тебя бояться должны, пока такие соколы за спиной! Пусть Илья народ повеселит перед дорогой, он у нас на разные сказки мастак. И время есть, пока остальные сани грузят, – и воевода обратился к обозному старшине: – Так чего там с медведем, Илюха?

Ободренный высочайшим вниманием, Илья расправил усы с бородой и даже оглянулся в поисках того, на что бы присесть. Не нашел и продолжил рассказ стоя.

– Вот я и говорю – и на медведя проруха случается. Помню, возвращались мы лет десять назад с Дуная через Галицкие земли. А там сплошь горы кругом, словно кто ту землю, как баба белье, постирал, а рубелем не расправил, так она и осталась. Ух и находились мы по тем горам – ровных мест и не припомню. Только-только с одной кручи спустишься с телегами, как их снова вверх толкать надо. Да крутенько так! Вот и приходилось помогать лошадам: вверх они тянут – мы толкаем, а вниз мы по несколько человек на телегах висим и ногами в землю упираемся, чтоб она, значит, лошадь не смела своим весом. А если ущелье какое, так у-у-у-у! Того и гляди, в обрыв сверзнешься вместе со всем добром и лошадыю...

– А в ущельях, поди, медведи? – подначил кто-то из ратников, собравшихся вокруг Ильи в предчувствии очередного развлечения, тем более что сотник не препятствовал, а тоже слушал. Да и все присутствующие, как провожающие, так и отъезжающие, настроены были относительно благодушно – не в боевой поход, чай, уходили. Только сам хозяин роскошной шкуры, Никифор, хмуро кусал губы и дернулся было прервать рассказчика, но был остановлен хмыкнувшим Корнеем: «Да ладно тебе, Никеша. Дай послушать!» Ободренный таким вниманием, Илья отмахнулся от нетерпеливого слушателя.

– И медведи тоже! Да там и без медведей костей не соберешь! Лошадь одна понесла, сорвалась, так я Отче наш прочесть успел, пока она до низу долетела вместе с телегой, во как! И телега в щепки, и лошадь того... Еле-еле добро достали потом, а от телеги одно воспоминание. Правда, лошадь наваристая получилась, а мясо мягкое, как у молочного поросёнка. Потому как отбитое на камнях, значит, да ещё телегой его раскатало...

– Так ты про медведей врать собираешься или про то, как лошадь

жрал?

– Это когда я вру? – возмутился Илья. – Вон хоть у Серафима Ипатьевича иди поспрошай – он тогда сам ту телегу доставать лазил да лошадь разделявал! А про медведя дальше сказ...

Ну так вот... После одного боя собирали мы добычу в окрестностях, где наши ратники прошли. И отстали чуть от своих – догонять пришлось. Я там был, Демьян Клюка да братья Ветряки, покойные нынче все троя, царство им небесное. Добыча попалась богатая – навалили мы рухляди полные возы, телеги еле-еле ползли.... С холма на горку и с горки на холм... Умаялись. Глядим, до обоза осталось всего только с очередной горки вниз спуститься. И вроде пологая она, по сравнению с теми, что вокруг-то, да лошади что-то храпят-упираются. Огляделись мы с товарищами – дорога-то чуть в сторону идет, но по ней спускаться замаешься. А вот если сразу вниз с горки, так там малинник виднеется и место вроде ровное.

А главное, как представим, что придётся лошадей взбрыкнувших тащить да телеги держать... Я уж и не помню, кому из нас в голову взбрело лошадей выпрячь, да пусть телеги сами вниз катятся. А мы следом спустимся – там-то их из малинника вытащим, вдоль горки куда надо по ровному проедем и ягоды поедем по дороге. Все быстрее и легче, чем на руках-то тащить.

Хорошо, сообразили вначале одну так спустить и посмотреть, что получится. Обвязали поклажу ремнями покрепче, подвезли ее к краю и вперед толкнули. Телега с горки понеслась, быстрее чем на салазках! Летит, только треск стоит, и мы следом галопом на своих двоих скачем от перепуга – только глядя на нее и догадались, что колеса могут отлететь, да и вообще... Сам бы сейчас за такое молодым долбодятлам, как Михайла скажет, оторвал бы все, что отрывается и не отрывается тоже, ну так тогда нас некому окоротить было, вот и...

Но бог миловал – телега в кусты целая влетела, а там ка-ак заревет! Такого воя я отродясь не слышал, аж уши заложило. Мы с разгону за ней летим – а там медведь! Малину жрал, значит, и беды не чуял, а телега прямо ему под зад угодила! Нарочно бы прицеливались – ни в жисть бы не попали, а тут не глядя!

Но как мы на ту горку вверх, к оставшимся телегам да привязанным лошадям вознеслись! Аки птицы на крыльях! Впереди меня Демьян нёсся – вот ей-богу, ногами по воздуху перебирал и руками от деревьев отталкивался, чтобы их, значить, не сшибить. Подлетел и на крайнюю телегу карабкается. Я в него сзади вцепился, а он как заорет:

– Не прогневишься, батюшка Хозяин! То не я тебя, то все Ильюха удумал – его сожри!

Ах ты, думаю, нехристь, медведю на меня наговаривает! Как дал ему по спине кулаком, а под зад пинком от обиды, так он и перепрыгнул через телегу! Летит и орет:

– Не я! Не я!... – а больше и сказать ничего не может. Приземлился по ту сторону, оглядывается, а мы с братьями уже от хохота и про медведя забыли. Тем более что и не побег он за нами, в малине остался. Но идти вниз мы уже опасались, стоим, переглядываемся и не знаем, что делать. С собой ведь окромя ножей оружия нет. А телегу с добром выручать надо, да...

Илья помолчал, давая возможность слушателям согласно покивать. Добыча – дело такое, медведь там или ещё какой зверь, обозному старосте наплевать: сам пропади, а телегу с добром сохрани. Да он и сам страшнее иного зверя будет.

– Пока рядились да переругивались, Серафим, спаси его Господи, появился – нас подогнать, чтоб не телепались. Увидел внизу в кустах прогал да лошадь распряженную, ка-ак зарычит почище того медведя: «Телега где?!»

Мы испугались, что нам он бошки пооткусывает, говорим: «Там, внизу уже», а более ничего пояснить не успели – он вприпрыжку в малинник под горку ломанулся. Переглянулись мы и за ним осторожно, посмотреть, кто кого завалит: медведь Серафима или наш старшина его. Тут уж не угадаешь. Я тогда на Серафима об заклад побился с Демьяном. Бурей в кусты влетел, мы уши прижали, а оттуда только рык нечеловеческий:

– Убью выроdkов! Кто всю малину обосрал, паскудники?!

Илья помолчал, наслаждаясь хохотом слушателей, но не удержался от морали:

– Жадность чрезмерная до добра не доводит. Ты малину жри, да оглядывайся, а то на каждого медведя своя телега поджопная сыщется. Вот на того и сыскалась, да так, что одним говном не отделался. Его Бурей там же неподалёку в кустах нашёл – то ли телегой пришибло, то ли позора не пережил.

Сотник же, отсмеявшись, заключил, вроде ни к кому конкретному не обращаясь:

– А нечего в чужом малиннике гадить! Хорош ржать, трогай!

Ратнинское «посольство», вероятно, едва успело добраться до Турова, когда в крепости появился Петр с донесением от Егора: боярин Данила

желает говорить с бояричем Лисовином и крёстным своего сына, наставником Макаром, для чего приглашает прибыть к нему.

Ещё Петр передал, что Егор со всем своим десятком поедут в сопровождении, встретят Мишку с Макаром возле болота. Посланные от боярина Данилы люди будут ждать гостей прямо за болотом, в условленном месте. Они же и сани подгонят: не солидно послов вести пешком, хоть и на лыжах, да и Макару с его ногой весь путь без транспорта не осилить, а если сразу ехать на своих санях, то до наезженной дороги, которой обычно пользуются сами журавлёвские, идти далеко – день точно потеряется. Вот потому и предложили – до болота доехать, через него на лыжах перейти, а там пересесть на поданные хозяевами сани.

Десяток Егора в качестве телохранителей Мишку вполне удовлетворил бы, но проблема заключалась не только в безопасности. Боярич, едущий по официальному приглашению соседа на переговоры – а то, что предстоят именно переговоры, он не сомневался – без дружины явиться никак не мог. Потому к вопросу о составе «посольства» на совете с ближниками и наставниками подошли со всей серьезностью.

Во-первых, требовалось приготовить подарки принимающей стороне. Дело оказался не таким простым, учитывая срочность и то, что удивить чем-то боярина, и так владевшего, по представлениям ратнинцев, несметными сокровищами вроде подаренного Медведем Макару клинка, трудно. В конце концов решили отдариться традиционно – мехами и серебром. Оставалось найти ещё, чем именно. Мишка уже было собрался гнать в Ратное и там распотрошить дедовы запасы – дело-то важное и такое самоуправство Корней понять должен, но ехать никуда не пришлось. Анна переглянулась с Ариной, присутствовавшей на совете в качестве наставницы, пошептала с ней о чем-то и сообщила:

– Не надо никуда ехать. Корней Агеич сундук передал на хранение, на посаде у Андрея в доме стоит. Скажешь деду, я разрешила оттуда выбрать.

Мать с Ариной отправились на посад и вскоре вернулись, весьма довольные результатом поисков: крытую красным сукном шубу на соболях, что они принесли, и впрямь подарить было не стыдно даже и князю.

Во-вторых, надо было тщательно продумать состав делегации. Это оказалось уже проще: два десятка из первой полусотни Младшей стражи, плюс разведчики. Ну, и «медвежата», как подтверждение для местных, что на этот раз ратнинцы пришли с миром, распри забыты, и, более того, они теперь не чужие, раз «лешаки» доверили им своих детей. А Макар ещё и настоял на участии в посольстве Тимки.

– Ты пойми, Михайла, должен боярин сына своего увидеть. Не захочет

ему показываться – хоть издали посмотрит. Он его в неизвестность отправил и, что тут с ним, только со слов Медведя знает. И поверил ему только потому, что иного выхода не было. А увидит его с нами – успокоится, это лучше любых слов и обещаний подействует. И говорить потом иначе станет, с доверием.

В общем, в дорогу выдвинулись весьма представительной делегацией. До болота ехали на санях, чтобы Макару меньше ногу трудить, там встретили десяток Егора, а на той стороне «посольство» уже ждали обещанные сани и пятеро «лешаков».

Шли по землям Журавля не таясь, хотя Мишка отметил, что проводники выбрали дорогу так, чтобы крупные селища остались в стороне. На ночевку пришлось останавливаться дважды, оба раза в небольших весях изб по пять. Там их уже ждали – гостевые избы были протоплены, еда для гостей и овес лошадям приготовлены заранее. Но сами селяне держались от пришельцев в стороне, в разговоры не вступали, на вопросы отвечали односложно, сами не любопытствовали, но и враждебности не выказывали. Приказов десятника Кикиморника слушались беспрекословно. Видимо, репутация у лешаков была соответствующая.

На третий день ближе к обеду Тимофей показал Мишке рукой на видневшийся впереди за деревьями высокий тын.

– Лешачья слобода! – сообщил он и расплылся в радостной улыбке. – Дома... А за ней уже и Мастеровая через мост будет. Только ее отсюда совсем не видно за деревьями. А за Слободой дорога в крепость – туда иначе никак не попадешь.

Он повернулся к Славко, ни на шаг не отходившему от него во время пути:

– Вы домой забежите?

– Нет там никого, – вздохнул Медвежонок. – И избы, небось, не топлены, даже дыма не видно. Отец, наверное, сам в Мастеровой сейчас. Встретить нас должен.

– Должен, – согласился подъехавший Егор. – Мы так уговаривались. Только не видно его что-то...

Мишка уловил в голосе десятника тревожные ноты и сразу подобрался.

«Что-то пошло не так – Егор не зря насторожен. Вон и орлы его потихоньку позиции занимают. Роська молодец – отроки все наготове.

Лешаки тоже что-то напряглись – или мне кажется? А это ещё кто? Блин, терпеть не могу сюрпризы! Независимо от красоты обертки, внутри чаще всего запашистая субстанция. И не факт, что шоколад».

Впереди показался лыжник в уже примелькавшемся белом маскхалате. Не возник по «медвежьей» привычке из леса, а открыто гнал по дороге им навстречу. Подлетел, лихо притормозил прямо перед передними санями.

Ратников не ошибся в своих предположениях, хотя «лешаков» он заподозрил напрасно: они тоже оказались в роли открывателей «шкатулки с сюрпризом»...

– Командир передать велел! – выпалил с ходу посланец Медведя, безбородый парень. Вытянулся перед Кикиморником, только что не козырнул, и оттарабанил:

– Мирон со своими сыновьями и ближниками в ночь собрались и ещё по темну ушли неведомо куда. Все с оружием. Почти два десятка. Все, кто есть. Наши за ними по следу. Медведь мне велел вас ждать и... – он покосился в сторону Мишки, – велел бояричу Лисовину кланяться и просить о помощи. Боярин Данила так распорядился.

– Медведь до последнего не хотел нашей помощью одалживаться, да тут жизнь боярина на кону, – Егор пояснил Мишке ситуацию, переговорив коротко со старшим лешаком. – И Данила ему приказал дурака не валять: людей у них мало, один десяток куда-то отослан, а половина оставшегося нас встречала. У Медведя при себе только семеро бойцов против двух десятков Мироновых. Спешить надо. Я так думаю – не так там что-то у них пошло, как раньше мыслили: в нашем деле всего наперед не угадаешь. Главное сейчас – боярину их живому до дому добраться да с братом встретиться. С двумя сразу потом и поговоришь.

После короткого совета с лешаками приняли решение разделиться: Макар на лыжах не годен, так что его и Тимофея с «медвежатами» отправили в Слободу, благо, она и впрямь оказалась совсем рядом. Мастера кого ни попадя к себе не пускают, но Тимка и Медвежата им свои, а Макар как-никак родич Медведя. Примут. К ним для усиления приставили Воцаника – того самого новика, который встретил их на дороге, а Мишка для собственного спокойствия добавил отроков Киприана с Гавриилом.

Тимка выслушал приказ идти в Слободу, как будто его наказывали, хотя понимал, что нельзя оставлять Макара одного, да и привычку выполнять приказы старшего за время пребывания в крепости усвоил. К тому же Кикиморник, поглядев на понурившихся «медвежат», тоже не слишком обрадовавшихся приказу отсидеться в Слободе, добавил

аргументов от себя:

– Вы там дольше завтрашнего утра не задерживайтесь. Опасно. Хорошо, сейчас Мирона нет, да и есть там кому предупредить, если что, а все-таки... Чуть рассветет, уходите в крепость – нурманы ждут. Мастеров Медведь уже седмицу уламывает тоже в крепость перебраться, от греха, а они упираются. Может, вон Тимофея послушают, все ж таки его деда Гордея уважали. Если кто с вами решится уйти – забирайте.

На выручку Медведю вышли налегке, чтобы нагнать опередивший их на полдня отряд лешаков. «Медвежата» сели возницами в сани с подарками и прочей поклажей, а Мишка с отроками, пятеркой Кикиморника и Егоровым десятком повернули на указанную лешаками тропу. Вот когда добрым словом вспомнились лыжные кроссы, в которые отроков без устали гоняли наставники, да и погода помогла – легкий морозец и безветренно. По накатанной «медвежьим спецназом» лыжне летели, как на крыльях.

Характерный шум слышали издалека: судя по всему, Медведь вступил в неравный бой с превосходящими силами противника и держался только благодаря внезапности нападения и выучке своих бойцов.

* * *

– Минь, а мы за кого?.. – озабоченно поинтересовался Роська. – Не разберешь тут, где кто...

– За красных, твою мать! – огрызнулся Мишка. – Егор где?

Сотник злился оттого, что не мог с ходу определить, кого им надо сейчас поддерживать. То есть понятно, что Медведя и его команду, но кто из них кто? И те, и другие – в белых масках, лиц издалека в свалке не разглядишь, тем более, они почти все незнакомые: раньше Мишка видел только двоих или троих, включая самого Медведя.

«Так, сэр, не тупите, соображайте быстрее. Это только в первый момент кажется, что там свалка бестолковая, ничего подобного!»

Значит, так: там не две стороны, а три. Одна группа товарищей, судя по всему, штурмует эти строения типа сортир, тьфу! Беличью весь, то есть. Вон те землянки, короче. Защитники их, кстати, не в масках, а в нормальном обмундировании. Но их всего пятеро с мечами возле халуп – полуземлянки какие-то, только кровля над землей возвышается, и та дымится. Они не столько бьются, сколько тушат кровлю и ветки перед входом. Возле леса лежат их убитые, все стрелами побиты – не мечами. Похоже, напали на них внезапно и они с потерями

спешно отступали в укрытие. Раненых успели оттащить – кровь на снегу тянется к домам. И избушка с угла не сама занялась – подожгли...

На тех, кто их атаковал, уже третьи со спины напали – вот они сейчас и рубятся, но их раза в полтора меньше. Тем более, их противники луки побросали, за мечи схватились – в ближней схватке это вернее. Вон и раненые, и убитые – только чьи они, пока непонятно...

Судя по всему, в избушке засели люди Журавля и сам он, напали на него бойцы Мирона, а в спину тем ударил медвежий спецназ» – так получается... Ага, точно, вон, и Медведь командует!»

– Медведя выручать надо, Михайла, и так непонятно, чем они держатся, у Мирона бойцов больше чуть не втрое. Кикиморник муж тертый, своим не дал, не осмотревшись, в бой ввязаться – ждут твоего решения. Медведя чутье не подвело – Мирон на своего боярина засаду устроил. Хорошо, ему умения не хватило, Журавль со своими к веси отошёл и успел укрыться, – подтвердил Мишкины соображения бесшумно материализовавшийся рядом с ним Егор. – Но если бы Медведь не поспел, их бы уже добили.

– Вижу... У нас два десятка выстрелов, на всех хватит. Главное, по «медведичам» не попасть. В лесу с той стороны никого нет?

– Нет. И не было – Мироновых дозорных, похоже, Медведь снес, а своих не выставил – не до того ему. И так вон малыми силами ввязался – считай, на смерть шел. Правда, несколько Мироновых людей ещё до нашего прихода ушло. По дороге с нами не встретились, или мы их не видели – плохо это. Вроде подмогу им тут негде взять, только если сотню охранную приведут, но эти раньше утра не поспеют. Ладно, не до них пока – в случае чего разведчики знать дадут.

«Ну, пронеси, Господи, черт тебя подери!»

– Отря-а-ад! Слушай мою команду!...

Стремительное появление из леса двух десятков вооруженных самострелами лыжников для увлеченных боем оказалось сюрпризом. Для кого-то приятным, а для кого-то – не очень. Самострелы и решили исход боя. Людям Кикиморника и Егорову десятку ничего и не осталось – отроки били почти в упор, подлетев на лыжах к намеченной цели на минимальное расстояние. За луки бойцы Мирона схватиться не успели.

Медведь, раньше других заметивший подмогу, остановил своих бойцов, чтобы те в запале не приняли отроков за новых врагов. Радости на его лице, впрочем, не просматривалось.

– Спасибо, боярич, подсобил, – коротко кивнул он Мишке и обернулся

к своим. – Лепень! Мирон где? Найти гниду! – и, не дожидаясь ответа, почти бегом бросился к одному из защитников веси, переступая на ходу через убитых и корчащихся раненых, что обильно лежали на парящем от горячей крови снегу. – Валуй! Где боярин?! Жив?!

– Жив...

Валуй – широкоплечий угрюмый воин, с лицом, густо залитым потом и кровью – то ли своей, то ли чужой – хмуро взглянул на Медведя и чуть отступил, загораживая собой вход в земляку.

– Это кто? – требовательно спросил он, кивнув в сторону Мишкиных отроков, и оглянулся на своих. – Чего встали! Ещё разобраться надо, что тут и кто...

– Валуй, не дури! – Медведь остановился напротив своего собеседника, вероятно, старшего среди защитников веси. – Сам видишь, кто тут враг боярину... Зови его – я перед ним сам оправдаюсь. Велит казнить – казнишь.

– Кого привел, спрашиваю? – Валуй не отступал и смотрел все так же настороженно. Его бойцы сгрудились у него за спиной у входа в землянку и тоже не спешили приветствовать земляков.

– Да чтоб тебя! Думалку включи! Соседи это наши... Мастер... – Медведь на минуту замаялся и решительно поправился, – боярин Данила велел их позвать. Не сладил бы я без подмоги – мои другую дорогу держат, хорошо, я за Мироном проследил, а то бы жарились вы сейчас, как куропатки на вертеле... – Он кивнул на ещё дымящийся угол кровли. – Что вас сюда-то понесло, да ещё малыми силами? Едва успел... Там у нас такие дела без вас творятся – едва порты удержали, а ты мне тут... Зови боярина, говорю! Пусть он свое слово скажет!

Валуй осмотрел поле боя, о чем-то задумался и вдруг, махнув рукой, опустил меч и словно поник.

– Ранен боярин... Не уберегли...

– Так какого ж ты мне тут!.. – зло рванулся к нему Медведь.

Мишка оглянулся на стоящего за плечом Антоху:

– Матвей где? Быстро тащи его сюда! Видишь, помощь нужна, – и тоже шагнул вперед, вставая рядом с Медведем. – Сейчас наш лекарь посмотрит. Ещё раненые есть?

– Ты кто тут... – Валуй было снова нахмурился, но за Мишкиным плечом вырос Егор.

– Боярич это наш, – сообщил он. И веско добавил: – сотник Михайла Лисовин.

Валуй, возможно, хотел ещё что-то сказать по этому поводу, но в это

время Мотька, волоча за собой свой походный лекарский баул, деловито пролез мимо обступивших место действия бойцов Медведя и требовательно спросил:

– Где боярин? А то мне там двоих недобитых ещё перевязать надо...

– Это лекарь?! – вытаращился на него Валуй.

– А у тебя другой под рукой имеется? – со злостью поинтересовался Мотька. – Лучше прикажи лучин побольше зажечь, чтоб свет был, да воды согреть.

На мгновение задумался и отдал ещё распоряжение:

– Раненых своих, какие есть, тоже сюда тащите – не на морозе же мне их перевязывать. Погляжу боярина, потом прочими займусь.

И, не обращая больше внимания на обалдело вытаращившихся на него воинов Журавля, Матвей решительно направился к двери землянки.

Впрочем, Валуй оказался мужиком сообразительным. И решал быстро.

– Чего стоите, как сосватанные? – хмуро рыкнул он на своих подчиненных. – Слышали? Света побольше! И воды согреть... Лекарь не лекарь, а другого и правда нет... Где там бабье попряталось? – Живы они? Хоть какая посуда чистая тут есть?

К Мишкиному удивлению, «бабье» тут же отыскалось. Две бабы-лесовички и три девки-погодки прятались в соседней землянке. Там же обнаружили и хозяева веси – охотники. То ли отец с сыном, то ли тесть с зятем и двое отроков. Судя по доносившимся звукам из землянки там имелись ещё и дети помладше, но они на улицу не высывались.

Младший из мужей принялся раздавать распоряжения своим домочадцам, а старший подошел посмотреть на ущерб, причиненный налетчиками. Оценил, осторожно покосился на Валуя с Медведем, вероятно, раздумывая, стоит ли предъявлять им претензии за разорение усадьбы, и благополучно передумал. Убедился, что огонь потушен, а ущерб не слишком велик, вздохнул, отошел к своим и уже оттуда принялся безрадостно оглядывать разгромленный двор и поваленный плетень, снесенный при штурме веси.

Медведь с Валуем, тревожно поглядывая на вход в землянку, где Мотька развернул свой походный госпиталь, о чем-то интенсивно переговаривались. Мишка, получивший короткую передышку, тоже невольно прислушивался к звукам, доносящимся из землянки.

«Ну что, сэр, вы, кажется, дали себе слово убить своего буйного соседа? А теперь сами к нему лекаря притащили, и, не дай бог, он, сука, помрет раньше времени. Вот вам и очередной урок – не зарекайтесь. Впрочем, одно другого не отменяет, но пока что дражайший Сан Саных

нужен живым, раз уж его Мирон не достал... Настену бы сюда или Буря, или хотя бы Илью...»

Внезапно из землянки послышался какой-то шум, будто рушилось что-то тяжелое, и возмущенный вопль Мотьки, тут же оборванный на полуслове, возможно, оплеухой:

– Куда?!... Уй-й...

Его перекрыл грозный рык:

– Пшел вон! – и из двери буквально вывалилась огромная темная фигура в одних портах. Кроме них из одежды присутствовали только бинты, наскоро сделанные из домотканого полотна, на которых отчетливо проступало и на глазах увеличивалось кровавое пятно в правом боку чуть ниже рёбер. Буйный Мотькин пациент едва держался на ногах и упал бы, если бы его не подхватили с двух сторон подскочившие Валуи и Медведь.

Журавль (никаких сомнений, что это именно он, у Мишки и так не было, а тут ещё и хорошо заметные черные оспины на бледно-желтом перекошенном болью лице не давали ошибиться), хоть и повис на своих ближниках, но голос не умерил. Обернувшись к двери, он рывкнул кому-то внутри землянки:

– Дарька! Щенка придержи – борзый он больно... А то пришибу – кто вас лечить будет? Мне-то все равно теперь... – и обратился к Валуи с Медведем: – Посадите меня...

Медведь уже стелил для боярина свой тулуп. Журавля бережно усадили возле стены и накинули ему на плечи поспешно вынесенную из дома шубу. Тут же хлопотал злой и красный Мотька, все-таки вырвавшийся из землянки и не желавший оставлять пациента на произвол судьбы. Журавлю эффектный выход, судя по всему, дался ценой немалых усилий, он откинулся назад и прикрыл глаза, набираясь сил. Мотька было сунулся к нему, но боярин расцепил веки и отмахнулся, устало процедив сквозь зубы:

– Слышь, малый, иди отсюда, остальным помогай, не трать на меня время. Дай с людьми поговорить.

Он поднял глаза на обступивших его воинов, нашел взглядом Медведя:

– Прости, что не поверил, Медведыч. Хана мне – сам видишь...

– Что ж ты так, командир? Ты уж прости – не успел... Моя вина...

В голосе Медведя Мишке послышались Роськины нотки, он взглянул на своего крестника и передернул плечами, прогоняя морок – почудится же...

– Успел ты, Медведыч, успел, – криво усмехнулся Журавль. – Если б ты с бубей пошел – хуже было бы... – он обвел взглядом поляну и тут встретился глазами с Мишкой.

– Это кто? Медведыч! Ты кого привел, твою мать?!

– Михайла Лисовин это. Боярич из Ратного, – Медведь не отвел взгляда от бешеных глаз Журавля, хотя заметно напрягся. – Выручили нас соседи. Данила тебе написал тут, да я передать не...

«Лешак» достал из-за пазухи свернутую трубочкой бересту и протянул своему боярину, но замолчал на полуслове и только что не отшатнулся от осязаемого удара ярости и отчаяния, которым полоснул Журавль шагнувшего к нему Мишку. Ратников – Ратников, а не Лисовин! – встретил этот удар и ответил таким же – и уже Валуи и стоящие рядом с ним воины чуть не шарахнулись в стороны. Кое-кто полез за пазуху, непроизвольно нащупывая обереги. Секунды длился этот невидимый, но ясно ощущаемый всеми присутствующими поединок. Журавль первый погасил взгляд. Хмуро усмехнулся и почти равнодушно процедил сквозь зубы:

– С-сука... И тут достали... – и выплюнул словно ругательство, – депу-тат...

Мишка дернул щекой и шагнул вперед.

– Ошибаешься, боярин: достал тебя твой человек. А я теперь твоя надежда.

– Надежда – мой компас земной, – криво усмехнулся Журавль.

«Блин, у него, что, крышу сорвало? Тогда трындец, сэр, влипли. И ведь не кончишь его тут... Ну да ладно – с бубей так с бубей!»

– А удача – награда за смелость, – нахально рубанул Мишка, не слишком заботясь о том, что подумают о них окружающие, и озабочено вглядываясь на Журавля, у которого бледность уже переходила в желтизну на висках. – Смелости тебе не занимать. Осталось поверить, что сейчас твоя удача – я. Другой не будет.

– Умеешь ты убеждать, сука... – прохрипел Журавль. – Только поздно, помираю я – хоть вон у лекаря своего сопливого спроси. Он уже понял... – и взглянул на понурившегося Матвея. – Скажи им, чего уж...

– Мотька?

– А я что? – Мотька вздохнул и безнадежно махнул рукой. – Там нутро задето... Наконечник остался, когда выдергивали. Настену бы...

– А твоя Настена полостные операции делать может? – Журавль насмешливо смотрел на несчастного лекаря. – Я на такие ранения насмотрелся, так что не крути. Печень задета... Хорошо, если до утра доживу. Мне это время надо с пользой провести. Иди, говорю, там мужики... Ими займись.

Мотька растерянно уставился на Мишку, но тот только махнул рукой. Матвей хотел что-то ещё сказать, но передумал, вздохнул и вернулся в

землянку, а Журавль снова перевел взгляд на Медведя и распорядился.

– Медведыч! Всем на тридцать шагов отойти, и следи, чтоб ни одна падла с места не двинулась, пока я с бояричем говорить буду. Исполни!

Мишка глядел в глаза сидящего напротив него немолодого мужика с мрачным, изуродованным ожогом лицом и молчал. Раньше казалось, так много надо спросить, а встретились и выяснилось, что не о чем им говорить.

Нет, не так. Говорить надо много о чем, но если бы у них была неделя или хотя бы сутки на те разговоры, а сейчас...

– Поверить тебе, говоришь? А в чем она – твоя вера?

Голос Журавля звучал глухо и прерывался тяжким, со свистом, дыханием. Каким чудом он вообще ещё находился в сознании при таком ранении, непонятно, но смотрел так, словно готов был удавить. Ратников и не сомневался: мог бы – удавил. Впрочем, он сам на его месте тоже бы удавил, пожалуй. Но в сложившихся обстоятельствах приходилось договариваться, тем более что времени на это оставалось все меньше и меньше, и терять его на бесполезные пререкания совсем не хотелось.

– В том, что в жизни всегда должна быть цель. Такая, что и умирать не страшно, если понимаешь, что она после тебя жить будет. И в том, что нельзя своих людей на колы сажать. Даже ради цели нельзя...

– Ну, понеслось... – скривился Журавль. – Ты мне ещё мораль почитай, про слезинку пидараса расскажи, тля! Ладно, Данька, он пацан, зеленый и пупырчатый, как огурец, ни хрена в жизни не видел. А ты-то чего? ТАМ не ты ли и не такие, как ты, ребят сдавали? МОИХ ребят... Рассказать тебе, как они умирали? Не легче, чем на колу...

– Это ты от обиды к браткам прибился, герой?

– Слышь, депутат, тебя что, головой приложило? – неожиданно возмутился Журавль. – Ты базар-то фильтруй. Сам проворовался, а туда же... Я в вертухаи подался, потому что жрать нечего. Родине мы не нужны стали, а у меня ещё и ранения... Спасибо, мужики пристроили, а то бы совсем трындец. Из-за того я и к доку сунулся – лепилу хорошего, да без денег чтоб, хрен найдешь. А впрочем... Какая разница теперь – к кому я подался да зачем на колы сажал...

– Большая, – Ратников сел рядом с Журавлем. – Времени мало – некогда мне с тобой Христову политграмоту разводить, сам понимаешь. Ты в Москву зачем собирался?

– Русь хотел объединить... До татар. Чего, думаешь, дурак совсем? – Журавль хмыкнул. – Может, и дурак... Умный, как ты, под себя бы греб и

радовался. Данька вон тоже дурак. Рома-антик... Мужiku хорошо за сороковник, если все сложить и тут, и там, а в душе так и остался пацаном. Потому и корежит его: не понимает, что добром не всегда можно – от его добра большей кровью захлебнулись бы...

Говоришь, на колы чего сажал? Да вот потому и сажал! Чтобы своей дурью не порушили дело, ради которого я тут... Свои люди? Так не свои. Свои за понюшку не предают. Вы вон там у НАС наверху все свои? На кол никого не хотелось? Хотя тебе, может, и не хотелось... Ради них, – он мотнул головой куда-то в сторону, – я жопу рвал все эти годы! Ради них тут торчал, а не подался к какому князю... Ради их будущего! Чтобы их дети с голоду не мёрли, а внуки рабами татарве не пошли... Лекарей нашел, школы устроил... Все похрен!

Ничего им не надо, только одно – ДАЙ... И чтобы их не трогали... Только и дудят – так от дедов-прадедов заведено... Ну и молиться им, вишь, не так – свободу совести приспичило, а у меня со жрецами договор... Да и пусть бы молились, пока дурить не начали... Дети мёрли из-за их свинства и антисанитарии, решили рожениц в роддом собрать, а там жрица, видишь ли, повитухой, а они христиане, блин... Вот и ушли в побег с бабами беременными и детьми среди зимы, без еды и даже вещей тёплых – назло мне, значит. Типа протестовали. Детей поморозили до смерти, баб этих... Остальных бы тоже волки пожрали... Догнали их – да поздно уже... Вот увидел детишек, живьём замёрзших, и... Первый раз тогда сорвался.

Журавль вдруг оборвал рассказ и зло оскалился:

– Не мог я им позволить все прахом пустить! И на колы сажал, да! Чтобы хоть так дошло, раз по-хорошему не понимают. Не достучишься иначе! Потом уже этот, как его... Моисей объявился. С ним проще стало, он их хоть от большой дури удерживал. Ну и хрен с ними. Считаешь меня зверем? Ну и насрать... Я-то знал, ради чего жил. Тебе этого не понять... – и снова откинувшись назад, закрыл глаза.

– С лицом-то у тебя что? Порох изобретал?

– Нет, домну строил. Взорвалась, сволочь, – пожал плечами Журавль, не открывая глаз. Мишка почувствовал нарастающую внутри него холодную злость.

«И ведь спокоен, зараза! Как удав на пилораме... И наплевать ему на все...»

– А что ж порох не сделал? Самогонный аппарат вроде получился...

– А ты сам иди и сделай, – Журавль через силу усмехнулся. – Думаешь, просто? Даньку спроси – он записи покажет. Всё там. Порох... Ты его когда-нибудь сам делал? Спецы долбанные, теоретики кухонные!

«Берем селитру...» Где берем? Из нужника? А ты ее там видел? И сера... Из ушей выковыривать? Так я бы и выковырял, да не годится. А с югов везти – никакого серебра не напасешься! И молоть, и гранулировать потом... Слышал хоть про это? И не горсть нужна, тонны... Вон, грек у меня пять лет экспериментировал – стоит у него где-то горшок с пороховой мякотью. Как раз себе петарду сделаешь по случаю победы – в жопу воткнуть для ускорения, все равно оно больше ни на что не годно. Вот и развлекайся... Или грека к делу пристрой – он до этой алхимии аж дурной.

Меня ты все равно бы в расход списал – по глазам вижу... И правильно, я бы тоже списал... Тебе сейчас проще: за тебя Мирон постарался. Потому не напрягайся: санаторий имени Святого Петра до моего прихода все одно не закроется. Чего ещё тебе от меня надо?

– Дурак ты, Сан Саныч, – вздохнул Ратников. – Ничего мне от тебя не надо, а вот тебе от меня – много чего. И то, что тебе надо, только я и могу тебе дать. И времени у тебя мало, а ты хренью страдаешь.

– И чего же ты мне предлагаешь, депутат? – глаза Журавля снова приоткрылись.

– Единственный шанс, если не хочешь, чтоб твое дело вместе с тобой умерло и быльём поросло. Москву основать я тебе не обещаю, а вот в ЭТОЙ истории не дать татарам Русь обескровить и на триста лет назад откинуть... Если все получится, то так и будет. И Западу с нашей крови жиреть не дам. Сдохну, но не дам! Как – долго рассказывать. Веришь или не веришь – сам решай. Я же тебе одно могу обещать...

Сейчас Журавль слушал Ратникова совсем иначе, чем вначале: впился в лицо взглядом, словно хотел пробуравить до самого затылка.

– ...А самое главное, что могу дать – детей твоих прикрою и не позволю тишком прирезать. Чтоб память про то, что ты тут сделал вместе с ними, не помахала тебе вслед крылышками от бабочки Бредбери. Проф про такую не рассказывал? Вот это – обещаю. И твои люди, кто верен, с нами пойдут. Если ты им прикажешь. Так что думай...

– А гарантий, стало быть, никаких...

– Есть гарантия. Одна, но надёжнее не бывает. Слово коммуниста.

– Это ты-то коммунист? – зло оскалился Журавль. И снова процедил с презрением. – Де-пу-тат...

– Член ЦК КПСС. Съезда, который меня бы этого звания лишил, не было. Следовательно, не бывший, а действующий. Слова члена ЦК партии тебе не достаточно?

– Гнида! – Журавль внезапно успокоился и выругался почти равнодушно. Прикрыл глаза и устало усмехнулся. – Вот на чем ты меня

развести решил... Член, одно слово. Да вы хуже откровенных врагов. С тех чего взять? Враги, они враги и есть. А вы им страну сдали, пока мы воевали... Я за свой партбилет, тронь его кто, глотку мог перегрызть, а для вас он вроде пропуска – повыше забраться, пожирнее урвать. Зато потом локтями друг друга распахивали, когда толпами в храмы ломанулись. Слышь, ты, член, – боярин с трудом разлепил веки и мазнул взглядом по Мишке, – а куда вы при этом партбилеты девали, в церкви-то? Небось, в карман, поближе к кресту... для усиления эффекта. Ты «Отче наш» ни разу с «Интернационалом» не путал, когда чего петь положено, а? А то, я слышал, бывали конфузы... А потом, помолясь, из коммунистов попёрли в демократы – страну дербанить.

Мишка не перебивал умирающего – тот сейчас не слышал никого, кроме себя, – но чувствовал, как его лицо потихоньку багровеет.

– Думал, хоть здесь без вас обойдусь, да хрен – те же яйца... «Заветы предков, светлые боги»... – ёрническим тоном передразнил кого-то боярин. – Ага, как же! Да жрецы впредь своей паствы в те же храмы попёрлись! «Кто не успел – тот опоздал», а самые шустрые в момент в попы просквозили. Была тут у меня парочка таких, предлагали окрестить всех и сразу, но чтоб они над этим стадом главкозлами стали.

Щаз! А сколько таких по Руси успело веру сменить да к тёплому местечку прибиться, ты знаешь, депутат? А я вот насмотрелся!

Что там, что тут – ничего не меняется, все вы, гниды, одинаковы! Привык там попам руки мусолить и здесь их под хвост целуешь – вот они тебе свои, а я и мои ребята, которые за речкой лежать остались – так, говно в тряпочке... Коммуни-ист, тоже мне!

Приступ бешенства накатил неожиданно и резко: фамильное лисовиновское безумие и злость и обида самого Ратникова одновременно ударили в голову, и этот гремучий коктейль едва не снёс всё, включая разум. Мишка остановился в последний момент, когда его клинок оказался в сантиметре от горла Журавля. Опомнился, всадил меч по самую рукоятку в ветхую стену полуземлянки, возле которой они сидели, и заорал прямо в удивлённо распахнувшиеся глаза Журавля:

– Мабу твою лумумбу через касавубу, хрен ты про меня знаешь! Трипперного осьминога тебе в транец якорем с присвистом и отсосом! Крокодилье тебя пиночетом...

Ратников не помнил, когда в последней раз ТАК оттягивался. Не только здесь – даже в далекой припортовой юности. На одном дыхании за пару минут прокричал скороговоркой, пожалуй, весь свой богатый

лексикон, вспоминая даже подзабытые обороты, некогда слышанные от знакомого боцмана, и расцвечивая их на ходу составленными собственными филологическими конструкциями. Выплёскивая в ругань весь адреналин, не получивший выхода в действии.

– Стоять! – рявкнул Журавль, прерывая на полуслове Мишкин заковыристый монолог, но не ему, а куда-то через плечо. – Я сказал – стоять всем! Разговариваем мы с бояричем по душам. Не лезьте... Слышь, депутат, своих охолонь.

Мишка, приходя в себя, обернулся и обнаружил, что едва не стал причиной новой бойни между людьми Журавля и своими отроками, уже вскинувшими самострелы.

– Отставить! – скомандовал он и уже спокойней обернулся к боярину. – Ты базар-то фильтруй, Сан Саныч... Нekoгда нам сейчас с тобой воевать. Времени мало.

– Сам вижу, – кивнул Журавль. – Где ты так заворачивать научился?

– В порту... Я же не всегда членом ЦК был. И повоевать пришлось – на действительной отсидевших бандеровцев по Карпатам гонял. Я там друга раненого к вертолёту тащил – не успел донести... – Мишка устало опустил рядом с Журавлем. – Потому и полез, как ты говоришь, «в депутаты», что видел, к чему дело идет. Ну прости, не успели мы. ТАМ не успели. А тут... Тут тебе решать. Все сделаю, чтобы ЗДЕСЬ татарам не так вольготно было по Руси гулять. Может, тогда и ТАМ что-то изменится...

– Изменится? С попами-то?

– Да уж лучше с попами, чем на колы. Тем более, попы тоже люди, со своими интересами, значит, с ними на почве этих самых интересов вполне можно работать. Другой идеологии у меня сейчас под рукой всё равно нет, уж извини. А без идеологии, и правда, хоть на колы сажай – толку не будет. Ты уже попробовал. Говоришь – жопу рвал. Ну, так не себе ж только, а людям. Ты хоть понимал, ради чего. А они? Медведь тебе верен остался, а даже он не знает, зачем тебе Москва сдалась. Ты ведь и объяснить не мог, только сказочку рассказал – пророчество... И помогло оно? Мирона вон так и потерял... А чем царствие Божие на земле хуже построения коммунизма, раз оно от дури удерживает? Сам же говоришь, как Моисей появился, так и на колы сажать нужды не стало... – Мишка вытащил меч из стены, оглядел клинок. – Вот, оружие из-за тебя попортил... – посетовал он. – Стали-то у меня такой, как у вас, пока не делают.

– Вот-вот, нету... И не будут, если попам волю дашь, – опять съехидничал Журавль.

– Ну, это ещё мы посмотрим, – усмехнулся Мишка. – Я материалистом

как там был, так и здесь остался и пока веских причин для перемены мировоззрения не вижу. Христианство при правильном применении штука полезная, да и не время ещё для атеистов. Вот и работаю с тем, что имею: религия – мощный инструмент, если им с умом пользоваться, а уж языческая она, христианская или ещё какая – дело десятое. Да и тебя не попы достали, а Мирон твой. Язычник, небось?

– Сука продажная он, а не язычник! Мой косяк, не тому я поверил... А все Долгорукий, падла... Его люди подзуживали, некому больше... Все ж таки прав был Медведь, а я его не слушал, на него грешил...

– Ну так теперь послушай. Твой Медведь не дурак, а мне поверил. Не по приказу Данилы – сам. Хочешь – спроси его.

– Да чего там... – Журавль помолчал, сцепив зубы от очередного приступа боли. – Выбора у меня всё равно нет, а так хоть какая надежда... – он испытующе посмотрел на Ратникова. – Только тогда тебе возвращаться некуда будет.

– А сейчас есть куда?

– Вроде как... Хотя тоже не поручусь. Если я тут надурить успел не больше, чем док рассчитывал, то вернусь. Данька сказал, он позже нас уходил. Да и племянник он доку. Тот его подготовил, как мог – не так, как нас... Отправил потому, что ТАМ ему совсем хреново – умирал пацан. Вот у него только одна жизнь – здесь, а у нас с тобой вроде как шанс есть. Но если здесь изменишь будущее... Хрен его знает, куда занесет потом. Может, в того тебя, который будет в новом будущем, а может, и не будет тебя там... Не знаю. Вот так вот...

– Ну и черт с ними, с теориями, – махнул рукой Мишка. – Две жизни все равно больше, чем одна неполная. Там я полтинник оттрубил, тут ещё сороковник прибавится, если повезет. Считай, девяносто. Я на возвращение не особо и рассчитывал.

– Ну, смотри... За пацанами приглядишь?

– За сыновьями?

– И за Данькой тоже. Он сюда совсем зеленым попал – двадцати не было. Да так и не повзрослел. Все такой же молодой и дурной на всю голову... Пацифист, блин. Пропадет он тут без меня. Приглядишь? – требовательно повторил он.

– Я тебе слово уже дал. Оно у меня одно. Если тебе мало...

– Мало... Но выбора нет... Только учти – если что – я тебя ТАМ достану... – Журавль шевельнулся и повысил голос. – Медведыч! Валуй! Меч мой подайте... бояричу Лисовину. Пусть он его сыну моему отдаст.

Глава 3

Январь 1126 года

Лес в землях боярина Журавля. Мастеровая слобода. Окрестности села Отишие

До рассвета Журавль все-таки дожил и, хоть временами впадал в забытие и заговаривался, пугая окружающих непонятным им бормотанием и вскриками, успел ещё встретить прибывшую под утро сотню охраны. Это сильно облегчило процесс переговоров Медведя и Валуя с сотником Грымом, вполне соответствующим той характеристике, что дал ему Медведь во время памятного разговора в лесу: упертый, туповатый, но исполнительный и Журавлю верный.

Боярин ненадолго пришел в себя и, вполне внятно обматерив Грыма, велел тому слушать Валуя с Медведем и, к немалому потрясению окружающих, Мишку. Грым в первый момент хоть и вылупился ошалело, тем не менее принял вводную без возражений и уточнений, словно его переключили. Как только в его голове сменились приоритеты, он все-таки начал соображать достаточно быстро и в правильном направлении, а потому с ходу огорошил:

– Так значит, приказа Слободу жечь боярин не отдавал? – и не дожидаясь ответа, озабоченно полез в затылок. – Тогда назад поспешать надо – Мирон мастеров резать пошел...

– Чего?!

Мишка не понял, как в его руках оказался самострел, наведенный на Грыма, а рука уже была готова нажать на спуск. Егор прыжком оказался рядом, но ударить не успел – боярич сам бессильно опустил оружие и застонал сквозь зубы, услышав, как где-то очень далеко мощно ухнул до боли знакомый звук, который никак не должен был раздаться здесь, по крайней мере, в ближайшие лет триста. В утреннем заснеженном лесу гул далекого взрыва прозвучал как приговор, убивая последнюю надежду.

– Ты что сделал, сука? Четвертую... – голос Журавля, хоть и прозвучал почти шепотом в наступившей тишине, но заставил Грыма побледнеть и попятиться.

– Мирон сказал... – Грым непроизвольно поежился и тревожно оглянулся на Медведя с Валуем, сглотнул, но все же попытался оправдаться. – Ты сам его за старшего оставил...

– ТАКОЙ. Приказ. Только. Я. Мог. Отдать. Лично. Дятел! – Жур

отдышался, коротко закрыл глаза, словно набираясь сил, и поинтересовался почти спокойным голосом. – Ты ему людей дал?

– Пятерых... Его вертухаи с ним ещё...

Журавль открыл глаза, пошарил взглядом вокруг и остановился на Мишке. Заговорил тяжело, с усилием, делая долгие перерывы между словами:

– Слышь... депутат... Бери всех... И Грыма тоже. Дурак, но верен... Потом сани пришлете... Доживу – тогда договорим... Валуй, Медведь! – дождался, пока и тот, и другой подвинулись в зону обзора, и распорядился. – Этот с вами пойдет... Я сказал! – неожиданно прохрипел со своей лежанки Журавль. – К Даньке... К боярину Даниле... Он – за меня... – и отвалился без сил.

Сколько олимпийских рекордов он перекрыл на обратном пути по заснеженному лесу, стараясь не отстать от взрослых воев в лыжном забеге, Ратникову думать было некогда – в висках лупила и гнала вперед только одна мысль:

«Черт с ней, Слободой, черт с ними, со всеми ништяками и мечами и Златоустами в богудушуухмать! Но хоть бы Макар успел мальчишек из слободы увести! Хоть бы успел...»

Остальных отроков под командованием Дмитрия решено было оставить с ранеными для охраны и помощи Мотьке. Ну и чтобы не задерживали в дороге взрослых.

Медведь, размеренно отмерявший лыжню рядом с Мишкой, похоже, думал про то же самое – его «медвежата», включая младшего сына, на которого он возлагал столько надежд, остались тоже там, с Тимкой и Макаром, и, если Мирону удастся до них добраться, то в судьбе своих младших опытный воин не сомневался.

Черный дым, поднимавшийся над лесом, заметили издалека, и никаких сомнений в том, что это догорает разоренная Слобода, не оставалось. Однако, когда лыжники вылетели из леса, оказалось, что высокий тын, мост и ворота за ним уцелели. Более того, ворота оказались надежно заперты, а на заборолах виднелись вооруженные люди.

– Откуда у Мирона столько воев набралось? – оскалился было Медведь на Грыма. – Ты ж говорил, с ним меньше десятка послал. Да его вертухаев пятеро...

Он повнимательнее пригляделся и вдруг ухмыльнулся:

– Нурманы! – и не дожидаясь, пока их окликнут с заборол, сам подал голос. – Свен! Боярин Данила здесь?

– Медведь, ты? – отозвался сверху голос с легким акцентом. – Боярин Журавль где?

– Свен, меня признаешь? – Валуи выехал вперед и встал рядом с Медведем. – Журавль нас сюда послал. Мирона взяли? Боярина зови...

– Ушел от нас МIRON... – с хорошо заметным сожалением ответили со стены. – Легко помер... Погоди, послали уже к Даниле. Он вас ждёт.

Когда ворота наконец распахнулись, а в них показались два всадника, то Мишка почувствовал, как от него прямо-таки ощутимыми волнами откатывает напряжение: в одном из встречающих он опознал Тимку, а во втором «медвежонка» Славко. Медведь при виде сына едва слышно выдохнул, словно так и держался всю дорогу на одном вздохе, но больше ничем своей радости не выдал, даже бровью не повел.

Мишка взгляделся в непривычно серьезного, прямо державшегося в седле Тимку и вдруг почувствовал, как знакомый холодок нехорошего предчувствия ползет по спине: уж больно разительно изменился пацан за прошедшие сутки. Того мальчика, что без шапки бежал через двор крепости выручать своего Феофана-грека при их первом знакомстве, сейчас и следа не осталось – в седле сидел боярич. Совсем ещё сопливый, но боярич. И ехал он на встречу к нему, Михайле Лисовину, и никому более.

Понимая, что сейчас произойдет, Мишка приосанился и выдвинулся чуть вперед, ожидая, пока всадники переедут мост и спешатся. Егор переглянулся с Медведем, и они, как по команде, встали с двух сторон и на полшага сзади от молодого сотника, удачно изобразив почетный караул. Тимка и впрямь остановил коня напротив Мишки, не глядя по сторонам, с достоинством подождал, пока Славко, спрыгнувший первым с седла, подержал ему стремя, неспешно спустился на землю и, сделав шаг к Мишке, вскинул руку в принятом в крепости приветствии, звонко отрапортовав во внезапно наступившей тишине:

– Господин сотник! Твое приказание выполнено! До отца... боярина Данилы группа дошла! – отчеканил Кузнечик. – Но в Слободе на нас напали люди Мирона и охранной сотни. Часть мастеров мы успели спасти.... не всех... – тут голос Кузнечика дрогнул, мальчишка немного замялся, но все-таки продолжил: – Самых главных спасти не получилось. У нас потерь нет. Наставника Макара мечом задело, не сильно... Ходить может. Еще двое отроков ранены – легко, при взрыве школы щепками задело. Нас нурманы выручили... Только отец плох совсем, ему даже ходить трудно, – в конце концов Тимка совершенно потерял темп и сбился на рассказ.

Славко, словно случайно качнувшись, слегка задел Тимку плечом,

видимо, рассудив, что доклад боярича грозит плавно перетечь в какое-нибудь литературное безобразие. Тимка кашлянул и, оборвав себя на полуслове, перешел к тому, ради чего, собственно, и прибыл к воротам:

– Мой отец, боярин Данила, просит его извинить, что не мог сам тебя и боярина Журавля встретить, как положено родичу, ибо недужен. Ждет он вас для разговора в нашем доме... – и вдруг спохватился, окончательно вываливаясь из образа. – А дядька Журавль где?..

– Ранен боярин, – хмуро сообщил Валуй, наблюдавший все действие в легком обалдении и, кажется, только от этого вопроса приходя в себя. – Тяжко ранен... Мирон, сука...

Он смерил Мишку взглядом, покосился на Медведя и махнул рукой:

– Ладно, пошли к боярину... Там и поговорим.

«Классика жанра – разговор Штирлица с радисткой Кэт в гестапо... Он знает, кто я, я знаю, кто он, и оба мы знаем, что знаем, и не дай бог остальные это поймут. Хотя ещё вопрос, кто тут Штирлиц, а кто гестапо, так что не расслабляемся. Для начала надо отыграть свою партию без единой ошибки: от нее теперь многое зависит, включая судьбу Данилы Мастера, его сына, сына Журавля, которого ещё предстоит увидеть и... здешнего мира на столетия вперед.

Хм, не много ли на себя берете, сэр Майкл? Пожалуй, нет – в самый раз, чтобы не надорваться, а то вон пацан напротив вас, похоже, сил не рассчитал. Неважно, что здесь он вдвое старше – все равно пацан, по глазам видно. Прав был Сан Саныч, прав... Так мальчишкой и остался, но когда припекло, сумел все-таки собраться и начать действовать. Да и наивностью, надеюсь, давно не страдает, не говоря о том, что далеко не дурак и не бездельник – если все эти златоусты и прочее его рук дело...»

Стоявший напротив Мишки немолодой и сильно изможденный человек с желтоватым нездоровым лицом и впалыми щеками, густо заросшими начинающей седеть бородой, не спускал с него глаз, словно старался прочесть на Мишкином лице ответы на свои вопросы – и заданные, и не заданные. Ратников понимал, что Даниле сейчас труднее, чем ему: ни опыта в таких переговорах, ни привычки брать всё на себя, но вот пришлось. И деваться некуда, ибо сам обратился к соседу за помощью, когда отправил в Ратное сына и послал Медведя на переговоры.

А главное, теперь у него нет Журавля, который все эти годы был для него и спиной, и опорой, и единственным другом, и старшим товарищем, и связью с ТЕМ миром. Ещё и эту потерю придется Даниле пережить, прямо

сейчас, не позволяя собственным эмоциям взять верх. Во всяком случае, пока все непонятки с соседями не разгребли. Неудивительно, что боярин, встречавший гостей в дверях, едва поздоровавшись, первый вопрос задал о старшем товарище.

– Когда уезжали, ещё жив был. Он и велел к тебе ехать, нам и бояричу Михаилу, – хмуро доложил Валуй. – Ранен он тяжело, диво, что до утра дожил. Не знаем, довезут ли его сюда... Грым сани велел запрягать, сам за ним поедет...

Валуй помолчал и бухнул, словно отрезал:

– Не жить боярину – он сам так решил. И меч свой бояричу Лисовину велел отдать – для сына...

– Меч? – Данила сжал кулаки, пытаясь не дать волю чувствам, и только тут взглянул на Мишку.

– Ты с ним говорил?

– Да, – сотник шагнул вперед и положил руку на меч Журавля, который висел у него на поясе, – вторым, возле его собственного. – Сказал я ему о нашем договоре, и он мне поверил.

– Поверил... – Данила опустил голову, но тут же вновь вскинулся в сторону Валуй:

– За теткой Полонеей послать вели! Пусть и она с санями едет. Хоть простится...

– Да уже погнали за ней верхами в крепость. С ним их лекарь остался, – Валуй мотнул головой в сторону Мишки. – Сопливый, но вроде дело знает. А там как боги рассудят.

Он наконец задал главный вопрос, который давно крутился у него на языке:

– Что за дела тут происходят, боярин? О каком договоре речь? Почему твой сын Лисовина родней называет?

«Э, а Валуй-то давит... Не дело это. Ну-ка, Данила Мастер, не оплошай, покажи, кто в доме хозяин. Я тут тебе не помощник – сам, все сам... Только оправдываться не вздумай – тогда все, проигрыш. И плевать, что раньше не умел – ради сына ещё и не то сумеешь. Ага, вон как глазами в ответ зыркнул. Молодец, Данька, так его – ты тут боярин, а не хвост порсячий!»

Данила вскинул голову, встретил взгляд Валуй и отрезал, чеканя фразы:

– Кабы не они, не было бы у меня сына. Они его сберегли, вот он их родней и зовет.

– Не дело говоришь, Данила, – нахмурился Валуй. – Ты у кого помощи

попросил? Сбережь твоего сына сил хватало. И без чужаков обошлись бы.

– Конечно, обошлись бы, – неожиданно покладисто согласился Данила и, отвернувшись от напряженного и готового спорить Валую, окинул взглядом почти сторевшую Слободу. – Мастеров ведь сберегли, – куда-то в пространство сообщил он.

Валуй как будто с разгону налетел на стену. Боярин меж тем снова смотрел на него в упор и продолжал, но уже не напористо, а словно рассуждая сам с собой:

– А силы, да, были... Селяне по домам забились, но их понять можно: в холопство никому неохота. Олаф, как отцовская опека исчезла, за славой кинулся. Десяток! Всего лишь десяток удалось отстоять, чтоб в остроге остались и на убой не пошли. Охранная сотня – вся! – Мирона глазами жрала и каждое слово ловила, Грым меня слушать не стал – у него от Журавля приказ, а иного он и знать не хотел...

Сила без воли и ума иной раз хуже ее отсутствия. Мирон из шкуры лез, чтобы нас с соседями столкнуть – ему те силы, что не под ним ходили, только мешали. Не ты ли перед Журавлем его поддержал, когда он на Ратное наговаривал? Хорошо, что весной Гунар с Медведем отговорили брата рубить плеча, да когда он уехал, и они не удержали.

На Мирона теперь всё валить можно, но ему благодетели горло уже перерезали, а что наворочено, нам ещё разгрести и разгрести. А ты, Валуй, о том, что от сотни нурманов всего десяток остался, ярлу сам скажешь? Понятно, постесняешься...

Данилу сотрясла крупная дрожь, он сцепил зубы и прикрыл глаза, пережидая приступ. Валуй стоял, как побитый, и возражать боярину уже не пытался.

– Ты видал, как по приказу Мирона Грымовы псы рванули мастеровых резать? С кем бы я сейчас остался, если бы воры, что против запрета рыбу ловили, моего сына к чужакам не провели?! Да и то на всякий случай Мирону стукнули, дескать, там он, за болотом, в Ратном обретаётся. Кто у меня тут остался – Медведь? Так ведь и Медведевых баб и детишек Лисовины приютили, пока он тут пытался удержать, что мог, ты разве не знал? Моисей своих христиан тоже к ним повел, когда тут припекло. И голосит там, небось: спасите, люди добрые, честных христьян убивают!

– Моисей та ещё гнида, – сплюнул сквозь зубы Валуй.

– Разумеется. Он у нас сейчас главный тать, – криво усмехнулся бледный, почти белый Данила. Валуй отвел глаза. – Так скажи, Валуй, почему бы мне и... нашим детям не звать Лисовинов родней, если они, когда у нас тут все рушилось, не с войной пришли, а с помощью?

Наступила неприятная пауза. Внезапно Данила качнулся, с трудом удерживая равновесие, тяжело оперся о свою палку. Потом справился со своей слабостью и снова поднял глаза на Валую. Вздохнул, отстранил подскочившего было к нему Медведя, примирительно махнул рукой.

– Извини, Валуй... Худо мне, вот и сорвался. Только ты да Медведь теперь остались из тех, кто с Журавлем начинал... Сам понимаешь... Что у нас здесь случилось, потом объясню.

Мишка сочувственно спросил у стремительно бледнеющего, будто его в побелку окунули, боярина:

– Так плохо?

Тот пытливо всмотрелся в Мишкино лицо:

– Плохо. Младший пытается обрести голос.

Мишка еле сдержался, чтоб не дернуться, вспомнив свои неожиданные приступы.

– Держись, боярин, не время сейчас ему волю давать.

Валуй с Медведем переглянулись и во все глаза уставились на этих двоих. Они уже привыкли к тому, что многое не понимают в своих боярах. Ни что за болезнь мучит младшего, ни почему так странно иногда вел себя старший, и уж тем более не понимали, кого боярин Данила называл своим младшим. Привыкли, запомнили и приняли это как данность. Но сейчас они внезапно осознали: отрок, что стоит перед Данилой и видит его впервые, все это прекрасно представляет и понимает. Значит, он один из них. Только сейчас до Валую стало доходить, кому и для чего тот, за кем они шли всю свою жизнь, отдал свой меч.

Опытный, битый жизнью и врагами воин поднял голову и дернулся, встретившись с потемневшим, мудрым и вместе с тем насмешливым взглядом своего боярина.

– Здесь ждите, – произнес тот. – Мне с бояричем поговорить надо, – и приглашающим жестом указал Мишке на приоткрытую дверь. – Заходи, боярич Михайла Лисовин. За столом переговорим – тяжело мне долго стоять.

Когда дверь в дом за боярином и бояричем закрылась, Медведь оглянулся на остальных присутствующих: Егора с его ратниками и тремя нурманами из охраны боярина, молча, но очень внимательно наблюдавших за разговором, и Тимку со Славко, в легком обалдении замерших у калитки. Улыбнулся ободряюще мальчишкам и, кивнув Валую, первым направился со двора.

– Вырос боярин Данила. Всего за лето вырос. Сколько лет сопляком оставался, а сейчас совсем старый. Я не знаю, кто из них теперь старше, – одними губами произнес Валуй, когда они отошли достаточно далеко от остальных.

– Молчи. Нельзя о том говорить, даже себе нельзя, – покачал головой Медведь.

– Я что, себе враг? – скривился Валуй. – Скажи лучше, что теперь нурманам говорить. Там сейчас такие дела творятся... И ярлова дочка тут.

– Что? Рано же!..

– Не рано. Король ихний умер. Как Данила и предсказывал.

– Дела-а. А что с нурманами?

– А то, что возьмут они сейчас под белы ручки и боярина, и бояричей, и оторву эту рыжую, и поплывут отседа куда подальше. Ничего их тут боле не держит, а рисковать делами они не станут.

Медведь задумчиво полез в бороду.

– Когда обоз встречать?

– Дней через пять, а может, и позже. Мы их хорошо обогнали.

– Ну вот и будем встречу готовить. Не спеша, но поспешая. Ты этого Лисовина видал? Все понял?

– Поймешь тут... Сколько годов вместе, а...

– Это точно. Ну так вспомни, как Журавль всегда говорил: решаем проблемы по мере их поступления. Так что не суетимся, посмотрим, до чего эти двое договорятся...

Данила закрыл за собой дверь и кивнул в сторону широкого добротного стола, что стоял в просторной светлой горнице. Мишка огляделся: даже у него в тереме поскромнее, ну прямо в хоромы попал! Главным образом из-за больших – по здешним меркам так просто огромных! – решетчатых окон под маленькие округлые вставки из мутного зеленоватого стекла местного производства, да ещё и с двойными рамами. Что происходит на улице, через них не разглядишь, но в солнечный день они пропускают достаточно света. Каким-то чудом их не выбило при взрыве, вероятно, потому, что они выходили в сторону, противоположную взорванной школе.

Судя по всему, в этом доме и жили до побега покойный мастер Гордей с Тимкой. Очень не бедно жили. А главное, как сказали бы на тысячу лет позже – модерново. Возле русской печки, которая сама по себе уже являлась артефактом из другого времени, висел бронзовый рукомоиник, не как-нибудь наспех сляпанный, а отлитый в виде совы. Под ним на резной

деревянной тумбочке, в которой спрятано ведро, приспособлено нечто вроде раковины. И хотя хозяин дома был боярским тестем, а его внук бояричем, и многое, вроде того же рукомошника, несло на себе печать усовершенствований, сделанных человеком, знакомым с наработками далёкого будущего, для Слободы их дом чем-то уникальным не являлся. Судя по тому, что успел заметить Мишка, и остальные здешние мастера тоже не слишком бедствовали. Во всяком случае, до налета и пожара.

«Коммунизм в отдельно взятой слободе. Прав Медведь, балованные у них мастера. Привыкли к спецобслуживанию и гособеспечению на высшем уровне. Чего им не жилось-то, что они за Мироном пошли? Хотя... А что не жилось при СССР таким же, привыкшим к собственной исключительности, элитам? Ведь именно в этой среде пышным цветом расцветало недовольство «уравниловкой» и недооцененностью себя, гениальных. С каким возмущением цедили сквозь зубы про «совок» и «убожество» все эти обладатели спецтранспорта, спецдач и спецквартир, полученных от государства и ничего им не стоивших, но и не оцененных по достоинству, ибо все это казалось само собой разумеющимся.

А громче всего возмущались даже не сами обладатели этих привилегий, а члены их семей, дети и жены. Им, как наследникам, все эти блага совершенно не светили, ибо не являлись частной собственностью и прилагались к должности главы семейства. Ровно до того, пока он этой должности соответствовал. Так и тут: закрытостью и «несвободой» недовольны оказались прежде всего те, кто от этой самой «несвободы» имели больше плюсов, чем минусов... Хотя и не они одни. Как там Герасим говорил? Живем сытно, но обидно... И, похоже, чем сытнее, тем обиднее. Вот они и обиделись так, что сами это свое «сытно» разнесли к чертям собачьим.

Да и хрен бы с ними пока. Нам надо сейчас Данилу Мастера на правильную позицию ставить. В его же интересах, кстати...»

– Выпить не предлагаю – нечего, угощение все в крепости осталось. А тут, сам понимаешь, не до того... – Данила тяжело опустился на лавку и облокотился о стол. Выглядел он все ещё бледным, но похоже, приступ закончился.

– Обойдемся, – согласно кивнул Мишка. – Нам с тобой сейчас надо головы трезвыми держать. Часто твой голос подает? – участливо спросил он.

– А твой ещё нет? – поморщился Данила. – Они с возрастом тоже взрослеют и сил набираются. Сейчас уже не так сильно, я его всё-таки

прижал. Как – и сам пока не понял, и не знаю, надолго ли. Но и это уже за счастье, а то думал – все, стоптал он меня... Раньше выпивка помогала – чуть примешь, и он отключался, а теперь ещё кто кого перепьёт. Саня как-то умеет со своим справляться, хотя тоже иной раз... Особенно, когда кровь почует – тогда зверь из него прет...

«Ага, не Саня на колы сажал – его «младший» вырывался... Похоже, Данила это объяснение принял, чтобы своего Саню оправдать в своих собственных глазах. Ему так проще. Иначе как наблюдать все эти зверства единственного друга и продолжать считать его человеком? Самому Журавлю, судя по тому, что я про него понял, оправданий не требуется, он способен себя принять таким, как есть, не оправдываясь и не комплексуя.

А вас-то, сэр Майкл, в вашей нынешней ипостаси ваши знакомые ТАМ не испугались бы? Кто расстрелом командовал и из кого зверь пёр? Лис-то бешеный... А вообще надо потом будет про это подробно поговорить – у этих двоих опыт сосуществования намного богаче моего. Надо перенимать, пока не поздно, уж очень не хочется на старости лет от детей в клетке прятаться. Лисовина-то своего иной раз едва успеваю за штаны ухватить, когда он наружу прёт. Так что, ой, не суди...»

– А ты без крови хотел? Одним добрым словом без револьвера? Хотя Валуя ты лихо обломал, когда он давить попытался.

– Эриксоновский гипноз, – неожиданно по-мальчишески ухмыльнулся Данила. – Дядя научил...

«Вот теперь точно – пацан... Дядя, значит, научил? Интересно узнать, чему ещё... Ладно, не горит...

Сейчас все наши дальнейшие отношения определятся на много лет вперед. И не между двумя соседствующими боярами – это-то как раз просто, а между мной и им... Он перед собой видит пацана, хотя знает, что я старше и опытнее, но принять это вот так сразу ему не просто, как и мне все время приходится себе напоминать, что этот изможденный старик по сути мальчишка. Да и чужой я ему, и пока что непонятно, враг или друг.

...Скорее, враг. Журавль-то четко обозначил свое отношение, а Данила со всем своим эриксоновским гипнозом привык ему в рот заглядывать, к Нинее не ходи. С Саней-то он со своего здешнего детства рядом – тот его, считай, воспитал...»

– Красиво! – польстил Даниле Мишка и вздохнул. – А насчет крови... Думаешь, мне нравится? – он зло дернул щекой, придавив Данилу своим «старческим» взглядом. – Что там, что тут – никак... Испугаешься малой

крови – большой умоешься. Не может управленец себе этого позволить.

– Вот и Саня так говорил... – Данила грустно усмехнулся. – Только ведь и у него результат... Сам видел.

– Ну, не такой уж плохой, я бы сказал. Систему вы построили – дух захватывает. Правда, контроль над ней не сумели сохранить. Это одним насилием не достигается, хотя и им тоже. А когда насилие перестает срабатывать, и вместо того, чтобы искать другие инструменты, усиливать нажим, то все равно рано или поздно где-то сбой произойдет, и контроль ослабнет. Если система растёт без ограничений, катастрофы в ней пойдут сначала мелкие и не очень заметные, а потом станут нарастать лавинообразно.

Вот когда она у вас выросла, вы контроль и потеряли. Все вы правильно делали, вам только знаний не хватило. Это не в укор – каждый в своем деле мастер, всего знать и уметь нельзя, а управление – тоже наука. Большие системы совершенно иначе управляются, поэтому, как только она дорастает до определённых границ, управлять ею по-старому уже нельзя. «Верхи не могут» – помнишь? А там и низы не захотят... Вот и получили, что получилось. Бунт бессмысленный и оттого беспощадный...

– Беспощадный... – слушая Мишку, Данила тяжело оперся головой о руки и смотрел в стол перед собой, а тут вдруг поднял голову и уткнулся взглядом в его глаза. – Все-то ты расписал... Может, скажешь – почему?... Чего им не хватало?! – он мотнул головой куда-то в сторону. – За Мироном пошли... Да и Мирон... Он с Саней почти с детства... Он, Медведь, Валуи... Ещё были – все погибли... А Мирон... ПОЧЕМУ, депутат? Мастеров же никто никогда не давил, я их от крови берег...

– А может, зря берёг? Хлебнули бы небольшую дозу, тогда бы в говно за Мироном не полезли? Тем более, что и оно кровавым оказалось... Многих сегодня потеряли?

– Много... – Данила опустил голову. – Больше половины, считай. Если бы не наставник ваш да мальчишки, все бы полегли... – Он закусил губу и с силой стукнул кулаком по столу. – Но если бы и их... на колы... Помогло бы?!

– Нет. Да и не в том дело! Запугать, конечно, можно, – поморщился Мишка. – Они у вас цель потеряли. И смысл. Казнить приходится, когда структура теряет стабильность – чтобы остановить процесс. Но потом непременно надо менять структуру, тогда вот этой малой кровью и обойдешься.

Думаешь, я святой, и все у меня гладко идет? Дважды пришлось своих казнить, – признался он. – Не своими руками, но приказ я отдавал. А потом

перестраивал систему и снова ее стабилизировал. То, что казнить пришлось, как раз и есть признак нестабильности и того, что старая система сбоит. А у вас в Слободе она уже давно перестала быть стабильной... Но мастеров-то как раз не стреляли. Отсюда и потеря здравого смысла и непонимание целей.

А когда Мирон почуял, что люди цель потеряли, то стал подкладывать им свою собственную. И не только им. Думаешь, мы звери, пришли войной просто чтобы пограбить? Как же! И тут без идеологии не обошлось: нам про вас такое понарасказывали, что хоть крестовый поход объявляй. И ведь объявили бы... Да я и сам... Когда на руках номера увидел, думал, встречу – убью... лично. Я же в послевоенном Ленинграде рос. А тут... И как додумались?

– Да я Сане говорил... – вздохнул Данила и беспомощно развел руками. – И названия эти... Смотрящий там, вертухай... А он говорил, что тут никто не знает про это, а потому и ничего страшного. А татуировки... в армии на плече группу крови себе делают. Не паспорта же им выдавать, а контроль и учет нужен...

– А почему ты меня депутатом назвал? – поинтересовался Мишка, чтобы закруглить не очень приятный, а главное, уводящий их в сторону от основной темы, разговор.

– Саня так звал, – улыбнулся Данила. – Извини, если неприятно... Но ты же вроде и правда там депутатом был?

«Опять Саня... Скажи, парень, спасибо своему Сане, что он на себя всю кровь взял – сидел ты за ним, как за каменной стеной, потому и мог позволить себе игры в коммунизм с мастерами... Конечно, делали вы много, один только златоуст чего стоит. Но все равно словно в хрустальном замке. А хрусталь материал ненадёжный – от первого же камня вдребезги. И осколками чуть всех не посекло...»

– Был. И не стыжусь. Если о чем и жалею, так о том, что не смогли мы... ТАМ не смогли. Тут – смогу. Сане твоему я это уже обещал. Он мне поверил, потому и меч для сына мне передал.

«Странно, вроде и не сказал он ничего прямо, да и вообще слов по делу маловато было, но полное ощущение, что мы с ним не словами разговаривали... Магия невербального общения...»

– Никаких шансов?..

– Нет... Если сюда довезут, уже чудо. Он и сам это понимает. У нас хорошая лекарка, но внутриполостную операцию и она не сделает.

– Значит, поверил... – Данила опустил голову и замолчал, что-то обдумывая. Потом, приняв решение, поднял взгляд на Мишку и выдал:

– Медведь твои слова передал... Я Саню ждал, а теперь... Теперь, конечно, у меня не то положение, чтобы торговаться, но одно я тебе могу предложить точно: оставшихся мастеров и подмастерьев хватит, чтобы все восстановить. Но сделать это могу только я. Тут, – он постучал себя по голове, – много заложено, дядя Максим постарался. Энциклопедия целая, наверное. Что-то я не понимаю: помню все, могу формулы расписать, а не понимаю...

Но силой вы это не получите. Если помереть не получится – просто своего младшего держать перестану – и тогда всё. От него толку нету, а от меня... Что от психа узнаете? Хоть жги... А потому у меня такое условие: Слободу вы не тронете и поможете отстроить то, что сгорело. И людей моих не обидите – мстить никому не станете, даже Грыму. А за это я от имени всего Кордона и своих людей принесу присягу на верность Лисовинам. Кому там? Тебе лично или воеводе Корнею?

«Ну точно пацан! И на хрена ему Эриксон, спрашивается? Эх, повезло тебе, парень, что тут я сейчас, а не дед... Я тоже, конечно, не добрая бабушка – отработаешь. За все отработаешь. Вот только по-твоему уже не получится. Слободу тебе твою восстановить и не мешать дальше в своем мире жить?»

А сын твой? Его тоже в оранжерею прикажешь посадить? Не, это вряд ли. Извини, но никаких хрустальных замков – у меня Сучок только каменные строить умеет. Зато их хрен кто вдребезги разобьёт!»

– И это все? – Мишка надеялся, что Данила не услышит в вопросе насмешки. То ли из-за ответственности момента, то ли из-за того, что приходилось изо всех сил удерживать себя в ясном уме, младшему боярину Журавлеву было не до того, чтобы разбираться в интонациях собеседника. Он напряженно всматривался в Мишку, ожидая ответа, а не услышав того, что хотел, явственно занервничал, хотя и постарался – без особого успеха – это скрыть. На впалых щеках заиграли желваки, а руки непроизвольно сжались в кулаки.

– Вначале – это. А потом и об остальном договариваться будем! – выпалил он.

– Значит, не все, – констатировал Мишка и одобрительно кивнул. – Ну и слава богу, а то я уж испугался, что тебе ничего больше не надо... – и пояснил в ответ на недоуменный взгляд, – не доверяю я людям, которые стаю журавлей в своем небе готовы променять на синицу в чужих руках. Да погоди ты! – остановил он вскинувшегося Данилу. – Восстановим мы Слободу, восстановим. Средства найдем, и людей, если надо, я пришлю. Но вначале давай решим, во что мы с тобой играть будем...

– Играть?.. – Данила растерянно вскинул брови и мгновенно стал похож на обиженного и рассерженного пацана. – Думаешь, я с тобой играю?..

– Конечно. Как и я с тобой.

Мишка уверенно кивнул и поинтересовался:

– Ты про теорию игр что-нибудь знаешь? Сам говоришь, у тебя в голове набор знаний на все случаи жизни? Или там только по технике?

– Ещё исторические факты. Много, – машинально ответил Данила. – Только они не все годятся. Общее направление исторического потока то же самое, а вот по конкретным персоналиям могут быть «поправки на ветер». И чем ближе они расположены к центру переноса и дальше по времени от начала активации портала, тем сильнее отклонения.

– К центру переноса? – вопрос Мишку заинтересовал. – Мне твой дядя перед отправкой ничего такого не рассказывал... Впрочем, у нас времени и на главное-то не хватало. Потом непременно поговорим, а пока... Это что – Погорынье у нас центр? То-то я гляжу, кучно мы все тут легли...

– Ну да, центр... получилось так, – Данила развел руками. – Раскопки на этой территории велись, и захоронения все рядом. Потому и время жизни, и ареалы обитания пересекаются. То, что мы с Саней из одного рода – тоже не случайность. Дядя для меня как раз и искал кого-то из его родичей...

– Стоп! – вот тут уже Мишка заинтересовался не на шутку. – Что значит, искал? Мне он, помнится, втирал про уникальное совпадение взаимосвязанных резонансных относительно друг друга кластеров у вселенца и хроноаборигена, а тут, выходит, он эти информационные матрицы тасует, как шулер карты? Хотя... – Мишка усмехнулся, – я тогда, помнится, проявил вполне обоснованное недоверие и не поддался на его первый заход, а убедить ему меня надо было быстро, потому и сочинил на ходу теорию об исключительном совпадении матриц.

Вот тебе и пример: дядюшка твой заставил меня ввязаться в его игру, но понял, что в карты, а тем более в кости, я могу ещё и отказаться. А поскольку времени на уговоры у него не было, то убедил, что играем в шахматы. Ну, или хотя бы в крестики-нолики.

– Крестики-нолики? – Данила улыбнулся. – Я бы в покер выбрал...

– Ага. Ты его сейчас и выбрал, – серьезно кивнул Мишка. – Вернее, попытался выбрать. Только вот в чем разница: при позиционной игре, которой являются шахматы и, кстати, крестики-нолики тоже, несмотря на всю их простоту, открыта не только твоя диспозиция, но и моя. В покере же, сам понимаешь... А в лотерее вообще – куда вывезет. Этим три вида

игры и отличаются.

Шахматы и крестики-нолики – ты видишь всё поле, видишь мои ходы, имеешь возможность обдумывать свои шаги и просчитывать варианты развития. Все сам и все по-честному. Выигрыш ты получаешь только за счет интеллекта.

Теперь карты, неважно, благородный покер или вульгарный подкидной. Диспозиция там неизвестна в принципе. Большую часть выигрыша на себя берет случай, еще часть – знание обстановки, но интеллект еще работает. Никто не знает, какие у кого карты на руках и какие козыри имеются. «Знал бы прикуп – жил бы в Сочи». Так?

Данька только сосредоточенно кивнул. Слушал он Мишку внимательно и, кажется, что-то для себя решал. Ратников продолжил.

– Ну и теперь третий вид игры – лотерея. Это кости. Если в первых двух игрок может выбирать ход, то в этой от него ничего не зависит, он может принять только одно решение – или продолжать игру, или выйти. Это игра на удачу.

То, что я сейчас здесь – ваш выигрыш в лотерею. Не просто выигрыш, а фактически джекпот. Ваш с Саней и ваших детей. Рассказать или сам догадаешься, что со Слободой, мастерами, а главное, с Тимкой и Юркой было бы, если бы сюда не я, а князя первыми успели?

Мишка посмотрел на опустившего голову и кусающего губы Данилу и повторил свой вопрос, уже не сомневаясь в ответе:

– Так во что играть будем, Данила-мастер?

* * *

Михайла Лисовин взгляделся во всадников, появившихся на том берегу реки, и подмигнул Тимке, напряженно замершему в седле по правую руку от него.

– Ну, боярич Тимофей Данилович, считай, сейчас твой первый выход на публику состоится. Сотня прибыла. Готов?

Тимка растерянно кивнул, потом сглотнул, но все-таки собрался и, выпрямившись в седле, отрапортовал вполне бодро:

– Готов, боярич Михаил! А что такое публика?

«Ещё один филолог на мою голову! Нечего языком трепать, сэр, учтите на будущее... Ну ничего, зато пацан со своей исследовательской реакцией очень вовремя от переживаний отвлекся и сразу в себя пришел».

– Отец не говорил? – подмигнул Мишка мальчишке. – Ты потом

напомни, объясню. А сейчас пока надо гостей встречать.

– Есть позже напомнить, а сейчас гостей встречать! – коротко улыбнулся Тимка и повернулся к Славко, сжимавшему в руке древко с двумя полотнищами. Вверху черное с красным Лисом, несущим в лапах сияющий крест, – сотник прихватил его для представительства, когда собирался на переговоры, а внизу черное же с вышитым серебром Журавлем, душившим змею, – то, что нашлось в закромах Журавлева замка. – Выше держи! Чтобы разглядели...

– Рассмотрят, не бойсь. Там Глеб – этот не прошлёпает, – усмехнулся Егор, изображавший вместе с Медведем, Валуем, Грымом и десятником нурманов Сваном совет старейшин при бояриче, знаменосце и их личной «гвардии» – шести «медвежатах» и Гаврюхе с Куприяном.

Чуть позади замерло Журавлёво войско, почти в полном составе прибывшее для встречи дорогих соседей. Правда, сотня и возглавлявший ее Лука Говорун о своем статусе ещё не знали, а потому передовой разъезд, вышедший к реке и первым увидавший растянутую широким фронтом на холме перед Отишием охранную сотню, имел полное право не сразу понять, что выстроилась вся эта армия в качестве почётного караула. Тем более, что узнать своих в общем строю с такого расстояния было не слишком просто.

Егор оказался прав: ратники разглядели знамя и озадаченно замерли на месте. Мишка послал своего коня на полшага вперед и приподнялся в стременах, надеясь, что его-то точно узнают. Это помогло: Глеб что-то коротко приказал остальным и направил своего коня к хорошо укатанному зимнику через реку – сгоревший при прошлом их визите в эти края мост так никто и не восстановил, и его останки уныло чернели из-под снега и льда.

– Михайла, позволь? – Егор чему-то довольно усмехался в усы. – Арсения пошлю – пусть успокоит, а то мало ли...

– Давай, – кивнул Мишка.

Егор молча обернулся к ратникам своего десятка, молча махнул рукой Арсению, и тот неспешно двинул коня навстречу Глебу.

Переговоры не затянулись. Ратники обменялись короткими фразами, и Глеб направился к своим, а Арсений вернулся с не менее довольной физиономией, чем у Егора, и коротко доложил:

– Сейчас Лука подъедет. Не соврал Плюха – вся сотня тут...

Пока ждали появления на том берегу основных сил во главе с рыжим полусотником, Мишка посматривал на Тимку. Мальчишка заметно

волновался: ощущать себя бояричем, а тем более публично выступать в таком качестве он не привык, хотя очень старался «соответствовать». Мишка успокаивающе положил руку ему на плечо и ободряюще улыбнулся.

– Трясёт? Ты не смущайся – это у всех так с непривычки.

– Есть немного, – с легким вздохом признался Тимофей и пообещал: – Но я справлюсь! Ты не сомневайся...

– А я и не сомневаюсь. Ты привык свою работу на совесть делать, а это и есть работа. Боярская.

Увидев удивлённо открытые глаза Тимки и невольно подслушавшего их Медвежонка, Ратников продолжил объяснение:

– У всех своё дело. У мастеров – творить, у ратников – воевать, а у боярича... Вот сейчас мы точно так же Слободу защищаем, как и вы, когда Мирон хотел ее спалить. Ты же там ни разу не выстрелил, но один только твой вид и присутствие спасли Слободу. Вот это и есть дело для боярича.

Тимка ненадолго замолк, обдумывая сказанное, а потом, просветлев, уверенно кивнул:

– Ага!

– Михайла! Едут... – окликнул Мишку Егор.

Сотня двигалась неспешной рысью в полном вооружении. Лука торжественно выступал во главе, бок о бок с ним возвышался в седле незнакомый всадник. Мишка пригляделся и, к своему немалому удивлению, заметил черную рясу священника, видневшуюся из-под кольчуги.

«Батюшки-светы, три в бога душу мать! Отец капеллан собственной персоной! Ну, мужик дает! Интересно, как ему удалось убедить Говоруна в необходимости своего присутствия? Впрочем, всё в кассу – он нам тут вполне пригодится. Всё равно собирался за ним посылать».

Тем временем Лука, оценив взглядом диспозицию на противоположном берегу, обернулся, махнул рукой и отдал какой-то приказ; сотня остановилась, к полусотнику и священнику подъехали десятники. Дальше, к переправе через реку, двинулись уже только они. Мишка приподнялся на стременах, оглядел свою «армию» и, демонстративно повторив взмах руки Говоруна, отдал приказ, постаравшись, чтобы голос прозвучал достаточно громко и долетел до того берега хотя бы отголоском:

– Отроки, Егор, Медведь, Валуй, Сван, Грым с нами. С полусотником Лукой и десятниками ратнинской сотни говорить будем. Держать строй! –

И послал своего коня вперед. Тимка и Славко последовали за ним, а чуть позади, в точности повторив каре из конников, окруживших Луку и отца Меркурия, двинулись остальные.

Мишка рассчитал скорость движения так, чтобы встретиться с ратнинцами на середине реки. Две группы всадников сошлись на льду и замерли друг против друга. В первый момент Мишка заволновался за здоровье рыжего полусотника: судя по его лицу, Лука был как никогда близок к апоплексическому удару. Ну, или покраснел от усилия, которое прилагал, чтобы собственноручно не придушить молодого сотника. Рыжие борода и усы перестали выделяться и побледнели на фоне багрового цвета, который приобрело лицо Луки. Мишке на миг стало боязно проделывать следующий, запланированный ещё перед выездом, номер программы: вдруг и правда Луку приложит? И так уже от щёк можно лучину зажигать, а глаза едва из орбит не вываливаются. Впрочем, и священник рядом с ним, и десятники выглядели ненамного лучше, разве что мордами не семафорили.

Но сейчас надо было использовать полученное преимущество и не дать Луке заговорить первым: бог его знает, что он в расстроенных чувствах может выдать. Потому Мишка, не мучаясь больше сомнениями, во весь голос обратился к Тимке:

– Не должно нам, боярич, с гостями, да ещё со старшими с седла разговаривать. Тем более что и отец Меркурий здесь! – и величественно махнул рукой.

По его знаку с седел первыми соскочили Медведь и Сван. Подошли к бояричам и, придерживав стремяна, уважительно помогли спуститься на землю. Лука, словно замороженный, следил даже не за Мишкой, а за тем, как седоусый нурман с лицом, словно высеченным из камня, почтительно склонившись перед младшим бояричем, подает руку Тимке – немного бледному, в отличие от полусотника, но в целом вполне справляющемуся с торжественным моментом.

Воинственный монах, замерший рядом с Лукой, хоть и сохранил естественный цвет лица, явно боролся с желанием зажмуриться и, тряхнув головой, проверить, не обманывают ли его глаза, или на них на всех подействовал странный морок. Впрочем, закалка бывалого воина не подвела – святой отец очухался раньше Луки. И обратился не к Мишке и компании, а к Луке и десятникам.

– А мы что в седлах, декархи? Тем более мне не пристало в силу моего сана, – пророкотал он и первым стал спускаться на землю. Смерил взглядом замешкавшихся десятников и Луку и бодро спросил, так, что Мишка едва удержался, чтобы не закашляться:

– Ну, что сидим? Кого ждем?

Луке, похоже, как раз этого и не хватало, чтобы выйти из оцепенения. Он крикнул, кашлянул и, махнув остальным, тоже спешился.

– Здрав будь, боярин Лука, и ты, отец Меркурий, и вы, десятники! – весело провозгласил Мишка, дождавшись, пока они утвердятся на ногах, и подчеркнув голосом обращение «боярин». – Вовремя вы поспели. Боярин Журавль тяжело ранен, и неизвестно, довезут ли его, боярин Данила недужен и сам лично вас встретить не мог – сына своего послал, боярича Тимофея.

Мишка положил руку на плечо Тимки и слегка подтолкнул его вперед.

– Он теперь тут и за себя, и за отца, и за брата. Но поскольку молод он, то меня как родича просил при нем быть. Говорить тебе с ним следует.

Лука обвел все ещё мутным взором застывшую на пригорке за спинами «послов» Журавлёву сотню, замер на миг на физиономии Егора, невозмутимо стоявшего рядом с Медведем, оглядел выжидательно взиравшего на него Тимку, пожевал губами и спросил:

– Боярич Тимофей, стало быть? А это, – он обвел взмахом руки окрестности, – дружина твоя?

– Ага, – бесхитростно кивнул Тимка и, вспомнив, наконец, заученную по дороге на «стрелку» речь, провозгласил почти нараспев: – По поручению моего отца, боярина Данилы, прибыл я встретить тебя, Лука Спиридоныч из рода Притечей, и сотню ратнинскую с миром. Войны промеж нас отныне быть не может, так как мы с боярами Лисовинами породнились через святое крещение. Власть воеводы Корнея над землями Погорынскими признаем, в чём мой отец, и я, и брат мой Юрий – сын боярина Журавля, готовы, не мешкая, принести присягу бояричу Лисовину.

Краснота с Луки стала постепенно сползать, подозрительно переходя в свою противоположность. Боярин насупился и переспросил:

– Присягу Лисовинам? Так боярина Корнея сейчас нет...

Тимка в последний момент удержался, чтобы не пожать плечами, с недоумением взглянул на Луку, словно удивляясь, что тот не понимает очевидного, и обстоятельно пояснил:

– Ну так бояричу Михайле же, Лука Спиридоныч. Он дядь... боярину Журавлю слово дал, что опеку над нами примет.

Тимка немного подумал и счел нужным уточнить:

– А дядькой при нас наставник Макар, как мой крёстный...

«А вот это если не мат, то шах ферзем конкретный, причём по голове... Во как птицу Говоруна приложило – цвет меняет, что тот Индикатор. Хоть и отличается редким умом и сообразительностью, но

тут, похоже, «держаться нету больше сил». Ну да, куда там космическим пиратам против Тимки Кузнечика! Он же сейчас барона всех светлых мечт тупым ножом без наркоза лишает – теперь Луке до Лисовинов и в прыжке не дотянуться. Деда в будущем переиграть он не мог не рассчитывать. По-честному, конечно, как сам это понимает, но переиграть. И уж, как минимум, получить полное право диктовать Корнею свои условия.

Поход сюда для него стал просто подарком судьбы: если бы он вытащил из неприятностей «обделавшегося сопляка», то есть меня, да приподнялся бы за счет награбленного по дороге, то это была бы его коронная партия в их турнире с Корнеем. Когда на деда давить начали, чтобы он мальчишек казнил, Лука в сторонке стоял, нейтралитет изображал. Ну вот и получил ответочку. Малец, случайно подвернувшийся под ноги, которого он и за фишку-то не считал, неожиданно оказался другой, которая удерживает на том берегу реки целую армию, а Луке осталось разве что утереться.

И самое паршивое для Говоруна, что сила эта под другим сопляком будет ходить, который, в отличие от воеводы, ничем ему, Луке, не обязан. И давить на него нечем. А теперь и просто опасно. Вот барона и бросает во все цвета радуги. Во! Опять красным стал наливаться. И ведь сам, своими руками это счастье устроил. Не принимают в Ратном чужаков – потому Тимку в крепость и спихнули... А может, и не только потому, не зря же все переговоры с Медведем Аристарх вёл в тайне. Но даже он вряд ли такое ожидал».

А Лука и правда вновь налился кровью так, что, казалось, она сейчас у него носом пойдёт, и уперся тёмным взглядом в Тимкину переносицу.

– Тогда ответь мне, боярич Тимофей... Данилович. Сам ты святое крещение принял в крепости. С Лисовинами через него породнился – это хорошо и очень даже похвально. Но почто из твоих земель к нам христиане бегут и защиты просят? Почему волхвы власть имеют, а честным христианам приходится, бросив дома и нажитое, идти в чужие края? К нам вот наемдни от вас прибежал честной муж, в ноги кинулся, сказал, что волхвы бесчинствуют, дружину боярскую послали Михайлу нашего и отроков его, что шли к вам с миром, перебить, что мастеров-христиан в Слободе жгут и режут немилосердно?..

«Ага, логично. Лука ухватился за единственно доступный для него ход и пытается отыграть хоть что-то. Он сейчас только и может хоть как-то умалить наш выигрыш, указав на непотребство в землях Журавля... А ведь и тут барон птицу обломинго словит по всей физиономии! Тимка-то

ни в одном глазу. Готовили его и хорошо готовили – такое умение само собой или от сырости не заводится. Вот к этому и готовили, похоже – против таких тяжелых фигур стойку держать!»

И действительно, мальчишка словно не замечал, что Говорун во время своей речи почти навис над ним. Невозмутимо смотрел ясными глазами на распавшегося все больше и больше полусотника и, воспользовавшись паузой, которую Лука сделал после своего последнего вопроса, хлопнув подевичьи ресницами, с детской непосредственностью небрежно махнул рукой:

– Так обошлось же, дядька Лука! Мирона и всех его воев перебили Михайла с отроками, а Слободу мы вон, с ребятами и дядькой Макаром, отстояли. А потом мой па... отец с нурманами поспел и порядок навел. Ну а волхвов... Волхвов в их храме обложили. Дядьки Егор с Медведем сказали, никуда они оттуда не денутся, вернемся – выковырнут.

«А вот это уже детский мат королевской пешкой! Спекся барон!»

Все-таки Говорун не зря стал полусотником при Корнее. В руках он себя умел держать, не отнимешь, но всему есть предел. Выслушав Тимку, почти не изменившись в лице, Лука тяжело вздохнул, замер на месте, словно обдумывая что-то, и вдруг, воздев руки к небу, провозгласил:

– Господи боже, да скажи мне, во имя всего святого, ЧТО ТУТ ТВОРИТСЯ?!

«Ну, заголосил... Чего-чего... Писюнами мы тут меряемся, вот чего. Только вслух этого лучше не говорить – засмеют тебя...»

И синхронно с Мишкиными мыслями, отвечая на обращенный к небу вопрос Луки, прозвучал невозмутимый голос отца Меркурия, логично посчитавшего себя вправе растолковать полусотнику мнение своего патрона:

– Да ничего особого. В гости нас приглашают, архонт!

«А отец капеллан все правильно понял и сейчас просто зафиксировал победу. Поздравляю вас, сэр, – партия!»

Примечания

1

Тертуллиан.

Зюзя – зимнее божество у славян. Появлялся в облике старичка в добротной одежде, но без шапки и босиком. Одному из соавторов рассказывали про него в Полоцком музее истории ручного ткачества.

Для письма бересту специально подготавливали: варили в воде, делавшей кору эластичнее, расслаивали, убирая наиболее грубые слои. Подготовленный для письма лист бересты чаще всего обрезался со всех сторон и имел аккуратные прямые углы.

Основой для этой импровизации послужило стихотворение Н. Заболоцкого «Не позволяй душе лениться».

5

В смысле – как можно скорее.

Малака – греческое ругательство. В зависимости от контекста может использоваться в широком диапазоне от ругательства средней тяжести до восхищённого возгласа. Ближайший русский аналог – «твою мать!».